

МАГДАЛЕНА ГРУПА-ДОЛИНЬСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ
РУССКОГО ГОВОРА
СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

ФРАЗЕОЛОГИЯ
РУССКОГО ГОВОРА
СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

Prace Slawistyczne. Slavica
[Monographs in Slavic Studies. Slavica]

156

Redaktor Naczelna / Editor-in-Chief

Dr hab. Mariola Jakubowicz, prof. inst.,
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, Polska
[Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland]

Rada Naukowa / Editorial Board

- Д-р ф.н., проф. Тетяна О. Черниш, Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Київ, Україна [D-r f.n., prof. Tetiana O. Chernysh, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine]
- Dr hab. Rafał Górski, prof. inst., Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk; Uniwersytet Jagielloński, Kraków, Polska [Institute of Polish Language, Polish Academy of Sciences; Jagiellonian University, Cracow, Poland]
- Dr hab. Aleksandra Janowska, prof. ucz., Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice, Polska [University of Silesia in Katowice, Katowice, Poland]
- Prof. Igors Koškins, Latvijas Universitāte, Rīga, Latvija [University of Latvia, Riga, Latvia]
- Wur. prof. dr. / apl. Prof. Dr. Thomas Menzel, Serbski Institut / Sorbisches Institut, Bautzen / Budyšin, Deutschland [Sorbian Institute, Bautzen, Germany]

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk

Магдалена Група-Долинская

**ФРАЗЕОЛОГИЯ
РУССКОГО ГОВОРА
СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ**

Warszawa 2024

Recenzje wydawnicze [Editorial reviews]

Dr hab. Halina Maria Chodurska, prof. emeryta
Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, Kraków, Polska
[University of the National Education Commission, Kraków, Poland]

Prof. dr hab. Ewa Komorowska
Uniwersytet Szczeciński, Szczecin, Polska
[University of Szczecin, Szczecin, Poland]

Publikacja powstała w ramach realizacji projektu pt. *Zasób frazeologiczny gwary staroobrzędowców w Polsce*, sfinansowanego przez Narodowe Centrum Nauki na podstawie decyzji DEC-2018/29/N/HS2/01903.

[The work was created as part of the project entitled *The Phraseological Stock of the Old Believers' Dialect in Poland*, financed by the National Science Centre, Poland, pursuant to Decision DEC-2018/29/N/HS2/01903].

Redakcja i korekta [Editing and proofreading]
Julia Gurskaja

Skład [Typesetting]
Nadia Ivanets

© Copyright by Magdalena Grupa-Dolińska, 2024

This is an Open Access book distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits redistribution, commercial and noncommercial, provided that the book is properly cited.

e-ISBN: 978-83-66369-78-8
ISBN: 978-83-66369-75-7
ISSN: 0208-4058 (Prace Slawistyczne. Slavica)
DOI: <https://doi.org/10.11649/978-83-66369-78-8>

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk
[Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences]
ul. Jaracza 1, 00-378 Warszawa, tel. +48 22 827 17 41,
wydawnictwo@ispan.edu.pl, www.ispan.waw.pl

Содержание

Предисловие	9
Глава I. СТАРООБРЯДЦЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ	23
1.1. История возникновения старообрядчества.	23
1.2. Судьба старообрядцев на польских землях.	28
1.3. Культура старообрядцев в польском окружении	32
1.4. Размещение и численность старообрядцев в Польше	36
Глава II. Языковая ситуация старообрядцев в Польше	39
2.1. Основные черты говора старообрядцев в Польше и его связь с псковскими говорами	43
2.1.1. Общие черты русского говора, белорусского языка и его диалектов	44
2.2. Актуальное состояние говора старообрядцев.	45
2.2.1. Теория языковых контактов	45
2.2.1.1. Билингвизм.	47
2.2.1.2. Диглоссия	49
2.2.1.3. Престиж языков	50
2.2.1.4. Первичность и вторичность языка.	52
2.2.1.5. Языковая ситуация старообрядцев сувалкско-августовского региона	53
2.2.1.6. Языковая ситуация старообрядцев мазурского региона	54
2.2.2. Островной характер русского говора в польском окружении	56
2.2.3. Влияние польского языка на русский говор старообрядцев в Польше.	59
Глава III. Эволюция исследований в области фразеологии.	61
3.1. Возникновение фразеологии как научной дисциплины	63
3.2. Славянская фразеология	65
3.2.1. Славянская фразеология в сопоставительном аспекте: состояние исследований	67

3.2.2. Понятие эквивалентности во фразеологии	69
3.3. Диалектная фразеология	73
3.4. Вокруг дефиниции фразеологии	77
Глава IV. ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ГОВОРА СТАРООБРЯДЦЕВ	
Польша: основные замечания	87
4.1. Специфика языкового материала	87
4.2. Методы сбора и анализа языкового материала	88
4.3. Сведения об информантах	91
4.4. Общая характеристика собранного диалектного фразеологического материала	93
4.4.1. Вариантность	93
4.4.1.1. Вариантность фразеологии в говоре старообрядцев в Польше	96
4.4.1.2. Параллельное функционирование русских форм (диалектных и литературных), проявляющих влияние польского языка	99
4.4.2. Искажение форм фразеологических единиц	102
4.4.3. Примеры фразеологизмов неясного происхождения	103
Глава V. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОСТАВЕ ГОВОРА СТАРООБРЯДЦЕВ ПОЛЬШИ.	107
5.1. Семантика фразеологизмов русского происхождения	107
5.1.1. Семантический анализ фразеологических единиц русского происхождения: предварительные замечания	107
5.1.2. Фразеология русского происхождения в говоре старообрядцев в Польше: тематическая квалификация	110
5.1.2.1. Критерии квалификации фразеологических единиц русского происхождения	111
5.1.2.2. Фразеология русского происхождения в тематическом порядке	112
5.1.3. Совместные ресурсы общенародной русской и псковской фразеологии	141
5.1.4. Дифференциальная фразеология	161
5.1.4.1. Дифференциальная фразеология с эквивалентами в словарях	162
5.1.4.2. Дифференциальная фразеология без эквивалентов в словарях	170
5.1.5. Итоги	175

5.2. Различия между словарными формами фразеологизмов и формами из говора старообрядцев в Польше	182
5.2.1. Семантические различия	183
5.2.2. Лексические различия	184
5.2.3. Морфологические различия	189
5.2.4. Единицы, проявляющие больше, чем один тип различий	192
5.3. Итоги	194
 Глава VI. Иноязычные элементы во фразеологии говора старообрядцев в Польше	 197
6.1. Влияние польского языка на фразеологию русского говора старообрядцев в Польше	197
6.1.1. Факторы, повлиявшие на наличие и интенсивность воздействия польского языка в области фразеологии говора старообрядцев	197
6.1.2. Состояние исследований о влиянии польского языка на говор старообрядцев в области фразеологии	200
6.1.3. Фразеологические кальки, полукальки и гибриды: методологические замечания	201
6.1.3.1. Фразеологические кальки	205
6.1.3.2. Фразеологические полукальки	206
6.1.3.3. Фразеологические гибриды	210
6.1.4. Системность и окказиональность в контексте влияния польского языка на фразеологию русского говора	212
6.1.5. Некоторые сведения о механизмах калькирования польской фразеологии	216
6.1.6. Синтаксические аспекты влияния польского языка на фразеологию говора старообрядцев	220
6.1.7. Переключение кодов	221
6.1.8. Влияние польских диалектных элементов на фразеологию русского говора	228
6.2. Белорусские языковые элементы во фразеологии русского говора старообрядцев	230
6.2.1. Факторы, обуславливающие наличие элементов белорусского языка в говоре старообрядцев	231
6.2.2. Белорусские элементы, зафиксированные во фразеологии говора старообрядцев	233
6.2.3. Общий фонд польской и белорусской фразеологии в говоре старообрядцев	235

6.3. Элементы немецкого происхождения во фразеологии говора старообрядцев	238
6.3.1. Факторы, обуславливающие наличие элементов немецкого языка в говоре старообрядцев.	238
6.3.2. Влияние немецкого языка на фразеологию говора старообрядцев.	240
6.4. Элементы литовского происхождения.	241
6.5. Интернациональные единицы в составе фразеологии говора старообрядцев в Польше.	242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	247
Приложение 1	251
Приложение 2	257
Приложение 3	265
Список сокращений	268
Литература	272
Bibliography (Transliteration)	291
O autorce. Abstrakt	310
About the Author. Abstract	311
Об авторе. Резюме.	312

Предисловие

Старообрядцы – это этноконфессиональная группа, возникшая вследствие литургической и обрядовой реформы патриарха Никона во второй половине XVII века. Строгие репрессии со стороны церковной и светской властей привели к началу процесса поэтапной массовой миграции старообрядцев, целью которой оказались многие страны мира. На территории Речи Посполитой старообрядцы появились уже во время первой волны миграции, а на Сувальщине – в начале XVIII века. В 30-х годах XIX века часть из них переселилась в Мазурию.

Из истории исследований старообрядчества

Тематика старообрядчества в Польше вызывает постоянный интерес, начиная с 50-х годов XX века, когда первые польские исследователи отметили необходимость комплексного описания этой общины. В результате проведенных ими полевых исследований, во время которых удалось зафиксировать ценный лингвокультурный материал, были опубликованы такие фундаментальные работы, как, в частности, монография Э. Иваньца (Iwaniec, 1977) об истории и культуре старообрядцев. Очередной для исследований старообрядчества в Польше стала монография И. Грек-Пабис (Grek-Pabisowa, 1968) – первая работа, посвященная структурной (системной) характеристике говора старообрядцев в Польше. В исследовании содержатся сведения о характерных чертах обсуждаемого говора и на этой основе определяется языковая родина старообрядцев, поселившихся в Польше. Заслуживают внимания также две монографии И. Марыняк, в которых описывается функционирование причастий (Maryniakowa, 1976) и синтаксических функций инфинитива (Maryniakowa, 1982). Не менее важными и переломными работами оказались монография, посвященная словарному запасу обсуждаемого говора (Grek-Pabisowa, 1983), а также первый (и до сих пор единственный) словарь говора старообрядцев в Польше, под редакцией И. Грек-Пабис и И. Марыняк (Grek-Pabisowa & Maryniakowa, 1980). В 90-х годах были разработаны вопросы, связанные с молитвенными книгами (Jaroszewicz-Pierśławcew, 1995) и многоязычием старообрядцев в социолингвистическом аспекте (Zielińska, 1996). В дополнение

к монографиям И. Грек-Пабис, И. Марыняк и А. Зелинской, были опубликованы многочисленные научные статьи в области языка и культуры староверов¹. С момента первых комплексных исследований изменились не только социокультурные условия, но и языковая ситуация старообрядцев. Со временем возникла потребность в повторном исследовании отдельных вопросов, на этот раз с другой точки зрения. Инициатива его осуществления была предпринята исследователями из Университета Николая Коперника в Торуне под руководством проф. С. Гжибовского. Благодаря усилиям торуньского научного коллектива были проведены исследования, документирующие уникальный языковой материал, а также описывающие новые явления, появляющиеся и развивающиеся в русском говоре старообрядцев под влиянием польской культурно-языковой среды. Таким образом, торуньский исследовательский коллектив разработал почти все сферы языка: фонетику, морфологию, лексику и синтаксис, а также произошедшие в них под влиянием польского языка изменения (Гжибовский, 2011, сс. 45–59), проанализировал лексический состав русского говора староверов Сувальщины (Paśko-Koneczniak, 2011b), социологические и психологические вопросы функционирования билингвизма старообрядцев в сувалкско-августовском регионе Польши (Głuszkowski, 2011b), антропонимическую систему в старообрядческом говоре (Ziółkowska-Mówka, 2018) и многие другие аспекты изучаемого говора (см. Гжибовски, 2010, сс. 67–76; Głuszkowski, 2010b, с. 157–168; Paśko, 2008, сс. 431–438; Paśko-Koneczniak, 2014, сс. 207–218). Неизученной областью языка староверов оставалась фразеология², что послужило главным мотивом для создания настоящей монографии. Риск постепенного исчезновения говора старообрядцев Польши, а также отсутствие комплексного описания фразеологического материала определяют актуальность и необходимость настоящего исследования.

Языковая ситуация старообрядцев

На языковую ситуацию старообрядцев в Польше, вероятно, больше всего повлияли события, с которыми им пришлось сталкиваться на протяжении столетий. В то время, когда старообрядцы покинули свою языковую родину, то есть территорию вокруг Новгорода, Пскова и Великих Лук, они использовали

¹ Перечислить все работы данного времени не представляется возможным. Полный список литературы на тему старообрядчества в Польше, включающий работы всех возможных направлений исследований (опубликованных до 2016 года), а также критический комментарий автора можно найти в монографии С. Пастушевского (Pastuszewski, 2016).

² Дефиниция *фразеологизма* вместе с обоснованием выбора приводится в разделе *Вокруг дефиниции фразеологии*.

говор, относящийся к западному типу средневеликорусских говоров. Уже тогда, благодаря близкому соседству и интенсивным общественно-политическим отношениям (во второй половине XVII века польский язык использовался, в частности, русским дворянством при царском дворе, что способствовало процессу заимствования), в их говоре функционировали полонизмы и белорусизмы³. Миграции через белорусские территории дополнительно обогатили русский говор старообрядцев белорусскими и, опосредованно, польскими элементами. Оказавшись на польских землях, старообрядцы первоначально образовали несколько компактных поселений. Общины из Сувальщины и Августовщины могли поддерживать контакты со своими единоверцами в Вильнюсской и Гродненской областях до конца Второй мировой войны. Потом польскую и литовскую часть этого ареала разделила новая сдвинутая на юго-запад граница, а диалект старообрядческой общины в Польше стал полностью островным (т.е. потерял территориальную связь не только с языковой родиной, но и с центрами старообрядческих поселений в прибалтийских ССР и Беларуси). Принудительные переселения и депортации во время обеих мировых войн также не прошли бесследно для старообрядцев. Все перечисленные выше факторы обуславливают сегодняшнюю специфическую языковую ситуацию старообрядцев в Польше. Часть старообрядческой общины, проживающая в сувалкско-августовском регионе, двуязычная (они пользуются русским говором и польским языком), в то время как представители мазурского региона – трехязычные (в данном регионе, наряду с русским говором и польским языком, функционирует немецкий язык), хотя степень знания отдельных языков варьируется в зависимости от поколения. Сложная судьба старообрядцев на пути к польской земле и уже после ее заселения отразилась в их языке, насыщая его иноязычными элементами. Сильнее всех на русский говор повлиял польский язык, так как уже более двух веков старообрядцы живут в польской культурно-языковой среде, и до сих пор существует (с разной интенсивностью на протяжении многих лет) постоянный языковой контакт между их говором и польским языком. Другие иноязычные элементы в говоре старообрядцев, заимствованные из белорусского, немецкого и литовского языков, имеют исторический характер, так как в настоящее время эти языки не воздействуют на их говор (см. Grek-Pabisowa, 1983; Jorroch, 2015; Paško-Koneczniak, 2011b).

³ По отношению к белорусизмам мы, скорее всего, имеем дело не с заимствованиями, а с общими языковыми элементами, наличие которых связано с переходным характером диалектов описываемой территории.

Цель монографии и методологические замечания

Цель данной монографии – представить и проанализировать разноязычный фразеологический материал, зафиксированный в речи двуязычных и трехязычных старообрядцев, проживающих в Польше. Основной задачей является установление возможного происхождения отдельных фразеологических единиц (далее ФЕ), т.е. определение, из какого языка вероятнее всего эти единицы (или их отдельные элементы) были заимствованы и какими путями они проникли в старообрядческий говор. Происхождение ФЕ устанавливалось на основе фразеологических словарей⁴, фиксирующих как единицы литературной разновидности языков (русского, польского, белорусского, немецкого), так и диалектной речи, корпусных данных, Интернет-источников, а также анализа социолингвистических данных – языковых биографий информантов.

В рамках проведенного исследования мы пытались найти ответы на следующие исследовательские вопросы: 1) используются ли фразеологические единицы, функционирующие в говоре старообрядцев Польши, в значении, зафиксированном в словарях?; 2) какие тематические группы представлены в материале русской по происхождению фразеологии (т.е. какие ФЕ сохранились до настоящего времени и о чем это может свидетельствовать)?; 3) какие различия отмечены между формой фразеологизмов в говоре старообрядцев и их эквивалентами, зафиксированными в словарях?; 4) существуют ли дифференциальные фразеологизмы, характерные только для старообрядцев, проживающих в Польше?; 5) в какой степени фразеологизмы говора старообрядцев насыщены иноязычными элементами?; 6) каков масштаб феномена калькирования польской фразеологии и насколько продвинут этот процесс?

Для достижения намеченных целей собранный фразеологический материал был проанализирован с точки зрения семантики, а также структуры и лексического состава. На этой основе определялось совпадение отдельных ФЕ с конкретными формально-семантическими эквивалентами во фразеологических фондах анализируемых языков, устанавливалось их происхождение, были выделены варианты фразеологизмов и различия между ними. Удалось также определить, какие элементы в собранном материале являются иностранными (не русскими) и каким образом они создавались.

Фразеологический материал был извлечен из записей⁵ интервью с информантами, зафиксированных исследователями, аспирантами и студентами Университета Николая Коперника в Торuni (далее – УНК) в 1999–2018 гг., а также

⁴ Список использованных словарей представлен в Библиографии.

⁵ Корпус записей включает около 400 часов разговоров со старообрядцами на различные темы, в том числе и разговоров, проводимых методом глубинного интервью.

из собственных полевых исследований автора монографии, проведенных в старообрядческих поселениях в 2018–2022 гг. с целью реализации проекта *Zasób frazeologiczny gwary staroobrzędowców w Polsce*. В качестве дополнения к собранному материалу были использованы фразеологизмы из Приложения к монографии И. Грек-Пабис *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* (1968), а также из работы *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* (1980) под редакцией И. Грек-Пабис и И. Марыняк.

Собранный фразеологический материал, как уже отмечалось, сопоставлялся с данными, задокументированными в доступных словарях, перечисленных в библиографической части данной монографии. Некоторые единицы, не зафиксированные в словарях, нашли подтверждение в материалах, помещенных в Интернете. Использование интернет-источников оказалось особенно важным в случае разговорной фразеологии, которая преобладает в собранном корпусе, однако из-за вульгарной лексики или непристойного характера часто опускается в лексикографических разработках. Относительно фразеологизмов, не указанных в словарях, автор консультировалась с носителями русского и белорусского языков.

Кроме того, следует уточнить, что целью работы является не рассмотрение этимологии фразеологизмов, собранных в говоре старообрядцев (хотя процесс анализа включал поиск данных в этимологических словарях), а попытка определить, из какого языка – русского, польского, белорусского, немецкого или литовского – конкретные ФЕ могли быть заимствованы в говор старообрядцев, проживающих в Польше. Исследование этимологии ФЕ неприменимо в контексте обсуждаемого в данной монографии материала, поскольку знание примерного момента записи фразеологизма в одном из обсуждаемых языков или момента заимствования отдельных элементов не являются доказательством того, что они перешли из того или иного языка в старообрядческий говор. Мы можем опираться только на более или менее вероятные предположения и гипотезы, тем не менее форма ФЕ остается самой достоверной предпосылкой по отношению к ее языковому происхождению. Такое утверждение связано с отсутствием документации говора старообрядцев (в том числе и фразеологии), в связи с чем нет возможности проследить как менялся фразеологический или хотя бы словарный запас говора старообрядцев на протяжении веков. Поэтому прежде всего на основании формы можно делать выводы о возможном происхождении разноязычного фразеологического материала, зафиксированного в речи старообрядцев.

В связи с близким родством славянских языков и общей историей, а также многовековой близостью русского, польского и белорусского народов возможно несколько направлений обогащения фразеологического ресурса старообрядческого говора. Следует учитывать следующие зависимости:

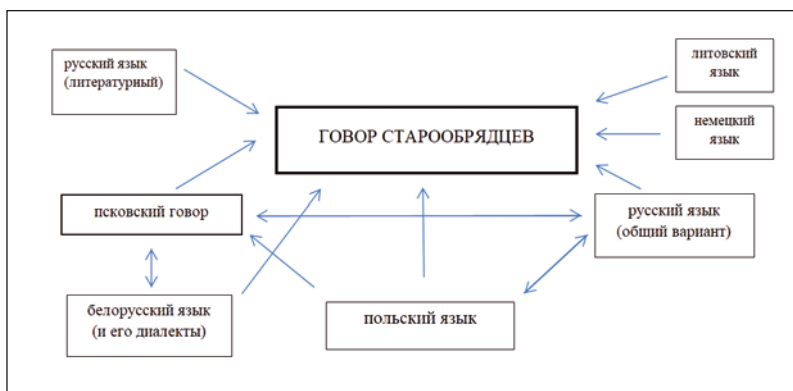

Схема 1. Межязыковые влияния, образующие говор старообрядцев.

Вышеуказанные отношения следует рассматривать в контексте отдельных периодов, временные рамки которых были установлены в связи с переломными событиями, повлиявшими на судьбы старообрядцев, проживающих в Польше:

I. Период проживания на языковой родине до момента переселения (до конца XVII века), в течение которого:

- исходный фразеологический фонд старообрядческого говора состоял из элементов общего русского языка⁶ и псковского говора (и, может быть, дифференциальных единиц);
- польский язык оказал сильное влияние на русский язык (как в целом, так и в литературном варианте, см. Kochman, 1967, сс. 26–27), а также на псковский говор в силу близкого соседства и интенсивных контактов обоих народов (см. Wójtowicz, 2016, сс. 453–455);
- элементы псковского и белорусских говоров взаимопроникали и взаимодействовали друг с другом;
- элементы из польского языка могли попасть в псковский говор посредством белорусскоязычной среды (вследствие интенсивных польско-белорусских языковых контактов после Кревской унии 1385 г. и вторично, с удвоенной силой, после Люблинской унии в 1569 г.);

⁶ Под понятиями: *общий русский язык* и *общенародный русский язык* имеется в виду общенародный, сверхдиалектный вариант русского языка (т.е. как литературный, так и разговорный).

- возможно проникновение балтийских элементов в связи с балто-славянскими языковыми контактами.

II. Период миграции (конец XVII–XVIII вв.), в течение которого:

- старообрядцы, перемещаясь через земли Великого княжества Литовского, контактировали с белорусскоязычным населением в результате чего могли заимствовать некоторые белорусские языковые элементы;
- польские элементы все еще могли проникать в говор староверов посредством белорусского языка.

III. Период после заселения земель Речи Посполитой (с XVIII века до Второй мировой войны):

- белорусские языковые элементы все еще могли проникать из-за близкого соседства;
- для этого периода наиболее характерно влияние польского языка, проявляющееся с разной интенсивностью на протяжении многих лет⁷; интерференционные процессы достигли своего пика после Второй мировой войны, когда старообрядцы окончательно отделились от своих единоверцев в Советском Союзе;
- возможно влияние общенародного русского языка на представителей староверской общины, которые во время Первой мировой войны бежали в Россию от немецкой армии, а также на тех, кто во время Второй мировой войны по договору между СССР и Германией об обмене населением был переселен в Литовскую ССР (это относится к сувалкским староверам, в то время как августовская община была вывезена на принудительные работы в Восточную Пруссию), а после окончания военных действий вернулся в окрестности Сувалок и Августова;
- начиная с XIX в. в говоре мазурских старообрядцев стало проявляться влияние немецкого языка, поддерживаемое контактами с населением Восточной Пруссии;
- возможно небольшое литовское влияние на Сувальщине.

IV. Современный период (после Второй мировой войны):

- интенсивное воздействие польского языка фиксируется во всех слоях языка, особенно лексическом и фразеологическом, что связано с усилением контактов с польским населением;

⁷ Начиная с XVIII века влияние польского языка было менее интенсивным в связи с тенденциями староверов жить в изоляции. Ситуация несколько изменилась после 1918 года, когда на старообрядцев была наложена обязанность обучения в польских школах и возникла необходимость контактов с польской администрацией – таким образом участились контакты с польским языком.

- в речь мазурских старообрядцев в дальнейшем проникали немецкие элементы, хотя и в меньшей степени после присоединения Мазурии к Польше⁸;
- на говор старообрядцев мог повлиять и литературный вариант русского языка, который некоторые представители среднего поколения старообрядцев изучали в школе;
- возможно небольшое литовское влияние на Сувальщине.

Эта упрощенная схема показывает наиболее вероятные пути проникновения иноязычных элементов в говор старообрядцев, однако, вероятно, не охватывает полного спектра возможностей. Кроме первичных заимствованных элементов, т.е. тех, которые попали в говор в результате контактов с иноязычным населением, нельзя исключать присутствие вторичных заимствований, которые, независимо от своего происхождения, перешли в фонд языка-реципиента посредством другого языка (например, в ситуации, когда общий для славянских языков фразеологизм переходит из польского языка в говор старообрядцев). В таком случае определить путь, по которому данный элемент попал в говор старообрядцев, кажется невозможным. Попытка установить происхождение ФЕ осложняется еще и тем, что старообрядцы оказались на польских землях, заселенных в значительной степени группой людей, говорящих на специфическом варианте польского, а именно на языке жителей Восточных Кресов⁹, который всегда был наиболее восприимчив к проникновению восточнославянских языковых элементов. Как отмечает Э. Смулкова, польский язык Восточных Кресов «swą odmienność od języka ogólnopolskiego zawdzięcza w części północnej właśnie substratowi białoruskiemu, splecionemu z litewskim» («своим отличием от польского языка в северной части [Восточных Кресов – прим. МГД] обязан белорусскому субстрату, переплетающемуся с литовским»¹⁰) (Smułkowa, 1988a/ 2002, с. 300). К чертам, возникшим в результате влияния упомянутого белорусско-литовского субстрата на польский язык северной части Восточных Кресов, относятся: специфическая лексика, акцентная динамика и связанная с ней структура фонического ряда, белорусское аканье, некоторые синтаксические и морфологические особенности (Smułkowa, 1988a/2002, с. 300). Следует также отметить, что на протяжении веков русский язык (и шире: восточнославянские языки) оказывал влияние на

⁸ Важная роль немецкого языка в общей языковой ситуации старообрядцев поддерживалась благодаря поездкам в Германию, высокому престижу немецкого языка в восприятии старообрядцев, а также повседневному разговорам жителей Войновской религиозной общины.

⁹ Под этим понятием в польской литературе понимаются земли нынешней Литвы, Беларуси и Украины, которые до Второй мировой войны принадлежали Польше.

¹⁰ Все цитаты, если не обозначено иначе, переведены автором данной монографии.

польский (не только польский язык Восточных Кресов), в его литературном и диалектном вариантах (ср. Fałowski, 2018, 2023; Kostecka-Sadowa, 2015). В говоре старообрядцев некоторые фразеологизмы могли сохраниться благодаря наличию восточнославянских языковых элементов и одновременно в него могли проникать ранее неизвестные фразеологизмы.

Исследование фразеологизмов, предпринятое в данной монографии, основано на материале нескольких десятков идиолектов. Отдельные языковые явления, встречающиеся во фразеологии говора старообрядцев, представлены и проанализированы применительно к конкретным высказываниям информантов, однако в целом собранный фонд ФЕ рассматривается как относящийся ко всему говору, что может показаться спорным с точки зрения устоявшихся канонов фразеологических исследований, для которых чрезвычайно важны воспроизводимость и широкое социальное распространение. Такой подход обусловлен спецификой исследований в рамках диалектологии и контактной лингвистики. Как отмечает М. Глушковский:

Mimo iż język grupy osób dwujęzycznych stanowi odrębną jakość w stosunku do swoich jednostkowych przejawów, punktem wyjścia do lingwistycznych analiz pozostają konkretne wypowiedzi i zachowania językowe członków danej grupy. Ponadto, w badaniach systemów szczególnie podatnych na zmiany, takich jak dialekty i interferujące języki znajdujące się w kontakcie, to właśnie idiolekty powinny stanowić podstawowe źródło materiału empirycznego (Głuszkowski, 2010b, c. 159).

(«Хотя язык группы билингвов представляет собой отдельное качество по отношению к его индивидуальным проявлениям, исходным пунктом для лингвистического анализа являются конкретные высказывания и языковое поведение членов данной группы. Кроме того, при изучении систем, особенно восприимчивых к изменениям, таких как диалекты и интерферирующие языки, находящиеся в контакте, именно идиолекты должны быть первоисточником эмпирического материала»).

По отношению к говору старообрядцев трудно с полной уверенностью применить методологию, разработанную для литературных вариантов языков, или методологию, касающуюся диалектного материала, но изучаемого с позиции одноязычной общности (возможно, в сочетании с общим языком). Собранный фразеологический материал представляет собой особый случай из-за наличия в нем многих иноязычных элементов, продолжающихся интерференционных процессов, вызванных влиянием польского языка, а также в связи с тенденцией к гибридизации говора. Ситуация уникальна еще и тем, что количество информантов, в чьей речи сохранилась фразеология и кто употребляет ее в своих высказываниях в настоящее время, весьма ограничено. Вышеперечисленные факторы, специфика и характер анализируемого материала, а также языковая ситуация старообрядцев повлияли на выбор использованных

в данной монографии методологических решений, которые могут показаться необычными для фразеологических исследований. Одним из таких примеров является включение в описываемый фразеологический фонд не только несомненно воспроизводимых в говоре единиц, но и фразеологизмов, используемых одним лишь информантом, и до сих пор широко не подтвержденных, которые, однако, появлялись на протяжении многих лет в неизменном виде в одном и том же идиолекте. Такое решение обосновано, во-первых, необходимостью задокументировать фразеологию старообрядческого говора, которая до сих пор не исследована, сохранена только в устной форме и находится под угрозой исчезновения, а во-вторых, повторяемостью некоторых явлений, несмотря на единичный, ситуационный характер создаваемых конструкций. На высокую ценность даже отдельных, единичных примеров живой речи информантов, обнаруживающих, однако, некую закономерность в их формировании, обратила внимание и А. Зелиньска, описывая польский язык старообрядцев:

Uznałam, że nawet fakty językowe, które wystąpiły sporadycznie, raz czy dwa razy, są warte odnotowania – ponieważ choć okazjonalne, nie są przypadkowe (Zielińska, 1996, с. 119).

(«Я решила, что даже лингвистические факты, встречавшиеся спорадически, раз или два, заслуживают внимания — потому что они хоть и окказиональны, но не случайны»).

Дополнительную трудность в контексте сбора фразеологического материала говора старообрядцев в Польше составляет упомянутая выше малочисленность старообрядческой общины и отсутствие у многих информантов достаточной компетенции в области русского говора, что позволило бы формулировать высказывания с использованием фразеологизмов. Примером этого является ситуация, возникшая в 2014 году в мазурском регионе, где не только очень малочисленная община (ок. 45 человек), но и не все информанты выражали желание говорить на русском говоре, предпочитая польский или немецкий языки в качестве средства общения. На языке предков говорили обычно старообрядцы, эмигрировавшие из сувалкского региона в XX веке, поэтому их речь нельзя считать репрезентативной для говора мазурских старообрядцев. Ситуация в сувалкском и августовском регионах намного лучше, чем в мазурском, так как эти регионы являются основными ареалами компактного проживания старообрядцев в Польше, что в значительной степени влияет на возможности общения и уровень сохранения их родного говора. Кроме того, немаловажно, что староверы сувалкско-августовского региона являются двуязычной общиной, а не трехязычной, как их единоверцы из Мазурии. Мазурские старообрядцы постепенно утратили русский говор, потому что имели возможность выбора среди двух других языков, важных

с точки зрения их функций: немецкого (первоначально использовавшегося в сфере администрации, а в перспективе дававшего возможность общаться во время поездок в Германию), и польского (с 1945 года языка окружения и администрации). При этом даже у старообрядцев, живущих в окрестностях Сувалок и Августова, знание русского говора заметно ослабевает с каждым последующим поколением.

Уровень владения русским говором среди старообрядцев в Польше хорошо отражает деление на развитый и ограниченный код, разработанное Б. Бернштейном. Отличительными чертами обоих кодов являются: понимание (или отсутствие такового в случае ограниченного кода) зависимостей и отношений между элементами и событиями из окружающего пространства, что, в свою очередь, выражается в возможности построения более сложных высказываний, содержащих обобщающие суждения и абстрактные понятия, отражающие эмоциональный характер; использование языковых средств, изобилующих метафорами, причинно-следственными связями и логическими отношениями (в случае развитого кода), либо построение простых конкретных высказываний, относящихся непосредственно к определенному фрагменту действительности, в которых эмоции выражаются скорее с помощью внеязыковых средств (в случае ограниченного кода) (Bokszański и др., 1977, сс. 107–110). О разделении компетенций информантов из старообрядческой общины в контексте теории Бернштейна писал и М. Глушковски:

Staroobrzędowcy posługują się językiem wysokim (polskim) zarówno na poziomie kodu rozwiniętego, jak i ograniczonego, podczas gdy język niski (rosyjska gwara) stosowany jest przede wszystkim w roli kodu ograniczonego. Według Bernsteina kod ograniczony (*restricted code*) jest przewidywalny pod względem syntaktycznym i leksykalnym, a sytuacja kontaktu jest w dużej mierze zrytualizowana i z góry określona. Informacje w kodzie ograniczonym są przekazywane w sposób implicytny – ich zrozumienie wymaga zakorzenienia w kontekście wypowiedzi, a argumentacja prowadzona jest w sposób arbitralny. Z kolei kod rozwinięty (*elaborated code*), charakteryzuje się niską przewidywalnością syntaktyczną i brakiem przewidywalności leksykalnej. W wypowiedziach zbudowanych na bazie kodu rozwiniętego informacje przekazywane są w sposób eksplicytny, w logicznym porządku słów.

Nawet w dziedzinach, w których dominuje gwara, w zdecydowanej większości sytuacji używana jest ona na poziomie kodu ograniczonego, co w przypadku potrzeby przekroczenia jego wąskich zasobów strukturalnych i leksykalnych prowadzi do zmiany kodu na język polski jako bardziej uniwersalny pod tym względem lub do zapożyczenia i kalkowania polskiej leksyki, frazeologii oraz struktur syntaktycznych (Głuszkowski, 2010a, сс. 89–90).

(«Старообрядцы используют высокий язык (польский) как на уровне развитого, так и ограниченного кода, в то время как низкий язык (русский говор) используется

преимущественно как ограниченный код. Согласно Бернштейну, ограниченный код (*restricted code*) синтаксически и лексически предсказуем, а ситуация контакта во многом ритуализирована и предопределена. Информация в ограниченном коде (*elaborated code*) передается имплицитно – для ее понимания требуется обоснованность в контексте высказывания, а аргументация осуществляется произвольным образом. Развитый код, с другой стороны, характеризуется низкой синтаксической предсказуемостью и лексической непредсказуемостью. В высказываниях, построенных на основе развитого кода, информация передается эксплицитно, в логическом порядке слов. Даже в областях, в которых доминирует говор, в подавляющем большинстве ситуаций он используется на уровне ограниченного кода, что в случае необходимости выхода за пределы его узкого структурно-лексического фонда приводит к изменению кода на польский как более универсальный язык в этом отношении, или к заимствованию и калькированию польской лексики, фразеологии и синтаксических структур»).

Сегодня немногие информанты используют говор на уровне развитого кода (подавляющее большинство из них – представители старшего поколения), а фразеология встречается прежде всего в высказываниях именно на уровне этого кода. В связи с этим, хотя в ходе полевых исследований в 1999–2022 гг. удалось поговорить с 250 членами старообрядческой общины, менее половины из которых согласились на запись интервью, фразеологический материал, собранный для настоящей монографии, получен всего от 60 представителей общины. В записях разговоров со многими информантами фразеологизмы вообще не встречались.

Структура монографии

Структура работы состоит из предисловия, шести глав, первые три из которых имеют теоретический характер, а остальные – эмпирический, заключения, библиографии и приложений, в которых помещены: список фразеологизмов, рассмотренных в монографии, список фразеологических калек и полукалек, заимствованных из польского языка, а также правила записи ФЕ и фрагментов диалектных высказываний. В Главе I изложена история возникновения старообрядчества, этапы переселения старообрядцев и их судьба на землях Речи Посполитой. Представлены также избранные, наиболее характерные черты культуры старообрядцев, которые отличают их от польского окружения. Глава II посвящена языковому положению говора старообрядцев в польской среде, а также содержит описание его современного состояния. Особое внимание уделено вопросам, связанным с многоязычием – определены понятия и явления, ключевые для понимания языковой действительности членов изучаемой общины: интерференция, двуязычие, диглоссия, проблема

первичности и вторичности языка, островной характер говора. Предмет Главы III составляют теоретико-методологические замечания о сущности и объеме понятия фразеологии. В нем представлены нюансы, связанные с пониманием понятия фразеологизма исследователями, различные концепции фразеологических исследований, достижения в этой области языкознания и конститутивные признаки фразеологизма. В конце Главы III описаны принятые в данной монографии решения относительно дефиниции фразеологизма вместе с комментарием, обосновывающим выбор. Глава IV – введение к дальнейшим размышлениям, основанным на анализе собранного фразеологического материала. В ней рассматривается специфика разноречивой фразеологии старообрядческого говора в Польше, а именно такие явления, как, в частности, вариантность, переосмысление и искажение формы ФЕ. Кроме того, в ней помещены замечания относительно методов сбора материала, их преимуществ и недостатков, а также сложностей, связанных со сбором фразеологии и проведением полевых исследований. Глава V, наиболее обширная, посвящена родной для старообрядческого говора фразеологии (в том числе и культурно маркированной), т.е. общенародным русским, псковским и дифференциальным фразеологизмам, характерным только для старообрядцев в Польше. Материал, представленный в этой части монографии, был проанализирован с точки зрения семантики и строения отдельных ФЕ, затем на этой основе были определены различия между отдельными фразеологизмами, зафиксированными в говоре старообрядцев, и их словарными эквивалентами. Глава VI, последняя, знакомит с проблемой иноязычных элементов, зафиксированных в исследуемом фразеологическом фонде. В данном разделе особое внимание уделено проявлениям польского влияния во фразеологии в связи с его количеством и доминирующей ролью в последние годы. Кульминацией аналитической части монографии является заключение, содержащее выводы проведенного исследования в виде ответов на изложенные во вступлении исследовательские вопросы. В Приложении 1 содержится список фразеологизмов, рассмотренных в работе, представленный в алфавитном порядке. Для большей наглядности материал разбит по языковому происхождению отдельных ФЕ (или их элементов). В Приложении 2 помещен список зафиксированных фразеологических калек и полукалек из польского языка. В Приложении 3 приведены правила записи фрагментов диалектных высказываний.

Мы хотим выразить глубокую благодарность рецензенткам монографии, проф. Халине Ходурской и проф. Еве Коморовской за все замечания и предложенные дополнения, благодаря которым мы смогли избежать многих ошибок.

Отдельно мы хотим поблагодарить рецензентов нашей кандидатской диссертации, ставшей основой для написания данной монографии – проф. Мацея Рака и ныне покойную проф. Елену Королёву, которые своими методологическими замечаниями и советами поспособствовали упорядочению фразеологического материала и расширению некоторых вопросов. Выражаем также искреннюю признательность проф. Михалу Глушковскому и проф. Стефану Гжибовскому, которые на разных этапах нашего исследования щедро делились своими знаниями, профессиональным опытом и поддерживали добрым словом.

Глава I. Старообрядцы: исторические и культурные сведения

1.1. История возникновения старообрядчества

Во второй половине XVII века произошел раскол в Русской православной церкви. Причиной раскола стала литургическая реформа, проведенная патриархом Никоном при поддержке царя Алексея Михайловича (Поташенко, 2006, с. 35; Iwaniec, 1977, сс. 21–25). Косвенно распад внутри православной общины был вызван и политическими факторами, такими, как стремление к религиозному объединению с Россией Левобережной Украины (1654 год), а также ухудшением условий жизни жителей окраин. Растущее недовольство низших слоев населения, вызванное бедственным социально-бытовым положением, означало, что с самого начала реформаторское движение, как и официальные действия царской и церковной властей, не встречало их поддержки, дополнительно вызывая недоверие и отвращение (Зеньковский, 1995, с. 142; Grek-Pabisowa, 1998/1999, с. 14).

Чтобы понять суть раскола в Русской православной церкви, необходимо более подробно рассмотреть сложный социально-экономический фон жизни в русском государстве XVII века. На тяжелую социально-бытовую ситуацию низших слоев русского общества наложился ряд событий, началом которых можно считать Смутное время, т.е. время всеохватывающего кризиса. В данный период произошло, в частности, подавленное в конечном итоге вооруженное восстание Ивана Болотникова, отличающееся широким общественным охватом, в котором принимало участие крестьянское, казацкое и дворянское население (Bazyłow & Wiczorkiewicz, 2005, сс. 100–101). Последствием восстания было постепенное ухудшение положения низших слоев общества. Дополнительно в 1649 году окончательно санкционировалось существование крепостного права, подтвержденного *Соборным уложением* (Iwaniec, 1977, с. 22). Феодальная общественная структура опиралась на эксплуатацию крестьян и мелких помещиков. Хотя церковь играла большую роль в феодальной системе, представители низшего духовенства также не являлись обеспеченными: им выделялись лишь небольшие участки земли, при этом было запрещено заниматься даже мелкой торговлей и ремеслом (Iwaniec, 1977, сс. 22–23). Нелегкая ситуация упомянутых слоев общества привела к росту протестных настроений.

Первая оппозиционная группа – *Кружок ревнителей благочестия* (или *боголюбцы*) – возникла примерно в 1646 году и состояла из представителей духовных и светских лиц, собравшихся вокруг Стефана Вонифатьева, царского духовника. Кружок в начале своей деятельности объединял как сторонников, так и противников введенных позже реформ Никона, в том числе: протопопа Иоанна Неронова, Аввакума, Даниила костромского, Логгина муромского, Даниила темниковского; интересовались его деятельностью и будущий патриарх Никон, а также царь Алексей Михайлович (Вургафт & Ушаков, 1996, с. 154; Iwaniec, 1977, сс. 23–24). Главной целью боголюбцев являлось «укрепление благочестия в русской Церкви, в том числе установление единогласия и *наречного пения*» (Вургафт & Ушаков, 1996, с. 154), а также унификация религиозных обрядов и упорядочение всех дел, которые на протяжении веков подвергались изменениям (Iwaniec, 1977, с. 23). Кружок прекратил свою деятельность после раскола.

В 1652 году патриархом России становится Никон. Будучи человеком суровым и харизматичным, он быстро заслужил признание царя Алексея Михайловича. Сразу же после принятия сана Никон начал бескомпромиссно вводить церковные реформы, причиной которых стали практики переписывания литургических книг вручную до использования печати. Следствием такого способа копирования оказались многочисленные ошибки, которые повлекли за собой нарушения традиционных текстов и способствовали возникновению растущего количества изменений по сравнению с греческими образцами. Вопреки рекомендациям греческих священников, которые обращали внимание на искажения молитвенных текстов и требовали их исправить, русские православные продолжали молиться согласно русским версиям литургических книг. Со временем среди многих верующих русской церкви окончательно сложилось убеждение, что именно Русь является святой землей, истинно православной и следующей правильным обрядам, а греческие православные отступили от единой истинной веры. Несмотря на возмущение большей части русского общества, в основном крестьян и некоторых священников, Никон продолжал свою реформу (Bazyłow & Wiczorkiewicz, 2005, сс. 116–117).

Помимо постулата о восстановлении используемых в литургии книг в их первоначальном виде, вполне соответствующем греческой редакции (см. Зеньковский, 1995, сс. 217–226), реформаторы внесли также ряд преобразований в обрядовой сфере. Важнейшими из них были: изменение написания имени Иисус (*Иисус* вместо *Исус*), изменение количества использовавшихся во время богослужений просфор (пять вместо семи) (Iwaniec, 1977, сс. 28–29; Riasanovsky & Steinberg, 2009, с. 206), замена двуперстного крестного знамения (*двуперстие*) на трехперстное, смена направления шествия «по движению солнца» (с востока на запад – *прохождение посолонь*) на шествие в сторону,

противоположную движению солнца, а также замена во время пения двукратного «Аллилуйя» на троекратное (*сугубое аллилуйя*) (Grek-Pabisowa, 1958/1999, с. 36).

Для части верующих предложенные изменения, сосредоточившиеся главным образом на пересмотре церковных книг и очищении их от русских элементов, были ересью, отступлением от единственной истинной веры, вследствие чего являлись неприемлемыми – поэтому они решили придерживаться известного им порядка и традиции, отказавшись от «нового» православия. Официальной датой раскола считается 1667 год, т.е. одобрение ранее предложенных изменений во время «великого собора» (Барановский & Поташенко, 2005, с. 322; Поташенко, 2006, с. 41; Grek-Pabisowa, 1998/1999, с. 13).

Следует отметить, что инициатором церковных реформ был и сам царь Алексей Михайлович, который в их введении видел шанс более эффективно централизовать государство. Целью царя была также унификация Русской православной церкви с Церковью Левобережной Украины, которая раньше подчинялась патриарху Константинополя, а после падения города должна была подчиняться русскому государству как единому истинному наследнику византийских императоров, охватывающему весь православный мир (Bazykow, & Wiczorkiewicz, 2005, с. 117).

Как упоминалось выше, часть русского общества не приняла реформу, считая введенные изменения ересью и отступлением от единственной истинной веры. Противников нового порядка называли старообрядцами, староверами, раскольниками (от русск. *раскол*) (Grek-Pabisowa, 1958/1999, с. 36). Светские и церковные власти не собирались мириться с непослушанием и немедленно начали подавление актов сопротивления реформам. Патриарх Никон быстро добился поддержки царя Алексея Михайловича. Власти начали незамедлительно осуществлять реформы, а неподчинившихся, среди которых было много представителей среднего и низшего духовенства, стали наказывать жестокими репрессиями и преследованиями: им угрожали анафемой, лишали имущества, избивали и пытали, отправляли в отдаленные уголки России или заключали в тюрьмы (Grek-Pabisowa 1998/1999, сс. 14–15; Iwaniec, 1977, с. 31; Riasanovsky & Steinberg, 2009 сс. 206–207). Несмотря на жестокие репрессии, количество сторонников старого обряда росло, особенно на окраинах России, где гонения были менее частыми (Grek-Pabisowa, 1958/1999, с. 36). Попытка предотвратить распространение раскола привела к еще большему ужесточению мер против старообрядцев. Уже в феврале 1653 г. перед великим постом Никон приказал ограничить количество поклонов во время молитвы святого Ефрема Сирина и заменить двуперстное сложение для совершения крестного знамения трехперстным, а тех, кто не подчинялся новым правилам, публично проклинал во время богослужений. С 1655 г. новый

патриарх решил избавиться от икон т.н. франского или польского письма, т.е. тех, которые были написаны в Польше или на Западе. Для реализации этой цели Никон наказывал выкалывать глаза изображенным на иконах святым, а затем обносить в таком виде по городу, чтобы в конечном итоге уничтожить их, разбивая о пол. Такое поведение вызывало возмущение и сопротивление общества, так как иконы являются очень важной частью православного культа (Iwaniec, 1977, сс. 28–29).

Со временем позиция патриарха Никона становилась все слабее, что связано, прежде всего, с его личными и политическими амбициями. Его деятельность перестала ограничиваться лишь церковными делами, он пытался участвовать в государственных делах, в том числе и в зарубежной политике, начал откровенно провозглашать превосходство Церкви над светской властью, что беспокоило бояр, а также вызвало недовольство царя. Вследствие этого в 1658 году Никон был вынужден отказаться от статуса патриарха. Однако реформы вводились уже независимо от участия Никона. Разочарованное общество, главным образом низшие духовные, помещики и крестьяне, которые надеялись на прекращение реформ вместе с назначением нового патриарха, выражали свои протесты, игнорируя новые тексты молитв и демонстративно следуя старым обрядам, в силу чего репрессии по отношению к приверженцам старого обряда начали усиливаться (Iwaniec, 1977, сс. 30–31).

В 1668 году произошло вооруженное восстание старообрядцев против властей в Соловецком монастыре на севере России. Монахи, решительно отказавшиеся принять реформы и новоизбранного игумена, оборонялись 8 лет, но в конце концов потерпели поражение из-за предательства одного из них. С повстанцами расправились, а народ признал их мучениками (Iwaniec, 1977, с. 31).

Очередные цари продолжали политику репрессий против старообрядцев как в городах, так и в провинциях. Особую жестокость в этом отношении проявляла царица Софья, которая в 1684 году издала указ, предусматривавший наказания за исповедание старого обряда, в том числе и наказание смертной казнью (Поташенко, 2006, сс. 118–122; Grek-Pabisowa, 1998/1999, с. 15). Усиление санкций и невозможность исповедовать свою веру в конечном итоге привели к массовым переселениям старообрядцев сначала в разные части Российской империи, а затем и за ее пределы (Поташенко, 2006, сс. 142–158). Беженцы селились в отдаленных, пустынных местах, вдали от российских властей (Iwaniec, 1977, сс. 33–34). Кровавые репрессии в России закончились только в 1905 году после принятия Николаем II указа «Об укреплении начал веротерпимости», по которому старообрядцы получили полные гражданские права (Licharewa, 1938, с. 113).

Первые групповые миграции имели место уже при царевне Софье в XVII веке в связи с началом расстрелов приверженцев старого порядка. Миграции часто происходили в несколько этапов, причем отдельные части пути были вызваны различными факторами: первый этап всегда был религиозным, а последующие обычно были связаны с экономическими и политическими причинами (Поташенко, 2006, сс. 158–162; Grek-Pabisowa, 1998/1999, с. 17). В результате, в конце XX века старообрядческие общины населяли четыре континента мира: Европу, Азию, Америку и Австралию, создавая диаспоры во многих странах: Армении, Австралии, Азербайджане, Беларуси, Бразилии, Болгарии, Грузии, Канаде, Литве, Латвии, Германии, Новой Зеландии, Польше, Румынии, США, Украине, Уругвае, Франции и Эстонии (Grek-Pabisowa, 1998/1999, сс. 17–18).

С самого начала внутри старообрядческой общины происходили расколы – уже в XVII веке они касались отношения к духовной иерархии, в результате чего возникли два основных течения: беспоповцы, не признававшие хиротонии, сделанной после раскола епископами, назначенными Никоном, и поповцы, принимающие в свои общины православных священников, согласившихся служить по дореформенным обрядам. Главным центром беспоповцев стало русское Поморье (часть побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря), место, где поселилась большая часть старообрядческих беженцев (Iwaniec, 1977, с. 36). Именно от него происходит название фракции беспоповцев – Поморцы (*Поморское Соглашение*). В конце XVII века на новгородско-псковской земле возникла еще одна группа – федосеевцы (*федосеевское соглашение*), названные по имени их основателя – диакона Федосия Васильева (Iwaniec, 1977, с. 40). Они отличались от других общин беспоповцев тем, что не соглашались с ними в отношении надписи на кресте и не признавали браков, утверждая, что те были выдумкой антихриста (Grek-Pabisowa, 1958/1999, сс. 36–37). В 1737 году среди беспоповцев было учреждено еще одно направление, также названное по имени его основателя Филиппа – филиповцы или филипоны. Эта община отделилась от поморцев в знак протеста против введения молитв за царя, а затем эмигрировала, вероятно, из русского Поморья первоначально в Литву, откуда некоторые ее представители пробились на рубеже XVII и XVIII веков в провинцию Сейны, входившую тогда в состав т.н. Новой Пруссии, а затем около 1830 года оттуда перебрались в Мазурию (Grek-Pabisowa, 1958/1999, с. 37; Iwaniec, 1977, сс. 41–42).

1.2. Судьба старообрядцев на польских землях

Первые старообрядческие семьи прибыли на территорию Речи Посполитой во второй половине XVII века. В последующие годы процессы заселения на этих землях усиливались, пока в конце XVIII века, по разным данным, не насчитывалось от 100 до 300 тысяч последователей старообрядческой церкви (см. Потащенко, 2006, сс. 142–143; Iwaniec, 1977, с. 69). По словам Г. Потащенко:

Около 1700 г. на всей территории Речи Посполитой проживали тысячи староверов (возможно, и более десяти тысяч человек), в 1772 г., перед первым разделом страны, – примерно до 180 тысяч или, согласно польским сведениям, 100 тысяч, а российским – 300 тысяч и даже до 1 млн. староверов (первые, вероятно, занижены, вторые – преувеличены), в конце XVIII в., перед последующими двумя разделами, – еще примерно до 180 тысяч человек (польские авторы снова пишут о 100 тысячах староверов) (Потащенко, 2006, сс. 142–143).

Старообрядцы, поселившиеся в Польше, происходят из Поморского согласия (Grek-Pabisowa, 1983с/1999, с. 53). Стефан Пастушевский выяснил, что некоторые из них ранее принадлежали к федосеевцам: «Bez wątpienia w Polsce obecni są pomorcy, ale aż do początku XX wieku większość z nich reprezentowała fiedosieizm» («Несомненно, в Польше есть поморцы, но до начала XX века большинство из них представляли Федосеевское согласие» (Pastuszewski, 2016, с. 197). На территории Речи Посполитой старообрядцы-беспоповцы расселились в основном в польской Ливонии и в незначительной степени в окрестностях Ветки и Стародубья. Там они встретились с доброжелательным отношением местного населения, занимались сельским и лесным хозяйством. После первого раздела Польши часть старообрядцев из Ливонии мигрировала дальше на запад – в окрестности городов Гродно, Сувалки, Сейны и Августов. Часть из них около 1830 года переселилась из сувалкского региона в Мазурию, желая избежать регистрации, а также введенной царскими властями обязательной воинской службы (Grek-Pabisowa, 1983с/1999, сс. 53–55). Таким образом, вследствие исторических событий образовались три области компактного проживания, называемые в литературе центрами или регионами: августовский, сувалкско-сейненский и мазурский.

Прибыв на территорию Речи Посполитой, старообрядцы основывали собственные села или заселяли уже существовавшие, обезлюдевшие по разным причинам. В сувалкско-августовском регионе на рубеже XVIII и XIX веков насчитывалось около 100 старообрядческих хозяйств. Они прибыли не только из Ливонии, несколько семей пришло из Витебска, Украины и Ветки. Среди них быстро произошла интеграция в области религиозных верований (Grek-Pabisowa, 1983с/1999, с. 54; Iwaniec, 1977, сс. 78–83). Существуют

доказательства, по которым можно судить, что старообрядцы в Польшу пришли также из Латгалии – об этом утверждают В. Барановский и Г. Поташенко: «Присоединение Латгалии в 1772 г. и Курземе в 1795 к Российской Империи первоначально вызвало отток старообрядцев. Некоторые из них бежали далее в Польшу и даже в Пруссию. Но многие возвращались обратно» (Барановский & Поташенко, 2005, с. 360), а также А. А. Заварина: «Русские деревни в Пруссии – Войново, Онуфриево, Иваново, Мостишки, Пески, Галково и другие были основаны в конце 20-х гг. XIX века выходцами из Латгале, Сувалкии, Сейненщины и Августовщины» (Заварина, 2019, с. 45).

Особого внимания в сувальском регионе заслуживает деревня Водзилки, полностью населенная старообрядцами. До Второй мировой войны там насчитывалось 90 хозяйств, в то время как в 1980-х только 19 (Grek-Pabisowa, 1983с/1999, с. 55), а сейчас осталось лишь несколько. Когда-то деревня служила религиозным центром общины (польск. *siedziba gminy wyznaniowej*), в настоящее время там все еще находится моленная, но она обычно закрыта и в ней проводятся только службы по особым случаям. Местные верующие принадлежат к приходу в Сувалках. Другие местности, основанные старообрядцами в Сувальщине, это, в частности, Глэмбоки Рув (пол. *Głęboki Rów*), Шуры (Szury), Лопухово (Łopuchowo), Раштабол (Rasztabol), Залещево (Zaleszczewo), Высока Гупа (Wysoka Góra), Бяла Гупа (Biała Góra), Погожелец Бялы (Pogorzelec Biały), Бяложечка (Białorzeczka) (Iwaniec, 1977, сс. 80–81). В настоящее время в этих районах практически нет крупных скоплений старообрядцев, они живут, разбросанные в местностях: Сувалки (Suwałki), Сейны (Sejny), Водзилки (Wodзилki), Буда Руска (Buda Ruska), Штабинки (Sztabinki), Холны Вольмера (Hołny Wolmera), Плочично (Płociczno), Шуры (Szury) и др. (ср. Grek-Pabisowa, 1983с/1999, с. 64).

В августовском регионе первые старообрядческие поселения появились в конце XVIII века. Происхождение этой части староправославных верующих не совсем ясно. Сами жители, ссылаясь на семейные рассказы¹, полагают, что их предки происходили из села Пильчин (польск. *Pilczyn*) близ

¹ Э. Иванец нашел доказательства достоверности этих сообщений: «Potwierdzenie tego znajdujemy w podanej przez Mecherzyńskiego informacji o istnieniu jeszcze w 1861 r. «filiponów» «w powiecie łukowskim (dziś garwolińskim) we wsi Pilczynie gminy Łaskarzew, gdzie było ich wówczas 19 osad» («Подтверждение этому можно найти в предоставленной Мехержинским информации о существовании еще в 1861 году «филипонов» «в Луковском уезде (сегодня Гарволинский уезд) в деревне Пильчине в гмине Ласкажев, где в то время было 19 поселений»). Автору не удалось точно установить, откуда именно старообрядцы пришли в Пильчин. Возможно, они уже временно жили в Августовском уезде, на сувальско-сейненских землях, или в Мазурии» (Iwaniec, 1977, с. 100).

Упомянутой выше публикацией Мехержинского является: Mecherzyński, 1861, сс. 58–96 (цит. по: Iwaniec, 1977, с. 260).

Горы-Кальварии (польск. Góra Kalwaria), хотя это не относится ко всем. Определенная часть августовских старообрядцев может происходить из земель, прилегающих к Белому морю (Grek-Pabisowa, 1983c/1999, с. 58). В этом регионе расположены также две деревни, являющиеся уникальными местами на карте Польши, так как они были основаны старообрядцами и полностью заселены ими: имеются в виду основанная в 1865 году деревня Габовы-Гронды (польск. Gabowe Grądy) и деревня Бур (польск. Bór), возникшая несколько лет спустя. Хотя оба села борются с постоянным оттоком молодежи, а большая часть местных старообрядцев живет в смешанных семьях с поляками-католиками, эти села по-прежнему функционируют как русские анклавы среди польского окружения. Их жители в повседневной жизни разговаривают друг с другом на традиционном русском говоре и продолжают некоторые традиции, переданные им предками. Деревня Габовы-Гронды является одним из религиозных центров общины. Там есть моленная, в которой регулярно ведутся службы. Местное сообщество принимает меры для поддержания и сохранения своих уникальных традиций, о чем свидетельствует, в частности, организация ежегодных пикников, торжественных празднований юбилеев села или существование певческого коллектива «Рябина», участники которого, выступая в традиционных костюмах, водят хороводы и исполняют песни, сохранившиеся благодаря усилиям их предков (zob. Snarski, 2015, сс. 213–224). Кроме упомянутых выше деревень, старообрядцы в августовском регионе живут и в самом городе Августове, а также в деревне Бялобжеги (польск. Białobrzegi).

В Мазурии, как уже упоминалось, старообрядцы оказались около 1830 года, куда они переселились из сувалкского региона. Как отметила Ирыда Грек-Пабис, решение о переселении приняли тогда около 700 представителей общины. Почти с самого начала центром общественной и религиозной жизни стала деревня Войново. В середине XIX века в Войнове построили монастырь, первоначально служивший мужской обителью, а в конце XIX века – женской. В XIX веке присланные из России в Мазурию миссионеры распространяли среди старообрядцев идею возвращения в православие. Согласились на это окончательно монахи Войновского монастыря и часть верующих. В Войнове до сих пор существует монастырь старообрядцев Федосеевского согласия, моленная старообрядцев филиппонов и православный храм (Grek-Pabisowa, 1983c/1999, сс. 56–57; Iwaniec, 1977, сс. 108–147). В конце XX века скончалась последняя монахиня Войновского монастыря и здание перешло в частные руки.

Несмотря на общее происхождение и территориальную близость трех регионов, судьба представителей населявших их общин слагалась по-разному. Это связано с тем, что во время первых поселений сувалкско-сейненский и августовский регионы находились в границах Российской империи, а после

1918 года снова вошли в состав польского государства; мазурский регион принадлежал в то время к территории Восточной Пруссии. Только после окончания Второй мировой войны в результате территориальных изменений все три региона оказались в пределах новых границ Польши (Гжибовский & Глушковский, 2008, с. 200).

Хотя первоначально старообрядцы нашли вождеденное убежище на землях Речи Посполитой, вскоре их судьба снова осложнилась. Во время Первой мировой войны большинство из них было эвакуировано из сувалкского региона в Россию, где они поселились недалеко от г. Саратова. В это время они потеряли все свое имущество, оставшееся в Польше, а те, кто вернулся после войны, обнаружили опустошенные села и разрушенные дома (Iwaniec, 1977, сс. 102–103). Период Второй мировой войны также наложил на них свой отпечаток. С 1939 г. сувалкско-сейненские земли и августовский регион были оккупированы Советским Союзом, а после 1941 года – находились под немецкой оккупацией. Оттуда немцы депортировали большинство старообрядцев в окрестности Клайпеды и Кёнигсберга на принудительные работы в немецких хозяйствах. После войны большая часть переселенцев из августовского региона вернулась на свои прежние места жительства, в то время как среди переселенцев из сувалкско-сейненского региона вернулась лишь небольшая часть. Те, кто не вернулся, остались в Советском Союзе, в основном в Литве, куда они были переселены (Барановский & Поташенко, 2005, с. 385; Grek-Pabisowa, 1983c/1999, сс. 54–55, 58–59).

Судьба мазурских старообрядцев оказалась немного лучше. Во время Первой и Второй мировых войн всех способных к службе мужчин призвали в армию, но немцы предоставили им относительную свободу. В этот период многие старообрядцы оказались в Германии и решили там остаться навсегда, а после войны к ним присоединились их семьи (Барановский & Поташенко, 2005, с. 386; Grek-Pabisowa, 1983c/1999, с. 58).

Специфическая судьба старообрядцев трех вышеописанных регионов отразилась на их языковой ситуации. Старообрядцы сувалкского и августовского регионов двуязычны (они используют русский говор и польский язык), а мазурские старообрядцы – трехязычные (кроме русского говора и польского языка, они употребляют еще и немецкий). Кроме того, в речи мазурских старообрядцев сохранились многие слова церковного происхождения, в связи с тем, что на протяжении нескольких десятков лет этот регион являлся важным религиозным центром, т.е. местом, где сосуществовали и сталкивались некоторые разногласия одной религии и где существовала религиозная литература (Grek-Pabisowa, 1983c/1999, с. 57).

Официальное название старообрядческой конфессии в Польше – Восточная старообрядческая церковь без духовной иерархии (польск. *Wschodni*

Kościół Staroobrzędowy bez hierarchii duchownej). Польское правительство впервые официально признало его существование и приняло статут в 1928 году (Корнильцева, 2012, с. 17). Правовой акт, являющийся основанием для их деятельности, остается в силе и по сей день².

Основные цели и задачи, связанные с деятельностью старообрядческой Церкви в Польше, подробно регулирует ее статут, а делами руководит Верховный совет старообрядцев (польск. *Naczelna Rada Staroobrzędowców*) – общепольский орган, созданный в 1925 году для реализации исполнительных и представительских функций (Grelewski, 1935, с. 24), который вновь активизировался после войны в 1983 году.

Другой формой организации старообрядцев в Польше была действующая в 2002–2015 годах Ассоциация старообрядцев в Польше, основанная в д. Бур, недалеко Августова (*Stowarzyszenie staroobrzędowców w Polsce – wykreślenie*, б. г.).

Уникальной формой сотрудничества членов местного сообщества и в то же время способом сохранения и популяризации традиционной культуры старообрядцев в Польше является деятельность упомянутого раньше фольклорного певческого коллектива «Рябина». Он состоит из нескольких женщин-староверок – представительниц старшего поколения, проживающих в Габовых-Грондах, Буре и Августове. В настоящее время исполняемый коллективом репертуар содержит не только традиционные русские песни, но и постоянно пополняется новыми композициями благодаря поэтической деятельности одной из исполнительниц ансамбля, затрагивающей важные для старообрядческой общины темы семейной жизни, местного фольклора и др. Интеграция общины происходит также благодаря организуемым ежегодно в июле старообрядческим пикникам.

1.3. Культура старообрядцев в польском окружении

Одним из факторов, составляющих уникальное самосознание старообрядцев в Польше и поддерживающих ее существование, являются – кроме религии и русского говора – традиции и обычаи, вынесенные ими из родной земли. На протяжении многих лет некоторые из них ушли в забытие или подверглись определенным преобразованиям, однако многие элементы исходной культуры их предков сохранились до наших дней, что выделяет старообрядцев на фоне польского соседства.

² Имеется в виду: *Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 28 marca 1928 r. o stosunku Państwa do Wschodniego Kościoła Staroobrzędowego, nie posiadającego hierarchii duchownej* (Dz. U. Nr 38, poz. 363 z 1928 r.), б. г.

Религия как основной фактор, образующий старообрядческую общину, до сих пор играет первостепенную роль в ее существовании и в создании чувства связи между ее членами. М. Глушковский отмечает, что именно вероисповедание является основным детерминантом идентичности старообрядцев, и более того, весь ритм жизни старообрядческой общины, то есть, и сфера традиций и обычаев, определяется религией (Głuszkowski, 2009, сс. 31–46). Поэтому неудивительно, что живущие в Польше старообрядцы сохранили многие традиции и обычаи, переданные им предками. Уже само отношение к вере уникально. По словам И. Грек-Пабис, глубокая религиозность старообрядцев «*wurływa nie z konwencji, a z potrzeby ducha*» («проистекает не из условности, а из потребности духа»), тем более, что среди них нет священников, которые побуждали бы их к религиозным практикам (Grek-Pabisowa, 1999a, с. 283). Наши собственные наблюдения, сделанные в ходе нескольких диалектологических экспедиций, подтверждают этот тезис. В ином случае, если религиозная сфера игнорировалась бы старообрядцами, нелегко было бы сохранить преемственность существования общины, т.к. ее традиции и обычаи постепенно исчезали бы, а предметы поклонения и сакральные постройки разрушались. Напротив, местные старообрядческие общины прилагают большие усилия для сохранения этой части своего культурного наследия. Следует, однако, подчеркнуть, что наиболее заинтересованными в поддержке религии и традиции являются представители старшего и отчасти среднего поколений старообрядцев. Среди младших представителей сообщества наблюдается некоторое послабление в этом плане, что во многом связано с переездом из мест, где они выросли, в городские центры и гораздо большей степенью ассимиляции со сверстниками других религий (ср. Rykała, 1999, с. 48).

Обряды староверов считаются строгими, о чем свидетельствует, в частности, обязанность соблюдения длительных (продолжающихся несколько недель) постов, во время которых в прежние времена разрешалось употреблять только растительную пищу, причем ограничения применялись даже по отношению к маленьким детям в возрасте 2–3 лет (Grek-Pabisowa, 1999a, с. 283, 1999b, с. 295). По словам самих старообрядцев, в настоящее время эту традицию соблюдают почти исключительно представители старшего поколения. Для старообрядцев характерна также продолжительность молений в моленных, где некоторые службы длятся даже до шести часов (Grek-Pabisowa, 1999a, с. 283).

Особое почитание у старообрядцев вызывали богослужебные книги, иконы и другие предметы религиозного культа. Книги имеются почти в каждом старообрядческом доме. В прошлом иноверцам не разрешалось к ним прикасаться, но сейчас этот запрет уже не соблюдается так строго. И. Грек-Пабис упоминает ситуацию, когда в 1980-е годы «*po długich namowach starowierka*

zgodziła się pokazać swe książki badacze, ale sama odwracała kartki» («после долгих уговоров староверка согласилась показать свои книги исследователю, но сама переворачивала страницы») (Grek-Pabisowa, 1999b, с. 295). Во время исследований, проводившихся в XXI веке, такого сопротивления у информантов, особенно тех, кто сотрудничал с нами дольше, обычно уже не было, хотя книги и другие предметы культа передавались не непосредственно, а через ткань. Более подробную информацию о значении старообрядческих молитвенных книг можно найти, например, в монографиях Э. Иваница (Iwaniec, 1977, сс. 167–173) или З. Ярошевич-Переславцев (Jaroszewicz-Pieresławcew, 1995).

Так же как и с книгами, нельзя прикасаться к иконам. Существует ряд правил и строгих указаний, связанных с обращением с иконами и любыми другими предметами, изображающими святых. В первую очередь, их всегда размещают в восточном углу комнаты на стене или в специальном шкафу (Grek-Pabisowa, 1999a, с. 283; Iwaniec, 1977, с. 175). Их нельзя вешать, так как использование гвоздей в этом случае считается профанацией по отношению к Христу, пригвожденному ко кресту (Iwaniec, 1977, с. 175). Существовал также обычай накрывать иконы на ночь декоративными полотенцами, чтобы скрыть их от взоров половых актов супругов, а также в случаях, когда в дом входили иноверцы (Grek-Pabisowa, 1999a, с. 293; Iwaniec, 1977, с. 177). Возле икон запрещается курить, хотя по традиции этого нельзя делать вообще.

Традиция налагала на старообрядцев определенные правила, касающиеся их внешнего вида. Мужчины должны были носить бороды и традиционную одежду, состоящую из брюк, подвязанных веревкой, а также рубашки с боковыми разрезами и воротником-стойкой (т.н. *косоворотки*); им не разрешалось, как правило, завязывать галстук. Женщины традиционно надевали длинные сарафаны и головные уборы, при этом макияж лица, моделирование и окрашивание волос были запрещены (см. Iwaniec, 1977, сс. 219–228). В настоящее время старообрядцы в повседневной жизни по внешнему виду не отличаются от других жителей региона, а традиционную одежду надевают лишь по особым случаям, чаще всего для участия в еженедельных и праздничных богослужениях.

В старообрядческой культуре существует также ряд ограничений, связанных с пищей, напитками (в том числе и алкогольными) и курением табака. Традиционно старообрядцам не разрешалось курить табак или пить чай, поскольку существует убеждение, что когда Христа распинали, почти все растения засохли, и только чай и табак – зацвели. В настоящее время приверженцы старообрядчества уже не следуют этому принципу так последовательно, но следует отметить, что среди курильщиков решительно преобладают мужчины. Кроме того, чай является сейчас довольно популярным напитком. Запрет распространяется и на употребление алкоголя, хотя сами старообрядцы утверждают, что пить можно, но нельзя напиваться.

Очень интересным элементом старообрядческой культуры является паровая баня (называемая *байней*). Она выполняла различные функции – помимо основной, т.е. гигиенической, ее использовали для стирки и сушения одежды, а также для сушения льна. Кроме того, байни служили местом для рождения детей, поскольку женщинам не полагалось рожать рядом с иконами в соответствии с убеждением, что родовой процесс (как и другие, связанные с кровью и физиологическими выделениями) является «нечистым» (Iwaniec, 1977, с. 209). Для старообрядцев парение в бане представляет собой не только гигиеническую процедуру, но и своеобразный ритуал духовного очищения, поэтому они принимают ее в основном по субботам, чтобы правильно подготовиться к воскресной службе. Согласно традиции, женщины с детьми и мужчины моются в бане отдельно. Сегодня бани в основном выполняют свою главную функцию – служат местом, где можно позаботиться о чистоте как тела, так и души.

Старообрядцы в Польше до сих пор культивируют свои обряды и ритуалы, связанные с религиозной жизнью, в частности, крещение совершается путем троекратного полного погружения в воду, при этом вода должна быть «живой», т.е. из природного источника, без термической обработки. Традициям предков старообрядцы следуют также во время похоронных церемоний. Однако по отношению к бракосочетаниям появилась новая тенденция: раньше соблюдалась традиция выбирать супруга только из группы единоверцев, но постепенно, по мере уменьшения численности старообрядцев в Польше (особенно из-за нехватки женщин в деревнях), от нее стали отказываться и искать жену или мужа также среди представителей других вероисповеданий, в основном среди поляков-католиков. В наше время конфессионально смешанные семьи – обычное явление. Иногда случается, что супруг вне общины переходит в старообрядческую веру, но это касается далеко не всех.

За последние несколько десятилетий произошли изменения в модели старообрядческой семьи. До недавнего времени в этой сфере преобладал патриархальный уклад и четкое разделение мужских и женских обязанностей – муж работал и обеспечивал семью, а женщина занималась домом и воспитанием детей. Сегодня такой порядок сохраняется, как правило, лишь у старшего поколения, а молодые обычно строят семьи в соответствии с современными тенденциями, то есть как мужчина, так и женщина получают образование и устраиваются на работу.

Представленное выше описание элементов материальной и духовной культуры старообрядцев в Польше затрагивает лишь наиболее характерные проявления, выделяющие эту общину на фоне обычаев, господствующих в Польше. Более подробно о культуре староверов в Польше писали, в частности, Э. Иванец (Iwaniec, 1977), И. Грек-Пабис (Grek-Pabisowa, 1999a,

сс. 281–289, 1999b, сс. 291–299), К. Снарски (Snarski, 2015, сс. 213–224, 2019), З. Ярошевич-Переславцев (Jaroszewicz-Pieresławcew, 1994) и др.

1.4. Размещение и численность старообрядцев в Польше

Точное определение количества старообрядцев в Польше является сложной задачей, поскольку наблюдаются значительные расхождения в источниках, причем данные варьируются от нескольких сотен до примерно 2 000 представителей. Однако не подлежит сомнению, что в последние годы общее количество старообрядцев в Польше постепенно уменьшается, в частности, из-за падающей рождаемости в этой общине и браков с представителями других конфессий, в основном католиками (дети из таких семей часто воспитываются в католической вере). Немаловажным является и распространение модели семьи 2+2 или 2+1, которая стала особенно популярной среди старообрядцев в последние годы (Ziółkowska-Mówka, 2018, с. 55).

Из всех старообрядческих регионов в Польше, наименьшее количество староверов проживает в Мазурии. По данным Древлеправославной Поморской Церкви Польши, общее число приверженцев древлеправославия в районе составляло около 2010 года примерно 50 человек (Głuszkowski, 2011b, с. 24). С другой стороны, З. Ярошевич-Переславцев, также ссылаясь на вышеупомянутый источник, отмечает, что в 1994 году на Мазурах проживало около 130 человек этой конфессии, так что их численность значительно сократилась (Jaroszewicz-Pieresławcew, 1995, сс. 56–57).

Как замечает М. Глушковский, данные, собранные Советом Древлеправославной Церкви Польши, показывают, что количество старообрядцев составляет около 2000 человек. Из них только 50 принадлежат к Мазурскому приходу, 1100 – составляют верующие Сувалкского прихода, 780 – принадлежат к приходу в д. Габовы-Гронды и 45 – к приходу в д. Водзилки. Однако автор утверждает, что цифры по Сувалкам значительно преувеличены, о чем свидетельствует, в частности, опрос местного населения, в котором только около 200 респондентов заявили о желании принадлежать к Сувалкскому приходу (Głuszkowski, 2011b, сс. 25–26). Следует также отметить, что приведенные данные не совпадают с количеством жителей перечисленных приходов, так как к отдельным приходам принадлежат и люди, проживающие постоянно в других городах и поселках, а также за рубежом.

По данным Центрального статистического управления Польши за 2011 год, к Восточной старообрядческой церкви в Польше принадлежат 1006 верующих – 968 из Подляского воеводства и 38 из Варминьско-Мазурского (GUS, 2013, с. 53).

На основании данных фондов Центрального статистического управления и информации, полученной от самих старообрядцев, М. Глушковский считает, что в начале XXI века на территории Польши насчитывалось не более 1 000 старообрядцев, подавляющее большинство которых (около 90%) проживало в Подляском воеводстве (Гжибовский & Глушковский, 2008, с. 205). В настоящее время старообрядцы проживают: в Подляском воеводстве – в Августове (Augustów), Сувалках (Suwałki), Белостоке (Białystok), в деревнях Габове-Гронды (Gabowe Grądy), Бур (Bór), Белобжеги (Białobrzegi), Плочично (Płociczno), Близна (Blizna), Буда-Русска (Buda Ruska), Холны-Вольмера (Hołny Wolmera), Лещево (Leszczewo), Новинка (Nowinka), Водзилки (Wodзилki); в Варминьско-Мазурском воеводстве – в деревнях Войново (Wojnowo), Галково (Galkowo) и Онуфриево (Onufrijewo). Сегодня в Польше действуют три религиозные общины: Габове-Гронды, Сувалки и Войново; до недавнего времени существовала и четвертая – Водзилки, но после ее ликвидации местные верующие относятся к приходу в Сувалках. В упомянутых регионах можно встретить многочисленные старообрядческие кладбища разных периодов истории этой общины на польских землях, в частности, в Габовых-Грондах, Войнове, Водзилках, Августове, Галкове, Погоржеце, Буда-Русской, Сувалках, Шурах и др. (см. Snarski, 2017, с. 295; Ziolkowska, 2010, с. 482).

Глава II. Языковая ситуация старообрядцев в Польше

Исторические и лингвистические предпосылки, как уже упоминалось, позволяют предполагать, что старообрядцы пришли на польские земли из окрестностей Новгорода, Пскова и Великих Лук, хотя следует подчеркнуть, что происхождение старообрядцев окончательно не установлено (ср. Grek-Pabisowa, 1968, сс. 13, 168).

Пытаясь понять специфику языковой ситуации старообрядцев до момента миграции, необходимо проследить ее развитие на данной территории на протяжении столетий.

Псковская земля относится к территориям с неоднородной языковой спецификой. Во-первых, она находится в пределах средневеликорусского диалектного пояса, который, помимо своих особенностей, включает в себя также черты северного и южного наречий. Во-вторых, южная часть Псковской области – это ареал, исторически находящийся под взаимодействием нескольких языков, на что указывает Н. В. Большакова:

Специфика юга Псковщины связана с тем, что эта территория, к которой относятся 4 района целиком (Невельский, Пустошкинский, Себежский, Усвятский) и 3 района частично (Новосокольнический, Великолукский, Куньинский), составляет пограничную зону с Белоруссией. Историко-культурное значение границы, выделяющей в настоящее время с севера южнопсковские говоры, по свидетельству историков и археологов, состоит в том, что она в разное время совпадала с границами древнейших археологических культур, а сам южнопсковский ареал сохранил самые древние следы человеческой культуры на территории области. В XI–XIII вв. здесь же проходили границы Смоленского и Полоцкого княжеств, в XIV–XVII вв. – Великого княжества Литовского, позднее Польско-Литовского государства, Речи Посполитой, Псковского феодального княжества (1348–1510 гг.) (Большакова, 2017, с. 159).

Таким образом, на описываемой территории смешивались исконно русские, соседние белорусские, а также – в силу различных политических конфигураций – польские и литовские элементы. Следы этих языков и сегодня можно обнаружить в говоре старообрядцев Польши.

Псковский языковой ареал был очень тесно связан с белорусским языком, поскольку эти два кода, находясь в близком соседстве, функционировали

на протяжении веков и подвергались влиянию одних и тех же языковых процессов вплоть до 1991 года, когда в результате установления новых административных границ их общее развитие было прекращено. Как отмечает Н. В. Большакова:

Факты истории северо-восточной Белоруссии (имеется в виду вхождение этой территории с XII в. в состав Великого княжества Литовского, а с середины XVI в. — нахождение в составе Речи Посполитой) и белорусского языка сказались и на всем комплексе существования упомянутых территорий современной Псковщины, т.к. Себежский, частично Невельский и Усвятский районы вместе с территорией северной и северо-восточной Белоруссии переживали общие исторические процессы (Большакова, 2017, с. 160).

Не только белорусский язык оказал влияние на речь жителей Псковской области. Польский язык также внес свой вклад в формирование псковского диалекта, оказывая на него влияние в разные исторические периоды. М. Янковяк отмечает, что протяженность влияния польского языка северной части Восточных Кресов не ограничивалась, как считалось раньше, северо-восточным пограничем Первой Речи Посполитой, а простиралась гораздо дальше:

Relikty polszczyzny północnokresowej możemy znaleźć w znacznie już zrusyfikowanych gwarach białoruskich na północnych rubieżach dawnej guberni witebskiej, Łatgalii (dawne Inflanty polskie), a częściowo nawet poza granicami I Rzeczypospolitej (tereny graniczne położone w historycznej guberni pskowskiej) (Jankowiak, 2019a, ss. 149–150).

(«Реликты польского языка северной части Восточных Кресов можно обнаружить в уже значительно русифицированных белорусских диалектах в северных пограничных районах бывшей Витебской губернии, Латгалии (бывшая польская Лифляндия) и частично даже за пределами I Речи Посполитой (пограничные районы, расположенные на территории исторической Псковской губернии)).

В серии статей, состоящей из двух частей, М. Янковяк представил результаты своих исследований лексических заимствований из польского языка: в части 1 — на территориях, входивших в состав Речи Посполитой до 1772 года, в части 2 — в Пыталовском районе¹ на исторической Псковщине, т.е. землях, которые в прошлом находились вне административной юрисдикции Речи Посполитой и на протяжении веков принадлежали России (ср. Jankowiak, 2019a, с. 150). Автор, ссылаясь, в частности, на данные интервью с жителями исследуемых регионов, отмечает, что польский язык продолжал использоваться

¹ Пыталовский район в межвоенный период принадлежал Латвии, а сейчас является частью России, но в прошлом его также заселяли поляки.

в Себежском и Невельском районах вплоть до и сразу после Второй мировой войны. Однако из-за давления со стороны советских властей и отсутствия районов компактного польского заселения, шансы на его сохранение уменьшались с каждым годом:

Język polski obejmował w XIX i XX w. (do 1937–1938 r.) sferę sacrum oraz był wykorzystywany w miasteczkach i posiadłościach ziemskich porozrzucanych pomiędzy obszarami zamieszkanymi przez ludność wiejską. Nie miał zatem charakteru zwarteo (jak np. na Wileńszczyźnie), lecz punktowy. Funkcjonowaniu polszczyzny nie sprzyjał szereg czynników, nie tylko jej wyspowy charakter, ale również polityka władz carskich i sowieckich, brak szkolnictwa, organizacji i prasy polskojęzycznej. Obecnie można znaleźć jeszcze osoby, które pasywnie znają polski (na podstawowym poziomie), ale nie są już w stanie rozmawiać (Jankowiak, 2019a, c. 156).

(«Польский язык охватывал в XIX и XX вв. (до 1937–1938 гг.) сакральную сферу и использовался в небольших городах и поместьях, разбросанных среди районов с сельским населением. Поэтому он носил не компактный (как, например, в Вильнюсском крае), а точечный характер. Функционированию польского языка не благоприятствовал ряд факторов, не только его изолированный (островной) характер, но и политика царских и советских властей, отсутствие образования, организации и польскоязычной прессы. Сегодня еще можно встретить людей, пассивно владеющих польским языком (на базовом уровне), но уже не способных вести беседу»).

Иная ситуация сложилась в Пыталовском районе и на исторической Псковщине. На территории Пыталовского района функционировали: русский язык (в основном в форме псковского говора, а в настоящее время и в форме, близкой к литературному языку), латгальские говоры, латышский язык (административная и образовательная сферы) и белорусский язык (сельские местности). Польский язык также влиял на говоры старообрядцев, что было связано с наличием польских поселений в Латгалии. На исторической Псковщине, которая никогда не входила в административные границы Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, источниками польского влияния были торговые контакты, которым способствовала географическая близость польской Лифляндии и псковской земли (Jankowiak, 2019b, сс. 137–138).

Что касается псковского диалекта и вопроса о его гетерогенном характере, то существуют основания, побуждающие исследователей переносить центр тяжести с русского субстрата речи жителей псковско-белорусского пограничья² на белорусский субстрат. Н. В. Большакова приводит результаты

² Имеется в виду южная часть Псковской области и северная часть Беларуси, т.е. исследовалась речь жителей «довольно большой территории – с семи волостей, в настоящее время относящихся частично к Невельскому, Новосокольническому и Усвятскому районам Псковской области, частично – (в тот момент) к Витебской области Белоруссии» (Большакова, 2017, с. 161).

исследования П. А. Бузука, основанные прежде всего на анализе фонетических и морфологических признаков (лексики, по мнению исследователя, не дает возможности провести четкие границы):

На основе комплекса данных П. А. Бузук приходит к выводу о белорусской основе народной речи обследованной им пограничной территории, подчеркивая при этом отсутствие резких границ в языковом отношении (Большакова, 2017, с. 161).

На неоднородность и «мозаичность» говора обсуждаемой территории обращают внимание и другие исследователи, в частности Н. И. Зорин, а в трудах Московской диалектологической комиссии язык псковско-белорусского пограничья получил название переходного (Большакова, 2017, с. 162). Упомянутая выше переходность находит подтверждение и во фразеологии старообрядцев Польши, происходящих частично из псковского языкового ареала, поскольку некоторые фразеологические единицы, зафиксированные в словарях псковских говоров, упоминаются и в белорусском языке, однако не отмечаются в словарях общенародного русского языка (напр. *наговорить мех и торбу*).

Все перечисленные факторы влияют на то, что уже на начальном этапе исследований говора старообрядцев Польши возникают трудности, так как в настоящее время данный говор подвержен сильному влиянию польского языка. При этом следует помнить, что исходная форма говора староверов также изобиловала многими иноязычными элементами.

Следует также добавить, что псковская земля является особым местом на языково-культурной карте России, поскольку, как отмечает русский диалектолог А. С. Герд, Псков, наряду с Москвой, Новгородом и Киевом, являлся важным культурным центром, продолжающим сохранять «свою роль и свои традиции на протяжении четырёх-пяти столетий Средневековья» (Герд, 1998, с. 81). Вследствие этого уникального характера, исследователи предполагают, что и язык на этой территории формировался по-особенному, хотя это пока полностью не доказано в научных работах. До сих пор сохранились многие документы и памятники средневековой письменности псковского происхождения, благодаря которым представляется возможным изучение языковых элементов, функционирующих на псковской земле (ср., например, *Псковский областной словарь с историческими данными*, включающий очень богатый и ценный материал, см. Герд, 1998, сс. 76–84).

2.1. Основные черты говора старообрядцев в Польше и его связь с псковскими говорами

По известным ныне данным, в момент прибытия на польские земли старообрядцы говорили на говоре, относящемся к западной группе средневеликорусского наречия, проявляющем ряд сходств с псковскими говорами (и, в меньшей степени, новгородскими), с некоторыми польскими и белорусскими элементами (Grek-Pabisowa, 1968, с. 13).

К числу первоначальных характерных черт старообрядческого говора, встречающихся также в псковском языковом ареале, можно отнести: сильное яканье, напр. *śastr'a*, *źafč'aty*, *r'ak'a* [*сяс́тра́, дявча́ты, ряка́*]; произношение *t'*, *d'* как *c'*, *z'*; наличие протетического *v-*, напр. *v'ul'ica* [*ву́лица*]; синкретические формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа существительных женского рода, оканчивающиеся на *-i* (*-у*), напр. *g'zam'l'i*, *na ruk' 'i*, *dal' eta śastr'u* [*к зямлі́, дал эта сяс́тры*]; синкретическая форма творительного и предложного падежей единственного числа прилагательных на: *-im*, *-um*, напр. *v malad'um*, *f'kak' 'im* [*в малады́м, в каки́м*]; специфическая парадигма спряжения глагола *moč'* [*мочь*]: *tag'u*, *m'og'eš*, *m'og'et*, *m'ogut* [*могу́, мо́гешь, мо́жет, мо́гут*]; специфическая форма родительного и винительного падежей местоимения 3 лица женского рода: *joj*, *jan'u* [*ёй, яну́*]; окончание *-у* в именительном падеже множественного числа существительного глаз: *gl'azu* [*гла́зы*]; форма сравнительной степени прилагательного с суффиксом *-oš-*, напр. *l'ag'oše* [*ляго́ше*]; наличие специфической лексики, напр. *ar'at'*, *sv'ekr'ofka* [*ара́тъ, свякро́вка*]. Кроме перечисленных выше, характерными для говора старообрядцев в Польше являются: произношение слов *верх* и *столб* с учетом второго полногласия: *v'ar'ox*, *stał'ob* [*вярѣх, ста́лоб*]; сохранение архаичного произношения мягкого *r'* перед твердым согласным, напр. *c'er'kaf*, *p'er'vyj* [*це́рькав, пе́рвый*] (Grek-Pabisowa, 1968, сс. 13, 167–171; Paško-Konecniak и др., 2016, сс. 16–17).

Перечисленные черты относятся к состоянию говора, зафиксированного в середине XX века, и, по всей вероятности, соответствуют состоянию более ранних периодов. Однако сегодня произошли некоторые изменения, связанные с влиянием польского языка (например, в системе согласных */c'/* и */z'/* заменяются сейчас звуками */ć/* и */ź/*). Этот вопрос обсуждается более подробно в дальнейшей части монографии, а список особенностей дополняется в разделе о современном состоянии диалекта (2.2.3.).

2.1.1. Общие черты русского говора, белорусского языка и его диалектов

Проводя исследование, ориентированное на определение языковой родины старообрядцев, проживающих в Польше, И. Грек-Пабис выявила ряд черт и особенностей, общих для средневеликорусского диалекта, белорусского языка и его говоров. Автор пришла к выводу, что они функционировали в нем уже до момента миграции старообрядцев из России, а не попали в их говор в польском ареале (Grek-Pabisowa, 1968, с. 12). Территории, откуда происходят старообрядцы, проживающие в Польше, характеризуются большой неоднородностью языковых элементов, так как в них пересекаются черты северовеликорусского и южновеликорусского диалектов, белорусских говоров, а также некоторые черты восточной группы средневеликорусских диалектов (Орлова, 1970, сс. 318, 320, 410–414; Grek-Pabisowa, 1976/1999, с. 117). По мнению И. Грек-Пабис, факт присутствия белорусских языковых элементов в старообрядческом диалекте, находящемся в условиях языкового острова, не удивителен:

Naturalną więc rzeczą jest, że właśnie w gwarze starowierców od dwu prawie wieków odizolowanej od wpływu języka rosyjskiego zachowały się cechy wspólne z językiem białoruskim, a to ze względu na terytorialną bliskość terenów macierzystych starowierców i zwartego językowego obszaru białoruskiego (Grek-Pabisowa, 1976/1999, с. 117).

(«[...] естественно, что именно в диалекте старообрядцев, изолированном в течение почти двух веков от влияния русского языка, сохранились общие с белорусским языком черты, и это благодаря территориальной близости языковой родины старообрядцев и компактного белорусскоязычного ареала»).

Д. Пасько-Конэчняк отмечает, что в старообрядческом говоре в настоящее время все еще функционируют белорусские языковые элементы. Среди них перечисляются: окончание именительного падежа множественного числа существительных мужского и среднего рода на *-y, -i* (напр. *gł'azy* [глазы], *v''osły* [вёслы]), окончания *-of, -éf* в форме родительного падежа множественного числа существительных женского рода, принадлежащих к II склонению (напр. *v'odof* [вóдав], *z'etmléf* [зёмлев]), окончания *-um, -im* в предложном падеже единственного числа прилагательных мужского рода (нр. *balš'um* [балш'им], *har'ošut* [харóшум]), прейотирированная форма личных (*jon* [ён], *jan'a* [янá], *jan'o* [яно́])³ и указательных местоимений (*j'etat* [эта́т], *j'eta* [эта́]),

³ По мнению И. Грек-Пабис, такая форма местоимений связана с наличием протетической йоты (Grek-Pabisowa, 1968, сс. 118, 130). Л. Л. Касаткин, в свою очередь, воспринимает это как

отсутствие /n/ в начале слова в случае личных местоимений после предлога (*v jix* [в йих], *za j'im* [за йим], *s sej* [с ей]), параллельная форма указательного местоимения (*tot* [том] / *toj* [той]), некоторые союзы и частицы ('*al'it* [áli], *až* [аж], *s'i* [чи]), синкретические формы творительного и предложного падежей мужского и среднего рода большинства местоимений (*n'ašum kan''om* [нашим канём], *ab n'ašum kan''u* [аб нашим каню]), а также целый ряд лексических заимствований (напр. *šud'u* [суды́], *kud'u* [куды́], *nixt'o* [нихто́], *att'ul'a* [атту́ля], *už'o* [ужо́]) (Paško-Koneczniak, 2014, сс. 210–213).

2.2. Актуальное состояние говора старообрядцев

2.2.1. Теория языковых контактов

Языковой контакт возникает, когда одно лицо употребляет попеременно два или более языков (Вайнрайх, 1979, с. 22). Это явление, как и языковая интерференция, билингвизм, диглоссия или вопрос о первичности языка, неразрывно связано с языковой ситуацией многоязычной личности.

Вопрос языковых контактов издавна привлекает внимание лингвистов. Одним из самых важных исследователей этой области считается У. Вайнрайх, который в своей работе *Languages in Contact* («Языковые контакты»), впервые опубликованной в 1953 году, описал основные вопросы, связанные с феноменом билингвизма и межъязыковой интерференции. Появление упомянутой монографии привело к развитию определенной области языкознания, о чем свидетельствует ряд более поздних работ, опирающихся на теоретические достижения У. Вайнрайха, содержащих углубленные теоретические размышления и тематические исследования.

В самом начале рассматриваемой монографии автор уточняет основные понятия. Ситуацию языкового контакта он определяет следующим образом: «два или несколько языков находятся в к о н т а к т е, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» (Вайнрайх, 1979, с. 22). Практику попеременного использования двух (или более) языков исследователь назвал билингвизмом, а человека, которого касается данный акт, билингвом. Проявлениями

результат тематического выравнивания: «Во многих говорах наблюдается тенденция к полному или частичному обобщению основ в разных формах некоторых местоимений. Так, основа *jon* (*ён, ёна, ёны*), широко известная в западных говорах, является результатом частичного обобщения основ. Хотя в этих говорах и сохраняется чередование основ им. п. и косвенных падежей (*jon-ø* и *j-on-ó*, *jon-á* и *j-oj* или *j-ef*), всё же эти варианты основы имеют общий элемент /j/ в отличие от говоров с чередованием основ *on-* и *j-(on-ø и j-ová, j-omj)*» (Касаткин, 2005, с. 137).

⁴ Союз *али* (или *аль, але, алё*) распространен также в русских говорах, в том числе и в псковском говоре, в разделительной и вопросительной функциях (см. СРНГ, т. 1, с. 234).

интерференции автор считает, в свою очередь, любое отклонение от нормы, возникшее в одном из языков, на которых говорит двуязычная личность, вызванное влиянием другого языка (контактом языков):

Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями и н т е р ф е р е н ц и и (Вайнрайх, 1979, с. 22).

Однако слабость восприятия Вайнрайхом проблемы языкового контакта заключалась в том, что исследователь не обратил внимания на необходимость учитывать различия, существующие между системами, находящимися в условиях контакта (см. Вайнрайх, 1979, с. 23).

Своего рода дополнение дефиниции американского ученого можно найти в работах Э. Хаугена. Исследователь обратил внимание, что при рассмотрении явления интерференции следует учитывать дополнительные факторы, а именно: степень владения отдельными языками многоязычной личностью, степень близости по родству употребляемых языков, условия, в которых они используются, и масштаб явления. При этом не следует полагать, что описываемое явление всегда можно легко идентифицировать, поскольку определение момента перехода с одного языка на другой может оказаться невозможным, например, когда билингв недостаточно овладел фонологической системой другого языка (Хауген, 1957/1972, сс. 61–62).

Э. Смулкова, автор работ, посвященных языковой ситуации жителей польско-белорусского пограничья и польско-белорусско-литовской интерференции на исследуемой территории, отмечает, что термины *языковой контакт* и *языки в контакте* используются в двух разных смыслах. Первый из них, основанный на концепции Вайнрайха, предполагает, что языки находятся в контакте, если они попеременно используются одним и тем же лицом. Этот тип языкового контакта, который возникает в результате билингвизма, не связанного с территориальным контактом, автор называет *индивидуальным* (польск. *osobniczym*). Второе понимание относится к территориальному контакту и предусматривает две ситуации: контакт в результате сосуществования и накладывания двух систем, т. е. конвергенция языковых систем (Smułkowa, 1988b/2002, с. 307).

А. Зелиньска на основе обзора литературы по данному вопросу составила список возможных типов языкового контакта. В результате автор выделила две основные ситуации, в которых: 1) языковой контакт является результатом билингвизма; 2) языковой контакт не является результатом билингвизма. Первый случай наблюдается между родственными системами (такими, как языковые разновидности, близкородственные языки) или между системами

с дальней степенью родства, в то время как второй, т.е. не связанный с билингвизмом, может иметь как территориальный характер (в случае сосуществующих друг с другом языковых систем), так и нетерриториальный (когда контакт происходит на культурно-цивилизационном уровне и между системами нет прямого территориального контакта) (Zielińska, 1996, с. 18).

В случае старообрядцев в Польше, отмечает А. Зелинска, мы можем говорить о языковом контакте в результате билингвизма – между близкородственными системами в сувалкско-августовском регионе (русский говор и польский язык в общей и территориальной разновидностях) и между двумя славянскими языками (русским говором и польским языком в общей и диалектной разновидности) и одной неродственной системой (немецким языком в литературной разновидности с некоторыми региональными элементами) (Zielińska, 1996, с. 18).

2.2.1.1. Билингвизм

В лингвистической литературе билингвизм рассматривается в двух аспектах: как классический билингвизм и как билингвизм, связанный с диглоссией (Fishman, 1967, с. 30).

Вопрос билингвизма, как уже упоминалось, был определен У. Вайнрайхом как «the practice of alternately using two languages» (Weinreich, 1953/1968, с. 1) – практика попеременного использования двух языков. В более поздней работе американский исследователь внес некоторые уточнения по отношению к вопросам, которые, по его мнению, должны быть рассмотрены в рамках исследований билингвизма:

С лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием (Вайнрайх, 1968/1972, с. 27).

Как вытекает из вышеуказанного фрагмента, исследователь предлагает, чтобы вопрос о билингвизме касался анализа языковых систем в условиях контакта с точки зрения сходств и различий между ними, что затем должно привести к определению возможных областей и направлений интерференции. В центр исследований билингвизма Вайнрайх предлагает поставить речь отдельных билингвов и, таким образом, отмечает очень важную роль исследований на уровне идиолектов, позволяющих понять индивидуальные особенности и отличия от установленных норм для используемых языковых систем.

Билингвизм не представляет собой явление, относящееся исключительно к сфере языка – на его форму, функционирование и развитие влияет целый ряд психологических и социологических факторов. Е. Хауген, как известно, постулировал необходимость учитывать степень родства языков и уровень владения ими, условия, в которых они используются, и объем интерференции между ними (Хауген, 1957/1972, сс. 61–62). На основании изучения языковой ситуации жителей северо-восточной Польши, Э. Смулкова предлагает дополнить приведенный выше список такими вопросами, как, в частности, религиозная принадлежность, состояние национального самосознания, полезность и связанный с этим престиж языка (Smułkowa, 1988b/2002, с. 308).

Углубленное исследование социологических и психологических детерминант двуязычия старообрядцев сувалкско-августовского региона провел М. Глушковский (Głuszkowski, 2011b). Автор проанализировал ряд идиолектов представителей разных поколений старообрядческой общины, проследил их языковые биографии и выявил факторы, которые повлияли на уровень их знаний в области родного русского говора, в частности, возраст информанта, языковая ситуация в родном доме, отношение к языку предков, образование и формы профессиональной деятельности, место жительства на протяжении всей жизни, контакты с другими членами общины и др.

Встречаются случаи, когда человек или большая группа, говорящая на одном языке, вынуждена в силу различных обстоятельств овладеть вторым языком. В результате происходит языковой контакт, который может привести к различным сценариям развития языковой ситуации. У. Вайнрайх предусматривает в таких случаях три возможных варианта:

- (а) полная замена языка L1 языком L2 (языковой сдвиг);
- (б) попеременное использование языков L1 и L2 в зависимости от требований, предъявляемых собеседнику текущей ситуацией общения (переключение языка/switching);
- (в) смешение языков L1 и L2 в одну языковую систему (слияние языков/merging) (Вайнрайх, 1968/1972, с. 28).

Эти замечания особенно актуальны для сообществ, живущих в диаспорах, язык которых оказался в изолированной ситуации, т.е. в чужой лингвокультурной среде. Языковая ситуация старообрядцев, живущих в Польше, является замечательным тому подтверждением, так как в зависимости от идиолекта и поколенческой принадлежности, среди наших информантов можно найти представителей каждого из вышеперечисленных вариантов.

2.2.1.2. Диглоссия

Специфическим вариантом билингвизма является диглоссия. Сам термин *диглоссия* был введен в лингвистическую литературу Ч. Фергюсоном в 1959 году в статье *Diglossia*. Ч. Фергюсон определяет диглоссию как специфическую форму двуязычия, при которой один язык H (*high*) – наделяется «высокими», официальными, а другой L (*low*) – «низкими, разговорными» функциями (Ferguson, 1959, сс. 233–234; Głuszkowski, 2011b, с. 87).

Суть диглоссии и ее отличие от классического билингвизма заключается в том, что выбор языка общения зависит от социальных условий, определяемых различными социолингвистическими факторами, например, престижем языка в восприятии говорящего, местом и темой разговора, происхождением говорящего, отношением говорящего к собеседнику и т.д. (см. Гжибовский & Глушковский, 2013, сс. 379–389).

Некоторые дополнения к определению Ч. Фергюсона были сделаны Дж. Фишманом. Тот подчеркивает необходимость иерархического расположения языков на протяжении как минимум трех поколений и выделяет четыре типа отношений между билингвизмом и диглоссией:

- (а) билингвизм в сочетании с диглоссией;
- (б) билингвизм без диглоссии;
- (в) диглоссия без билингвизма;
- (г) отсутствие билингвизма и диглоссии (Fishman, 1967, с. 30).

Интересные замечания по поводу диглоссии сформулировала Э. Смуклова, которая, исходя из разработок Ч. Фергюсона, охарактеризовала ситуацию билингвизма в Беларуси в разных языковых конфигурациях. Исследователь определяет тип белорусско-русского билингвизма как *парадиглоссию* (польск. *paradyglosja*), отличающуюся частичным разделом функций устной формы языка (белорусский язык в устной коммуникации использовался прежде всего в сферах, связанных с высокой культурой, или как сакральный в католической церкви, в то время как русский язык охватил сферы повседневной разговорной коммуникации) и частичным разделом функций устной и письменной формы языка в определенных общественных средах (по словам автора, научные и публицистические тексты – особенно из области гуманитарных наук – издавались по-белорусски, в то время как те же самые темы, затрагиваемые в печатных изданиях, могли обсуждаться в устной речи по-русски), или *социально дифференцированную диглоссию* (польск. *dyglosja środowiskowa*), поскольку она не относится ко всем слоям общества, а навыки использования отдельных языков сложились довольно давно в определенных социальных группах. Вторая описанная Э. Смукловой ситуация касается белорусско-русского

билингвизма без диглоссии, суть которого заключается в том, что не существует объективных принципов, по которым разграничивались бы функции обоих языков. На практике это приводит к ситуациям, когда в рамках одного и того же разговора собеседники высказываются попеременно то на белорусском, то на русском, предполагая, что все участники разговора знают оба языка (напр. когда во время интервью по радио спикер задает вопросы на белорусском, а его собеседник отвечает на русском). В Беларуси наблюдается и третий названный Фергюсоном тип двуязычия, т.е. диглоссия без билингвизма. С такой особенной ситуацией можно встретиться в случае говорящей «по-просту» и принадлежащей к католической церкви частью белорусскоязычного населения, для которой польский является исключительно языком молитвы (Smułkowa, 2000/2002, сс. 418–421).

Приведенные замечания можно в определенной степени отнести к ситуации билингвизма старообрядцев в Польше по отношению к двум языковым конфигурациям: отношения между русским говором и польским языком можно определить, как правило, как билингвизм диглоссийного характера, а между русским говором и церковнославянским языком – как диглоссию без билингвизма. Более подробно на эту тему см. в разделах: *Языковая ситуация старообрядцев сувалкско-августовского региона* и *Языковая ситуация старообрядцев мазурского региона*.

2.2.1.3. Престиж языков

На выбор языка в ситуации диглоссии очень влияет его престиж, понимаемый как социальное восприятие превосходства и большей ценности того или иного языка в силу его функций и статуса. Ч. А. Фергюсон выразил мнение, что даже если двуязычные люди не убеждены окончательно и безоговорочно в превосходстве языка Н над языком L, в их общественном сознании язык Н все равно обычно воспринимается как более красивый, более логичный и лучше подходящий для формулирования более сложных мыслей:

Even where the feeling of the reality and superiority of H is not so strong, there is usually a belief that H is somehow more beautiful, more logical, better able to express important thoughts, and the like. And this belief is held also by speakers whose command of H is quite limited (Ferguson, 1959, с. 330).

(«Даже там, где ощущение реальности и превосходства Н не так сильно, обычно существует убежденность в том, что Н каким-то образом красивее, логичнее, лучше выражает важные мысли и т.п. И этого убеждения придерживаются и те говорящие, чье владение Н весьма ограничено»).

М. Глушковский отмечает, что хотя феномен престижа относится к символической сфере, он явно влияет на выбор языка общения в различных сферах

жизни и чистоту речи (Głuszkowski, 2011b, с. 94). Дж. Фишман видит еще одно чрезвычайно важное последствие более высокого престижа одного из языков, функционирующих в рамках билингвизма. Американский исследователь убежден, что со временем язык, считающийся более престижным, вытесняет язык менее престижный, что в конечном итоге приводит к языковому сдвигу (Fishman, 1972a, сс. 98–99, 110–113).

В старообрядческой общине сувальско-августовского региона именно польский язык в настоящее время выполняет функцию высокого благодаря своему статусу государственного языка, а значит и сферам его использования, которые влияют на жизнь всей общины: он является языком администрации, СМИ, образовательных учреждений, обеспечивает доступ к различным культурным ценностям, а также представляет собой инструмент для работы (Głuszkowski, 2011b, с. 95). М. Глушковский называет этот тип престижа, основанный на социально-экономических факторах, явным. Место русского говора в восприятии старообрядцев – вопрос более сложный. Торуньский исследователь отмечает, что он не лишен престижа, который, однако, имеет, прежде всего, скрытый характер:

Rosyjska gwara staroobrzędowców również nie jest pozbawiona prestiżu, jednak ma on inny charakter. Jej użytkownicy cenią swój język jako element tradycji, a wielu z nich posługuje się nim ze względu na szacunek dla rodziców i dziadków. Choć ich dialekt nie jest językiem liturgicznym, częściowo obsługuje sferę życia religijnego, dzięki czemu jest blisko powiązany z wyznaniem, stanowiącym podstawowy wyznacznik tożsamości staroobrzędowców. Jednocześnie rosyjska gwarą nie cieszy się wysokim prestiżem wśród otoczenia badanej społeczności. Pomimo ogólnej akceptacji językowej, kulturowej i wyznaniowej odmienności staroobrzędowców ani język, ani inne wartości kulturowe mniejszości nie są pożądane przez przedstawicieli większości. Mając świadomość jedynie wewnątrzgrupowego prestiżu swojego języka staroobrzędowcy rzadko manifestują pozytywne postawy wobec gwary na zewnątrz. W większości sytuacji dialekt staroobrzędowców posiada prestiż ukryty (Głuszkowski, 2011b, с. 95).

(«Русский говор старообрядцев также не лишен престижа, но он носит иной характер. Его носители ценят свой язык как часть традиции, и многие используют его из уважения к своим родителям, бабушкам и дедушкам. Хотя их говор не является богослужебным языком, он частично поддерживает сферу религиозной жизни, так что он тесно связан с религией, которая является фундаментальной детерминантой идентичности старообрядцев. В то же время русский говор не пользуется высоким авторитетом среди окружения исследуемой общины. Несмотря на общее признание языкового, культурного и конфессионального своеобразия старообрядцев, ни язык, ни другие культурные ценности меньшинства не являются желанными для представителей большинства. Осознавая лишь внутригрупповой престиж своего языка, старообрядцы редко проявляют позитивное отношение

к говору вовне. В большинстве ситуаций старообрядческий говор имеет скрытый престиж»).

В мазурском регионе ситуация, связанная с престижем языков, другая – здесь, наряду с польским, на протяжении многих лет высоким престижем пользовался и немецкий язык. Русский говор в настоящее время имеет второе-степенное значение (ср. Jorroch, 2014, сс. 311–327).

Вслед за Я. Зенюк, М. Глушковский подчеркивает, однако, что престиж не является величиной фиксированной и он может со временем меняться (Głuszkowski, 2011b, с. 95). Это замечание находит отражение в сегодняшней действительности – за последние несколько лет можно заметить, что среди представителей старообрядческой общины на Сувальщине наблюдается все более высокая оценка русского говора и подчеркивание его престижа также вне общины, что можно объяснить, в частности, растущим интересом молодых поколений к культуре своих предков и их усилиями по защите русского говора от исчезновения, а также влиянием общей тенденции последних лет ценить проявления индивидуализма и разнообразия, в том числе языкового и культурного.

2.2.1.4. Первичность и вторичность языка

Важным вопросом в рамках билингвизма является также вопрос о первичности и вторичности языков.

А. Зелиньска приводит следующие критерии первичности, предложенные Л. Завадовским: язык используется для разговоров на повседневные темы, обслуживает сферу семейной жизни и передается детям без посредничества другого языка (Zielińska, 1996, сс. 22–23). Автор отмечает, что приведенных выше критериев недостаточно для определения первичности и вторичности отдельных языковых систем, функционирующих в рамках старообрядческого многоязычия в Польше, и предлагает добавить к этому списку дополнительный исторический критерий, учитывающий языковую судьбу старообрядцев из отдельных регионов (Zielińska, 1996, с. 23).

Уровень знания русского говора и польского языка (в Мазурии также немецкого языка) в настоящее время сильно дифференцируется и в значительной степени совпадает с принятым разделом по поколениям, в силу чего представляет собой в некоторой степени обобщение, из которого есть исключения. Однако, как и в случае принадлежности к отдельным поколениям, в этом отношении также можно выделить определенные тенденции и закономерности.

2.2.1.5. Языковая ситуация старообрядцев сувалкско-августовского региона

Старообрядцы, проживающие в сувалкско-августовском регионе – двуязычная община. Их двуязычие носит диглоссический характер, т.е. они пользуются русским говором и польским языком попеременно, в зависимости от социально обусловленных ситуаций (Paśko-Konecniak, 2011b, сс. 43–45).

Диглоссия в двуязычии старообрядцев этого региона начала формироваться после 1945 года, когда их родной русский говор стал полностью изолированным (островным) в результате послевоенных изменений границ. В это время среди старообрядцев начался процесс постепенного выхода из изоляции, кульминация которого пришлась на 1960-е и 1970-е годы. Контакты группы с поляками в то время можно уже охарактеризовать как свободные. Причиной тому была не только необходимость получения обязательного школьного образования и контактов с польской администрацией, но и изменение сферы профессиональной деятельности, уменьшение численности старообрядческой общины (Гжибовский & Глушковский, 2008, с. 205).

Вопрос о функционировании диглоссии в общине старообрядцев Сувальщины был подробно разработан в статье М. Глушковского и С. Гжибовского (2013). Авторы проанализировали сферы использования каждого языка, учитывая возраст информанта, место, где ведется разговор, происхождение участников разговора и темы, которых касается разговор (см. Гжибовский & Глушковский, 2013, с. 386). Торуньские исследователи отметили, в частности, что выбор языка во многом обуславливается возрастом собеседника и связанным с ним желанием говорящего вести себя в соответствии с неформальными правилами функционирующего в обществе этикета:

Выбор языка в зависимости от поколения, к которому принадлежит собеседник, обусловлен речевым этикетом в исследуемой нами группе. Так как среди пожилых членов общины, особенно в сельских местностях, основным средством общения считается русский говор, употребление другого кода в обращении к представителям старшего поколения рассматривается как проявление невежливости. Выбор польского языка в контактах с пожилыми членами семьи или соседями может оправдываться лишь недостаточной компетенцией говорящего в области традиционного староверского кода, т.е. русского говора. По отношению к адресатам среднего и младшего поколений выбор языка обусловлен прежде всего прагматическими критериями: язык предков в отличие от старшего поколения не вызывает у них положительного эмоционального отношения. Поэтому в контактах между младшим и средним поколениями главным фактором, влияющим на употребление одного из кодов, является языковая компетенция собеседника (Гжибовский & Глушковский, 2013, с. 387).

Русский говор остается основным средством общения прежде всего в разговорах на религиозные, семейные и повседневные темы, в то время как польский язык доминирует во всех сферах, связанных с культурно-цивилизационным и технологическим прогрессом, то есть в тех областях, с которыми старообрядцы соприкасались только в Польше. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследования в области заимствованной польской лексики различных тематических сфер (см. Grupa, 2016с, сс. 167–185; Grupa-Dolińska, 2018, сс. 703–720; Paško-Koneczniak, 2011a, сс. 118–126, 2011b).

Функцию языка религиозной сферы для старообрядцев выполняет также (в ограниченной степени) церковнославянский язык.

Большинство представителей старшего поколения старообрядцев из Сувальщины сначала освоило русский говор, а с польским языком столкнулось только на этапе соседских контактов с поляками и польской администрацией. Для этой части общины русский говор неизменно остается основным средством общения. Ситуация среднего поколения имеет переходный характер и трудно определить, какой язык для большинства является первичным. Это поколение отличается лучшим знанием польского языка, чем старшее, поскольку некоторые родители старались говорить с детьми по-польски и дома, чтобы облегчить им начало обучения в польской школе. Конечно, существуют исключения из данной тенденции. Например, один из информантов, рожденный в 1977 году, утверждал, что в детстве говорил дома с родителями только на русском говоре, а с польским языком впервые столкнулся в школе. Однако следует отметить, что он происходит из семьи, почитающей традиции, и во взрослой жизни также подчеркивает привязанность к своей вере, идентичности и обычаям. Большинство старообрядцев среднего поколения владеют русским говором на относительно хорошем уровне, который позволяет высказываться на разные темы. Среди молодого поколения старообрядцев польский язык явно преобладает и служит основным средством общения, а знание русского говора в основном ограничивается способностью формулировать простые ответы в разговорах с бабушками и дедушками или только пассивным знанием (см. Гжибовский & Глушковский, 2008, с. 206).

2.2.1.6. Языковая ситуация старообрядцев мазурского региона

Старообрядцы, проживающие в мазурском регионе, – трехязычные. Они пользуются русским говором, польским и немецким языками. Их языковую ситуацию можно охарактеризовать как триглоссию, однако русский говор ими используется уже почти только в сфере религии и, в ограниченной степени, в некоторых ситуациях повседневной жизни. В других сферах явно преобладает польский язык, переплетающийся с немецким.

Языковая ситуация мазурских старообрядцев намного сложнее, чем у их единоверцев из Сувальщины. А. Зелиньска определяет ее следующим образом:

Relacje między używanymi tam trzema językami są tak samo skomplikowane jak historia i obecna sytuacja społeczna na tych ziemiach. Ciężko jest nawet określić, który język jest dla nich prymarny. Znika tu ważne kryterium prymarności, a mianowicie przekazywanie języka dzieciom. Nie ma młodych, nie ma dzieci. Ci, co pozostali, przeżyli na tyle dużo, żeby nie wypowiadać się szczerze na temat swoich zwyczajów językowych. Mazurscy starowiercy nie czują się częścią większej społeczności kulturowo i językowo związanej z Rosją. Niektórzy nie wiedzą nic o swoim pochodzeniu. Nie mają więc z tej strony oparcia kulturowego i chyba dlatego nie czują potrzeby zachowania języka rosyjskiego, mimo przestrzegania obyczaju religijnego. Po wojnie podzielili losy pozostałych rdzennych mieszkańców tych ziem. (...) Starowiercy, którzy przed wojną i później przez pewien czas stanowili zwartą religijną i językową mniejszość rosyjską, nie mieli powodów w powojennym kontekście historycznym i społecznym szukać związków z polską kulturą. Czynniki ekonomiczne dodatkowo sprawia, że czują się oni związani z Niemcami, stąd tak wysoki prestiż języka niemieckiego w ich społeczności (Zielińska, 1996, ss. 53–54).

(«Отношения между тремя языками [русским говором, польским и немецким языками – примечание МГД] столь же сложны, как история и современная социальная ситуация на этих землях. Трудно даже определить, какой язык для них является основным, первичным. Исчезает здесь важный критерий первичности, а именно передача языка детям. Нет ни молодежи, ни детей. Те, кто остался, испытали достаточно много, чтобы не говорить откровенно о своих языковых привычках. Мазурские старообрядцы не осознают себя как часть большой общины, культурно и лингвистически связанной с Россией. Некоторые из них даже ничего не знают о своем происхождении. Поэтому у них нет культурной поддержки с этой стороны, и, возможно, поэтому они не чувствуют необходимости сохранять русский язык, несмотря на соблюдение религиозных обычаев. После войны они разделили судьбу других коренных жителей этих земель. (...) У старообрядцев, которые до и после войны некоторое время составляли компактно проживающее религиозное и языковое русское меньшинство, не было причин искать связи с польской культурой в послевоенном историческом и социальном контекстах. Экономический фактор дополнительно заставляет их чувствовать связь с Германией, что влияет на высокий престиж немецкого языка в их сообществе»).

В общине мазурских старообрядцев уже практически нет молодого поколения, в районе остались в основном самые пожилые представители общины (родившиеся до 1950-х годов). Большинство из них трехязычны: как отмечает А. Йоррох, проводившая исследование немецкого языка мазурских старообрядцев в наше время, «mówią oni płynnie i naturalnie po niemiecku» («они свободно и естественно говорят на немецком языке») (Jorroch, 2014, s. 315),

а также пользуются польским языком и, в некоторой степени, русским говором. Исследователь пишет об их лингвистической компетенции в области русского говора следующим образом:

Warto zaznaczyć, iż nie są to wyuczone, gotowe teksty o charakterze zamkniętego zbioru, które mogłyby wiązać się wyłącznie z językiem liturgicznym i które staroobrzędowcy mogliby cytować lub mówić z pamięci, jak np. psalmy czy modlitwy. Gwara rosyjska wychodzi czasem poza mury Wojnowskiej molenny i funkcjonuje w naturalnym użyciu (Joroch, 2014, с. 318).

(«Стоит отметить, что это не заученные, готовые тексты с характером закрытого набора, которые можно было бы ассоциировать исключительно с богослужебным языком и которые старообрядцы могли бы цитировать или произносить по памяти, например, psalmy или молитвы. Русский говор иногда выходит за стены Войновской моленной и функционирует в естественном употреблении»).

Для старообрядцев, родившихся после 1945 года, польский язык является основным средством повседневного общения (Joroch, 2014, с. 318).

2.2.2. Островной характер русского говора в польском окружении

Ситуацию русского старообрядческого говора в Польше И. Грек-Пабис определила как островную. Это означает, что он функционирует в окружении другого языка и не имеет территориального контакта со своим общим языком (Grek-Pabisowa, 1983, с. 8). Вышеупомянутые условия, сопровождающие такое явление, способствуют скорости и интенсивности изменений, происходящих в языке под влиянием иностранной среды.

Постепенное насыщение языка иностранными элементами в островных условиях А. Дуличенко объясняет возникновением определенного дефицита в изолированном языке, связанного с территориальным отрывом от языковой родины и, следовательно, отсутствием естественного развития, особенно в сферах культуры, науки и т.д:

Островные ситуации возникают вследствие переселения части того или иного этноса по тем или иным причинам – социально-политическим, военным, экономическим и прочим – в регионы проживания иного этноса (иных этносов) с иным языком (иными языками). Оторванные от исходного этноязыкового корня, такие острова постоянно ощущают языковой дефицит, особенно что касается его использования в области культуры, образования, науки. С одной стороны, их представители должны овладеть языком окружающего этноса (что в действительности и наблюдается), с другой – для них важно сохранить язык своих предков (Дуличенко, 1998, с. 26).

Язык окружения влияет на языковой остров двояко: с одной стороны, он помогает подчеркнуть самобытность и сохранить уникальный характер данного говора, с другой стороны, способствует взаимному проникновению элементов языков и говоров, находящихся в условиях контакта (Самойлова, 2007, с. 86).

А. Домашнев, напротив, обращает внимание прежде всего на предположение о доминирующей роли языка окружения над языком в островной ситуации в силу практического значения первого в повседневной жизни, его высокого престижа:

Характерной чертой любого языкового острова является так называемое перекрытие (*Überdachung*) его языком окружающего языкового большинства в силу его преобладающей практической роли и социальной престижности в обществе, что со временем приводит к усилению влияния на данный языковой остров как языка, так и культуры его иноязычного и инонационального окружения. Высокий социальный статус языка окружающего «большинства» с неизбежностью приводит к тому, что носители островного диалекта овладевают языком окружения, тогда как связи со своим этническим литературным языком нередко ослабевают. Таким образом, в языковом отношении развитие идет от этнонациональной диглоссии (диалект/литературный язык) к различным вариантам билингвизма (диалект/литературный язык + иноязычный литературный язык, или: диалект + иноязычный литературный язык) (Домашнев, 1996, с. 24).

Русский говор старообрядцев в Польше стал полностью изолированным после 1945 года, когда в результате послевоенного изменения границ старообрядцы потеряли постоянный контакт со своими единоверцами из Вильнюсского края (Гжибовский & Глушковский, 2008, с. 205). Этот факт стал движущей силой тех изменений, которые в последующие годы под влиянием польской языковой и культурной среды произошли в языке старообрядцев и в сфере их обычаев. Следует, однако, отметить, что, несмотря на то, что старообрядцы уже более 200 лет живут вне своей языковой родины, они по-прежнему используют свой родной говор, в котором сохранилось относительно много первоначальных диалектных черт. И хотя нельзя отрицать растущую роль польского языка, однако только с конца XX века наблюдается медленное исчезновение традиционного говора в пользу польского, обусловленное сменой поколений.

Тенденцию к сохранению родных говоров можно считать характерной и для других старообрядческих скоплений за пределами России, т.е. поселений, находящихся в островном положении. И. Грек-Пабис отмечает, что:

Autorzy publikacji we wszystkich krajach, gdzie bada się wyspowe gwary rosyjskie, zgodnie podkreślają, że gwary te są wyjątkowo żywotne i wyjątkowo długo zachowują swój archaiczny charakter na różnych poziomach języka. Wiele cech wspólnych charakteryzujących rozwój rosyjskich gwar w otoczeniu obcojęzycznym wskazuje na

istnienie analogicznych czynników pozajęzykowych i językowych taki właśnie rozwój warunkujących (Grek-Pabisowa, 1983a/1999, c. 73).

(«Авторы публикаций во всех странах, где изучаются русские говоры в островных условиях, сходятся во мнении, что эти говоры исключительно живые и исключительно долго сохраняют свой архаичный характер на разных уровнях языка. Многие общие черты, характеризующие развитие русских говоров в иноязычной среде, указывают на существование аналогичных экстралингвистических и лингвистических факторов, обуславливающих такое развитие»).

Среди упомянутых факторов, оказывающих существенное влияние на развитие языка, автор перечисляет: историко-культурные условия и цивилизационный уровень, существовавший на чужой территории, возможности поддержания контактов с соотечественниками после изоляции от родины и их тип, религию, получение школьного образования и его условия (например, возможность изучения родного языка), размер группы, изоляцию (островной характер говора), двуязычие, использование языка окружения, существование говора только в разговорной форме и другие (Grek-Pabisowa, 1983a/1999, c. 73).

Старообрядцы оказались в Польше в ситуации лексического дефицита, возникшего в результате изменения условий жизни и недостаточного развития их русского диалекта, связанного с отрывом от языковой родины. Это, в свою очередь, привело к проникновению в их говор заимствованных слов, называющих новые для них десигнаты, с которыми они столкнулись в чужой среде, в частности, в таких областях, как военное дело, управление, техника, медицина, одежда, сельское хозяйство и др. С другой стороны, отсутствие собственной системы образования и неграмотность некоторых из них способствовали сохранению архаичных языковых особенностей в их русском говоре, а также диалектной фонетики (Grek-Pabisowa, 1983a/1999, сс. 73–74).

До настоящего времени сохранились некоторые фонетические особенности, диалектная морфология и лексика, принесенные старообрядцами с их языковой родины, хотя интенсификация контактов с поляками в сочетании с функционированием в рамках польской администрации и образования привели к многочисленным изменениям, связанным с интерференцией польского языка. При этом морфосинтаксический каркас языка остается диалектным, а отдельные языковые элементы заимствуются из польского языка и адаптируются к диалекту. Такую ситуацию С. Гжибовски определяет как гибридизацию старообрядческого говора (см. Гжибовски, 2010, сс. 67–76).

2.2.3. Влияние польского языка на русский говор старообрядцев в Польше

За последние полвека влияние польского языка на русский говор старообрядцев в Польше значительно возросло и стало заметно во всех подсистемах языка.

В области фонетики наиболее значительными изменениями можно считать разрушение мягкостной корреляции и ее формирование по польскому образцу, утрату зубности /ʎ/ и замену его глайдом /w/, замену мягкого /ʎ'/ нейтральным /ʎ/, замену палатализованных фрикативных согласных [s'], [z'] палатальными, а также аффрикацию плоттальных [t'], [d'] (Гжибовский, 2011, сс. 47–48).

Морфология в наибольшей степени остается невосприимчивой к польскому влиянию. Вместе с тем некоторые незначительные следы воздействия были отмечены и в этой сфере: изменение категории числа существительных, напр. *p'oxaran* (ед.ч.) [nóxaran] – ср. польск. *pogrzeb* (ед.ч.), вместо *nóxороны* (мн.ч.), или категории рода, напр. *kl'assa* (ж. р.) [klácca] – ср. польск. *klasa* (ж. р.), вместо русского *класс* (м. р.). Однако такие случаи редки (Głuszkowski, 2011a, с. 109).

Более значительные изменения заметны в синтаксисе русского диалекта. Влияние польских структур и конструкций отмечено широким использованием глагола *m'eć/ im' 'eć* [меть/ иметь] по образцу эквивалентных конструкций с глаголом *mieć*, встречающихся в польском языке, например: *ja m'aju d'očk'i* ([я маю дочки] 'у меня есть дочери') и глагола *j'eść/ j'eśca* [есть/ ёстя] в функции связки, напр.: *maj'a sęstr'a j'eśca stud'entkaj* [мая сестра ёстя студенткай] вместо конструкции с нулевой связкой: *Моя сестра – студентка*. Некоторые изменения также касаются выражения повторяемости событий: в таких случаях появляется конструкция *što + винительный*, напр. *što dva čas'a* [што два часа] 'каждые два часа' – ср. польск. *co dwie godziny, što got* [што год] 'каждый год' – ср. польск. *co rok*, и выражения частотности, в рамках которой часто используется конструкция *raz na + винительный*, напр. *raz na čet'yr'e g'oda* [раз на четы́ре го́да] 'раз в четыре года' – ср. польск. *raz na cztery lata* (Гжибовский, 2011, с. 51).

Наибольшие изменения, вызванные влиянием польского языка на русский говор, фиксируются в области лексики. Именно лексика является той подсистемой языка, в которой наиболее быстро отражаются все модификации окружающей действительности и новые элементы, а следовательно, она наиболее восприимчива к иностранному языковому влиянию. В лексике старообрядческого говора отмечается все больше заимствований, языковых калек и гибридных образований, мотивированных влиянием польского языка. Такой процесс обогащения лексических ресурсов диалекта за счет заимствований из

польского языка обусловлен тем, что старообрядцы, прибывая на территорию Речи Посполитой, а затем проживая там, часто сталкивались с новыми, ранее неизвестными элементами жизни, которые необходимо было назвать (Paško-Koneczniak, 2011b, сс. 70–72). Поэтому для них было естественно черпать названия отдельных десигнатов из пространства, в котором они с ними познакомились, то есть из польской лингвокультурной среды.

Лексические заимствования появляются практически во всех тематических сферах, но наибольшее их количество зафиксировано в областях, связанных с широко понимаемым развитием цивилизации и культурно-техническим прогрессом. Выделяются следующие сферы:

- техники (напр. *l'ad'ufka* [лядүвка] – ср. польск. *lodówka* ‘холодильник’, *m'ikrafal''ufka* [микрафалювка] – польск. *mikrofalówka* ‘микроволновка’, *kaś'arka* [касярка]) – польск. *kosiarka* ‘косилка’,
- управления (*gm''ina* [гмїна] – польск. *gmina* ‘муниципалитет, община, район’, *pad'atk'i* [пада́тки] – польск. *podatki* ‘налоги’, *abyvat'elstva* [абыватэльства] – польск. *obywatelstwo* ‘гражданство’),
- образования (*zavad'ufka* [завадүвка] – польск. *zawodówka* ‘профтехучилище’, *agul'ń'ak* [агульняк] – польск. *ogólniak* ‘общеобразовательный лицей’, *pad'anije* [пада́ние] – польск. *podanie* ‘заявление’),
- медицины (*xal'ester'ol* [халестеро́ль] – польск. *cholesterol* ‘холестерин’, *sk'erav'anije* [скерава́ние] – польск. *skierowanie* ‘направление’, *vantr'oba* [вантро́ба] – польск. *wątroba* ‘печень’) и др. (Пасько-Конэчняк, 2013, сс. 390–400; Група, 2016с, сс. 167–185; Paško-Koneczniak, 2011a, сс. 118–126).

Как и в лексическом слое, прогрессирующее влияние польского языка заметно и во фразеологии, что отражено в появлении фразеологических калек и полукалек, состоящих также из слов, заимствованных из польского языка. Этот вопрос более подробно рассматривается в Главе VI данной монографии.

Глава III. Эволюция исследований в области фразеологии

Прежде чем понятие фразеологизма приобрело свое современное значение и объем, оно неоднократно использовалось для наименования других явлений, отмеченных в языке.

В польской литературе данное понятие впервые было зафиксировано в словаре под редакцией А. Здановича и других исследователей, широко известном как *Słownik Wileński*:

Frazeologia, ji, lm je, m. 1) budowa okresów, zdań, szykowanie wyrazów, 2) sposób gładkiego wysławiania się przy ubóstwie myśli. *To tylko frazeologia.* (Słownik Wileński, 1861, с. 323).

В вышеуказанной дефиниции термин фразеология объясняется как: 1) структура предложения, порядок слов в предложении или 2) способ высказываться, используя большое количество слов, лишенных глубокого смысла.

Фразеология как совокупность сочетаний слов с разной степенью лексикализации появилась в польской лексикографии задолго до указанной выше дефиниции. С. Скорупка, синтезируя понимание фразеологии в Польше на протяжении веков, предлагает разделить историю польской лексикографии на два периода: первый, охватывающий старопольскую эпоху, когда лексикографы заметили относительно фиксированные словосочетания и решили включать их в словарные статьи без определения и анализа, и второй, начинающийся на рубеже XIX–XX веков и продолжающийся до наших дней, во время которого были созданы теоретические работы по фразеологии, постулировавшие необходимость более широкого описания этой области языкознания и признавшие ее связь с другими разделами лингвистики, такими как словообразование, синтаксис, семантика и стилистика (Skorupka, 1988, с. 7).

Польская фразеология появилась уже в самых древних языковых памятниках, в том числе религиозных. Некоторые сочетания слов, попавшие в них, отражают выражения, происходящие из латыни или чешского языка. Отдельные сочетания слов отмечены в словаре, прилагаемом к работе о старопольском языке до XIV века И. А. Бодуэна де Куртенэ (Skorupka, 1988, с. 7), например: *V'elá ląka, pstré sto* (Бодуэн-де-Куртенэ, 1870, сс. 1–49).

В ранней польской лексикографической традиции фразеология как совокупность фиксированных сочетаний слов отмечалась под разными

названиями. Например, в словаре древнепольского языка (*Słownik Staropolski*) под редакцией С. Урбанчика, содержащем языковой материал XIV–XV веков, фразеологизмы были названы сопоставлениями. В словаре современного польского языка (*Słownik Języka Polskiego*, XIX век) его составитель, А. Осиньский, поставил цель представить слова «в компании слов», в результате чего зафиксировал значительное количество устойчивых словосочетаний как польского, так и иностранного происхождения. *Słownik języka polskiego* под редакцией Т. Лера-Сплавиньского дает следующие три определения фразеологизма: 1) строение, структура предложений; 2) совокупность выражений, свойственных какому-то языку, народу, человеку; 3) способ высказываться, используя много слов, лишенных глубокого смысла:

1. budowa zdań; 2. zasób wyrażeń, zwrotów właściwych jakiemuś językowi, narodowi, człowiekowi: bogatej frazeologii Anglików nie można często oddać w naszym języku;
3. zbiór górnolotnych słów bez treści, bez jakiejś głębszej myśli; pusta, czcza gadanina: pisz krótko, treściwie, bez frazeologii (цит. по: Skorupka, 1988, сс. 9–10).

Термин фразеология в современном понимании начал использоваться только на рубеже XIX–XX веков, тогда же появляются первые польские словари и работы, посвященные исключительно этой области языкознания, ср. изданный в 1889 году *Słownik frazeologiczny. Poradnik językowy* А. Красновольского (Skorupka, 1988, сс. 10–11).

Процесс документирования фразеологии в русском языке был аналогичным. Первоначально сочетания слов, которые сегодня можно определить как фразеологизмы, прилагались в качестве дополнений к словарным статьям, состоящим из отдельных лексем. Среди самых ранних источников можно указать *Азбуковники ... неудобь познаваемых речей* и *Алфавиты, сказующие толкование иностранных речей* XVII века, в которых собиралась и толковалась коллекция «темных выражений», извлеченных из библейских текстов и переводных книг, а также *Парижский словарь московитов* 1586 года (Radzik, 2000, сс. 7–11).

В европейской лексикографии термин фразеологизм фиксируется с XVI века. В словаре *Dictionnaire étymologique* А. Доза рядом со словарной статьей *phrase* указан 1546 год, *phraseologie* – 1786 (Skorupka, 1988, с. 9). В немецкой традиции, в свою очередь, самым ранним упоминанием рассматриваемого термина считается название работы Й. Р. Саттлера *Teutsche Orthographie und Phraseologie* 1607 года (Fleischer, 1982, сс. 8–9).

3.1. Возникновение фразеологии как научной дисциплины

Процесс становления фразеологии как отдельной научной дисциплины в рамках лексикологии происходил в начале XX века, когда стали появляться заметки и исследования на эту тему. Одним из основоположников этой области был представитель структуралистской школы Ш. Балли, который в работе *Precis de stylistique* (1905) обратил внимание на специфику воспроизводимых многословных сочетаний. В следующей монографии, также посвященной стилистике, *Traite de stylistique française* (1909), Ш. Балли заложил основы теории фразеологии отправителя, подчеркнув важность намерения говорящего в процессе создания высказывания. Его идеи, воплощенные в исследованиях по стилистике французского языка, считаются символическим началом фразеологии как отдельной области языкознания. В вышеупомянутых работах были высказаны также другие идеи, в частности, упоминание о некоторых сочетаниях слов, характеризующихся номинативной глобальностью и несущих определенный смысл только при учете значения всей группы слов. При этом автор обращает внимание на необходимость избегания этимологизации таких выражений, как связанные словосочетания, поскольку перевод отдельных компонентов не приведет к правильной интерпретации (Мауенова, 1966, с. 25).

Фундамент для развития дисциплины заложил также В. В. Виноградов, который первым разделил и описал фразеологический запас русского языка. Концепция советского исследователя, хотя сначала и подверглась критике, скоро стала очень популярной. Обретя множество последователей, она послужила для многих ученых основой теоретического описания фразеологии, а также вкладом в многочисленные эмпирические исследования (см. Жуков, 1978). В соответствии с семантическим критерием В. В. Виноградов разделил все фразеологизмы по степени согласованности значения всей фразеологической единицы по отношению к значениям отдельных ее компонентов (т.е. по степени лексикализации, выделив: *фразеологические сращения* (идиомы) – единицы, в которых нет связи, даже потенциальной, между значением целого и значением отдельных компонентов, *фразеологические единства* – единицы, глобальное значение которых не выводится из значений отдельных компонентов, однако при этом оно является мотивированным, поскольку может быть выведено из значений компонентов в данных конкретных сочетаниях, и *фразеологические сочетания*, включающие слова, связанные фразеологически, т.е. лексемы, значение которых реализуется исключительно в составе фразеологического (устойчивого) сочетания, и только после образования конкретного словосочетания они приобретают метафорическое значение (Виноградов, 1946/1977, сс. 121–138). Продолжателем концепции В. В. Виноградова

считают Н. М. Шанского, который к трем категориям, разработанным его предшественником, добавил еще одну – *фразеологические выражения*, т.е. такие фразеологические сочетания, в которых нет слов с фразеологически связанным значением, т.е. слова сохраняют свой системный характер и функции. При этом в случае фразеологического выражения замена определенного компонента другим с синонимичным значением является невозможной. Н. М. Шанский различал два типа подобных выражений: 1) предикативные словосочетания, эквивалентные предложению, которые всегда встречаются в полной форме и выражают определенную мысль (например, *Человек – это звучит гордо*, *Суждены нам благие порывы*); 2) выражения, представляющие собой комбинации слов, эквивалентные частям предложения, возникающие как реализация некоторого понятия, и имеющие в языке номинативную функцию (например, *трудовые успехи*, *высшее учебное заведение*) (Шанский, 1969, сс. 84–85).

Эта теория легла в основу многих более поздних концепций (в том числе и концепции, разработанной С. Скорупкой), хотя, как уже отмечалось, она была подвергнута критике со стороны лингвистов. Основными оппонентами семантической теории фразеологии Виноградова были С. И. Ожегов (1957), А. В. Кунин (1970) и Н. Н. Амосова (1963). Основное возражение заключалось в том, что в основе концепции лежат два разных критерия (Амосова, 1963, сс. 6–7; Кунин, 1970, сс. 271–274; Ожегов, 1957, с. 37): первые две группы выделяются на основе степени мотивированности фразеологической единицы (семантический критерий), в то время как третья категория обусловлена другим признаком, а именно ограничениями лексической связности компонента. С. И. Ожегов также отметил, что фразеологические сращения отличаются на фоне остальных групп фразеологизмов в классификации В. В. Виноградова тем, что они выделяются не столько на основе структурных, сколько исторических признаков (Ожегов, 1957, с. 37). Среди других требующих внимания и дополнительной разработки аспектов работы В. В. Виноградова, по мнению исследователей, можно отметить неспособность решить поставленную проблему, а лишь представить ее, и недостаточно объективную методологию анализа языкового материала (Амосова, 1963, сс. 7–8).

Большой вклад в развитие данной области лингвистики внес Е. Д. Поливанов. Несмотря на то, что труды этого советского исследователя посвящены в основном вопросам общего языкознания, они косвенно затрагивают и отдельные субдисциплины лингвистики, в том числе и фразеологию. Е. Д. Поливанов считается одним из предшественников теории фразеологии отправления. В одной из своих статей о факторах фонетической эволюции языка исследователь обратил внимание на воспроизводимость фразеологизмов в готовом виде, что позже развил польский ученый В. Хлебда (Chlebd, 2003). Е. Д. Поливанов отметил, что некоторые реплики и выражения являются не

следствием творческой деятельности человека, а готовым шаблонным ответом, соответствующим обстоятельствам:

для нормальных (обыденных) условий речи, например диалога, приходится исключить из акта языкового мышления как такового творчество символа, долженствующего выразить известное внеязыковое представление: этот символ – «речение» по терминологии русских синтаксистов – оказывается уже готовым (например, говорящему не приходится в ответ на вопрос «Вы пили чай?» создавать [как нечто новое] фразу «Да, благодарю Вас»). Эта фраза уже готова в ассортименте его словарного, фразеологического мышления как определённый, постоянный символ для выражения данной совокупности идей (Поливанов, 1968б, с. 59).

Не меньшее значение для развития дисциплины имели работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в книге *Введение в языковедение* (1917) одним из первых обратил внимание на основные признаки, отличающие фразеологизмы от свободных словосочетаний: относительное постоянство лексического состава, воспроизводимость ФЕ из памяти в готовом виде (также по отношению к целым предложениям – паремиям) (Arsenteva & Safina, 2014, с. 3).

Как самостоятельная исследовательская дисциплина фразеология, понимаемая как компонент раздела лексикологии, появилась в 1940-х годах благодаря работам В. В. Виноградова: *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке* (Виноградов, 1946/1977, 1947/1977), трудам А. А. Шахматова (Шахматов, 1925) и А. А. Потебни (Потебня, 1905).

Инициатором исследования польской фразеологии считается С. Скорупка, автор лексикографического издания *Słownik frazeologiczny języka polskiego* (SFJPSkor, 1967, 1968), содержащего во введении к первому тому комментарий о сущности фразеологии, на который значительное влияние оказали идеи В. В. Виноградова.

3.2. Славянская фразеология

Одной из первых работ в польской лингвистической среде, в которой был затронут вопрос сопоставления и противопоставления фразеологических ресурсов разных языков, было исследование Ю. Моравского, опубликованное в 1937 году (Krucka, 1996, с. 23; Morawski, 1937). Необходимость более широкого описания сравнительной фразеологии была также постулирована С. Скорупкой, указавшем на недостатки в этой области, цель исследования и трудности, которые ожидают ученых, предпринимających подобную попытку:

Ten dział frazeologii, niezmiernie interesujący i kształcący, jest w naszej literaturze naukowej od niedawna dopiero postulowany. Wymaga szczegółowych i żmudnych

zestawień pojedynczych wyrażeń i zwrotów bądź też całych grup frazeologicznych w bardzo wielu językach, rodzinach i grupach językowych. Celem takich zestawień jest wykrycie wspólnych źródeł frazeologii europejskiej, w szczególności słowiańskiej, oraz powiązanie jej z dalszymi źródłami światowymi. Metoda porównawcza pozwoli lepiej zorientować się w tendencjach rozwojowych frazeologii, pozwoli wreszcie wydzielić w każdym języku to, co jest w nim swoiste, związane bądź ze strukturą języka, bądź z osobliwością kultury danego narodu, od tego, co jest wspólne wielu językom lub grupom językowym (Skorupka, 1965, c. 119).

(«Этот раздел фразеологии, чрезвычайно интересный и познавательный, только недавно был постулирован в нашей научной литературе. Он требует детального и кропотливого сопоставления отдельных выражений и фраз или целых фразеологических групп во многих языках, семьях и языковых группах. Цель таких сопоставлений – выявить общие источники европейской, особенно славянской, фразеологии и связать ее с дальнейшими мировыми источниками. Сопоставительный метод позволит лучше понять тенденции развития фразеологии и, наконец, даст возможность отделить в каждом языке то, что ему свойственно, связанное либо со структурой языка, либо с особенностями культуры данного народа, от того, что является общим для многих языков или целых языковых групп»).

Как отмечает С. Skorupka, фонд каждой национальной фразеологии состоит как минимум из своей, свойственной данному языку части, и элементов, общих для многих языков или языковых групп. А. Н. Искан в контексте изучения белорусской фразеологии перечисляет следующие группы ФЕ: 1) исконно белорусские, которые дополнительно подразделяются на общеславянские, восточнославянские и исключительно белорусские; 2) заимствованные; 3) кальки и 4) полукальки (Искан, 2013, с. 66).

Основой для существования общего фонда славянской фразеологии является, несомненно, славянское языковое и культурное наследие. Немаловажен также относительно схожий менталитет и реалии жизни, которые сопровождали славянские народы на протяжении веков. С. Skorupka отмечает, что источник значительного числа фразеологизмов, сходных для многих языков, следует искать в общих культурных кругах соответствующих ареалов – например, для европейской фразеологии – это, прежде всего, античная культура, Библия и литература. В то же время исследователь обращает внимание на сходство определенных человеческих схем поведения и мыслительных конструкций, реакций на окружающую среду, что часто приводит к спонтанному и взаимно независимому появлению в нескольких языках фразеологизмов, обозначающих одни и те же или аналогичные черты, вещи или тенденции. Автор включает в эту группу, в частности, реакции человека на природные явления, аналогичные творения человека, общность материальной и духовной культуры человека в целом, а также его жесты и мимику, например, восприятие коня как

сильного животного, способного много и тяжело работать, ср.: польск. *silny | zdrowy jak koń; pracować jak koń*; чешск. *dřít jako kůň*; русск. *работать как лошадь*; укр. *працювати як кінь*; франц. *travailler comme un cheval (comme un boeuf)*; нем. *arbeiten wie ein Pferd*; англ. *work like a horse*; или восприятие жеста поднятой руки как следующего за этим насилия: польск. *podnosić | podnieść na kogoś rękę*; русск. *поднимать | поднять руку*; чешск. *vztáhnout na někoho ruku*; франц. *lever la main sur quelqu'un* (Skorupka, 1965, сс. 119–130).

3.2.1. Славянская фразеология в сопоставительном аспекте: состояние исследований

Изучение славянской фразеологии в сравнительном аспекте является важной частью познания славянского лингвистического и культурного наследия. В последние годы эта тема поднимается относительно часто, причем исследования охватывают различные группы славянских языков, например, представления о глупости в польской, чешской и верхнелужицкой фразеологии (Hejduk, 2002, сс. 239–275), фразеология говоров Подтатрже в контексте словацкого языка (Rak, 2007a, с. 103–113), устойчивые сравнения, касающиеся вранья в чешских и верхнелужицких фразеологических ресурсах (Jakubowska, 2008, сс. 165–176), растения в польской, чешской и словацкой фразеологии (Bednarska, 2010, сс. 205–212), фразеологическая эквивалентность в чешском переводе поэмы *Дядя А. Мицкевича* (Mickiewicz, 2007, сс. 243–264), представления о смерти во фразеологии польских и украинских песен (Мусан, 2008, сс. 252–258), вопросы чешско-польской сопоставительной фразеологии в тематическом и лексическом плане, проблема чешско-польской фразеологической эквивалентности (Orłoś, 2005d), сопоставительная сербско-украинская фразеология в дидактическом аспекте (Ajdačić & Nepor Ajdačić, 2015). Все опубликованные работы перечислить невозможно, но даже этот небольшой перечень свидетельствует о разнообразии тем и направлений, которые обсуждаются в рамках исследований славянской фразеологии.

Среди славянской фразеологии в сопоставительном аспекте довольно хорошо описана польско-русская фразеология. В рамках этого направления исследований подробно разработаны следующие тематические сферы: соматическая фразеология, в том числе язык тела, символика мимики и жестов (Горды, 2010; Hordy, 2020, сс. 253–271), инвективы, связанные с названиями частей тела (Klyus, 2018, сс. 145–170), вопрос о символическом значении цветов в польской и русской фразеологии (Kotogowska, 2010a, 2010b, сс. 121–132), реализация категории интенсивности в польской и русской фразеологии (Straś, 2008), умственные свойства и мыслительные процессы человека, отраженные в зоонимической фразеологии обоих языков (Piasecka, 2023,

сс. 41–56), а также фразеология, касающаяся сельскохозяйственных животных в польском и русском языках (Piasecka, 2018).

На основе приведенного обзора научных работ по фразеологии можно сделать вывод о разнообразии тематики и широкой популярности данного направления исследований. Следует подчеркнуть, что данный список не может считаться полным, так как существуют многие другие работы, в том числе и дипломные, затрагивающие отдельные вопросы сопоставительной польско-русской фразеологии, что, в свою очередь, также является доказательством актуальности данной темы.

Помимо этого в рамках славянской фразеологии публиковались многие научные работы, касающиеся интернациональной фразеологии в славянских языках, в частности, библейского (Koziaara, 2001, сс. 99–120; Orłóś, 2005a, сс. 99–102, 2005b, сс. 91–98, 2005с, сс. 87–90; Walter и др., 2010) и мифологического происхождения (Ланина, 2015, сс. 194–197; Czarnota, 2018, сс. 425–444; Puda-Blokesz, 2010, сс. 121–142).

Обсуждая тему славянской фразеологии, нельзя не упомянуть состоящую из шести частей серию *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej*, издаваемую в 1982–1994 гг. (Basaj & Rytel, 1982, 1985a; 1985b, 1988a, 1988b, 1994). Опубликованные в них статьи касались таких вопросов, как природа фразеологических единиц, освещение методологических и дефиниционных проблем, связанных с анализом фразеологии, фразеологических эквивалентов, фразеологической нормы, диалектной фразеологии и др.

Отдельного обсуждения в славянской фразеологии заслуживают работы В. Хлебды¹, разработавшего новаторскую концепцию *фразематики*, которая положила начало новому этапу исследований в данной области (см. Chlebda, 1987, сс. 47–54, 2003, 2020, сс. 27–50). Согласно концепции В. Хлебды, фраземами являются выражения, которые воспроизводятся в готовом виде из памяти в определенном контексте в рамках коммуникационной ситуации, независимо от типологического статуса, что позволяет включать в исследования наравне с классическими идиомами, паремические единицы, устойчивые сравнения и конструкции, не отличающиеся метафорическим значением, в том числе формулы вежливости и другие ситуативно мотивированные речения (Chlebda, 2003, сс. 40–53).

Идеи В. Хлебды были развиты многими последователями, а сама концепция в настоящее время является общепризнанной и не вызывает возражений. На нее ссылаются многие авторы, так как в ней предложен прагматический подход к употреблению воспроизводимых конструкций, что в связи с отсутствием

¹ Обзор библиографии работ, а также их анализ см. Pajdzińska, 2023, сс. 15–30.

единой общепринятой дефиниции фразеологии, является важным достижением, позволяющим избежать методологических затруднений. При этом следует подчеркнуть, что *фразематика* – понятие более широкое, чем *фразеология*, поэтому оно позволяет охватить и выражения, которые раньше оставались вне поля зрения исследователей. На основе концепции *фразематики* возникли многие работы, в том числе написанные на основе диалектного материала, в которых анализируются различные тематические сферы (Karpeta, 2022, сс. 113–121; Mędelska & Marszałek, 2019, сс. 91–102; Rak, 2020, сс. 288–293; Тугра, 2019, сс. 246–257).

3.2.2. Понятие эквивалентности во фразеологии

С сопоставительной фразеологией неразрывно связано понятие межъязыковой эквивалентности². Легко заметить, что в славянских, и шире, европейских языках, можно обнаружить фразеологизмы, характеризующиеся значительным сходством. Это сходство может быть обозначено как структурная, семантическая или структурно-семантическая конвергенция (или же значительное сходство). Однако интенсивность этих характеристик может оказаться различной. Исходя из этого, в лингвистической литературе традиционно выделяются: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и нулевые эквиваленты (Krucka, 1996, с. 28).

Полная эквивалентность – это ситуация, когда сравниваемые фразеологизмы имеют одинаковое реальное значение и стилистический оттенок, при этом они связаны сходной формально-грамматической структурой (напр. польск. *robić pieniądze* – русск. *делать деньги*, *robić coś z głową* – *делать что-нибудь с головой*) (Krucka, 1996, с. 28).

В случае частичной эквивалентности, в свою очередь, существуют некоторые лексические, морфологические и синтаксические несоответствия (*robić parad* – *совершить нападение*, *robić tłum* – *создавать толпу*). К числу частичных эквивалентов можно отнести: 1) фразеологические эквиваленты, отличающиеся лексическим составом, напр. *robić z siebie ofiarę* – *строить из себя жертву*; 2) фразеологические эквиваленты, отличающиеся объемом значения, напр. *robić alarm* ‘призывать к боевой готовности; вызывать панику’ – *поднять тревогу* ‘призывать к боевой готовности’; 3) фразеологизмы, проявляющие морфологическое и синтаксическое отличие, напр. *robić komedię* (мн. ч.) – *ломать комедию* (ед. ч.); 4) фразеологизмы, имеющие разную стилистическую

² В данном разделе представлены лишь избранные концепции фразеологической эквивалентности. Более обширное описание вместе со ссылками на источники можно найти, в частности, в статье М. Сулковской (Sułkowska, 2021, сс. 5–21) и монографии (Дубичинский и др., 2021).

окраску, напр. ФЕ *robić drakę* – *завязать (затеять драку)* различаются по эмоциональной окраске (Kruska, 1996, сс. 28–30).

Нулевая эквивалентность означает, что данный фразеологизм не имеет сходной по форме и значению единицы во втором, сравниваемом языке (напр. *robić komu wstyd* – *стыдить, позорить кого, что*; *robić ruch w interesie* – *вести оживлённую деятельность*). В таких ситуациях возможен лишь описательный перевод, т.е. подбор подходящих по контексту, часто не фразеологических языковых элементов (Kruska, 1996, с. 30).

Для определения аналогичных явлений Й. Шершунович использует не много иную номенклатуру, а именно: абсолютные эквиваленты, частичные эквиваленты и нулевые эквиваленты (Szerszunowicz, 2009, с. 323). При этом исследователь замечает, что многие единицы, которые в рамках межъязыкового сопоставительного анализа воспринимаются на первый взгляд как полные эквиваленты, на самом деле отличаются стилистической окраской или культурными коннотациями (ср. польск. *tajemnica poliszynela* и итал. *segreto di Pulcinella*³). По отношению к подобным ситуациям автор предлагает использовать термин квазиэквивалент (*quasi-ekwiwalent*), поскольку разделяет мнение, что:

absolutna zgodność wszystkich możliwych do przeanalizowania parametrów dwóch danych jednostek, z uwzględnieniem frekwencyjności badanych związków, wydaje się niemożliwa (Szerszunowicz, 2009, с. 324).

(«абсолютное соответствие всех анализируемых параметров двух данных единиц, с учётом частотности исследуемых сочетаний, представляется невозможным»).

М. Сулковска считает, что в случае фразеологической эквивалентности следует сосредоточиваться на сходствах на семантическом, функциональном и референтном уровнях, так как совпадения по формальной структуре в разных языках довольно редки. Поэтому, по мнению исследователя, формальную эквивалентность, понимаемую как смежность по лексическому составу и параллельное грамматическое строение выражения, можно рассматривать лишь по отношению к фразеологизмам, имеющим общую этимологию или к фразеологическим калькам, а также в случае генетически близких языков с похожей формальной структурой (Sułkowska, 2021, с. 12).

³ Употребляемый в польском языке фразеологизм *tajemnica poliszynela* является калькой из итальянского *segreto di Pulcinella*. Как отмечает Й. Шершунович, хотя в данном примере значение обоих фразеологизмов сходное, различие проявляется в культурном и стилистическом плане, так как компонент *poliszynel* (итал. *Pulcinella*), как правило, не воспринимается носителями польского языка как имя собственное (об этом свидетельствует и написание слова со строчной буквы), а следовательно, теряет свое исходное культурное значение.

Обсуждая эквивалентность в области фразеологии, следует упомянуть и работы, посвященные явлению межъязыковой омонимии, или мнимой эквивалентности. Данная тема не часто затрагивается в рамках фразеологических исследований, возможно, из-за ее сложности. Первой и до сих пор единственной монографией на тему русско-польской фразеологической омонимии, в которой автор ввела понятие *мнимой фразеологической эквивалентности* (польск. *pozorna ekwiwalencja frazeologiczna*), является работа И. Дашинской *Rosyjsko-polska pozorna ekwiwalencja w zakresie frazeologii* (Daszczyńska, 1987). В данном исследовании проанализирован относительно богатый фразеологический материал, состоящий из русско-польских ложных эквивалентов, обращается внимание на сходства и различия в их структуре, а также на смежность или отдаленность по этимологическим и семантическим свойствам. Кроме того, данная тема затрагивалась в статье К. Кусала *Русско-польская межъязыковая омонимия в сфере фразеологии* (Kusal, 2004, сс. 15–20), а также в работе К. Кусала и К. Балабана *Rosyjsko-polska homonimia międzyjęzykowa jako problem leksykograficzny* (Kusal & Bałaban, 2014, сс. 53–66), где авторы обращают внимание на то, что явление русско-польской фразеологической омонимии проявляется на двух уровнях (по структуре): 1) на уровне исключительно фразеологических единиц: ср. русск. *воды не замутит* ‘очень скромн, тих, кроток’ – польск. *wody nie zamąci* ‘никому не навредит, не помешает’; 2) на уровне фразеологической единицы в одном языке и свободного словосочетания в другом: ср. русск. *остаться без рук* ‘сильно устать, дойти до изнеможения от работы руками’ – польск. *zostać bez rąk* ‘букв. лишиться рук, стать инвалидом’.

Интересный подход к теме русско-польских параллелей представлен в монографии В. Дубичинского, А. Яскульского и Д. Мушыньской-Вольны *Лексикографическая интерпретация русско-польских фразеологических параллелей*, которая освещает, в частности, вопрос о межъязыковой фразеологической омонимии. Следует отметить, что фразеологическими параллелями авторы считают:

внешние (по написанию, имея в виду закономерные соответствия латиницы/кириллицы, по произношению и по синтаксической структуре словосочетания) сходные устойчивые выражения двух сравниваемых языков, в данном случае русского и польского (Дубичинский и др., 2021, с. 78).

В рамках русско-польских фразеологических параллелей авторы рассматривают широкий спектр явлений, касающихся следующих пар фразеологизмов:

- полных эквивалентов, которые совпадают по значению, структуре, образу, стилистической окрашенности и другим параметрам, напр. *брать*

- быка за рога* – *brać byka za rogi* ‘начинать действовать энергично, решительно, сразу и с самого важного в трудном деле; энергично приступать к делу’; *умывать руки* – *umywać ręce* ‘устраняться от ответственности’;
- единиц, идентичных или близких по форме, но не вполне тождественных по семантике (ФЕ могут отличаться друг от друга по количеству значений семантической структуры или по количеству омонимов), напр. *висеть на волоске* ‘быть под угрозой гибели, исчезновения’ (одно значение) – *wiszieć na włosku* 1. = висеть на волоске, 2. ‘ожидаться в самое ближайшее время’;
 - единиц, в случае которых количество значений обоих полисемических единиц одинаково, но не все они совпадают, напр. *крёстный отец* 1. ‘у христиан – духовный родитель, мужчина, который в ходе таинства крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание и благочестие крестимого’; 2. ‘глава организованной преступной группировки’; 3. ‘духовный наставник кого-либо’ – *ojciec chrzestny* 1. такое же, 2. так же, 3. ‘инициатор, покровитель, основоположник’;
 - единиц, которые отличаются друг от друга по референциальному объёму значения, напр. *соломенная вдова* ‘жена, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним’ – *słomiana wdowa* ‘жена, временно оставшаяся без мужа’;
 - пар, идентичных или близких по значению и метафорическому образу, но отличающихся друг от друга по лексическому составу, напр. *давать руку на отсечение* – *dawać sobie rękę uciąć* ‘клятвенно заверять’;
 - единиц, идентичных или близких по значению и лексическому составу, но отличающихся по стилистическому оттенку, напр. *с Богом* ‘пожелание удачи, успеха в каком-либо деле’ (устаревший фразеологизм) – *z Bogiem* ‘такое же значение’;
 - пар, идентичных или близких по значению и лексическому составу, но отличающихся по грамматическим признакам, напр. *с головой* ‘трезвый, разумный, умный’ (в функции прилагательного) – *z głową* ‘трезво, разумно, умно’ (в функции наречия);
 - ФЕ, идентичных или близких по значению, но полностью отличающихся по лексическому составу и метафоричному образу, напр. *убить двух зайцев одним стрелом* – *upiec dwie pieczenie na jednym ogniu* ‘выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей’;
 - случайных фразеологических лакун, т.е. фразеологизмов, не имеющих эквивалентов во втором сравниваемом языке, напр. *вертеться как белка в колесе* ‘быть в постоянных хлопотах’, *nudny jak flaki z olejem* ‘о чём-либо очень скучном’;

- межъязыковых фразеологических эквивалентов, т.е. таких пар фразеологизмов в двух сравниваемых языках, которые полностью или частично совпадают и по звучанию/ написанию, и по лексическому составу, но принципиально отличаются по значению, напр. *łob в łob* ‘навстречу друг другу, как правило, неожиданно’ – *łeb w łeb* ‘вместе, наравне, как правило, о соперничестве; ноздря в ноздю’ (Дубичинский и др., 2021, сс. 38–40).

Столь разнообразная система отношений связана с близостью по родству польского и русского языков, вследствие чего во фразеологических ресурсах фиксируются совпадения на разных уровнях языка.

Исходя из обзора приведенных в данной части исследований, славянская фразеология может рассматриваться с учетом нескольких критериев. Первый – это критерий распространения (ареала функционирования), согласно которому можно выделить: 1) фразеологизмы, известные во всех славянских языках; 2) фразеологизмы, представленные в некоторых славянских языках и 3) специфические фразеологизмы, характерные только для одного народа. Вторым критерием является степень сходства, т.е. упомянутая раньше типология эквивалентов (наряду с лексическими, морфологическими и синтаксическими несоответствиями). Третье деление, в свою очередь, основано на типе параллелизма, когда имеются в виду фразеологизмы, смежные по форме или по значению.

3.3. Диалектная фразеология

Изучение диалектной фразеологии в контексте славянских языков является относительно новой областью исследований. Однако необходимость сбора, документирования и разработки диалектного лексического и фразеологического материала постулировалась и до этого многими исследователями (см. напр. Krawczyk, 1985, с. 133; Treder, 1988, сс. 125–136; Zagórski, 1998, с. 29). Хотя круг знаний постепенно расширяется и многое уже написано на эту тему, данные исследования все еще носят фрагментарный характер и учитывают лишь избранные разделы фразеологии отдельных языковых ареалов. Подробно о достижениях польских диалектных фразеологов писали А. Кравчик-Тырпа (Krawczyk-Турпа, 2016, сс. 13–30) и М. Рак (Rak, 2016, сс. 31–42). Новейшие разработки на тему фразеологии славянских диалектов можно найти в сборниках *Słowiańska frazeologia gwarowa* (Rak & Mokienko, 2020; Rak & Sikora, 2016).

Суть понятия *диалектная фразеология* можно понимать двояко: 1) как совокупность всех единиц, отмеченных в диалекте (включая те, которые функционируют в общем языке); 2) дифференциально, т.е. учитывая только те единицы, которые свойственны лишь данному диалекту / говору. В литературе существует известное разграничение между этими двумя группами и разные номенклатурные решения. Например А. С. Аксамитов вводит понятия *фразеология диалекта* (брус. *frazeológia dyalektu*), которая включает все фразеологические единицы, использующиеся в данном диалекте (то есть также и те, которые встречаются в общем языке), и *диалектная фразеология* (брус. *dyalektná frazeológia*), которая рассматривает фразеологизмы, характерные только для данного диалекта (дифференциальный подход) (Аксамитаў, 1978, сс. 119–122).

Й. Млачек, напротив, предлагает разделить весь запас выражений данного языка на литературную (*spisovná frazeológia*) и нелитературную фразеологию (*nespisovná frazeológia*), причем вторая делится дополнительно на диалектную (*nárečová frazeológia*) и сленговую фразеологию (*slangová frazeológia*) (Mlacek, 1975, сс. 329–330). В дальнейшем исследователь подразделяет диалектную фразеологию на диалектные варианты общих фразеологических единиц и фразеологизмы, встречающиеся исключительно в диалекте:

Do nárečovej frazeológie zahrňame javy dvojakej povahy. Rozšírenejšie z nich sú nárečové frazeologizmy, ktoré sú hláskovou, tvarovou, syntaktickou alebo lexikálnou obmenou spisovných frazeologizmov. Dá sa tu hovoriť o nárečových variantoch frazeologických jednotiek. Druhým javom sú vlastné nárečové frazeologizmy. Sú to jednak frazeologické jednotky vyjadrujúce také pojmy a obsahy, ktoré nevyjadrujú nijaké spisovné frazeologizmy (...) (Mlacek, 1975, с. 330).

(«К диалектной фразеологии мы относим явления двойственной природы. Более распространенными из них являются диалектные фразеологизмы, которые представляют собой словесную, формовую, синтаксическую или лексическую разновидность письменных фразеологизмов. Здесь можно говорить о диалектных вариантах фразеологических единиц. Второе явление – собственно диалектные фразеологизмы. Это фразеологические единицы, выражающие такие понятия и содержание, которые не выражают никакие литературные фразеологизмы (...)).»

Таким образом, словацкий исследователь подчеркивает также возможность понимания термина *диалектная фразеология* в двух смыслах – как всей фразеологии, зафиксированной в данном говоре/диалекте, и дифференциально.

Диалектная фразеология представляет собой отдельный, специфический ресурс по отношению к фразеологии общего варианта языка, который, однако, в некоторой степени с ним пересекается. При этом он содержит единицы, характерные только для данного диалекта, и в то же время в нем отсутствуют многие единицы, отмеченные в общем языке.

Единицы общей и диалектной фразеологии всегда проникают и совпадают в большей или меньшей степени. Чаще всего именно общенародный язык влияет на диалект в сфере фразеологии. Фразеологизмы, восходящие к общей разновидности языка, также известны пользователям диалекта в силу их участия в системе образования и функционирования за пределами диалектной общины. Иногда, однако, диалектная фразеология обогащает запас общей фразеологии. На данную ситуацию обращает внимание Й. Млацек, перечисляя ее среди возможных способов расширения фразеологического запаса литературного языка:

Pri budovaní sústavy frazeologických prostriedkov čerpá spisovný jazyk z viacerých prameňov. Podobne ako pri rozširovaní slovnej zásoby jednak preberá alebo kalkuje inojazyčné frazeologické výrazy, jednak tvorí nové ustálené výrazy, jednak (a najmä) čerpá z vlastných domácich zdrojov, z nařečovej, l'udovej frazeológie⁴ (Mlacek, 1971, с. 289).

(«При формировании набора фразеологизмов литературный язык опирается на несколько источников. Подобно расширению словарного запаса, он перенимает или калькирует иностранные фразеологические выражения, создает новые устоявшиеся выражения и (особенно) черпает из собственных внутренних источников, из фразеологии диалектной, народной»).

Словацкий фразеолог приводит также список признаков, позволяющих отличить народную, диалектную фразеологию от общенациональной, иноязычной или международной. К данным признакам он относит исторические реалии и этнографические данные о сообществе (Mlacek, 1971, сс. 289–290).

Специфика диалектной фразеологии тесно связана с ее уникальным местным характером и народным происхождением (в случае сельских территориальных диалектов). Народная культура и элементы окружающей действительности, из которых обычно черпаются диалектные фразеологические единицы, нередко значительно отличаются от широко понимаемых национальной традиции и обычаев. Небольшие по численности общины, употребляющие диалекты в качестве основного средства коммуникации, очень часто отличаются

⁴ Под понятием *l'udová frazeológia* Й. Млацек понимает: «súhrn frazeologických jednotiek, ktoré sa ústnou tradíciou zachovali v nařečovej alebo nadnářečovej forme ako výrazy l'udovej múdrosti, ako spôsob obrazného vyjadrovania sa širokej l'udovej pospolitosti. L'udová frazeológia je základom celej domácej frazeológie, je jej východiskom i vzorom» (Mlacek, 1971, с. 289) («совокупность фразеологических единиц, сохранившихся в устной традиции в диалектной или внедиалектной форме как выражение народной мудрости, как способ образного самовыражения широких кругов народной общины. Народная фразеология лежит в основе всей отечественной фразеологии, является ее отправной точкой и образцом»). Выделенные исследователем народные фразеологизмы, таким образом, в основном сближаются по объему с диалектными фразеологизмами.

также от других представителей данной нации по менталитету; они имеют свою собственную систему ценностей, традиций, верований и обычаев. Эти различия особенно заметны в случае сообществ, основывающих свое функционирование преимущественно на религии, которая часто является прочным скрепляющим фактором. Пример такого типа общины представляют старообрядцы, значительно отличавшихся от своего окружения еще на родине не только верой, обрядами и традициями, но также внешним видом и элементами мировоззрения. Опорой существования и функционирования их общины на протяжении веков была в основном религия, благодаря которой им удалось выжить и сохранить значительную часть своих традиций, несмотря на влияние окружающего польского соседства. Решающим фактором для сохранения уникальной идентичности старообрядцев является их русский говор – до сих пор основной код для высказываний, относящихся к сфере религии; при этом религия у них однозначно ассоциируется с русским происхождением (Głuszkowski & Pawlaczuk, 2017, с. 281).

Упомянутые факторы, порождающие различия между местными сообществами и нацией в целом, отражаются в формах проявления культуры в самом широком смысле, включая фразеологию.

Сегодня многие из диалектов находятся в процессе исчезновения. Виновниками такого состояния являются, прежде всего, повсеместная глобализация, миграция молодежи в городские центры (тем самым разрывается цепь передачи языкового и культурного наследия) и, связанное с данными факторами, сильное влияние общенародного языка. Однако следует подчеркнуть, что вышеприведенное утверждение не относится безусловно ко всем аспектам говоров. З. Загурский в контексте ситуации в Польше обращает внимание на относительно небольшое, но все же существующее сопротивление диалектов влиянию общенародного польского языка. Это явление, по мнению исследователя, связано с «*silną jeszcze miejscami tradycją kultury ludowej w danej wsi*» («с локально все еще сильной традицией народной культуры в данной деревне») (Zagórski, 1998, с. 27) и касается лексики из областей:

stosunków pokrewieństwa i powinowactwa, pracy w gospodarstwie rolnym, zabudowań i narzędzi gospodarskich, wierzeń i obyczajów ludowych itd., a także słownictwo nacechowane emocjonalnie (Zagórski, 1998, с. 27).

(«родственных отношений, работы на ферме, хозяйственных построек и снаряжения для труда в сельском хозяйстве, народных верований и обычаев и др., а также эмоционально окрашенной лексики»).

Ввиду вышеупомянутого процесса исчезновения диалектов, постулат исследователей диалектной фразеологии, призывающий к ее срочной документации и описанию представляется полностью оправданным.

3.4. Вокруг дефиниции фразеологии

Хотя отдельные аспекты исследования фразеологии предпринимались и развивались с начала XX века, в лингвистической среде нет единого мнения по основному вопросу, а именно: дефиниции и объему термина *фразеология*. На протяжении многих лет сложились теоретические и методологические концепции, каждая из которых подчеркивает определенные конституирующие факторы, определяющие принадлежность к фразеологическому ресурсу. В. Хлебда отмечает, что в отдельных работах количество критериев для квалификации фразеологизмов обычно варьируется от 5 до 20, среди которых наиболее часто упоминаются следующие:

odtworzalność w mowie, stałość składu leksykalnego, powtarzalność, przesunięcie znaczeniowe (metaforyczność), całościowość znaczeniowa, globalność nominacyjna, nierozkładalność, nieprzenikliwość, idiomatyczność (resp. nieprzekładalność), a także obrazowość i ekspresyjność, przesuwające często badania nad frazeologią w stronę analiz głównie stylistycznych, wreszcie (postulowane najczęściej *implicite*) najszersze rozpowszechnienie społeczne (Chlebda, 2003, ss. 22–23).

(«воспроизводимость в речи, постоянство лексического состава, повторяемость, смещение значения (метафоричность), целостность значения, номинативная глобальность, неразложимость, непроницаемость, идиоматичность (*resp.* непереводаемость), а также образность и экспрессивность, часто смещающие изучение фразеологии в сторону преимущественно стилистического анализа, и, наконец (чаще всего постулируемое имплицитно) широкое социальное распространение»).

О проблемах, связанных с достижением консенсуса в области исследования сущности фразеологии, В. М. Мокиенко писал:

Нет ни одного принципиального вопроса, который не вызвал бы в среде фразеологов острые дискуссии. До сих пор не установлены даже критерии определения фразеологических единиц, нет единства мнений о категориальных свойствах этих единиц. Такие понятия, как устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, экспрессивность, образность, постоянно подвергаются критическим пересмотрам: их роль в определении фразеологизма то чрезмерно преувеличивается, то излишне преуменьшается. Вопрос о критериях выделения фразеологизмов связан с вопросом о границах фразеологии: чем меньше фразеологических свойств теоретически постулируется автором той или иной концепции, тем шире оказываются границы фразеологии (Мокиенко, 1980, с. 3).

Несмотря на то, что прошло более сорока лет с момента публикации этих слов, они все еще являются актуальными, а определение объема понятия фразеологизма по-прежнему создает много проблем.

В лингвистической литературе по фразеологии почти традицией стало каждый раз объяснять, что исследователь понимает под термином *фразеология*, какие концепции и чьи работы повлияли на него, а также формулировки рабочих дефиниций данного понятия для конкретного анализа.

В условиях методологического хаоса и отсутствия единого, общепризнанного понятийного аппарата сложилось разделение на два полюса. Все сильнее выделяется обобщающая тенденция «широкого» понимания фразеологии, которая в настоящее время постулируется большинством исследователей. Фразеология в широком смысле включает в себя как рассмотрение традиционных фразеологических единиц (т.е. идиом), так и явления, находящиеся на границе фразеологии и других областей языка, в том числе паремий, фразеологических сравнений и других устойчивых выражений⁵. В случае узкого подхода объем фразеологии ограничивается только фразеологическими единицами в классическом смысле (прежде всего идиомами), а единицы, не являющиеся метафорическими, остаются за ее пределами. Одним из первых такое разграничение ввел С. И. Ожегов (1957). В. Хлебда, описывая это биполярное (дихотомизирующее) деление, условно называет узкий подход «идиоматическим», а широкий – «прагматическим», подчеркивая при этом значительную диспропорцию в количестве фразеологических единиц в обеих группах (Chlebd, 2001, с. 155). На разные способы понимания фразеологизма обращает внимание и В. М. Мокиенко, выделивший три подхода, действующих в лингвистическом сообществе. Первый из них предполагает, что фразеология включает только словосочетания с метафорическим значением, которое не может раскладываться на значения отдельных компонентов (ср. «идиоматический» подход В. Хлебды). Сторонники второго подхода считают фразеологизмами все воспроизводимые словосочетания, включая определенные клише типа: *Dzień dobry! Szanowny Panie!* («Доброе утро!», «Уважаемый господин!») (ср. «прагматический» подход). Представители третьего направления, напротив, считают правомерным включение в состав фразеологии пословиц, афоризмов, литературных цитат и других паремий (Мокиенко, 1975, с. 3).

Указанное выше различие между широким и узким пониманием фразеологии складывалось постепенно, эволюционно. Первоначально в состав фразеологии включались все воспроизводимые единицы, характеризующиеся относительно устойчивым лексическим составом и метафорическим значением, а следовательно также пословицы и поговорки. До этого целесообразность отделять фразеологические единицы от лексических вообще не замечалась. Такое решение заметно в словарях, отмечающих состояние лексической

⁵ Ср. концепцию «фразематики» (польск. *frazematyki*) и понятие «фраземы» (польск. *frazem*) В. Хлебды (2003).

системы начала XX века, которые как будто ставят знак равенства между лексемами и фразеологизмами, не разграничивая их четко, а лишь косвенно обращая внимание на их коммуникативные функции и глобальность значения (см. напр. Даль, 2015).

В период развития фразеологии, т.е. во второй половине XX века, особенно на волне сопоставительных исследований, учитывающих переводческий аспект, стала преобладать тенденция ограничивать фразеологический фонд идиомами.

В конце прошлого века, помимо фразеологии, возникла еще одна область – *паремиология*, объектом изучения которой являются воспроизводимые единицы с метафорическим значением, выступающие в форме предложений. Традиционно паремиями считают, в первую очередь, пословицы и поговорки, а также цитаты, афоризмы, крылатые выражения и т.п. (Auxová, 2008, с. 11). Следует добавить, что паремии – явления, находящиеся на стыке между лингвистикой и фольклористикой (их называют также малыми жанрами фольклористики – польск. *male gatunki folklorystyki*). Й. Млацек определяет паремии как «*súhrn všetkých malých folklórnych útvarov, ako aj časť folkloristiky, ktorá tieto útvary skúma*» («совокупность всех малых фольклорных образований, а также часть фольклористики, которая изучает эти образования») (Mlacek, 1984, с. 125), подчеркивая глубокую связь рассматриваемых конструкций с народной культурой. Используя положения С. И. Ожегова, А. П. Мордвилко утверждает, что граница между фразеологизмами и паремиями четкая как на семантическом, так и на синтаксическом уровнях, поскольку фразеологизмы функционируют как сочетания слов, а паремии обычно как предложения, микротексты, которые не выступают в качестве семантических эквивалентов слов (Мордвилко, 1964, сс. 5–6). Связь между этими двумя явлениями, однако, не подлежит сомнению, и отражается, в том числе и во фразеологических единицах типа *голод не тётка* ← *Голод не тётка, пирожка не подсунет*, которые являются частью, сокращенными версиями пословиц или же возникали в результате их искажения (Мокиенко, 1980, сс. 92–93).

По мере развития концепции *фразематики* (польск. *frazematyka*), которая подчеркивает прежде всего роль и намерения говорящего в процессе передачи сообщения с помощью фразеологизмов, деление, типология и разграничение фразеологических единиц перестали иметь первостепенное значение. Воспроизводимость их в готовом виде стала основным критерием квалификации, что позволило включить в исследование также единицы типа: *dziękuję, nie mam więcej pytań* или *trzeba sobie jasno powiedzieć, że* которые не имеют метафорического значения, но характеризуются строго определенной, повторяющейся формой, и многие другие, которые по разным причинам, часто субъективным, оставались вне внимания (см. Chlebda, 2003, сс. 32–34, 51–53).

Стоит отметить, что сам статус фразеологизма в лингвистике неясен. Хотя со времени призыва Ш. Балли выделить фразеологию в отдельную лингвистическую дисциплину прошло уже столетие, среди исследователей, в том числе и в польской лингвистике, нет единого мнения по этому вопросу. Некоторые ученые рассматривают фразеологию как неотъемлемую отрасль лексикологии, что отчетливо видно из методологических решений, ориентированных на семантическую связность, использованных С. Скорупкой (Skorupka, 1967), а также из функционального подхода к квалификации фразеологизмов, разработанного П. Мюльднером-Нецковским (Müldner-Nieckowski, 2007). Сомнения в правомерности выделения фразеологии как отдельной языковой системы выражает и А. М. Левицки, создатель концепции синтаксической фразеологии (Lewicki, 1976), который подчеркивает, что существуют фразеологические единицы, а не лексические сочетания и их свойства. Против выделения фразеологии как самостоятельной дисциплины выступал, среди прочих, словацкий фразеолог Й. Млачек (Mlasek, 1984, сс. 7–15), утверждая, что она является лишь частью лексикологии. Немецкий исследователь В. Фляйшер считает фразеологию самостоятельной, но тесно связанной с лексикологией лингвистической дисциплиной (Fleischer, 1982, сс. 10–11, 15). Аналогичную точку зрения разделяет чешский фразеолог Ф. Чермак (Šermák, 1982). А. М. Бабкин называет фразеологию отраслью науки и дисциплиной языкознания (Бабкин, 1970, с. 3). В. М. Мокиенко, в свою очередь, определяет фразеологию как отрасль языкознания, занимающуюся анализом фиксированных словосочетаний (Мокиенко, 1975, с. 3), и пишет о существовании фразеологической системы (Мокиенко, 1980, с. 4), а А. В. Кунин (1970, сс. 8–10) считает правомерным рассматривать фразеологию как отдельную дисциплину в рамках языкознания. Аналогичной точки зрения придерживается и А. И. Молотков, который предлагал отделить фразеологию от лексикологии, подчеркивая при этом, что существуют объективные причины, чтобы фразеологию считать автономной дисциплиной лингвистики. К ним он отнес постоянство лексического состава и многовековое существование фразеологизмов в русском языке, о чем свидетельствуют единицы, отмеченные в древнерусских литературных памятниках (Молотков, 1977, с. 6). Как отдельную дисциплину фразеологию выделял также Е. Д. Поливанов, отмечая ее эквивалентность четырем системам языка и специфическое отношение к лексической системе, аналогичное отношению синтаксиса к морфологии:

Я позволю себе употребить термин «фразеология» для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и словарем или лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология, так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют своим объектом изучения символику

общих (абстрактных) идей: формальные значения слов и типов словосочетаний; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий (лексических значений). Но по количественному признаку тех величин, которым оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (так как единицей-максимум и в лексике, и в морфологии служит слово, а единицей-минимум – морфема: корень, суффикс, префикс), но не с синтаксисом (оперирующим в качестве единицы-максимум с словосочетанием или фразой, а в качестве единицы-минимум – со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний, подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями конкретных слов. Этому отделу языковедения, как и совокупности изучаемых в нём явлений, я и уделяю наименование фразеологии (Поливанов, 1968а, сс. 207–208).

Одной из черт, чаще всего упоминаемых при определении фразеологизма, которая также имеет фундаментальное значение, является устойчивость лексического состава. Однако среди лингвистов этот термин понимается по-разному. В. М. Мокиенко отмечает, что большинство исследователей трактуют устойчивость двояко: как предсказуемость компонентов фразеологизма или как устойчивость их употребления (воспроизводимость в готовом виде). При этом ученый указывает, что эта устойчивость употребления часто нарушается, лучшим свидетельством чего является вариантность фразеологических единиц. В связи с этим он считает необходимым говорить скорее об относительно постоянном лексическом составе как об одной из основных характеристик фразеологии (Мокиенко, 1980, с. 7). В. П. Жуков определяет устойчивость как степень, меру семантической неразложимости компонентов внутри фразеологизма и связывает это понятие с идиоматичностью («устойчивость – это мера идиоматичности») (Жуков, 1978, с. 9). Идиоматичность, с другой стороны, является конституирующим признаком для сторонников узкого подхода ко фразеологии. Вопрос об идиоматичности неоднократно поднимался в исследованиях ученых, изучающих фразеологию славянских языков (см. Lewicki, 2003, сс. 14–15). О проблемах анализа идиом писал также исследователь двуязычия У. Вайнрайх (Weinreich, 1969), опираясь на анализ англоязычного материала.

С устойчивостью лексического состава связана также целостность значения фразеологической единицы – еще один признак, который имеет решающее значение для выделения фразеологизмов от лексического запаса. А. М. Бабкин отмечает, что фразеологические единицы связаны со словами генетически и функционально-стилистически; они являются носителями лексического значения, выполняют функцию эквивалентов слов (Бабкин, 1970, с. 3). В. П. Жуков, в свою очередь, утверждает, что фразеологизм начинается

там, где заканчивается семантическая реализация его компонентов (Жуков, 1978, с. 6). В. И. Кодухов определил двойственную природу фразеологизмов следующим образом:

с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя как и обычные номинативные единицы – лексемы (цит. по: Жуков, 1978, с. 11).

Устойчивость лексического состава тесно связана с воспроизводимостью – свойством, которое, с одной стороны, имеет решающее значение для выделения фразеологических единиц, а с другой стороны, вызывает некоторые сомнения у исследователей. А. Богуславски отмечает, что учет исключительно критерия воспроизводимости приводит к умножению фразеологических ресурсов за счет нефразеологических сочетаний, вроде фраз или шаблонных высказываний: *kiedy byłem piękny i młody, Polecam napisać wypracowanie, przestać gadać*, а также афоризмов, напр. *Zgoda buduje, niezgoda rujnuje*, которые исследователь не считает фразеологией (Bogusławski, 1989, с. 15). Такие сочетания, в свою очередь, наряду со многими фразеологизмами в «классическом» смысле, являются предметом исследования фразеологии отправителя, в случае которой, как уже упоминалось, наибольшее значение имеет вопрос: было ли сочетание создано говорящим или же оно воспроизведено в готовом виде (см. Chlebda, 2003). Важность воспроизводимости в процессе извлечения фразеологических единиц подчеркивал и Н. М. Шанский в известной монографии 1969 года:

Отнесение тех или иных образований к фразеологическим явлениям или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обусловливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются ли они из памяти целиком или творятся в процессе общения (Шанский, 1969, с. 3).

Н. М. Шанский предлагает включить в запас фразеологии, помимо конструкций с устойчивым лексическим составом, все без исключения воспроизводимые словосочетания, в том числе семантически и структурно имеющие форму предложения (Шанский, 1969, с. 3).

В дефинициях фразеологизма довольно часто упоминаются еще и метафоричность, образность и экспрессивность. Метафоричность, названная А. М. Левицким «несуммарностью значения» (польск. *asumaryczność znaczenia*), по сути, то же самое, что и номинативная глобальность, целостность значения. Она состоит в том, что значение единицы не может быть выведено из прямых значений отдельных компонентов. Метафоричность как обязательный признак фразеологизма появляется в случае узкого понимания фразеологии и тем самым противоречит прагматическому течению, которое все чаще

встречается в новейших исследованиях. Образность — очень неоднозначное и интуитивное понятие. А. Богуславский, анализируя пример *wylewać za kołnierz* (русс. *закладывать (заливать) за воротник*) отмечает, что, с одной стороны, она, несомненно, образная, и нет аргументов против такой характеристики; с другой стороны, трудно определить, в чем состоит эта образность (Bogusławski, 1989, с. 14). Подобные выводы применимы ко многим примерам из фразеологических ресурсов. Экспрессивность является также неоднозначным признаком. Фразеологизмы в высказываниях, как правило, стилистически маркированы благодаря своей форме и функции в процессе передачи сообщения. Однако нельзя упускать из виду намерение говорящего, который, несмотря на использование готовых, воспроизводимых единиц, все же остается создателем высказывания и во многом решает вопрос о его стилистике. На этот факт обращает внимание В. Хлебда, подчеркивая при этом, что каждое употребление фразеологизма (согласно понятийному аппарату В. Хлебды — *фраземы*), всегда должно рассматриваться через призму конкретного контекста, данной коммуникативной ситуации (Chlebda, 2003, сс. 205–206).

Интересную дефиницию фразеологизма дают также А. Пайдзиньска и А. М. Левицки. Согласно их наблюдениям фразеологизм следует понимать как:

społecznie utrwalone połączenia wyrazów, wykazujące nieregularność pod jakimś względem, np.: w ich składzie występują wyrazy lub formy wyrazów nie wchodzące w swobodne związki składniowe; znaczenie frazeologizmu nie wynika ze znaczeń komponentów; naruszone bywają zasady łączliwości wyrazów (Lewicki & Pajdzińska, 2001, с. 307).

(«социально фиксированные сочетания слов, которые являются нерегулярными в каком-то отношении, например: они включают слова или словоформы, которые не образуют свободных синтаксических связей; значение фразеологизма не вытекает из значений компонентов; правила сочетаемости слов нарушаются»).

В этой обобщающей дефиниции, авторы, исходя из принципа проявления разного вида нерегулярностей, перечисляют, в частности, такие признаки фразеологизма, как: ограничение сочетаемости (т.е. устойчивость лексического состава), целостность значения (метафоричность), нарушение принципов сочетаемости слов. Благодаря своему широкому и обобщающему подходу приведенная дефиниция позволяет включить в число фразеологизмов различные фиксированные выражения, что является чрезвычайно важным в случае анализа диалектной фразеологии, передаваемой из поколения в поколение в устной форме; поэтому мы решили применить при отборе языкового материала именно данный подход.

Следует отметить, что исследуемый в монографии материал состоит в подавляющем большинстве из метафорических единиц, однако рассматриваются

и такие, которые не имеют переносного значения, но, тем не менее, характеризуются определенной степенью образности или экспрессивности, так как фразеологизмы по своей природе стилистически и культурно маркированы. Учитывая, что разработка типологии фразеологических единиц и пограничных явлений, их разграничение и классификация не являются основной целью данной монографии, под понятием фразеологизм будут пониматься не только «классические» фразеологические единицы и фраземы, но и фразеологические сравнения и паремии, без подробного исследования их природы и терминологических вопросов.

Важными критериями, позволяющими отнести выражение к фразеологической единице, являются воспроизводимость и относительная устойчивость лексического состава. В данной монографии, исходя из специфики материала, воспроизводимыми считаются единицы:

- (1) которые использовались как минимум дважды разными информантами;
- (2) которые появляются только в одном идиолекте, но воспроизводятся в той же форме на протяжении многих лет.

Такой подход продиктован нетипичным положением русского старообрядческого говора, который функционирует в польской среде в островных условиях, т.е. потерял связь со своими исконными территориями и русскоязычным населением. По этой причине он подвергается постоянному влиянию польского языка на всех уровнях. Знание русского говора среди старообрядцев сильно варьируется, некоторые информанты используют его только на уровне ограниченного кода (по классификации Б. Бернштейна), что фактически равнозначно отсутствию компетенции формулировать высказывания с использованием фразеологии. Однако этот факт не мешает им понимать фразеологические единицы, которые появляются в речи информантов, использующих развитый код. Частотность появления фразеологизмов в высказываниях во многом определяется также темпераментом говорящего, что объясняет их отсутствие в одних идиолектах и значительное количество в других.

Фразеологический диалектный материал, помимо прочего, из-за отсутствия языковой нормы и графической формы⁶ (поэтому фразеологизмы передаются только в устной, услышанной форме), характеризуется более сильной вариантностью, чем в случае литературных разновидностей языков, и изобилует деформациями и ошибками интерпретации на лексическом и семантическом

⁶ Существуют отдельные примеры записи старообрядческого русского говора его носителями, представляющие собой своеобразную попытку интерпретации и отражения, не всегда последовательного, фонетических особенностей в письменной форме. Данные информанты использовали диалект для записи своего поэтического творчества (см. Павлячик, 2017, сс. 269–279).

уровнях. Значительную часть собранных примеров составляют кальки из польского языка, т.е. переведенные дословно польские фразеологизмы, которые при этом часто переводятся отдельными информантами по-разному. Учитывая все перечисленные факторы, широкий подход к анализируемым сочетаниям слов кажется особенно важным и обоснованным, поскольку он позволяет включить во фразеологические ресурсы и искаженные единицы. В связи с этим принятый в работе критерий относительной устойчивости лексического состава представляется необходимым и оправданным.

Глава IV. Исследования фразеологического состава говора старообрядцев Польши: основные замечания

Фразеологический фонд старообрядческого говора в Польше, как уже подчеркивалось неоднократно, до сих пор не был охарактеризован комплексно. Некоторые примеры и замечания в этой области появлялись в работах, посвященных старообрядческому языку, в основном в исследованиях лексики и интерференции, вызванной влиянием польского языка¹.

Фразеология говора старообрядцев в Польше была впервые отмечена в монографии И. Грек-Пабис, посвященной описанию языковых черт старообрядческого говора (Grek-Pabisowa, 1968), в которой автор привела 15 пословиц и поговорок. Другим источником, документирующим небольшую часть фразеологии, как родной, так и заимствованной из польского и немецкого языков, является *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, составленный И. Грек-Пабис и И. Марыняк (Grek-Pabisowa & Maryniakowa, 1980). Некоторые примеры фразеологии религиозной сферы зафиксированы в статье И. Грек-Пабис, посвященной лексике этой области (Grek-Pabisowa, 1994). Последующие работы, включающие замечания, касающиеся в основном влияния польского языка на фразеологию старообрядцев, рассматриваются в Главе VI.

4.1. Специфика языкового материала

Предметом исследования, предпринятого в данной монографии, является разноразличный фразеологический материал, зафиксированный в говоре старообрядцев, проживающих в Польше. Как уже было отмечено, языковая ситуация старообрядцев является уникальной, поскольку они веками жили в чужой, польской языковой и культурной среде, говорили на двух (в случае старообрядцев сувалкско-августовского региона) или даже трех (исторически, в случае старообрядцев мазурского региона) языках, и, несмотря на сильное влияние польского языка, им удалось сохранить многие исходные черты родного русского говора. Диалектные особенности, сохранившиеся до наших дней

¹ Подробнее о состоянии исследований влияния польского языка на фразеологию русского говора старообрядцев в Польше можно прочесть в Главе VI.

в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, а также языковая ситуация старообрядцев более подробно рассматриваются в Главе II. Данное исследование позволило установить, что и в области фразеологии существует относительно богатый² (учитывая уникальное положение старообрядцев, проживающих в Польше, и обстоятельства их прибытия на польскую землю) запас единиц псковского и общенародного русского происхождения.

Собранный фразеологический материал, помимо вышеупомянутых исконно русских, а также диалектных единиц, изобилует фразеологизмами, заимствованными из польского языка. Наши наблюдения показывают, что количество единиц, калькированных из польского языка, в русском старообрядческом говоре за последние несколько лет заметно увеличилось. Такое положение дел в основном связано со сменой поколений, происходящей на наших глазах, вместе с которой исчезают и некоторые лексические и фразеологические единицы. Речь среднего и молодого³ поколений уже в значительной степени насыщена полонизмами, а знание родной фразеологии наблюдается гораздо реже, по сравнению со старшим поколением.

Помимо следов польского влияния, во фразеологии старообрядческого говора отмечаются некоторые элементы белорусского, немецкого (в Мазурии) и литовского происхождения. Обоснование их наличия в исследуемом фонде можно найти, проследив последовательные этапы пути старообрядцев на земли Речи Посполитой. При анализе материала необходимо также учитывать меняющуюся на этих территориях, начиная с XVIII века, геополитическую ситуацию, когда старообрядцы стали массово прибывать в Польшу.

4.2. Методы сбора и анализа языкового материала

Фразеологический материал собирался с помощью следующих методов: 1) интервью с информантами на различные темы, в которых фразеологизмы возникали спонтанно, без специальной стимуляции; 2) углубленного интервью, включающего использование метода опроса для проверки знания отдельных фразеологических единиц и их значений; 3) осознанного и неосознанного включенного наблюдения за участниками, при котором за спонтанными

² Из этой группы выделено всего 246 единиц, включая дифференциальные фразеологизмы, которые имеют прямые эквиваленты в русском языке или в псковском говоре, но незначительно отличаются единичными компонентами или грамматическими формами, в силу чего они, скорее всего, изначально функционировали в формах, известных общему русскому языку и псковскому говору, и только потом модифицировались.

³ В разговорах, ведущихся на говоре, представители молодого поколения почти не используют фразеологизмы, что, как правило, связано с очень низкой языковой компетенцией этой группы.

речевыми актами старообрядцев можно было наблюдать с позиции нейтрального слушателя – члена группы.

С помощью использования нескольких методов, которые, как и любые другие, имеют как преимущества, так и недостатки, мы пытались собрать как можно больше подтвержденных фразеологизмов.

Дополнительного объяснения требует метод сбора материала с помощью анкет. Сбор фразеологизмов с помощью опросных листов не является безупречным, поскольку во многих случаях он подсказывает ответ, а это, в свою очередь, может опровергать надежность материала. Проведение анкетирования в традиционной, письменной форме являлось практически невозможным, так как у говорящего нет графической формы и далеко не все информанты читают по-русски. При этом вопросы, сформулированные по-польски, могли бы стимулировать процесс переключения кода на польский, что привело бы к вспоминанию исключительно польских фразеологизмов, в то время как нас интересовали прежде всего единицы родные, русские по происхождению. В связи с этим опросы проводились в устной форме, в ходе которых было использовано три типа анкетирования, ориентированных на разные аспекты.

Первый тип – тематический опрос, проводимый устным способом, который заключался в перечислении известных информантам фразеологизмов, относящихся к определенным тематическим сферам (напр. фразеологизмы, касающиеся женщин, семьи, дома, животных). В случае данного метода разговор стимулировался путем введения тематически соответствующих польских и русских фразеологизмов, сопровождаемых просьбой объяснить их значение и наблюдением за реакцией информантов.

Второй тип – описательные анкеты (относящиеся к ассоциациям информантов) – заключался в перечислении диалектных фразеологизмов на основе ассоциации после ознакомления с контекстом, изложенным в анкете. Контекст, предоставляемый исследователем, включал словарные и узуальные значения отобранных фразеологизмов, а также условия их употребления. Опыт диалектологических экспедиций показал, что такой метод сбора языкового материала (не только фразеологического) не всегда дает желаемый эффект, но тем не менее оказывается полезным в случае с пословицами и поговорками.

Вопросы в анкетах были сформулированы приемлемым и понятным для информантов образом и, для достижения максимально нейтральной языковой ситуации, задавались на русском языке, напр. *Как говорят о взрослом мужчине, который ведёт себя неадекватно, как ребёнок?*, *Как называют человека, который крадёт, который имеет склонность к воровству?*. При отсутствии ответа задавались дополнительные вопросы, вытекающие из оценки ситуации.

Описательные анкеты использовались также для сбора фразеологических сравнений. В данном типе анкет респонденты должны были по ассоциации

закончить фразы, начатые исследователем, напр. *страшный как...*, *глупый как...*, *белый как...*

Последний тип, т.е. анкеты, проверяющие собранный фразеологический запас, заключался в подтверждении функционирования в говоре единиц, зафиксированных ранее в высказываниях информантов. С помощью этого метода можно было проверить воспроизводимость фразеологизма, т.е. установить был ли он использован один раз конкретным информантом в данный момент (тенденция к использованию фразеологизмов варьируется идиолектно), или же он распространен в говоре шире. Это также помогло отразить изменчивость фразеологизмов, в основном с точки зрения разнообразия языковых процессов, проявляющихся с разной интенсивностью в зависимости от поколения (напр. частотность заимствований из языка окружения, иноязычных вкраплений).

Опыт работы с описанными выше анкетами, а также анализ методологических решений, предложенных другими исследователями диалектной фразеологии, позволяют заключить, что идеального метода сбора фразеологического материала не существует. Каждый из методов сопряжен с определенным риском неудачи или недостоверных ответов, а успех зависит от изменяющихся факторов, вроде темперамента говорящего, его готовности к сотрудничеству, языковых навыков информанта, его языковой ситуации, даже его настроения и уровня доверия по отношению к исследователю, и многих других. Эти факторы необходимо учитывать во время интервью, своевременно реагируя на изменения лингвистических данных, а также впоследствии при их интерпретации.

В настоящее исследование не были включены фразеологизмы, достоверность которых вызывала сомнения. Это решение основано на том, что при проведении опроса часто трудно избежать подсказки ответов, и, кроме того, дружелюбные информанты иногда дают ответы, которые, по их мнению, мы хотим услышать. Поэтому было принято решение исключить подтверждения знания фразеологизмов, не подкрепленных адекватным объяснением со стороны информанта (в случае если информант утвердительно отвечает на вопрос о знании единицы, но не может объяснить ее смысл или понимает ее буквально, раскладывая на составные части).

Самым ценным является фразеологический материал, зафиксированный в спонтанных высказываниях информантов. В таких случаях не возникает сомнений относительно формы и значения фразеологизма, так как он воспроизводится в готовом виде, известном информанту из памяти.

4.3. Сведения об информантах

В настоящем исследовании информанты были распределены по трем возрастным группам, договорные границы которых определяются относительным постоянством языковых черт, проявляющихся в речи каждого поколения. В научной литературе находим примеры подобных делений по поколениям в зависимости от ситуации, сложившейся в момент проведения исследования.

До недавнего времени было вполне оправдано деление на три поколения, происходящее по следующим цезурам:

- старшее поколение – люди, родившиеся до 1945 года.
- среднее поколение – люди, родившиеся между 1946 и 1970 гг.
- молодое поколение – люди, родившиеся после 1971 года (см. Głuszkowski, 2011b, сс. 72–73)

Однако со временем языковая ситуация старообрядцев изменилась, произошла смена поколений, в результате которой появились новые молодые члены общины, а самых пожилых старообрядцев уже нет в живых. Кроме того, в момент введения вышеуказанного деления, т.е. в начале XXI века, самым старшим представителям молодого поколения, родившимся в 70-ые годы, было примерно 30 лет, в силу чего на данный момент их уже трудно отнести к молодому поколению, так как им исполнилось более 50 лет. В настоящее время вопрос о языковой компетенции в изучаемом говоре у представителей разных поколений стоит по-разному. Младшее поколение или уже не знает говор предков или же их компетенция ограничивается пассивным знанием, в то время как старшие старообрядцы ежедневно пользуются русским говором, хотя большинство из них также хорошо владеют и польским языком⁴. Ситуация среднего поколения очень неоднородна и трудно поддается обобщению – среди его представителей есть люди, владеющие русским говором и польским языком, но есть и такие, для кого польский почти полностью заменил говор.

Помимо относительного сближения в плане языковой ситуации, возрастная структура информантов также вызывает необходимость некоторой модификации поколенческого деления, поскольку наблюдается недостаток фразеологического материала, полученный у тех, кто родился после 1980 года⁵.

⁴ Это упрощение, которое требует дальнейшего развития. Следует уточнить, что и среди представителей старшего поколения наблюдается значительное разнообразие в выборе языка общения. В значительной степени этот выбор вызван социолингвистическими факторами, составляющими коммуникативную ситуацию, т.е. темой и характером разговора, происхождением собеседника, отношением к нему информанта, местом, где происходит разговор и др. Подробнее на эту тему см. Гжибовский & Глушковский, 2013, сс. 379–389.

⁵ В распоряжении торуньских исследователей имеются записи, документирующие состояние

По вышеупомянутым причинам в исследовании было принято следующее деления информантов по поколениям:

- старшее поколение – люди, родившиеся до 1945 года.
- среднее поколение – люди, родившиеся между 1946 и 1980 годами⁶.
- молодое поколение – люди, родившиеся после 1981 года.

Предлагаемая классификация отличается от представленной в монографии М. Глушковского (2011а, сс. 72–73) только тем, что верхняя граница для среднего поколения перенесена с 1970 на 1980 год. Остальные границы, установленные в вышеупомянутой работе, мы оставили без изменений, поскольку за десять лет, прошедших с момента выхода публикации М. Глушковского, социальное положение входящих в состав отдельных поколений информантов, которое было одним из главных критериев для установления временных рамок, существенно не изменилось. Верхняя возрастная граница для старшего поколения была установлена торуньским исследователем на основании даты окончания Второй мировой войны, т.е. времени, когда изменилась политическая ситуация и форма государственного правления Польши. Именно тогда начался процесс изменения языковой ситуации старообрядцев, поскольку после 1945 года контакты с поляками стали интенсифицироваться и ассимиляционные процессы ускорились. С другой стороны, информантов, принадлежащих к среднему поколению, помимо реалий и условий, в которых они выросли, объединяет относительно схожая ситуация в плане их пути к получению образования. Как отмечает М. Глушковский:

Przedstawiciele średniego pokolenia korzystali z systemu powszechnego kształcenia PRL, dzięki czemu prawie wszyscy ukończyli szkoły ponadpodstawowe, w odróżnieniu od osób starszych, które w większości zakończyły edukację na poziomie kilku klas szkoły podstawowej (Głuszkowski, 2011b, c. 73).

(«Представители среднего поколения участвовали в системе всеобщего образования ПНР, в результате чего почти все они окончили средние школы, в отличие от людей старшего поколения, которые в основном завершили свое образование на уровне нескольких классов начальной школы»).

диалекта у людей, родившихся после 1980 года, но фразеологизмов в них почти не зафиксировано, в том числе и по причине постепенного сокращения синтаксических структур и лексических ресурсов в языке младшего поколения, о чем более подробно писал М. Глушковский (Głuszkowski, 2011b, сс. 229–244).

⁶ В случае среднего поколения можно провести дополнительное разделение на среднее-старшее и среднее-младшее поколение. Такое разделение было бы более уместным в отношении полного анализа современного состояния русского говора, в то время как в случае анализа фразеологии оно, по-видимому, не приведет к каким-либо значительным изменениям.

Старшие представители общины в период существования Польской Народной Республики также посещали школу, но, по наблюдениям М. Глушковского, по разным причинам, в том числе из-за экономических трудностей в восстанавливающейся стране и необходимости работать с молодых лет, были вынуждены преждевременно оставить учебу, в то время как массовое повышение уровня образования в старообрядческой общине сувалкско-августовского региона произошло лишь через несколько лет, а может быть и более, чем десять лет после окончания Второй мировой войны (Głuszkowski, 2011b, с. 73).

Для обозначения поколенческой принадлежности, когда дата рождения информанта не была известна, использовались следующие символы: I – старшее поколение, II – среднее поколение, III – младшее поколение. Перед приводимыми фрагментами диалектных высказываний дополнительно приводится также информация про пол информанта: инициал Ж – обозначает женщину, а М – мужчину.

4.4. Общая характеристика диалектного фразеологического материала

4.4.1. Вариантность

Вопросы, связанные с вариатностью фразеологизмов, неоднократно рассматривались с самых разных исследовательских перспектив (см. напр. Awtamiuk, 2016, сс. 29–39; Lewicki, 1982; Тугра, 2019, сс. 246–257). Сам термин *вариантность* воспринимается исследователями по-разному, что связано, в частности, с различными представлениями о сущности вариантности в сопоставлении с синонимией и фразеологической деривацией.

А. М. Левицки считает фразеологизмами, находящимися в деривационных отношениях друг с другом, такую совокупность текстовых реализаций фразеологических единиц, которые содержат существенный инвариант в плане содержания и в плане выражения и отличаются «*znaczeniami naddanymi i dającymi się wyeksplikować*» («дополнительными и объяснимыми значениями»), т.е. такие единицы остаются в данном языке в повторяющихся отношениях, но не являются полностью категориальными или регулярными (Lewicki, 2003, с. 205). В то же время вариантами он считает фразеологизмы, которые остаются по отношению друг к другу в отношениях синонимии и характеризуются частичным сходством в плане выражения (Lewicki, 2003, с. 205). Разница между этими явлениями, по мнению исследователя, выявляется в синтаксических функциях двух творений и в стилистическом объеме: в случае с вариантами необходимым минимумом для их идентификации являются семантическая тождественность и наличие инварианта в плане выражения,

основанного, по крайней мере, на такой же синтаксической структуре. Суть деривационных отношений между фразеологическими единицами хорошо отражается в следующей цитате:

Taką relację, przy której dwa związki frazeologiczne mają istotny inwariant w planie wyrażania i w planie treści, natomiast różnice między nimi w planie wyrażenia związane są z różnymi funkcjami syntaktycznymi, jakie pełni każdy z tych związków, lub z różnym zakresem stylistycznym związków czy też z różnicami sensu, taką relację – nazywam derywacją frazeologiczną (Lewicki, 2003, s. 222).

(«Такое отношение, когда две фразеологические единицы имеют существенный инвариант в плане выражения и в плане содержания, а различия между ними в плане выражения связаны с разными синтаксическими функциями, которые выполняет каждая из этих единиц, или с разным стилистическим объемом ФЕ, или с различиями в значении – я называю фразеологической деривацией»).

В оппозиции к такому пониманию фразеологической вариантности и деривации находится подход Д. Буттлер, которая рассматривает возможность придания статуса дериватов парам единиц типа *zakuty łeb* – *zakuta pała* (пейоративные отношения), *brudny jak świnia* – *brudny jak prosię* (эвфемизация) и т.п. (Buttler, 1994, s. 32).

С другой стороны И. Косек использует, по ее словам, опосредованное решение, т.е. вариантами считает:

związki frazeologiczne mające to samo znaczenie, konstrukcję i dystrybucję syntaktyczną oraz charakteryzujące się częściowym podobieństwem leksykalnym w planie wyrażania (Kosek, 2011, s. 11).

(«фразеологические единицы, имеющие одинаковое значение, построение и синтаксическое распределение и характеризующиеся частичным лексическим сходством в плане выражения»).

По мнению исследователя, между фразеологическими вариантами нет различий на семантическом уровне, но в стилистическом и прагматическом пластах они могут появляться.

Диалектная фразеология в силу устной формы ее функционирования и межпоколенческой передачи представляет собой специфический и гетерогенный ресурс, вследствие чего она характеризуется большой вариативностью, а также может подвергаться многочисленным изменениям, в том числе искажению формы и значения, переинтерпретации и контаминации. На упомянутую особенность диалектной фразеологии указала А. Кравчик-Тырпа:

Materiał gwarowy jest dokumentacją żywej mowy i jako taki charakteryzuje się wielką wariantowością. Wynika ona zarówno z ustnego charakteru dialektów, z tego, że frazeologizmy funkcjonują w nich jako jednostki języka mówionego, jak i z różnorodności

zasobu leksykalnego poszczególnych gwar. Na takim żywym materiale wyraźniej dostrzega się pewne mechanizmy językowe. Procesy, które w języku literackim zakończyły się, dając gotowy produkt językowy – w gwarach niejednokrotnie trwają. Norma i uzus języka literackiego powodują, że spośród wielu możliwości jedna ulega petryfikacji i nabywa „praw obywatelskich”. W gwarach przeciwnie, różnorodność wariantów unaocznia samą istotę faktu językowego, np. element konstytuujący znaczenie frazeologizmu. Frazeologizmy o składzie leksykalnym stałym należą w gwarach do rzadkości (Krawczyk-Turpa, 1987, ss. 36–37).

(«Диалектный материал представляет собой документацию живой речи и как таковой характеризуется большой вариативностью. Это связано как с устным характером говоров, с тем, что фразеологизмы функционируют в них как единицы речи (разговорного языка), так и с разнообразием лексических фондов отдельных говоров. На таком живом материале более чётко замечаются некоторые языковые механизмы. Процессы, которые в литературном языке завершаются, давая готовый языковой продукт, – в говорах неоднократно продолжаются. Норма и употребление (узус) литературного языка заставляют одну возможность из многих окаменеть и обрести «гражданские права». В диалектах, напротив, разнообразие вариантов раскрывает саму суть языкового факта, например, элемента, конституирующего значение фразеологизма. Фразеологизмы с фиксированным лексическим составом встречаются в диалектах редко»).

Для того, чтобы идентифицировать вариант, необходимо сначала установить инвариант, определяющийся иногда канонической формой фразеологизма (см. Bąba, 1986; Liberek, 1998, ss. 31–53). Однако вопросы о канонической форме фразеологизма, как и сама концепция ее существования, являются довольно спорными. Против нее выступил, среди прочих, В. Хлебда, отметив, что эту форму не всегда можно установить: в случае некоторых фразеологизмов мы не в состоянии обнаружить их канонической формы в текстах (см. Chlebda, 2002a, ss. 414–415). Более того, согласно сообщению лингвиста об исследованиях по созданию ассоциативного словаря русскими лингвистами А. Н. Барановым, Д. О. Добровольским и Ю. Н. Карауловым, фразеологизмы редко запоминаются в их канонической форме (Chlebda, 2002b, ss. 14–15).

Рассмотрение вопроса о существовании и обоснованности поиска канонической формы не применимо к данному исследованию, так как устная форма передачи диалектной фразеологии по своей природе приводит к возникновению большого количества форм, остающихся в вариантных отношениях, а отсутствие документации и регулярного обучения родному говору старообрядцев еще более усложняет эту ситуацию. Тем не менее следует уточнить критерий, позволяющий определить, какая из имеющихся форм фразеологической единицы должна считаться основной, а которая – ее вариантом. Поскольку в старообрядческом говоре, как и в подавляющем большинстве

других говоров, не было собственной письменности, решающим условием инвариантности фразеологизма в данном исследовании считаем частотность его употребления информантами.

В отношениях вариантности могут находиться как два фразеологизма из литературного языка, так и литературный и диалектный фразеологизмы. При этом мы обычно имеем дело с различиями на разных уровнях языка: фонетическом (отражение диалектной фонетики), лексическом (замена литературного компонента его диалектным эквивалентом, причем значение обеих единиц остается неизменным), морфологическом (учет диалектной флексии и словообразования). Подробнее этот вопрос рассмотрен в Главе V.

Важным вопросом остается разграничение, какие фразеологические единицы в данной монографии будут рассматриваться как варианты литературных (или диалектных), а какие – как дифференциальные единицы, характерные для исследуемого говора. Предпосылками для рассмотрения ФЕ, зафиксированной в говоре старообрядцев Польши, как варианта единицы из русского языка являются следующие критерии:

- (1) наличие в словарях, фиксирующих фразеологию литературного русского языка или его диалектов, единиц, совпадающих по семантике, лексическому составу и синтаксической структуре;
- (2) существование различий между фразеологизмами исключительно на уровне морфологии, семантического оттенка (например, интенсивности признака).

Дифференциальными, в свою очередь, будем считать единицы, характерные только для говора старообрядцев, проживающих в Польше, т.е. не имеющие формальных и смысловых эквивалентов, зафиксированных в доступных словарях, и единицы, которые имеют такие эквиваленты, но отличаются как минимум одним компонентом (подробнее об этом в Главе V).

4.4.1.1. Вариантность фразеологии в говоре старообрядцев в Польше

Кроме вариантности на уровне литературной и диалектной фразеологии, о чем упоминалось выше, функционирует также вариантность на уровне самого говора.

Вариантность фразеологических единиц в исследуемом говоре заключается в основном в замене компонентов, но при этом данные компоненты остаются в заметном, чаще всего синонимичном отношении.

Среди вариантов, функционирующих во фразеологическом фонде старообрядческого говора⁷, можно выделить следующие единицы:

⁷ Упомянув варианты фразеологизмов в старообрядческом говоре, мы имеем в виду только те

НА B''ESA ŽŽ'ELAC – НА Č'ORTA ŽŽ'ELAC [на бѣса сдѣлать – на чорта сдѣлать]
 ‘сдѣлать что-н. назло, раздражать кого-н.’

Варианты различаются лексическими компонентами, называющими нечистую силу *b'es – čort* [бѣс – чорт], которые, однако, остаются синонимичными по отношению друг к другу. Ср. *na besa sdelat'* (ДСОС)

М-1977: što na č'orta žž'elać to był p'ervyj	М-1977: што на чорта сдѣлать то был пѣрвый
Ж-1951: št'ota pr'ama žž'elać tak na č'orta	Ж-1951: што-та прѣма сдѣлать так на чорта
Ж-І: 'aby na xol'era / na č'orta žž'elać	Ж-І: абы на холѣра, на чорта сдѣлать
М-1947: kak na b'esa ŋe žž'elajet / to žyč ŋe mok	М-1947: как на бѣса не сдѣлает, то жить ня мог
М-1977: ja fšud'a tam m'ušel byč / zakruč'icsa / a na č'orta što žž'elać tap' 'er xač'a / i tap' 'er tag gavar' 'ic:a / štop što na b'esa žž'elać to p'ervyj / a p'ošl'i ŋa j'a / ja ŋ'e / ja nu gž'e / ja tam ŋa b'ył / ja tam ŋe v'id'ał / tap' 'er už'e gavar' 'u ŋet tak 'oj ekipy štop pašal'eč	М-1977: я всюдѣ там мýсел быть, закручѣть-ся, а на чорта што сдѣлать тапѣр хатѣ. И тапѣр так говорѣцца, штоб што на бѣса сдѣлать, то пѣрвый. А пóсли ня я. Я не. Я? Ну гдѣ, я там ня был, я там не видѣл. Тапѣр ужѣ говорю, нет такой <i>ekipy</i> ⁸ чтоб пошалѣть

ČORT ZN'AJET – B''ESI ZN'AJUT [чорт знаѣт – бѣси знаѣют]
 ‘никто не знает’

Как и в предыдущем примере, варианты различаются компонентами, называющими нечистую силу, но в данном примере слово *b''esi* [бѣси] встречается только во множественном числе (фразеологизм с формой единственного числа не зафиксирован), а *čort* [чорт] – только в единственном числе (фразеологизм с формой множественного числа не отмечен, хотя такая форма в говоре функционирует – *č'erči* [чѣрчу]).

М-II: a b'esi jav'o zn'ajut kud'a jon paš'oł	М-II: А бѣси явó знаѣют куда йон пашóл
М-1933: čort zn'ajit kud'a	М-1933: Чорт знаѣит куда
М-1947: čort zn'ajet kav'o	М-1947: Чорт знаѣт кавó

Среди вариантов фразеологизмов встречаются и такие, в которых различие касается отдельных слов-компонентов в плане словообразовательных моделей. Одним из таких примеров является следующий:

единицы, которые квалифицируются как исконные, т.е. происходящие из русского языка, псковского говора или дифференциальных фразеологизмов. Вариатность в плане иноязычного материала рассматривается в следующем подразделе работы.

⁸ Польск. *ekipa* ‘экипаж’.

M' 'EŇŠE-B 'OLŠE – M' 'EŇEJE-B 'OL'EJE [мэньше-бóльше | мэнее-бóлее]
 ‘не совсем, частично’

Разница между вариантами заключается в использовании двух параллельно функционирующих форм сравнительной степени наречий – в первом примере с суффиксом *-š-*, а во втором *-eje*.

Ж-I: <i>kak vam skaz 'ač j 'eta / m' 'eŇše b 'olše</i>	Ж-I: как вам сказа́ть э́та, мэньше-бóльше
Ж-II: <i>kak m' 'eŇe b 'ol'e r 'usk'ij kak sláv' 'ansk'ij</i> <i>jaz 'yk pax 'oš na p 'olsk'ij</i>	Ж-II: как мэнее-бóлее ру́сский как славя́нский язы́к пахо́ж на по́льский

Некоторые вариантные единицы образованы по принципу метонимии. В приведенном ниже примере это явление проявляется в употреблении в устойчивых сравнениях двух компонентов, между которыми существует отчетливая связь, указывающая на интенсивность признака, поскольку и царица, и барыня – это представительницы самых высоких слоев населения.

ŽYČ KAK CAR' 'ICA – ŽYČ KAK B 'ARYŇA [жить как ца́рица – жить как ба́рыня]
 ‘жить в достатке и благополучии’

Варианты различаются наличием в какой-то степени синонимичных по отношению друг к другу компонентов: *car' 'ica – b 'aryŇa* [ца́рица – ба́рыня].

Ж-1944: <i>an 'a žyv' 'ot kam car' 'ica</i>	Ж-1944: она́ живе́т как ца́рица
Ж-1932: <i>za 'ety ž 'eŇg' i ja by s m 'užem žyl' 'a</i> <i>kak b 'aryŇa</i>	Ж-1932: за э́ты де́ньги я бы с му́жэм жыла́ как ба́рыня

NAP' 'IC:A KAK KOŇ – NAP' 'IC:A KAK ŠV' IŇJ 'A
 [напíться как ко́нь – напíться как сви́нья]
 ‘сильно напиться, до потери сознания’

Синонимичные отношения в данной паре примеров заключаются в том, что в состав обеих единиц входит компонент, называющий домашнего животного: *koŇ – šv' iŇj 'a* [ко́нь – сви́нья], который сопоставлен с пьянством как характерной чертой, символически относящейся к животному.

Ж-1926: <i>no a on tu pada / nap' 'iŇsa kak koŇ</i>	Ж-1926: <i>no a on tu pada</i> ⁹ напíлся как ко́нь
Ж-1944: <i>nap' 'ic:a kak šv' iŇj 'a</i>	Ж-1944: напíться как сви́нья

⁹ Русск. *и он вот здесь падает*.

4.4.1.2. Параллельное функционирование русских форм (диалектных и литературных), проявляющих влияние польского языка

В рамках явления вариантности в говоре старообрядцев мы также имеем дело с параллельным функционированием русскоязычных (или диалектных) форм фразеологизмов и форм, проявляющих следы польского влияния.

Опыт полевых исследований и наблюдения, сделанные в их ходе, позволяют оценить масштаб этого явления как относительно распространенный, поскольку оно встречается во многих идиолектах, часто даже в пределах одного высказывания (как результат или причина переключения кодов). Это может свидетельствовать о знании информантами форм в обоих языковых вариантах и/или их высокой продуктивности в области калькирования и заимствования русским говором польских языковых элементов, с помощью которых они заполняют пробелы, созданные лексическими недостатками родного говора, отделенного (и поэтому находящегося в островных условиях) от бывшей родины, которая могла бы являться потенциальным источником обогащения и развития лексических и фразеологических ресурсов.

В анализируемом материале мы обнаружили следующие примеры пар сосуществующих фразеологизмов, один из которых встречается в диалектной форме (или в общенародной русской), а другой испытал заметное польское влияние, чаще всего в виде адаптированного или неадаптированного заимствования:

ST'ARAJA P'AN:A – ST'ARAJA ǰ'EFKA [ста́рая па́нна – ста́рая де́вка]

‘женщина, которая не вышла замуж’ (польск. *stara panna*, русск. *старая дева*)

О польском влиянии свидетельствует заимствование слова *panna* (русс. *дева*).

Ж-1940: adn 'aja jes st 'araja v nas ǰ 'efka / z 'amuš nie v 'yšła	Ж-1940: адная ес(ть) ста́рая в нас де́вка, за́муж не вы́шла
Ж-1940: maj 'a šestr 'a ješć st 'araja ǰ 'efka	Ж-1940: ма́я сестра́ есть ста́рая де́вка
Ж-1940: nie x 'očet być st 'arej p 'annaj čy st 'arym kaval' 'eram	Ж-1940: не хо́чет быть ста́рэй па́ннай чы ста́рым кавале́рам ¹⁰

PŠEV'R' UČIC:A V GRAB' U – P'Ė'R'EV'ERN' UC:A V GRAB' U

[пшеврүти́цца в гробу́ – переверну́ться в гробу́]

‘об умершем человеке, который, будучи ещё в живых, наверно не согласился бы с решением близкого живущего человека’

¹⁰ Польск. *kawaler* ‘холостяк’.

(польск. *przewracać* | *przewrócić się w grobie*, русск. *перевернулся бы в гробу*)

О польском влиянии в данном случае свидетельствует наличие адаптированного заимствования *pševr'uić:a* [пшеврути́цца] вместо русского *перевернуться*.

Ж-1926: to j'eta m'atka tfaj'a v grab'u pševruć'ilaś / nap'evna p'er'ev'arn'ulaś v grab'u	Ж-1026: то éta mátka tvaj'a v grabú pševru- tílaś ¹¹ , napévna pševrjárnułaś v grabú
--	--

GLUCHA KAK P'EN – GLUX'OJ KAK P'EN [*glucha* как пень – *gluxóy* как пень]
'совсем глухой' (польск. *gluchy jak pień*, русск. *глухой как пень*)

О польском влиянии свидетельствует окончание *-a* в словоформе *glucha* вместо русского окончания *-ая*.

Ж-1922: glux'aja, najx'uže što glux'oj čelav''ek / kak p'eñ <i>taka glucha</i> m'oža sk'ora vamr'u / n'ada už'o pam'ir'ać	Ж-1922: глухая, наихуже што глухой чэлавэк, как пень <i>taka glucha</i> можа скора вамру́, нада ужó паміра́ць
Ж-1944: glux'oj kak p'eñ	Ж-1944: глухой как пень

IM D'ALŠE V L'ES, TYM B'OLŠE DR'OF – D'ALŠE V L'ES, B'OLŠE DROF

[*Im* дальше в лес, *ty*m больше дров – Дальше в лес, больше дров]

'по мере развития ситуации возникает все больше проблем'

(польск. *Im dalej w las, tym więcej drzew*, русск. *Дальше в лес – больше дров* |
Чем дальше в лес, тем больше дров)

О польском влиянии свидетельствует синтаксическая конструкция *im..., тут...* вместо русской *чем..., тем...* или конструкции без союзов.

М-II: (...) ješč'o da kag gul'al'i / i gavar''it n'u [imie] iž'i ka mñ'e saž'is t'utka na kr''esla / ja š'eł / d'umaju što on b'uzed gavar''ić / a j'on / sl'uxaj [imie] x'ožiš s [imie] a zn'aješ / im b'ol'se v l'es tym b'ol'se dr'of / n'ada žeñ'ic:a / nu i xać'eł ne xać'eł nu i što	М-II: (...) ешчó да как гула́ли. И гаварі́т, ну, [имя], иди́ ка мне, сади́сь тутка на крэ́сла. Я сел, думаю што он бу́дет гаварі́ць. А ён: слухай [имя], хóдиш с [имя], а зна́ешь, им бо́льше в лес, тым бо́льше дров – на́да жени́ться. Но и ха́тел, не хател, ну и што
М-II: pr'iv''azan kak rab / m''ira ne v''ižit / no ty uš skaž'u tak pr'ibl'iž'icelna / će kat'oryje sto kar'of im''ejut / an'y z s 'etava no sk'ažem at rab'oty ne vyx'ožit / nu pak'a par'a mimo že že tak powiem po polsku to jest zmechanizowane ale kag by tu ska... paś'ov'icej d'al'se v l'es, b'ol'se dr'of, v'ot	М-II: приви́зан как раб, мі́ра не ві́дит. Но ты, уж скаж́у так при́близі́тельна, те, като́рые сто каро́в імёю́т, ані́ с э́тава, но, ска́жем, ат рабо́ты не выхо́дют. Ну па́ка па́ра́ <i>mimo že že tak powiem po polsku to jest zmechanizowane ale</i> ¹² как бы́ ты ска... пасло́вицей: да́льше в лес, бо́льше дров

¹¹ Польск. *przewrócić się* 'перевернуться, упасть'.

¹² Русск. *хотя, так сказать по-польски, всё это уже механизированное, но...*

Параллельно функционируют также фразеологизмы, заимствованные из польского языка, напр.

ІĆ ІĆ Z POSTĘPEM – ІĆ ІĆ S PAST' UPKAJ – ІĆ ІĆ S PAST' UPKAM'І
 [итить *z postępem*¹³ – итить с **поступкой** – итить с **поступками**]
 ‘прогрессировать; одобрять прогресс’ (польск. *iść z postępem*)

В первой форме фразеологизма присутствует заимствованная из польского языка предложная конструкция *z postępem*, вторая и третья формы фразеологизмов представляют собой кальки из польского языка, в состав которых входят адаптированные заимствования, следовательно, в единственном числе *past'upka* [*наступька*] и во множественном числе *past'upk'i* [*наступьки*], созданные на основе польск. *postęp* ‘прогресс’.

М-1947: tap''er safs'om in'aće / iź'om <i>z postępem</i> 'etava śf'eta	М-1947: тапёр савсём инáčэ, идём <i>z postępem</i> этава света
М-1977: štop śf''et iź'ot s past'upkam'i // śf''et m'oża ćut <i>za szybko</i> iź'ot s past'upkaj	М-1977: штоб свёт идёт с наступьками // свет мoжа чут <i>za szybko</i> ¹⁴ идёт с наступкай
Ж-І: wszystko iź'ot z postępem	Ж-І: wszystko идёт <i>z postępem</i>

DAJĆ І DA ŚEB''A – DOJŚĆ DO SIEBIE [**дайми да себя – dojść do siebie**]
 ‘прийти в себя’ (польск. *dojść do siebie*)

Пример *dajć i da śeb''a* является калькой польского фразеологизма: *dojść do siebie*, в то время как вторая конструкция дается только в польской форме как результат переключения кодов.

М-195?: u m'eń'a tak'ije n'ervy / ja tak p'er'eż'yl / što puł g'oda nie mog dajć'i da śeb''a	М-195?: У меня такийи нёрвы... Я так пережыл, што пулгода не мог дайти да себя
Ж-1935: ja tak d'umała / što <i>nie dojdę do siebie</i> [после операции]	Ж-1935: Я так думала, што <i>nie dojdę do siebie</i> ¹⁵ [после операции]

В примерах такого типа характер модификации и степень отображения обычно обусловлены уровнем языковой компетенции информанта в области русского говора или же инвенцией и ассоциациями говорящего. Бывают ситуации, как в случае с единицей *dojść do siebie*, когда информант, не имея возможности или желания приложить усилия для перевода и адаптации польского фразеологизма, вводит в диалектное высказывание единицу в ее исходной польской форме.

¹³ Польск. *postęp* ‘прогресс’.

¹⁴ Русск. *слишком быстро*.

¹⁵ Русск. *не придю в себя*.

4.4.2. Искажение форм фразеологических единиц

Собранный материал интересен еще и тем, что он изобилует модификациями, искажениями формы и переосмыслениями. Упомянутые явления возникают вследствие неточного восприятия услышанного фразеологизма (которое, в свою очередь, является результатом функционирования говора в устной форме и почти полного отсутствия письменности¹⁶ на говоре старообрядцев), а также как результат использования информантами тех ресурсов их языка, которые выявляются в момент создания данного высказывания. На тип вносимых модификаций, несомненно, влияет и наличие определенных убеждений и сети ассоциации в сознании информантов.

Яркими примерами искажения, заключающегося в переосмыслении формы фразеологизма, являются два высказывания информантов, в которых предпринята попытка воспроизвести смысл пословицы, звучащей в польской версии *Łagodne ciele dwie matki ssie*, а в русской *Ласковый теленок две коровы сосет*, с использованием разноязычных компонентов:

M-1977: kak gavar'at / <i>łagodne ciele</i> to dv'e kar'ovy saš'ot a g'ordyja ž'adnyj	M-1977: как гаваря́т: <i>łagodne ciele</i> ¹⁷ то две каровы сасѣт, а гордыя жа́дный ¹⁸
M-1927: kak to <i>przysłowie</i> j' eść / kak 'eta / <i>łask'ave ciele dwa cycki ssie a gr'ube ani jednego</i>	M-1927: как то <i>przysłowie</i> ¹⁹ есть, как э́та: ласка́вэ <i>ciele dwa cycki ssie</i> ²⁰ а гру́бэ <i>ani jednego</i> ²¹

Показательно, что в данном случае трудно определить, какой языковой вариант пословицы был прототипом, послужившим отправной точкой для вышеописанных реконструкций. Оба варианта фразеологизмов являются примерами своеобразных гибридных творений, поскольку, хотя схема высказывания воспроизведена более или менее точно, в лексическом составе имеются принципиальные различия, выходящие за рамки перевода исходного образца. В обоих случаях информанты прежде всего ориентировались на передачу смысла поговорки, и сделали это описательно с помощью известных им языковых элементов и на основе ассоциаций (о чем, в частности, свидетельствует вариант информанта М-1927 – *łask'ave ciele dwa cycki ssie, a gr'ube ani jednego*

¹⁶ Подробнее о единичных попытках графической записи говора см. Павлячик, 2017, сс. 269–279 (ср. сноску 22).

¹⁷ Русск. *ласковый теленок*.

¹⁸ Польск. *żaden* 'никакой, ни один'.

¹⁹ Польск. *przysłowie* 'пословица'.

²⁰ Русск. *два соска / два вымени сосет*.

²¹ Польск. *ani jednego* 'ни одного'.

[*ласка́вэ тэ́ле два цы́цкі ссэ́, а гру́бэ́ а́ні е́днэ́го*]), в котором вместо компонента, называющего животное, появляется слово, семантически отдаленное, определяющее часть тела, но близкое по контексту, потому что *сусек* (русск. *сосок, сиська*) и корова остаются между собой в метонимических отношениях.

Процедуру модификации фразеологизма на основе ассоциаций информанта можно наблюдать также в высказывании М-1977: *m'ožna p'alcem pad' ać* [*мо́жна па́лцем пада́ть*] ‘очень близко’. В данном случае мы имеем дело с заменой компонентов (по сравнению с литературным вариантом), которые, как и в предыдущем примере, остаются в метонимических отношениях. По отношению к базовой форме фразеологизма русск. *рукой подать* произошла замена компонента рука компонентом палец, т.е. одной из составных частей руки.

Примером искажения фразеологизма является также форма, использованная информантом Ж-1951: *żerż 'ać r'uku na impulsie* [*держáть рýку на импульсе*], основой для которой послужила польская единица *trzymać rękę na pulsie* ‘быть в курсе дела, быть начеку’. В данном случае искажение произошло на основе паронимии польских слов *puls* (‘пульс’) – *impuls* (‘импульс’), которые, скорее всего, были информантом заменены ошибочно²².

4.4.3. Примеры фразеологизмов неясного происхождения

В некоторых случаях определение языкового происхождения отдельных единиц и того, каким путем данные ФЕ проникли в говор старообрядцев, оказывалось очень сложным, если вообще не невозможным.

Наибольшее сомнение вызывают устойчивые синтаксические конструкции, которые функционируют в обоих языках (польским и русским)

²² Этот тип модификаций С. Бомба называет фразеологическими ошибками и пишет о них следующим образом: «Innowacja nie zamierzona wynika najczęściej z niedokładnej znajomości struktury frazeologizmu, jego znaczenia i zakresu łączliwości leksykalnej, z presji sytuacji na wypowiadającego się (pośpiech, rozregulowana pamięć, trudności z kojarzeniem faktów, rozsypanywanie się planu wypowiedzi, zdenerwowanie itp.), wreszcie w lenistwa językowego, które – wyzwalając inercyjne skojarzenia – nie pozwala mówiącemu zdobyć się na ich kontrolowanie w trakcie realizacji wypowiedzi. Jest to zwykle nowość, która niczemu nie służy. Nie wzbogaca ani nie ceniuje treści wypowiedzi, lecz najczęściej ją zniekształca, a nierzadko pozbawia jakiegokolwiek sensu. Taka właśnie innowację, która nie ma uzasadnienia funkcjonalnego, uznaje się za błąd frazeologiczny» (Bąba, 1989, ss. 69–70).

(«Непреднамеренная инновация чаще всего возникает в результате неточного знания структуры фразеологизма, его значения и возможности лексической сочетаемости, от давления ситуации на говорящего (поспешность, разрегулированная память, трудность связывания фактов, распад плана высказывания, нервозность и др.) и, наконец, языковая лень, которая, вызывая инерционные ассоциации, не позволяет говорящему контролировать их во время высказывания. Обычно это совсем бесполезная новизна. Она не обогащает и не оттеняет содержание высказывания, а чаще всего искажает его, нередко лишая всякого смысла. Такая инновация, не имеющая функционального обоснования, считается фразеологической ошибкой»).

практически в тождественной форме. В какой-то мере подсказкой для определения их происхождения может быть возраст информанта, в высказываниях которого появляется исследуемая единица, поскольку существуют предпосылки, которые позволяют единицы, зафиксированные в речи представителей старшего поколения, квалифицировать как происходящие из русского языка (в частности, из-за первичности русского говора по отношению к польскому языку). Однако есть основания предполагать, что в речи среднего и младшего поколений старообрядцев (языковая ситуация которых весьма неоднородна и не поддается обобщению) единицы, тождественные по форме и значению для обоих языков, являются кальками польских конструкций, которые в силу упомянутого близкого родства двух славянских языков (и их общего происхождения) звучат как русские.

Одним из примеров, отображающих вышеуказанные замечания, является выражение *p'omniu kak šev'odni* [пóмню как севóдни], которое широко распространено в русском языке (*помню как сегодня*), поэтому может считаться сохранившейся конструкцией русского языка в говоре старообрядцев. Однако возможность интерпретации осложняется, поскольку это выражение может являться также буквальным переводом польского *pamiętam jak dziś*, о чем свидетельствуют более широкие контексты некоторых высказываний, в которых содержится упомянутая единица, например:

М-1977: no to ja v'z' ał šč'otku / to šč'otkaj b'ił jan'u / to šč'otkaj šestr'u tak łamat' ał što aš pyłam' ał to p'oše nie m''el'i što žž'elyć to šč'otku v'az'al'i na j'etat na šnurk''i št'op b'ačka s m'atkaj nie kr'ić'al'i / b'ačka s m'atkaj pr'ij'exył i pyt'ajec:a kto jan'u pyłam' ał / ja gavar''u nie ja t'oka [имя] / no to toš wtedy jan'a zar'ob'ila a mne sp'ekł'oša / 'al'i što k čem'u no to gavar''u što na č'orta žž'elać to był p''ervyj / i tak i što pam'oč što d'oma to był p''ervyj / 'al'i u že što (...) satfar''ić što nib'uc' / jim žž'elać tak št'ob b''elaj gar''ačk'i pydastav'al'i d'oma / to nikt'o t'oka [имя] p''ervyj był k 'etamu zd'atnyj / to ja gavar''u tak što no ničav'o tam nie žal'eł /

М-1977: Но то я взял шчóтку, то шчóткай бил яну́. То шчóткай так сестру́ ламатáл, што аж пыламáл. То посе не мéли што дéлать то шчóтку взы́ли на éтат, на шnúрки²³, штоб бáтька с мáткой не крýчили. Бáтька с мáткой прихýл и пытáется²⁴ кто яну пыламáл. Я гаварю́: не я, тóка [имя]. Но то тож wtedy²⁵ янá зарóбила²⁶ а мне спéклóся²⁷. Áли што к чéму, но то гаварю́, што на чóрта дéлать то был пéрвый. И так, и што памóч што дóма то был пéрвый. Áли ужó што (...) сатфар'и́ть што-нибúть, и́йм дéлать так штоб бéлай гарýчки²⁸ пыдastавáли дóма, то никтó тóка [имя] пéрвый был к éтому дáтный. То я гаварю́, так што но ничавó там не жалéл,

²³ Польск. *sznurek* 'веревка'.

²⁴ Ср. польск. *pytać się* 'спрашивать'.

²⁵ Русск. *тогда*.

²⁶ Ср. польск. разг. *zarobić* 'получить наказание (чаще всего в форме физического насилия)'.

²⁷ Ср. польск. *upiekło się {komuś}* 'кто-то избежал последствий, наказания'.

²⁸ Ср. польск. *dostawać | dostać białej gorączki* 'сильно расстроиться'.

o tak što m'ug źǵ'elać to ras t'oka i fšo / to ras śiǵ'el'i to jaj'iček pynab'ili (...) 'eta b'yła pered pr'aźńikam m'atka sab'ir'ała j'ajca pered pr'aźńikam / to šeǵs'at čat'yr'e śt'uk'i / kak šev'odni p'omnu, fšo pab'ityx	о так што муг сде́лать, то раз то́ка и всё. То раз сиде́ли, то яйчек пынаби́ли (...) э́та бы́ла пе́рэд пра́зньникам. Ма́тка сабира́ла яйца пе́рэд пра́зньникам, то шейся́т ча́тыре шту́ки, как сево́дни по́мню, всё паби́тых
--	--

В приведенных высказываниях мы имеем дело с элементами, заимствованными из польского языка, или с результатом смешения кодов, на что указывает наличие польских заимствований и вкраплений. О том, что рассматриваемая конструкция заимствована из польского языка, может свидетельствовать, как уже упоминалось, относительно молодой возраст информанта (1977 г.р.), а также знание общей характеристики данного идиолекта, для которого характерна исключительная продуктивность в области калькирования польских структур, в том числе и фразеологических (подробнее на эту тему см. Група, 2017а, сс. 33–39).

В группу фразеологизмов неясного происхождения можно включить также следующие примеры:

PAKAZ 'AĆ F'IGU	ПАКАЗАТЬ ФИГУ
(польск. <i>pokazać figę</i> , русск. <i>показывать</i> <i>показать фигу</i>)	
M-1977: kak šev'odni p'omnu kak ć'otka [imie] nas uć'yla / oj an'a naz b'ila / bo nie ras' o tak śiǵ'im / to aǵ'in drug'omu f'igu pak'ażet / to p'alcem pamax'ajit / to tam začyn'ajim śm'ej'ac:a / to [имя] m''eła tak'uju p'alečku źǵ'elana / to kak pr'iǵ'ot / kak l'izgań'ot / to <i>prawie</i> f'šeǵm'oje n'eba l'ez'ał	M-1977: как сево́дни по́мню как те́тка [имя] нас учы́ла. Ой, а́на нас бы́ла, бо не раз, о, так сиди́м, то а́дин друго́му фи́гу пака́жет, то па́лцем памаха́йит, то там зачына́йим сье́мьяця. То [имя] ме́ла таку́ю па́лэчку сде́лана, то как приде́т, как лизга́не́т, то <i>prawie</i> ²⁹ в се́дьмое не́ба леза́л
NA'UKA V L'ES NIE IŻ'OT	НАУКА В ЛЕС НЕ ИДЕ́Т
(польск. <i>nauka nie idzie</i> <i>nie poszła w las</i> , русск. <i>Наука в лес не ходит</i>)	
M-1977: 'al'i gavar'u / na'uka v les nie iǵ'ot t'oka v nas / 'eta što nauć'yłša ad b'aćk'i / ad m'atk'i / to i šev'odni p'omnu / t'oka, ja gavar'u / v nas to b'yl'i in'aće my xav'anyji / bo j'eśća mnok tak'ix śem'ej što na m'atku r'uku padn'ośut	M-1977: а́ли гаварю́, нау́ка в лес не иде́т, то́ка в нас. Э́та што научы́лся а́т ба́тьки, а́т ма́тки, то и сево́дни по́мню. То́ка я гаварю́, в нас бы́ли ина́че мы хаваны́и, бо е́сть мног се́мей што на ма́тку ру́ку па́днoсьу́т

В составе фразеологии говора старообрядцев можно также найти пример неясной мотивировки, в случае которой сложность ее определения заключается не только в наличии формально-смысловых эквивалентов в русском и польском

²⁹ Русск. *почти*.

языках, но и в модификации формы фразеологизма, что дополнительно затрудняет идентификацию:

<i>st'isnuć jaz'yk</i> (SGS)	<i>стиснуть язык</i>
‘замолчать’	
Сувалки ³⁰ -I: Pr'oška / ja gavar'u / st'is'n'ij svoj jaz'yk / a jan'a n'e sl'yšyt i šče gulč'ej razgav'ar'ivajit	Сувалки-I: Прóшка, я гаварю, стисні свой язык, а яна не слышит и шче гулчэй разгаварывайит

Данная единица может принадлежать к дифференциальной части фразеологического фонда говора старообрядцев, но весьма вероятным ее источником является контаминация двух русских фразеологизмов: *стиснуть зубы* ‘подавить свои чувства, сдержаться, не показывая своей слабости’ (ФСРЛЯ) *огаз держать язык за зубами* ‘умалчивать, не говорить о чем-л.’ (ФСРЯТих).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что основная трудность в определении происхождения или мотивации отдельных фразеологизмов связана с тем, что в случае приведенных выше примеров мы имеем дело с параллельными фразеологизмами, вследствие чего их эквиваленты можно найти как в русском, так и в польском языках. Определенную трудность представляют также модификации в форме фразеологизма, которые углубляют сомнения. Учет более широкого социолингвистического контекста дает некоторые основания для выводов, но не является решением, позволяющим формулировать окончательные суждения.

³⁰ Пол и год рождения информанта в источнике не указан. Приведенный символ обозначает регион проживания информанта и поколенческую принадлежность.

Глава V. Русская фразеология в составе говора старообрядцев Польши

5.1. Семантика фразеологизмов русского происхождения

Семантикой устойчивых словосочетаний исследователи заинтересовались уже с того момента, когда возникла необходимость описания фразеологии¹.

Семантическое описание фразеологии осуществлялось разными способами: прежде всего, путем анализа сочетаемости отдельных компонентов фразеологических единиц (см. напр. Виноградов, 1946/1977, сс. 118–139; Skorupka, 1967, сс. 5–8) и характеристики значения фразеологизмов в соответствующих контекстах высказываний (см. напр. Ивашко, 1981). Уделялось внимание и более детальным аспектам, таким как характер фразеологического значения, соотношение между фразеологическим и лексическим значением, семантическая связь между компонентом и единицей в целом, фразеологическая полисемия, вариантность и синонимия фразеологии (см. напр. Бабкин, 1970; Жуков, 1978; Молотков, 1977; Шанский, 1969). Известны также работы, посвященные семантике фразеологических сравнений (см. напр. Огольцев, 1978).

5.1.1. Семантический анализ фразеологических единиц русского происхождения: предварительные замечания

Упомянутая выше модель семантического описания фразеологии, основанная на анализе степени связи между компонентами фразеологизма, находит свое применение, прежде всего, в случае литературных вариантов языков, в которых имеется четко выраженная и общеизвестная языковая норма, дополнительно подкрепленная многочисленными свидетельствами в письменной форме. Говор, напротив, не имеет языковой нормы, трудно также найти для данной разновидности языка графическую форму (письменность), хотя следует отметить, что это возможно.

¹ Семантикой фразеологии занимались предшественники исследований устойчивых словосочетаний. В русском языкознании нужно отметить, в частности, работы В. В. Виноградова (см. Виноградов, 1946/1977, сс. 118–139, 1947/1977, сс. 140–161). В Польше анализ фразеологического фонда также начался с семантического аспекта (см. Skorupka, 1965, сс. 119–130, 1967, сс. 5–8).

Фразеологическая норма, по словам С. Бомбы – это: „zbiór zaaprobowanych [w danym przypadku – прим. МГД] przez polską społeczność językową frazeologizmów oraz reguł określających sposób realizacji ich tożsamości w tekstach” («набор утвержденных [в данном случае – прим. МГД]) польским языковым сообществом фразеологизмов и правил, определяющих способ реализации их идентичности в текстах») (Bąba, 1985, с. 87, 2009, с. 11). В случае с фразеологией говора старообрядцев наблюдается практически полное отсутствие² фиксации отдельных фразеологизмов в текстах (единичные примеры встречаются в личных документах³ носителей говора). Диапазон фразеологизмов, которые можно считать социально одобряемыми, широк, поскольку включает в себя не только конструкции, перенесенные с языковой родины, но и усвоенные во время миграции на польской земле, а также их варианты, искаженные и переосмысленные формы. Границы их употребления, с другой стороны, являются гибкими и нестабильными в силу отсутствия устоявшейся языковой нормы, что усиливается устной передачей фразеологизмов между поколениями.

Вопросы языковой нормы и узуса в контексте устойчивых сочетаний слов рассматриваются также в статье Д. Буттлер (Buttler, 1985). Анализируя литературную разновидность польского языка, автор обращает внимание на существование двух типов языковой нормы. Это деление, проведенное с целью отразить структуру различных плоскостей языка, включает в себя нормы: (1) основанные, прежде всего, на системе и (2) основанные на узусе (поскольку они охватывают и отдельные явления). Фразеологическая норма, в силу своего узуального характера, входит во вторую группу, являясь реальной (естественной) нормой, в отличие от кодифицированной (искусственной) нормы, которая представляет собой результат научного отбора и охватывает лишь часть явлений, функционирующих в узусе (Buttler, 1985, сс. 74–76).

Диалектная фразеология в целом, а значит, и фразеология старообрядческого говора в Польше, носит чисто узуальный характер⁴. Д. Буттлер подчеркивает (по отношению к литературной разновидности языка), что:

normę frazeologiczną cechuje brak stabilności, niezmiernie rozbudowana wariacja, którą może nawet należałoby nazwać patologiczną, bo nie podlega działaniu typowych

² Подробнее о попытках записи старообрядческого говора см. Павлячик, 2017, сс. 269–279.

³ Под личными документами мы понимаем любые проявления творчества пользователей диалекта, т.е. письма, фрагменты речи, литературные произведения.

⁴ Следует подчеркнуть, что на протяжении многих лет ведутся исследовательские и документальные работы, приближающие перспективу кодификации диалектного фразеологического материала, однако они ориентированы исключительно на научное сообщество и по существу не выполняют популяризаторской функции среди членов отдельных сообществ.

procesów regulujących, teleologicznych: eliminacji jednostek nadmiarowych lub kształtowania się wyrazistych zasad dystrybucji i repartycji semantycznej oboczników (Buttler, 1985, c. 79).

(«фразеологическая норма характеризуется отсутствием стабильности, чрезвычайно обширной вариатностью, которую, пожалуй, даже следует назвать патологической, поскольку она не подвержена действию типичных регулирующих, телеологических процессов: устранению избыточных единиц или формированию чётких правил дистрибуции и семантического распределения параллелизмов»).

В случае с фразеологией старообрядческого говора мы имеем дело с еще большей интенсивностью этих особенностей по сравнению с литературным языком, который не имеет регулирующих механизмов в виде устоявшейся языковой нормы, и, кроме того, подвергается постоянному, все более сильно-му влиянию польского языка, что оказывает дополнительное дестабилизирующее воздействие (за счет проникновения польских элементов и их распространения среди старообрядцев, в итоге воспринимаемых как свои собственные).

Л. А. Ивашко, описывая специфику фразеологического состава диалектов, отмечает, что:

Фразеологический состав диалектов, в связи с устной формой их существования, отличается исключительной мобильностью и разнообразием. Это и фразеологические единицы, неизвестные общенародному языку, и фразеологизмы, попавшие в говоры из книжного языка, трансформированные или сохранившиеся в своем первоначальном виде, и многочисленные устойчивые обороты, функционирующие в разговорной речи города, в речи профессиональной и не нашедшие еще отражения в словарях литературного языка. Речевой характер фразеологии способствует появлению различных формальных и семантических модификаций фразеологических единиц, широкой варьированности фразеологизмов в диалектной речи, образованию новых устойчивых сочетаний (Ивашко, 1981, с. 6).

Учитывая вышеизложенные соображения, в данной работе опускаются вопросы, связанные с сочетаемостью компонентов фразеологизмов, в то же время признается, что такой анализ потребует углубленного изучения этой проблемы, что, учитывая ее широту, может составить отдельную монографическую работу. Следует также подчеркнуть, что указанная выше часть исследования семантики фразеологизмов и методологии, связанной с ней, в настоящее время считается устаревшей.

Целью данного раздела монографии является анализ значения записанных фразеологизмов исходного, русского происхождения. Этот аспект собранной фразеологии старообрядческого говора особенно важен в связи с тем, что старообрядцы, прибыв на польские земли три века назад, оказались в чужом окружении. Кроме того, в течение менее чем столетие постепенно

усиливались их контакты с польским окружением, а более 70 лет назад они полностью утратили связь со своими единоверцами, что существенно повлияло на состояние и положение русского говора старообрядцев. Эти факторы привели к изменению характера общины – из почти полностью герметичной и изолированной в начале своей истории на польских землях она превратилась в такую, какой мы ее видим сегодня: открытую, частично ассимилированную и подверженную влиянию польской языковой и культурной среды. Отсутствие регулярного контакта с родным языком во многих случаях могло стимулировать процессы переосмысления семантики отдельных фразеологизмов, утрату или изменение их первоначального значения в пользу иного восприятия новой реальности, в которой пришлось функционировать старообрядцам во время миграции и после поселения на польских землях. С этой точки зрения особенно интересным является вопрос о том, произошли ли изменения в значении используемых фразеологических единиц по отношению к исходным, под которыми понимаются формы фразеологизмов, зафиксированные во фразеологических словарях литературного языка и в словарях, регистрирующих диалектную фразеологию.

5.1.2. Фразеология русского происхождения в говоре старообрядцев в Польше: тематическая квалификация

Собранный фонд исконной фразеологии – общенародной русской и диалектной в частности, является частью культурного наследия старообрядцев, принесенного в Польшу с родной земли⁵. В связи с этим интересен вопрос о том, какие фразеологизмы исконного происхождения сохранились до наших дней, какие тематические сферы в них можно выделить, а также вопрос о том, отличаются ли они по структуре от словарных вариантов.

Деление на тематические группы всегда в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток субъективного выбора исследователя, на что указывает, в частности, Л. А. Ивашко:

⁵ Следует подчеркнуть, что некоторые из наших информантов имели контакт с литературным вариантом русского языка, например, во время обучения в школе и при общении с литовским и латышским населением. Таким образом, некоторые фразеологические единицы могли быть усвоены ими на уроках русского языка или при контактах с русскоязычным населением, а не принесены из родной местности и сохранены путем передачи из поколения в поколение. Анализ языковых биографий информантов и лингвистических особенностей их идиолектов позволяет сделать вывод о том, что такая ситуация характерна лишь для некоторых из них.

Все исследователи обращают внимание на то, что распределение ФЕ по семантическим разрядам неравномерно, не все области объективной действительности получают отражение во фразеологии, одни семантические группы охватывают большое число ФЕ, другие беднее, некоторые представлены единичными оборотами (Ивашко, 1981, с. 8).

В зависимости от способа распределения фразеологизмов по группам и многоуровневого характера классификации доля материала, включенного в каждую группу, может меняться, что, в свою очередь, может повлиять на содержание сделанных выводов.

Для того, чтобы представленное деление было максимально объективным, использовалась двухступенная классификация. Первый уровень предполагает тематическую квалификацию, сформулированную в общем виде – принадлежность фразеологической единицы к одной из выделенных на основе собранного материала основных тематических групп, которые относительно легко поддаются выделению: 1) ЧЕЛОВЕК; 2) ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА; 3) ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ. Второй уровень введенного деления состоит из подгрупп, соответствующих конкретным направлениям внутри указанных категорий, например, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА → Ценности и жизненные истины.

5.1.2.1. Критерии квалификации фразеологических единиц русского происхождения

Фразеологическими единицами русского происхождения в данной монографии считаются фразеологизмы, по отношению к которым имеются веские основания полагать, что они проникли в старообрядческий говор из русского языка: исторические (ФЕ уже отмечалась в материале, собранном в 1950–60-е годы), этимологические (ФЕ относится к русской культуре, называет ее элементы) и формально-семантические (ФЕ не отличается существенно по звучанию, структуре и значению от эквивалентной единицы, отмеченной в словарях русской фразеологии).

Основным критерием квалификации является наличие рассматриваемых конструкций в словарях общерусской и диалектной фразеологии. Фразеологические единицы русского происхождения в старообрядческом говоре таким образом рассматриваются как фразеологизмы, отмеченные в словарях русского языка, при этом они:

- (а) характеризуются высоким формальным и семантическим сходством по отношению к общенародным русским единицам, а также единицам, отмеченным в русских говорах (за исключением псковского и новгородского, которые считаются исходными для старообрядцев);

- (б) не встречаются в других языках или являются частью восточнославянского/ общеславянского языкового ареала⁶, но их форма имеет наибольшее сходство с русским эквивалентом.

Следует также отметить, что в случае единиц, параллельных в русском и польском языках, т.е. таких, которые вследствие близкого родства обоих языков являются сходными по форме и значению (напр. русск. *глухой как пень* – польск. *głuchy jak pień*), фразеологизмы причислялись к группе родных, русских (если не было предпосылок считать по-другому, о чем могло бы свидетельствовать, например наличие заимствований). В описанной ситуации определить, из какого именно языка – русского или польского – ФЕ попали в старообрядческий говор, является невозможным, так как русские формы фразеологизмов звучат так же, как и адаптированные из польского языка.

5.1.2.2. Фразеология русского происхождения в тематическом порядке

ЧЕЛОВЕК

1) Внешний вид

худ'ОJ как skr'уpкa (SGS)	худóй как скрýпка
‘очень худой’ ⁷	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>худой как скрипка</i> (БСРНС)	

ničav'o sab'e	ничавó себé
‘довольно хорош собой’	
Ж-1940: bo j'on toš sab'e ničav'o / jan'a kraš'ivyja toš i jon ničav'o / t'oka m'ajit v'olas st'abyj / tak'oj b'yt:a t'ysyj vyglad'ajit	Ж-1940: бо ён тож сабé ничавó, яна красівыя тож и ён ничавó. Тóка ма́йит во́лас сла́бый. Тако́й бы́тта лы́сый выгляда́йит
русс. <i>ничего себе</i> ‘1. Сносно, довольно хорошо (делать что-либо). 2. Довольно хороший, неплохой. О ком-либо или о чём-либо. 3. <i>Ничего себе!</i> Возглас, выражающий негодование, возмущение, неодобрение и т. п. по поводу чего-либо нежелательного’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>niczego sobie</i> ‘pot. zupełnie dobry, piękny, interesujący itp.; zupełnie dobrze itp.’ (SFJPSkor)	

⁶ В силу близкого родства и сложной истории восточнославянских народов определить происхождение некоторых фразеологических единиц, зафиксированных в отдельных языках, практически невозможно.

⁷ В случае фразеологизмов, взятых из работ И. Грек-Пабис, обычно приводится их значение, установленное исследователем, так как не всегда удавалось его уточнить из-за отсутствия контекстов высказываний.

2) Черты характера

B'ES P' ALK'I NE PATXAŽ'I	БЕЗ ПА́ЛКИ НЕ ПАДХАД́И
‘о ком-то непредсказуемом, опасном, неприступном’	
M-1972: a ja 'oćeń spak'ojnyj / b'es p'alk'i ne patxaž'i / no bez kija nie podchodź	M-1972: а я о́чень спако́йный, без па́лки не патхади́, но <i>bez kija nie podchodź</i> ⁸
русс. <i>Без палки не подходи</i> , разг. ср. польск. <i>Bez kija nie podchodź</i> ‘taki, że w ocenie mówiącego jest za bardzo wyniosły, nieprzystępny’ (WSJP)	

DL'IN:YJ JAZ'YK	длѐнный язы́к
‘о человеке, который любит сплетничать’	
M-1927: bo drug'ije to tak'oj jaz'yk dl'in:yj m'el'i / lub'il'i skaz'ać	M-1927: бо дру́гыйи то тако́й язы́к длѐнный ме́ли, любѐли сказа́ть
русс. <i>длинный язык</i> ‘1. Кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре; 2. Болтливость, несдержанность в разговоре; склонность к распространению сплетен’, разг. <i>ирон.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>długi język</i> ‘nie potrafić dochowywać tajemnicy’ (SFNow)	

{кто-л.} K'AM'IN:YJA Ś'ERCA	{кто-л.} (имеет) КА́минныя Сѐрца
‘о жестоком, нечувствительном человеке’	
M-196?: v jav'o k'am'in:yja ś'erca	M-196?: в явó ка́минныя сѐрца
русс. <i>каменное сердце</i> {у кого} ‘1. О бесчувственном, бессердечном, жестоком человеке. 2. <i>кто</i> . Бесчувственный, бессердечный, жестокий человек’, разг. <i>неодобр.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>mieć serce z kamienia</i> ‘cecha kogoś, kto jest nieczuły i niezdolny do odczuwania emocji’ (WSJP), <i>kamienne serce</i> ‘bez uczuć’ (SFJPSkor)	

{в ком-л.} KROF K'IP'IT	{в ком-л.} КРОВ КИПѐТ
‘об энергичном, вездесущем человеке; о сильном вожелении’	
M-196?: v im krof k'ip'it	M-196?: в им кров кипѐт
русс. <i>кровь кипит</i> (<i>горит, бродит</i>) ‘1) Об избытке жизненных сил, энергии. 2) О сильном волнении, страсти’ (СМБ)	

L'EVYJE R'UK'I R'UČK'I	лѐвыя рѹ́ки рѹ́чки
‘о ком-то неловком, ленивом, кто не пригоден к работе’	
M-196?: w jav'o l'evyje r'uk'i M-1973: kto m'ajit l'evyje r'učk'i b'użet fšegd'a ŋezadovol'onu	M-196?: в явó лѐвыя рѹ́ки M-1973: кто ма́йит лѐвыя рѹ́чки бѹдет все́гда не́задово́лoнны ⁹
русс. <i>обе руки левые</i> ‘неловкий, косорукий, нескладный, руки как крюки, все из рук валится, неуклюжий’ (СРСиСВыр) ср. польск. <i>ktoś ma dwie lewe ręce</i> ‘pot. ktoś jest leniwy i nie ma chęci do żadnej pracy’ (WSJP)	

⁸ Русск. *без палки не подходи*.⁹ Ср. польск. *niezadowolony* ‘недоволен’.

<i>{кто-л.} (имеет) ST'ALNYJE N'ERVY</i>	<i>{кто-л.} (имеет) СТАЛЬНЫЕ НЕРВЫ</i>
'о человеке, который способен многое вынести, у которого крепкая психика'	
Ж-1935: <i>nie gorąco tam / nie / no to m'ajicie n'ervy st'alnyje</i>	Ж-1935: <i>Nie gorąco tam?</i> ¹⁰ Не? Но то майите нервы стальные
русс. <i>Стальные (железные) нервы {у кого}</i> 'О человеке с сильной волей, с твёрдым характером', разг. экспрес. (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>nerwy stalowe (żelazne, jak postronki)</i> 'usposobienie opanowane, wytrzymałe na silne podniety, opanowanie nerwowe, wytrzymałość nerwów' (SFJPSkor)	

3) Действия и физическое состояние

FST'AC NA N'OG'I	ВСТАТЬ НА НОГИ
'об улучшении здоровья'	
Ж-1925: <i>p'oše my fst'al'i na n'og'i</i>	Ж-1925: <i>пoсе мы встали на ноги</i>
русс. <i>встать на ноги</i> '1. Выздоровливать: оправляться от болезни. 2. Улучшать, укреплять свое материальное, экономическое состояние', разг. (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>на ноги стаць падняць (паставіць) на ноги {каго}</i> '1. Выхаваць да сталасці, да паўналецця. 2. Прымушаць каго актыўна дзейнічаць. 3. Вылечыць' (СБНФ) ср. польск. <i>stawać (stanąć) na nogi (na nogach)</i> 'wyzdrowieć' (SFJPSkor)	

<i>(быть) F Š'IL'E {что-л. сделать}</i>	<i>(быть) В СИЛЕ {что-л. сделать}</i>
'иметь силу, чтобы что-то сделать, смочь что-то сделать'	
Ж-1951: <i>luž'ej nañim'ajet bo sam ñe f š'il'e ž'ełac</i>	Ж-1951: <i>людей нанимает, бо сам не в силе дeлать</i>
русс. <i>Не в силах</i> 'Не в состоянии (сделать что-л.)', разг. (БСРП) <i>Быть (оставаться) в силе</i> 'Не меняться; сохранять свою актуальность', разг. (БСРП) ср. брус. <i>не ў cилах</i> 'не магчы (зрабіць што)' (СБНФ)	

GALAV'OJ NALAŽ'YT' (SGS)	ГАЛАВÓЙ НАЛАЖЫТЬ
'погибнуть, пожертвовать своей жизнью'	
Сувалки-I: <i>čat'yr'e l'e'ta služ'yl v 'arm'iji sav''eckaj / Ras''eju praš'ol tak i tak / fs'e vugl'y i galav'oj nalaž'yl</i>	Сувалки-I: <i>чатырэ лёта служыл в арміі савецкай, Расею прашо́л так і так, все вуглы, и галавóй налажы́л</i>
русс. <i>наложить головой</i> 'погибнуть' ср. русск. <i>Наложить голову</i> 'строго заказать' <i>Кто ворожит, на того головою наложить</i> <i>Баба ворожила, головою наложила</i> (Даль III) <i>головую повалити</i> 'сложить голову, погибнуть' (СДЯ) ср. брус. <i>галавой навярнуць</i> 'загінуць, забіцца' <i>галаву (галоўку) палажыць (злажыць, налажыць)</i> 'загінуць' (СБНФ)	

¹⁰ Русск. *Не слишком жарко там?*

GLUX'OJ KAK P'EN'	ГЛУХО́Й КАК ПЕНЬ
‘совсем глухой’	
Ж-1941: glux'oj kak p'en	Ж-1941: глухой как пень
русс. <i>глухой как пень</i> ‘Совершенно глухой’, <i>прост. пренебр.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>gluxi jak (што) пень (калода)</i> (СБНПар) ср. польск. <i>gluchy jak pień</i> (SFJPSkor)	

{в ком-л.} IGR'AJIT ZAIGR'ALA KROF	{в ком-л.} ИГРА́ИТ ЗАИГРА́ЛА КРОВ
‘о сильном вожделении; о состоянии влюблённости’	
М-II: pr'osta ja k tab''e / m'ne zaigr'ala krof / bo ty f'ajnyja / kraš'ivyja i zaigr'ala krof Ж-1941: no kak kat'oraja ž'evuška no xar'ošaja / n'e / no i šiz'it tak'oj mał'odyj xlop / ajajaj / kak zaigr'ala v m'en'a krof / kak pr'osta ja f'čeb''a glaz'am vlub''iša	М-II: проста я к табэ, мне заигра́ла кров, бо ты файныя¹¹, красивыя и заигра́ла кров Ж-1941: Но как каторая де́вушка, но хоро́шая, не? Но и сидит такой малóдый хлоп, ай-ай-ай, как заигра́ла в меня кров, как проста я в тебя глазам влюбился
русс. <i>кровь играет в жилах {у кого}</i> ‘1. Кто-либо ощущает в себе избыток сил, энергии. 2. Кто-либо испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т. п.’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

(о женщине) KAK PRASV'ATAN:YJA	(о женщине) КАК ПРАСВА́ТАННЫЯ
‘об апатичном, задумчивом поведении’	
Ж-1945: x'ožit kak prav's'atan:yja	Ж-1945: хóдит как прасва́танныя
русс. <i>как просватанная</i> (<i>сидит, стоит</i>)	

K'ID'AC:A V GL'AZY	КИДА́ЦА В ГЛАЗЫ
‘быть ярким, видимым, легко заметным’	
М-II: <i>nie, pani magister; gdzie tam z ruskiego żeby to za bardzo będzie už'e k'id'ac:a v gl'azy</i>	М-II: <i>nie, pani magister; gdzie tam z ruskiego żeby to za bardzo będzie</i>¹² уже кида́ца в глаза
русс. <i>кидаться в глаза {кому}</i> ‘Быть особенно заметным, привлекать к себе внимание’, <i>устар. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>kidaца ў вочы</i> ‘прыцягваць да сябе ўвагу, вылучацца з асяроддзя’ (СБНФ) ср. польск. <i>ktoś/coś rzuci się w oczy</i> ‘ktoś lub coś daje się bardzo łatwo zauważyć’ (WSJP)	

NAP'IC:A KAK ŠV'INJ'A	НАПИ́ЦЯ КАК СВИНЬЯ́
‘сильно напиться, до потери сознания’	
Ж-1941: nap''iša kak šv'inj'a / d'a / bo j'eta kad'ašci n'ašy l'uži gavar''il'i / vot b'ačuška M'iron ješć'o był i fšo / to jon gavar''il fšo tak /	Ж-1941: напі́лся как свинья́, да, бо ё́та када́. сти на́ши лю́ди гавари́ли, вот, ба́тьюшка Мирóн ешчó был и всё. То ё́н гавари́л всё так:

¹¹ Ср. польск. *fajny* ‘хороший, разг. классный’.

¹² Русск. *нет, госпожа магистр, ну где с русского, это слишком сильно будет....*

nu muš kak pj'anuj to to ješč'o m'ožna / no 'al'i kak ž'enščyna pj'anuja to kak šv'ínj'a	ну муж как пьяный то то ешчó мóжна, но áли как жéншчына пýяныя, то как свинýя
русс. <i>Как свинья</i> 'Очень сильно, безобразно (напиться, быть пьяным и т. п.)' разг. презр. (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>напіцца як свёйна</i> 'Пра моцна п'янага чалавека' <i>Баба п'яная як свиння худая</i> 'Пра п'яную кабету' (СБНПар) ср. польск. <i>pijany jak świnia</i> <i>pijany jak bydlę</i> (SFJPSkor)	

НАŚ'ІĆ ПАТ Ś'ERCAM	НАСІЎ ПАД СЕРЦАМ
'о беременности'	
Ж-1941: l'ub'it r'ovna m'atka sfaj'ix žac'ej nex i ž'ešić m'ajit (...) k'aždyj at šerca mal'ic:a / ž'ev'ic m'ešacef n'ada b'y'la naś'ic pat ś'ercam	Ж-1941: лóбит рóвна мáтка свáих дятéй, нех и дéсит мáйит (...) кáждый ат сéрца малýтся, дéвить мéсяцев нáда бýла насіў пад сéрцам
русс. <i>носить под сердцем</i> (ССин) ср. польск. <i>ktos nosi pod sercem kogo</i> 'książk. ktoś jest w ciąży' (WSJP)	

PADŃ'AC NA N'OG'I	ПАДНІЎ НА НО́ГИ
'привести в состояние готовности'	
M-1927: p'ułk padń'al'i na n'og'i	M-1927: пулк падня́ли на но́ги
русс. <i>поднимать на ноги {кого}</i> <i>поднять на ноги {кого}</i> '1. Будить, заставлять просыпаться кого-либо. 2. Растить, воспитывать, доводить до самостоятельности кого-либо', разг. (ФСР-ЛЯ) <i>На ноги поставить {кого}</i> '1) вырастив, сделать самостоятельным. Отец поставил сыновей на ноги; 2) вылечить, вернуть здоровье (разг.)' (РСС) ср. брус. <i>падняць (паставіць) на ногі {каго}</i> '1. Выхаваць да сталасці, да паўналецця. 2. Прымушаць каго актыўна дзейнічаць. 3. Вылечыць' (СБНФ) ср. польск. <i>ktos/coś podnosi na nogi kogoś</i> 'osoba lub odgłos kieruje czyjąś uwagę na jakieś zjawisko, zmuszając do podjęcia działania' (WSJP)	

(быть) PR'I P'AM'ACI	(быть) ПРИ ПÁМЯТИ
'быть в сознании, сохранять сознание'	
Ж-1940: jon tak ž'ešić let kak pam''or (...) 'al'i r'olka n'az'el'u l'až'al i pšy p'am'aci / nu p'am'ac m'eł / čyt'al b'ez okul'aryf / i juž fšo tak'oj pr'i p'am'aci	Ж-1940: Ён так дéсит лет как памёр (...) áли тóлька нядéлю ляжáл и пшы ¹³ пáмяти. Ну, пáмьят мел, чытáл без окулáрыв ¹⁴ . <i>I juž</i> всё такой при пáмьяти
русс. <i>быть при памяти</i>	

ŠUM'IT V GAŁAV'E	ШУ́МИТ В ГАЛАВÉ
'о состоянии алкогольного опьянения'	
M-1977: jak v'yp'iješ r'umku / dv'e / to zašum'it v gałav'e	M-1977: як выпіeшь рióмку, две, то зашúмит в галавé

¹³ Польск. *przy* 'при'.

¹⁴ Польск. *okulary* 'очки'.

русс. *Въ головѣ шумитъ*, или *за шумѣло* ‘хмель разбираетъ’ (Даль III) || *Выпил чарку, выпил две – за шумело в голове* (ПРН)
 ср. польск. *szum w głowie* | *w uszach* ‘wrażenie lekkiego zamroczenia, uczucie pezykrego ucisku w uszach’ (SFJPSkor)

(быть) V L'AT'AX	(быть) В ЛЯТА́Х
‘о пожилом возрасте’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>в летах</i> ‘Пожилой’ (ФСРЛЯ) <i>в годах</i> ‘в пожилом возрасте; пожилого возраста’ (ФСРЯТих) ср. брус. <i>y gadaх</i> ‘пажылы, у пажылым веку’ (СБНФ) ср. польск. <i>mieć swoje lata</i> ‘być dorosłym, być w odpowiednim wieku; dorosnąć’ (SFJPSkor)	

V'YČANUĆ N'OG'I	ВЫТЯНУТЬ НО́ГИ
‘умереть’	
М-1947: <i>ńe m'ajiš ź'enik / źej / i ńe l'ečša / bo jon kak ćeb'a v'yłečyt / to za dv'e ńeź'el'i n'og'i v'ycańiš</i>	М-1947: не майишь дѣниг, дей, и не лѣчься, бо ѣн как тебѣ вылечыт, то за две недѣли нѣги выгянишь
русс. <i>Вытянуть ноги</i> ‘Умереть; протянуть ноги’ <i>прост. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>ногі выцягнуць</i> (СБНФ) ср. польск. <i>wyciągnąć nogi</i> <i>kopyta</i> ‘umrzeć’ (SFJPSkor, PSFJP)	

4) Определения людей

V'AB'IN SYN (SGS)	БА́БИН СЫН
‘внебрачный ребёнок’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>бабин сын</i> ‘шутливо, оскорбительно о сыне, воспитываемом только матерью; маменькин сынок’ <i>Что міру, то и бабину сыну</i> (Даль III)	

ST'ARAJA Ž'EFKA	СТА́РАЯ ДѢВКА
‘о женщине, которая не вышла замуж’	
Ж-1940: <i>adn'aja jes st'araja v nas ž'efka / z'amuš ńe v'yšla</i>	Ж-1940: адная ес(ть) старая в нас дѣвка, заму́ж не вы́шла
русс. <i>старая дева</i> ‘Немолодая женщина, не бывшая замужем’, <i>разг.</i> (БСРП) В говоре старообрядцев: <i>d'efkь</i> 1. ‘dziewczyna’, 2. ‘panna’, 3. ‘córka’ (SGS) русск. <i>дѣвка</i> , -и, жен. (<i>устар. и прост.</i>). ‘То же, что девушка’ (в 1 и 2 знач.) (ТСО)	

V'OLNYJ KAZ'AK	ВО́ЛНЫЙ КАЗА́К
‘о независимом человеке’	
Ж-1937: <i>ńigž'e ńe byw'ała, ń'e (...) ńe b'yła kad'a / fšo n'ada b'yła rab'otać / rab'ota /</i>	Ж-1937: нигдѣ не быва́ла, не (...) не была́ када, всё на́да была́ рабо́тать. Рабо́та,

tap'er' ja m'aju vr'em'a / tap'er' ja na j'etyj na p'ensji / na emeryt'ury j'etyj / tap'er' to ja už'o v'olnyj kaz'ak	тапёр я маю время, тапёр я на ётый, на пенсии, на эмэрытуры ¹⁵ ётый, тапёр то я ужó вольный казак
русс. <i>вольный казак</i> 'Свободный, ни от кого не зависящий человек', <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

5) Психические состояния, эмоции, чувства

GRAŚĆ V 'UŻAS	ВПАСТЬ В ЁЖАС
'разволноваться, удивиться'	
Ж-1926: no to my fše pr'ama v'uzas fp'al'i / no kak / no kak tag z'elać	Ж-1926: но то мы все прёма в ёжас впа́ли. Но как, но как так де́лать
русс. <i>Ужасъ объялъ меня</i> (Даль III) <i>впасть в ужас</i>	

G'OR'E M'YKAĆ	ГОРЕ МЫКАТЬ
'страдать'	
Ж-1926: ŋe fše pa l'ubv'i i pa v'ol'i sfaj'ej z'amuš vyxaž'il'i / oć'ec jej v'el'eł iz'z'i za [имя] ŋe b'užeš g'or'a m'ykać	Ж-1926: не все па любви и па во́ли сваёй за́муж выхаді́ли. Ате́ц ей велёл: иди за [имя] не бу́дешь го́ря мы́кать
русс. <i>Мыкать горе</i> 'Переживать страдания, лишения, нужду, неустроенность в жизни' <i>прост. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

JAZ'YK AŦŦ'ALA (SGS)	ЯЗЫК АТНЯ́ЛА
'потерять дар речи от сильного удивления'	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>язык отняло</i> {у кого} 'Кто-л. замолчал от страха, удивления, растерянности', <i>волг.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>язык адняло/ мову адняло (заняло)</i> (СБНФ) ср. польск. <i>Bodaj ci język usechł, bodaj ci język odjęło!</i> 'przekleństwo' <i>odjąć (odebrać) komuś</i> <i>tomu</i> 'pozbawić kogo zdolności mówienia' (SFJPSkor)	

KR'UĆIC:A NA JAZYK'U {что}	КРУ́ТИЦЯ НА ЯЗЫКУ́ {что}
'желание что-то сказать, но трудно это вспомнить'	
Ж-1940: maj'a ć'oca b'yła tam z'amużem / 'al'i vot ja / mŋe kr'ućic:a na jizyk'u / vot ŋe p'omŋu	Ж-1940: мая те́тя была там за́мужем, а́ли вот я, мне кру́тиця на языку́, вот не помню
русс. <i>крутится на языке</i> {что у кого} 'Очень хочется сказать, спросить и т. п.', <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>mieć co na języku</i> 'mówić o czym dużo, ciągle' (SFJPSkor)	

¹⁵ Ср. польск. *emerytura* 'пенсия'.

М'АХНУЇ РУК'ОЈ {на кого, что}	МА́ХНУТЬ РУКО́Й {на кого, что}
‘сдаться, отказаться от чего-то, бросить что-то’	
М-1972: zn'al'i što z nas nie b'uz'et inžyner'of to tam pr'ipušč'al'i / m'axal'i ruk'oj niekat'oryji	М-1972: зна́ли, што с нас не бу́дет инжыне́ров, то там припу́счали ¹⁶ , ма́хали руко́й некато́рыйи
русс. <i>махнуть рукой</i> ‘Перестать обращать внимание на кого-либо или что-либо; перестать заниматься чем-либо’ (УФС) <i>Рукой махнуть {на кого-что}</i> ‘отказаться от дальнейших усилий, убедившись в их бесполезности или потеряв интерес к кому-чему-н.’, <i>разг.</i> (РСС) ср. брус. <i>махнуць руко́й</i> ‘Перастаць звяртаць увагу на каго, на што; перастаць займацца кім або чым’ (СБНФ) ср. польск. <i>machnąć ręką na coś, na kogoś</i> ‘1. Zrezygnować z czegoś, z kogoś, uznać coś za stracone; 2. Przestać zwracać na kogoś, na coś uwagę; zlekceważyć’ (PSFJP)	

ЊЕ ІМ'Ь ПАЊ'АЇЦЯ	НЕ ИМѢТЬ ПАЊЯТІЯ
‘не разбираться в чем-либо; не знать чего-либо’	
Ж-1951: no 'al'e fšo ravn'o r'eb''atam 'o tak 'o b'ez 'etava / tak'omu r'eb''onku no to fš'aka m'og'et byč str'ašna bez nadzoru / my gavar''im / zaj'exał s kol''egoj t'olka v dvaj'ox / ja gavar''u / n'ik'a... n'ikav'o nie b'uzet kup'ac:a [mowa o niewielkim zbiorniku wodnym] / ja gavar''u / ty pań'aciąa nie m'ajiš	Ж-1951: но а́ле всё равно́ ребя́там о так о без э́тава. Тако́му ребѣ́нку но то вся́ка мо́жет бы́ть стра́шна <i>bez nadzoru</i> ¹⁷ . Мы гавари́м, за́ехал с ко́лэгой то́лька в два́х. Я гавари́ю: ника... никаво́ не бу́дет купа́ця [речь идёт о небольшо́м водоохрани́лище], я гавари́ю: ты па́нятия не имѣ́еш
русс. <i>Не иметь понятия {о чём}</i> ‘Не быть сведущим, не разбираться в чём-либо; не знать чего-либо’, <i>разг.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>ktos nie ma (bladego) pojęcia</i> ‘ktoś nic nie wie na dany temat’ (WSJP)	

РАДН' АЇ КР'ІК	ПАДНІЯТЬ КРИК
‘начать кричать’	
Ж-1932: r'eb''onka kak ščyph'ot / kak radn'at r'eb''onak kr''ik	Ж-1932: ребѣ́нка как шчы́пнѣт, как па́днѣл ребѣ́нак крик
русс. <i>Поднимать поднять крик</i> ‘Бурно выражать неодобрение, протест против чего-л’, <i>разг.</i> (BSRP); ср. польск. <i>podnieść krzyk</i> ‘zacząć wydawać głośne dźwięki’ (WSJP)	

РАТУР'ІЇ ВЗГЛ'АТ В ЗЯМЛ'У	ПАТУПІТЬ ВЗГЛЯД В ЗЯМЛЮ́
‘опустить взгляд с грустью’	
Ж-1926: vzgl''at sfoj v zaml''u ratup'ila	Ж-1926: взгляд свой в зя́млю па́тупі́ла
русс. <i>опустить взгляд в землю</i> ср. польск. <i>spuścić wzrok</i> ‘skierować w dół’ (WSJP)	

¹⁶ Ср. польск. *przepuszczać* ‘пропустить’.

¹⁷ Польск. *bez nadzoru* ‘без присмотра’.

<i>{что}</i> PR'İŞL'O {кому} V G'OLAVU	<i>{что}</i> ПРИШЛО {кому} В ГОЛАВУ
‘придумать что-н.’	
M-1959: d' aže níkagd' a né pr' išl' o v g' olavu što tak m' og' et sluč' yc: a	M-1959: да́же никагда́ не пришло́ в го́лаву, што так мо́жет случи́цца
русс. <i>приходить в голову {кому}</i> <i>прійти в голову {кому}</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>coś przyszło do głowy komuś</i> ‘ктоś nagle pomyślał o czymś, czego wcześniej nie rozważał’ (WSJP)	

P'ER'EV'ARN'UC:A V GRAB'U	ПЕРЕВЕРНУ́ЩА В ГРАБУ́
‘шутливо об изумлении, ужасе, которые испытал бы умерший, узнав о чем-н. неожиданном, неприятном и т.д.’	
Ж-1926: to j' eta m' atka tfaj' a v grab' u pševruč' ilaš / nap' evna p' er' ev' arn' ulaš v grab' u	Ж-1926: то́ éta ма́тка твая́ в грабу́ пшеврутила́сь ¹⁸ бы, напéвна переверну́лась в грабу́
русс. перевернулся бы в гробу ‘Предельно возмутился бы, пришёл бы в ярость, негодование (если бы узнал, увидел то, что произошло, случилось)’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>ktoś przewróciłby się [przewraca się] w grobie</i> ‘powiedzenie używane w sytuacji zaskakującej, bulwersującej’ (SFNow)	

ROT DA UŠ' EJ – HOĆ ZAV' 'AZAČK' I PR' İŞ' EJ	РОТ ДА УШЕЙ – ХОЧ ЗАВЯЗЧКИ ПРИШЕЙ
‘о неуместном смехе’	
Ж-1926: Хах' očem aš rot da uš' ej / hoć zav' 'azačk' i pr' iš' ej	Ж-1926: Хахóчем, аж рот да ушей, хоч завязочки пришей
русс. <i>Рот до ушей – хоть завязочки пришей</i> ‘Выражение неудовольствия чужой радостью, смехом’ (СНарФраз)	

S' 'ERCE ATAŠL' O (SGS)	СЕРЦЕ АТАШЛО́
‘сердце успокоилось’	
Мазурия-I: nu tut uš maj' o s' 'erce atašl' o	Мазурия-I: ну тут уж маё́ серце аташло́
русс. <i>сердце отходит {у кого}</i> <i>сердце отошло {у кого}</i> ‘Кто-либо успокаивается, перестаёт волноваться’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

UM R' OZUM PAČER' 'AČ	УМ РО́ЗУМ ПАТЕРЯ́ТЬ
‘терять ясность мыслей, терять сознание’	
M-1977: no i m' ožna p' ič st' oka aby t' oka né ryg' ač / aby né v' arn' ulaš abr' atna / što sj' el što v' yp' il né ad: 'aš naz' at to ŋa gr' 'ex / i aby um né pačér' 'ač ŋ' e / m' ušiž d' umač / znač što ž' ewaješ né	M-1977: но и мо́жна пить сто́ка, а́бы то́ка не рыга́ть, а́бы не вярну́лась абра́тна. Што съел, што выпил, а не атда́л, то ня грех. И а́бы ум не патеря́ть. Му́сиж ¹⁹ ду́мать, зна́ть, што де́лаеш, не?

¹⁸ Ср. польск. *przewrócić się* ‘перевернуться’.

¹⁹ Ср. польск. *musisz* ‘тебе надо’.

русск. <i>потерять ум</i> ‘Сойти с ума’ (БСПП) диал. <i>терять розум</i> ‘Терять ясность мыслей, сознания, сходить с ума’, <i>Великолук.</i> (СРНГ) ср. польск. <i>ktoś stracił [postradał] rozum</i> ‘ktoś przestał logicznie myśleć z powodu choroby psychicznej’ (WSJP)

V ADN'OJE 'UXO VX'OŽIT, DRUG'OJE VYX'OŽIT	В АДНО́Е У́ЖО ВХО́ДИТ, ДРУГО́Е ВЫХО́ДИТ
‘о проблемах с памятью или невнимательном слушании кого-л.’	
М-1927: pr'ošit / a tut i zab'ył / v adn'oje 'uxo fx'ožit / drug'oje vyx'ožit / d'umaješ kag dam'oj skar''eje dab''ic:a	М-1927: Прóсит, а тут и забы́л, в адно́е у́хо входит, друго́е выходит. Думае́шь как дамо́й ско́рее даби́ция
русск. <i>В одно ухо входит, а в другое выходит</i> <i>В одно ухо влезет, в другое вылезет</i> (ПРН) ср. пск. <i>В одно ухо влетае, из другого вылетает</i> (СППип) ср. польск. <i>Jednym uchem wchodzi, drugim wychodzi</i> <i>Coś jednym uchem wleci, drugim wyłeci</i> ‘o nieuważnym słuchaniu’ (SFJPSkor)	

VAL''AC:A SA ŠM''EXU	ВАЛЯ́ЦЦА СА СМÉХУ
‘неудержимо смеяться’	
Ж-1940: tam val''al''iš sa šm''exu	Ж-1940: там валя́лись са смéху
русск. <i>Валяться со смеху</i> ‘Неудержимо смеяться’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

VŽAĆ ŠEB''A V R'UK'I	ВЗЯТЬ СЕБЯ́ В РУ́КИ
‘успокоиться, стать дееспособным’	
Ж-1941: mój muž zabal''el / no str'ašna zabal''el / tak'aja što j'azva <i>pluc</i> / j'azva to <i>nowotwór</i> / j'azva <i>pluc</i> / no i kagd'a 'um'er no mne st'ala tr'ox'i sr'azu čazel''eje / no bo za čt'yry g'oda mne syn 'um'er / no i 'al'e tap''er' už'e to už'e žv'en'ac'yc' l'et / syn už'e v'ošem l'et / no ja už'e i vž'ala šeb''a v r'uk'i	Ж-1941: мой муж забалéл, но стра́шна забалéл, такая́ язва <i>pluc</i>²⁰. Язва то <i>nowotwór</i>²¹. Язва <i>pluc</i>, но и кагда́ умер, но мне ста́ла трóхи сра́зу тяжелéе, но бо за чты́ры го́да мне сын умер, но и, áле тапéрь у́же то у́же двена́дцать лет, сын уже́ во́сем лет. Но я уже́ и взя́ла себя́ в руки
русск. <i>брать себя в руки</i> <i>взять себя в руки</i> ‘1. Преодолевая свои чувства, настроения, дости- гать самообладания. 2. Стать собранным, дееспособным’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ);	

ZN'AC ŠEM {кто-л., что-л.} P'AXNIT	ЗНАТЬ ЧЕМ {кто-л., что-л.} ПÁХНИТ
‘предвидеть результат’	
М-1933: p'omnú, zn'aju ja v'eč už'e m'el st'olka l'et što što už'e čelav''ek zn'al p'omnił fam''il'iju i 'im'a i tag d'al'eje i tag d'al'eje / tak što nie b'udu vysk'azyvac:a za 'eta / zn'ajicie / m'oet xto b'uzet sl'ušač / nie hač'u / tak što j'eta j'eta b'yła / prajisxaz'ila tak'oje	М-1933: Пóмню, зная́ я ве́дь у́же мел сто́лька лет, што́ што́ уже́ чéлавéк знал, пóмнил фами́лию и и́мя и так да́лее, и так да́лее. Так што́ не бóду высказыва́ться за э́та, зна́йте, мó(ж)ет хтó бóдет слóшать. Не ха́чу. Так што́ э́та э́та бы́ла, праисхадилá тако́е

²⁰ Польск. *pluca* ‘лёгкие’.

²¹ Польск. *nowotwór* ‘опухоль’.

št'ota 'o / nu ji na j'etym kag gavar'ic:a kañč'alaš / pat'om už'e ěmn'oga pat kañ'ec to už'e znał čem kto p'axñit	штóта, ó. Ну йи на ётым, как гаварі́ться, канча́лась. Патом ужэ́ немно́га пат кане́ц то ужэ́ знал чем кто па́хнет
русс. <i>Знать, чем пахнет</i> 'Предвидеть результат', волг. (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>ведаць чым пахне</i> 'загадзя прадбачыць вынікі якой-небудзь справы, учынку, дзеянасці' (СБНФ) ср. польск. <i>wiedzieć czym coś pachnie</i> 'przewidzieć rezultat'	

6) Действия человека

І́С' І́С' V ATST' AFKU	И́ТИТЬ В АДСТА́ВКУ
'уйти на пенсию'	
Ж-П: i šeĵč'as už'e v atst'afk'e / na p'ensji	Ж-П: и сейча́с уже́ в атста́вке, на пе́нсии
русс. <i>вы́йти в отска́вку</i> ср. польск. <i>iść pójść posłać puścić w odstawkę</i> 'zwoľnić kogo z pracy, odsunąć od zajmowanego stanowiska (...); być niepotrzebnym' (SFJPSkor)	

НАВ'ІТ' D'ЕЊІК (SGS)	НАБІ́ТЬ ДЭ́НИГ
'заработать много денег'	
Мазурия-І: vapšč'e pr'iv'atnaja instyt'ucja / to gl'ad'at štop š čav'o d'en'ik nab'it'	Мазурия-І: вапшчэ́ прыва́тная ²² інстыту́цыя, то гляда́т, што́б ш ча́во дэ́ніг набі́ць
русс. <i>наб́ить де́нег</i>	

{кто-л.} PRAP'AL B'EZ V'ESČI	{кто-л.} ПРАПА́Л БЕ́З ВЕСТИ
'о пропавшем человеке'	
Ж-1941: oj prap'al b'ez v'esč'i / no / kak ja czasem gavar' u što oj prap'al kot b'ez v'esč'i / kot čy tam čelav'ek	Ж-1941: Ой, прапа́л бе́з ве́сти. Но, как я <i>czasem</i> ²³ гаварю́, што́: ой, прапа́л кот бе́з ве́сти, кот чы там чэ́лавэ́к
русс. <i>Пропасть безъ-вѣсти</i> 'дѣваться невѣдомо куда' (Даль III) <i>пропал без вести</i> ср. брус. <i>Пропавь безъ вѣсцей, ни мяса, ни косцей</i> (СБП) ср. польск. <i>przepaść, zginąć, zniknąć bez wieści</i> 'tak, że nie wiadomo, co się z kimś lub czymś dzieje' (WSJP)	

PR'IN'AC M'ERY	ПРИ́НЯТЬ МЭ́РЫ
'принять решения и осуществлять действия'	
М-1933: ja d'umaju f't'eč'enije dvux ěz'el ja už'e b'udu znač kak'ije m'ery ań'i pr'in'al'i	М-1933: я дума́ю в те́чение двух неде́ль я уже́ буду́ зна́ть ка́кие мэ́ры а́ни при́няли
русс. <i>принимать меры</i> <i>принять меры</i> . 'Осуществлять последовательно какие-либо целесо- образные действия для достижения чего-либо' (ФСРЛЯ)	

²² Ср. польск. *prywatny* 'частный'.²³ Ср. польск. *czasem* 'иногда'.

STAJ' AĆ F KARA' UL'E	СТАЯТЬ В КАРАУЛЕ
'охранять, сторожить'	
Ж-1926: staj'al'i f kara'ul'e	Ж-1926: стоять в карауле
русс. <i>стоять в карауле</i> 'стеречь, охранять' (ССин)	

VALAČ' YC:A KAK SAB' AKA	ВАЛАЧИТЬСЯ КАК САБАКА
'бесцельно ходить, бродить'	
Ж-1945: vał'očyc:a kak sab'aka pa n'očy	Ж-1945: валочытся как сабака па нocy
русс. <i>волочиться как собака</i> ср. польск. <i>włóczyć się jak pies</i>	

VL' EŽĖ V DALG' I	ВЛЕЗЬТЬ В ДАЛГІ
'наделать много долгов'	
Ж-1940: ji vž'al'iz yandlav'ać k 'etym / r'usk'im ježž'ic / Sav''eck / Klajp'eda / V''ilna / pa c'ałym šf'eće / i jon był za fu... za furm'ana / jan'a m''ela maš'ynu i tak j'ežžil'i / j'ežžil'i / t'ol'ka nauč'yl'is p'ic / vl'ežl'i v dalg'i / bo kak yandlav'ać to n'ada im'ež bal's'yje ž'eņg'i / n'ada m'eć na grań'icy znak'omstva	Ж-1940: Ыи взялись хандлавать ²⁴ к этым, руским ездить: Савецк, Клайпеда, Вилна, па цалым свеце. И ён за fu... за furmana ²⁵ , яна мела машыну, и так ездили, ездили. Только научились пить, влезли в далги, бо как хандлавать, то нада иметь балшые денги, нада меть на гра́ницы знако́мства
русс. <i>Влезть в долги</i> <i>залезть в долги</i> 'наделать много долгов' (ФСРЯ)	

{кто-л.} VYB'IR' AJIC:A KAK ZA M'OR'A SRAĆ	{кто-л.} ВЫБИРА́ЙНИЦА КАК ЗА МОРЯ СРАТЬ
'отправляться куда-л. с большим опозданием'	
М-196?: vyb'ir'ajic:a kak za m'or'a srać	М-196?: выбира́йтесь как за моря срать
русс. <i>(собираться) как за море срать</i> пск. <i>выбираться</i> '2. С трудом выходить откуда-н. 3. Стараться попасть куда-н.' (ПОС, т. 5, с. 135)	

VŽ' AĆ F SFAJ' I R' UK' I	ВЗЯТЬ В СВАИ РУ́КИ
'управлять чем-л./кем-л.; заняться чем-л. самостоятельно'	
М-1979: bo žj'avol' t'olka žd''ot / dažyd'ajet štop ašeć'ic (...) i štop vžac'čeb''a f sfaj'i r'uk'i	М-1979: бо дьявол толька ждѣт, даждыаѣт, штоб асетить (...) и штоб взять тебя в сваи рѹки
русс. <i>брать</i> <i>взять в свои руки</i> (УФС) ср. польск. <i>wziąć, brać coś w swoje (we własne) ręce</i> 'заяć się czymś osobiście' (PSFJP)	

²⁴ Польск. *handlować* 'торговать'.

²⁵ Русск. *кучером* [работал].

7) Контакты между людьми

• Семейные отношения

DVA SYN' OŠKA I D' OŠKA L' APOŠKA	ДВА СЫНО́ЧКА И ДО́ЧКА ЛА́ПОЧКА
‘поговорка, используемая, когда в семье, где есть сыновья, ожидается рождение дочери’	
Ж-1941: dva syn' oška i d' oška l' apoška	Ж-1941: Два сынóчка и дóчка ла́почка
русс. <i>Два сыночка и лапочка дочка</i>	

F KAV' O M' ATKA F TAV' O I GAL' OFKA GL' ATKA	В КАВÓ МА́ТКА, В ТАВÓ И ГАЛÓВКА ГЛÁДКА
‘о материнской заботе’	
М-1932: gavar' 'at / f kav' o m' atka f tav' o i gal' ofka gl' adka	М-1932: Гаваря́т: в кавó ма́тка, в тавó и галóвка глáдка
русс. <i>У кого есть matka, у того голова гладка</i> (ПРН) ср. брус. <i>У кого matka, у того голова гладка</i> (СБП)	

KAM' U ŽEŇ' IC: A, TAM' U ņE SP' ' IC: A	КАМУ́ ЖЕ́НИЦА, ТАМУ́ НЕ СПИ́ТСЯ
‘пословица о подготовке к браку’	
Ж-1945: kam' u žeň' ic: a / tam' u ņe sp' ' ic: a	Ж-1945: Каму́ же́ница, таму́ не спи́тся
русс. <i>Кому жениться, тому и ночь не спится</i> (ПРН)	

ZA XAR' OŠYM MUŽYK' OM Ž' ONKA MALAŽ' EJET	ЗА ХАРО́ШИМ МУЖЫКО́М ЖО́НКА МАЛАДЭ́ЕТ
‘в благополучном и счастливом браке жена сияет счастьем’	
Ж-1941: kak xaraš' o žan' a vygl' adyvajit to gavar' 'at za xar' ošym mužyk' om ž' onka malaž' ejet	Ж-1941: Как харашо́ жана́ выгля́дывайит, то гаваря́т: за харо́шим мужыко́м жо́нка маладе́ет
русс. <i>За хорошим мужем жена молодеет</i> (МарПИИП) В говоре старообрядцев: <i>muž' uk</i> 1. ‘mężczyzna’, 2. ‘maż’, <i>ž' onka</i> ‘žona, žonka’ (SGS) русс. <i>мужик</i> , -а, муж. 1. Крестьянин (в противопоставлении горожанину) (<i>устар.</i>). 2. То же, что мужчина (прост.). 3. То же, что муж (в 1 знач.) (<i>прост.</i>). 4. Невоспитанный, грубый человек (<i>устар.</i>). (ТСО)	

ŽEŇ' A Ž' ERŽYT D' OMA TR' I UGL' A, A MUŽ [MUŠČ' YNA] T' OLKA AŽ' IN' UGAŁ	ЖЕ́НА ДЭ́РЖЫТ ДО́МА ТРИ УГЛÁ, А МУЖ [МУЖЫ́НА] ТО́ЛЬКА АД́ИН УГАЛ
‘о распределении домашних обязанностей и роли жены и мужа в семье’	
Ж-1941: ž' enščyna ž' eržyt d' oma / f x' aty / tr' i ugl' a / a mušč' yna t' oka až' in' ugał	Ж-1941: же́ншы́на дэ́ржыт до́ма, в ха́ты, три угла́, а мужы́на то́ка ад́ин у́гал
русс. <i>Жена за три угла дом держит, а муж за один</i> (ЭНМ)	

ŽEŇ' IC: A TO ņE NAP' ' IC: A	ЖЕ́НИЦА, ТО НЕ НАП́ИЦА
‘о трудностях супружеской жизни’	

Ж-1945: žeń'ic:a to nie nap'ic:a	Ж-1945: Жени́цца, то не напи́цца
русс. <i>Жениться — не воды напиться</i>	

ŻYT' NA V'ERU (SGS)	ЖИТЬ НА ВЕРУ
‘жить в неузаконенных отношениях’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Дать кому что на вѣру</i> ‘взять на вѣру, на совесть, на-слово’; ‘вдолг, займы’ <i>Отдать кому что на вѣру</i> ‘отдать на совесть, на присягу’ (Даль III) <i>жить на веру</i> ср. польск. диал. <i>żyć na wiarę</i> ‘żyć bez ślubu kościelnego’ (SFGŚ)	

• Позитивные межчеловеческие отношения

IC'IC {за кого-л.} V AG'OŃ	ИТИТЬ {за кого-л.} В АГОŃ
‘быть способным сделать все для кого-то’	
M-1927: tak''iji dr'užnyji b'yl'i kak nie v'adoma što / v ag'oŃ pajz'ot za tab'oj / tak''ije	M-1927: Такийи дру́жныйи бы́ли, как не вядома ²⁶ што. В агонь пайдёт за табой, такийи
русс. <i>идти в огонь и воду {кто} {за <ради> кого, за что, за кем, с кем}</i> (БФСРЯ) ср. польск. <i>{ktoś} skoczył {za kimś} w ogień</i> ‘ktoś jest gotowy zrobić wszystko dla kogos’ (WSJP)	

• Негативные межчеловеческие отношения

(B'ES) ŃE S N'AŠEVA BAŁ'OTA	(БЕС) НЕ С НАШЕВА БАЛО́ТА
‘о человеке вне общины’	
Ж-II: j'eta b'es Ńa s n'aševa bał'ota	Ж-II: éta бес ня с на́шева бало́та
русс. разг. <i>не с нашего болота</i> (Шельпякова, 2019) ср. русск. <i>Въ тихомъ болотѣ (омутѣ) черти водятся</i> <i>Было бы болото, а черти будутъ</i> (Даль III) ср. брус. <i>Без чорта балота не будзецъ</i> (ВсРБ)	

В'ИТУЈ ЊЕВ'ITAVA V'EŽ'OT²⁷	БИТЫЙ НЕБИТАВА ВЕЗЁТ
‘поговорка, описывающая ситуацию, в которой чья-то глупость или наивность используется кем-то более хитрым’	
M-1972: ja tap'er i m'atk'i baj'uś // Ж-1941: aj-aj-aj / kak'oj b''ityj / Ńeb''itava v'ež'ot / kak'eta b''ityj / Ń'e / Ńab''ityj b''itava v'ež'ot / Ńe adn'u šč'otu pałam'ala	M-1972: Я тапёр и ма́тки баю́сь // Ж-1941: Ай-ай-ай, како́й бѣтый... небѣтава везѣт. Как э́та бѣтый, не, небѣтый бѣтава везѣт, не адну́ шчо́ту палама́ла
русс. <i>Битый небитого везетъ</i> (изъ сказки о лисѣ) <i>За одного битаго двухъ небитыхъ даютъ (да и то не берутъ)</i> (Даль III)	

²⁶ Ср. польск. *nie wiadomo* ‘неизвестно’.

²⁷ Пословица восходит к русской сказке под таким же заглавием, см. напр. *Битый небитого везет*, б. г.

КАВ'УЛА НЕ КОЊ, А В'АБА НЕ ЧЕЛАВ''ЕК	КАБЫЛА НЕ КОНЬ, БАБА НЕ ЧЕЛАВЭК
‘шутливая поговорка о низком положении женщины в обществе’	
М-1972: to i ja zn'aju pr'ipov''astku / kab'yla ne koň / a b'aba ne čelav''ek	М-1972: То и я знаю приповястку: кабыла не конь, баба не чэлавэк
русс. <i>Кобыла не лошадь, баба не человек</i> (Даль III) <i>Кобыла не конь, баба не человек</i>	

НЕ М'ЕЋ Г'ОЛАСУ	НЕ МЕТЬ ГОЛАСУ
‘быть лишенным возможности принимать решения, в том числе о своей судьбе’	
Ж-1940: no a pal'ak''i ne m''el''i níkak'ova g'olasu	Ж-1940: Но а палякі не мели никакова голасу
русс. <i>Иметь голос</i> ‘Пользоваться правами, положением, репутацией и т. п.’, <i>прост.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>мець голас</i> ‘Быть уплывовым, аўтарытэтным, карыстацца павагай’ (СБНФ) ср. польск. <i>odebrać komu głos</i> <i>pozbawić kogo głosu</i> ‘nie pozwolić mówić’ (SFJPSkor)	

РАСАЛ'УЈ МНЕ В Ж'ОПУ!	ПАЦАЛУЇ МНЕ В ЖОПУ!
‘вульгарная фраза, выражающая отказ делать что-л., делиться чем-л. и т.п.; отказ от чьего-л. предложения, чьего-л. приказа’	
М-1977: <i>bo dajmy na to</i> захаž'іл в бар / to 'o tak 'o id' u s tav'ar'iščem / tanc'ujut žefč'aty / iž'j' / gavar''u / zagavar''ić k jim / a-a-a-a / n'e / pacał'uj mne v ž'opu	М-1977: <i>bo dajmy na to</i> ²⁸ захади́л в бар, то о так о, иду́ с тавари́шчэм, танцую́т девча́ты, идзі́, гаварі́ю, за́гаварі́ць к йім. А-а-а-а-. Не? Пацалу́й мне в жо́пу
русс. <i>Поцелуй меня в жопу!</i>	

РАДН'АЋ Р'УКУ	ПАДНЯЇТЬ РҰКУ
‘совершить акт агрессии против кого-л./чего-л.’	
М-1933: ja ne razr'eš'u i sav''et (...) níkagd'a ne saglaš'ic:a / št'oby my st'al'i n'ikonem patr'ij' arxem / št'oby na sfaj'u v''eru padn'ac' r'uku / pr'avda / št'oby janu / kag gavar''ic:a / unićt'ožyc	М-1933: Я не разрешу́ и савет (...) никагда́ не сагласі́цца, штóбы мы ста́лі Ні́ко́нем патрыя́рхэм, штóбы на сваі́ю ве́ру падня́ць ру́ку, пра́вда, штóбы яну́, как гаварі́цца, унчто́жыць
русс. <i>поднимать руку {на кого}</i> <i>поднять руку {на кого}</i> ‘1. Замахиваться на кого-либо, пы- таться ударить; бить кого-либо. 2. Покушаться на кого-либо. 3. Вступать в борьбу, в полемику с кем-либо’, <i>разг. экскрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. брус. <i>падняць руку {на каго}</i> ‘Выцяць, ударыць каго’ (СБНФ) ср. польск. <i>podnieść, podnosić rękę</i> ‘zamierzyć się na kogoś, uderzyć kogoś’ (PSFJP)	

ПРАЌАН'УЋ Р'УКУ	ПРАТЯНУЇТЬ РҰКУ
‘присваивать чужую собственность, незаконно брать что-л.’	
Ж-1926: jon pračan'ul' r'uku na dom	Ж-1926: ён пратяну́л рұку на дом

²⁸ Ср. польск. *dajmy na to* ‘предположим’.

русск. *протянуть руку* {к чему, за чем} ‘Попытаться присвоить чужое; покуситься на чужое добро’, *разг. предосуд.* (ФСРЛЯ)

RAS:TR'EL' АС {кого-л.} КАК SAB'AKU	РАССТРЕЛЯТЬ {кого-л.} КАК САБАКУ
‘убить кого-либо без жалости или уважения’	
Ж-1932: ty mać askarb'’iła maj'’i aržen'a / učć'i sejć'as / ras:tr'el'aju kak sab'aku	Ж-1932: ты, мать, аскарби́ла майи́ арденá, учти сейчас, расстреляю как сабаку
русск. <i>расстрелять как собаку</i> ср. польск. <i>zastrzelić jak psa</i>	

ZAKAP'AC КАК SAB'AKU	ЗАКАПАТЬ КАК САБАКУ
‘похоронить без должного почтения’	
M-1977: ħexr'’eščen:yx ħe xar'oñut / t'oka zak'apyvajut kak sab'aku M-1959: štop jav'o kt'ota paخarañ'ił / štop j'eta no kak to gavar'’ic:a ħe zakap'al'i kak sab'aku	M-1977: нехрѣшченныx не харо́нют, то́ка зака́пывают как саба́ку M-1959: што́б яво́ кто́-та пахарани́л, што́б ёта, но как то гавари́цца, не закапа́ли как саба́ку
русск. <i>закопать как собаку</i> пол. <i>zakopać jak psa</i>	

ŽAR ZAGR'AB'AT' ČUŽ'YM'I RUK'AM'I (SGS)	ЖАР ЗАГРЯБАТЬ ЧУЖИМИ РУКАМИ
‘использовать чужие усилия в своих корыстных целях’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русск. <i>Чужими руками жар загребать</i> ‘Пользоваться в своих корыстных целях результатами чужого труда’ <i>разг. предосуд.</i> (ФСРЛЯ) русск. диал. <i>Чужими руками только жар загребать</i> (СРНГ)	

• Другие

PA BL'ATU (SGS)	ПА БЛАТУ
‘по знакомству’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русск. <i>по блату</i> ‘По знакомству, по связям, которые могут быть незаконно использованы в личных целях’, <i>прост.</i> (БСПП)	

PAT ADN'OJ KR'YŠEJ	ПАД АДНО́Й КРЫ́ШЕЙ
‘о совместном проживании’	
Ж-I: ja dałż'on ś ħej ħe żyć pat adn'oj kr'yšej	Ж-I: Я далжон сь ней не жыть пад адно́й кры́шей
русск. <i>под одной крышей</i> ‘В одном доме, в одной квартире (жить, находиться и т.п.)’ <i>разг.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>pod jednym dachem</i> ‘we wspólnym domu, mieszkaniu’ (SFNow)	

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

1) Ценности и жизненные истины

AŽ'IN RAZ L'UŠČE V'IZEĆ KAK Ž'ESIĆ RAS SL'YŠEĆ	АДИН РАЗ ЛУЧШЕ ВИДЕТЬ, КАК ДЕСИТЬ РАЗ СЛЫШЭТЬ
'легче запомнить то, что видится, чем то, что слышится'	
Ж-1939: a vot vy zn'ajice / a ja vam skaž'u kag gavar''at / 'o tak 'o / až'in raz l'ušče v'izeć kag ž'esić ras sl'yšeć	Ж-1939: А вот вы знайите, а я вам скажѹ, как гаварѹт, о так о, адин раз лучшє видєть, как дєситє раз слѹшэть
русск. <i>Один раз лучше видеть чем семь раз услышать</i> <i>сто раз услышать</i> (РАСПиП)	

Ć'İŠY J'EŽEŠ, D'AL'SE B'UŽEŠ	ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ
'о преимуществах избегания огласки'	
Ж-1945: t'ışe j'ežeš / d'al'se b'užeš М-1932: to bałš'oj inć'er'es skaz'ac' vam fšo (...) kag gavar''at / ć'ışy j'ež'eš / d'al'ej b'užeš	Ж-1945: Тише едєшь, дáльшє бѹдєшь М-1932: То балышóй интєрєс сказáть вам всѣ (...) как гаварѹт, тишє едєшь, дáлєй бѹдєшь
русск. <i>Тише ъдєшь, дальшє бѹдєшь</i> (Даль III) <i>Тише едєшь – дальшє бѹдєшь</i> ср. польск. <i>Ciszej jedziesz, dalej zajedziesz</i>	

D'ALŠE V L'ES, B'OLŠE DROF	ДА́ЛЬШЕ В ЛЕС, БО́ЛЬШЕ ДРОВ
'о возрастающих трудностях по мере развития ситуации'	
М-1950: pr'iv''azan kak rab / m''ira ne v'iz'it / no to uš skaž'u tak pr'ibl'iz'icelna / će kat'oryje sto kar'of im''ejut / an'y z s 'etava no sk'ažem at rab'oty ne vyx'ož'it / nu pak'a par'a mimo že že tak powiem po polsku to jest zmechanizowane / ale kag by tu sk'a... past'ov'icej d'al'se v l'es / b'ol'se drof, v'ot	М-1950: Привѹзан как раб, мѹра не вѹдит. Но то уж скажѹ так приближитєльна: те, кáтóрые сто карóв имєют, аны с ѣтава, но, скáжєм, ад рабóты не выхóдит. Ну, пака парá <i>mimo že že tak powiem po polsku to jest zmechanizowane, ale</i> ²⁹ как бы ту ска... пáслóвицєй: Дáльшє в лєс, бóльшє дрóв, вóт
русск. <i>Дальшє в лєс – бóльшє дрóв</i> (ПРН) <i>Чєм дальшє в лєс, тєм бóльшє дрóв</i> (СМих) ср. польск. <i>Im dalej w las, tym więcej drzew</i> 'im bardziej się w coś angażujemy, tym więcej pojawia nam się problemów związanych z tą sprawą' (WSJP)	

D'UMAJ NE D'UMAJ – CAR'OM NE B'UŽEŠ	ДУ́МАЙ, НЕ ДУ́МАЙ – ЦАРЁМ НЕ БУДЕШЬ
'о невыполнимых планах'	
М-1927: tak iž'om i d'umajem / d'umaj ne d'umaj car''om ne b'užeš	М-1927: Так идѣм и дѹмáем, дѹмáй, не дѹмáй – царѣм не бѹдєшь
русск. <i>Дѹмáй – не дѹмáй, царєм не бѹдєшь</i>	

²⁹ Русск. *хотя, так сказать по-польски, всё это уже механизированное, но...*

JAZ'YK B'ES KAŚĆ'EJ ŠTO X'OČET TO ŁAP'OČET	ЯЗЫК БЕЗ КАСЫЦЕЙ, ШТО ХОЧЭТ, ТО ЛАПОЧЭТ
‘человек может сказать всё, что угодно (не только правду)’	
Ж-1941: jaz'yk b'es kaść'ej / što x'očet to łap'očet	Ж-1941: Язык без касыцей, што хочэт, то лапочэт
русс. <i>Язык без костей</i> {у кого} ‘Кто-либо очень разговорчив, не в меру болтлив, говорит глупости’, разг. ирон. (ФСРЛЯ) <i>Язык без костей</i> {у кого} ‘о том, кто способен говорить легко и много, о красноречии’, разг. (РСС) <i>Язык без костей – что хочет, то лопочет</i> пск. <i>Язык бездонный, что хочет то молочет</i> (СППип) ср. брус. <i>Язык без косці, што захочаць, тое й хвосціць</i> (ВсРБ)	

КАК PAŚĆEL'IS: A TAK V'YŚP'IS: A	КАК ПАС[Ь]ТЕЛИШЯ, ТАК ВЫСЫПИШЯ
‘о необходимости сталкиваться с последствиями своих действий’	
Ж-1941: kak paść'el'is tak v'yśp'is: a М-1932: n'ada zasluž'yc štop čeb''a f c'erkfu vneśl'i i s c'erkfy v'yneśl'i i pa čeb''e <i>nabożeństwo</i> praśl'o [-А откуда они знают, что я заслужила?] nu / k'ak ta zn'ačyt nie zn'ajut / nu tap''er' kak ja tut żyv'u d'a / i by ram''or / to či nie zn'ajut suś'edy / no / i pop zn'ajet / vot kak paśćel'is: a tak v'yśp'is: a	Ж-1941: Как пастелишь, так высыпишься М-1932: на́да заслу́жить што́б теб́я в це́ркву вне́сли и с це́рквы вы́несли и па тебе́ <i>nabożeństwo</i> ³⁰ пра́шло [-А откуда они знают, что я заслужила?] ну, как та зна́чйт, не зна́ют. Ну тапе́рь как я тут живу́, да, и бы паме́рь, то чи не зна́ют сусе́ды? Но, и поп зна́ет. Вот, как пасытели́шься, так вы́спишься
русс. <i>Как постлался, так и высрался</i> <i>Как постелешь, так и поспишь</i> (ПРН) ср. польск. <i>Jak sobie pościelesz, tak się wypiszesz</i> ‘od człowieka zależy, jaki zgotuje sobie los i w jakich warunkach będzie żył’ (WSJP)	

L'UB'IS V G'OŚCI HAŻ'IC, LUB''I I PR'IGLAŚ'IC	ЛЮБИШЬ В ГОСЬТИ ХАДИТЬ, ЛЮБИ И ПРИГЛАСИТЬ
‘пословица о гостеприимстве’	
Ж-1945: l'ub'is v g'ości haż'ic / lub''i i pr'iglaś'ic	Ж-1945: Любишь в госьти хадить, люби и пригласить
русс. <i>Любишь в гостях бывать, люби и гостей привечать</i> <i>Любишь гостить, люби и к себе звать</i> <i>В гости ходить — надо и к себе водить</i>	

MASKV'A ŠL'EZ'AM NE V''ER'IT	МАСКВА СЫЛЕЗА́М НЕ ВЕРИ́Т
‘плач не поможет в данной ситуации’	
М-196?: Maskv'a šl'ez'am ne v''er'it	М-196?: Маскв́а сылеза́м не ве́рит
русс. <i>Москва слезам не верит</i> (не потекает, т. е. никого не разжалобишь, все чужие) (ПРН)	

³⁰ Польск. *nabożeństwo* ‘богослужение, служба’.

NA ČUŽ'OJ KARAV'AJ ROT NE RAŽ(Ž)EV'AJ	НА ЧУЖОЙ КАРАВАЙ РОТ НЕ РАЗ(Д)ЕВАЙ
‘предупреждение о том, что не следует завидовать или возжелать того, что принадлежит кому-то другому’	
Ж-1940: kak to gavar'at n'ašy / što na čuž'oj / j'etat / karav'aj rot ne ražžev'aj / t'olka 'etat s'f'oj ž'elaj	Ж-1940: как то гаварят на́шы, што на чужо́й, ё́тат, карава́й рот не раздева́й, то́лька ё́тат сво́й де́лай
русс. <i>На чужой каравай рот не разевай, а свой затевай</i> (СМих) ср. брус. <i>На чужы каравай рота (рот) не разяўляй (не разявай)</i> ³¹ (ЭСпрыказак)	

NA STARAN'Y I ŽUK M'ASA (SGS)	НА СТАРАНЫ́ И ЖУК МЯ́СА
‘о снижении требований в случае трудностей’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>В поле (на чужой стороне) и жук мясо</i> (СМих) ср. брус. <i>На (у) чужой старане й жук – мяса</i> (ВсРБ)	

ŃE ASUŽD'AJ, ASUŽD'ON NE B'UŽEŠ	НЕ АСУЖДАЙ, АСУЖДЁН НЕ БУДЕШЬ
‘предупреждение не судить о поведении другого человека’	
Ж-1939: i gavar'at: ne asužd'aj / ne asužd'on b'užeš	Ж-1939: и гаварят: не асуждай, не асуждён бўдешь
русс. <i>Не осуждай, и осужден не будешь</i> (ПРН) ср. польск. <i>Nie sądzcie, a nie będziecie sądzeni</i> (Łuk, 6: 37)	

ŃE SL'AV'IC:A KRAS'AV'ICA, A ŠTO KAM'U NR'AV'IC:A	НЕ СЛА́ВИТСЯ КРАСА́ВИЦА, А ШТО КАМУ́ НРА́ВИЦА
‘вкус – понятие относительное’	
Ж-1941: ne sl'av'ic:a kras'av'ica / a što kamu nr'av'ic:a	Ж-1941: Не сла́вится краса́вица, а што каму́ нра́вица
русс. <i>Не славится красавица, а кому кто нравится</i> (БСРПМок)	

PAD L'AŽ' AČYJU KAŁ'ODU VAD'A NE ČEK'OT	ПАД ЛЯЖА́ЧНО КАЛО́ДУ ВАДА́ НЕ ТЯКЁТ
‘о находчивости в жизни – если человек хочет чего-то добиться, должен действовать’	
М-196?: pad l'až' ačyju kał'odu vad'a ne čak'ot	М-196?: Пад ляжа́чно кало́ду вада́ не тьякёт
русс. <i>Под лежащий камень (под лежащую колоду) и вода не течет.</i> (ПРН) ср. пск. <i>Под лежащую колоду вода не пойдёт</i> (СППИП)	

³¹ И. Лепешаў считает, что белорусская форма указанной пословицы является полукалькой русской пословицы (ЭСпрыказак, 2014, с. 84).

PAŽYV'OM, UV'IGIM	ПАЖЫВЁМ, УВІДИМ
‘будущее покажет’	
М-1977: pažyv'om / uviz'im	М-1977: пажывём, увидим
русс. <i>Поживём — увидим</i> . Прост. Будущее покажет. Говорится тогда, когда не хотят высказываться о том, что в данный момент не ясно, что станет ясным лишь со временем (ФСРЛЯ)	

ŠTO F PAR'ADAČKU L'EŽ'YT, POD RUK'U SAM'A B'EŽ'YT	ШТО В ПАРЯДАЧКУ ЛЕЖЫТ, ПАД РУКУ САМА БЕЖЫТ
‘если в доме соблюдается порядок, легко найти нужные вещи’	
Ж-1945: što f par'adačku l'ež'yt / pod ruk'u sam'a b'ež'yt	Ж-1945: Што в парядачку лежыт, пад руку сама бежыт
русс. <i>Что на месте лежит, то само в руки бежит</i> (ППиКВ) <i>Что в порядке лежит — само в руки бежит</i> (ЭНМ)	

TO HAR'OŠAJA V'ES' KAD'A SK'AŽUT IT'IT' JES'T' (SGS)	ТО ХАРОШАЯ ВЕСЬ(ТЬ), КАДА СКАЖУТ ИТИТЬ ЕСТЬ
‘прием пищи является очень важной нуждой человека’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Любимая весть, как скажут, что пора есть</i> (ПРН)	
ср. пск. <i>Худы те вести, что нечево поести</i> <i>Не любя весть, как нечево есть</i> (СППиП)	

ZAST'AV DURAK'A B'OXU MAL'IC:A TO ŁOP PAB'J'OT	ЗАСТАВ ДУРАКА БОХУ МАЛІЦА, ТО ЛОБ ПАБЬЁТ
‘если кому-то не хватает навыков в определенной области, то, как бы ни старался, он не сможет выполнить работу хорошо’	
Ж-1945: zast'av durak'a B'oxu mal'ic:a to łop pab'j'ot (...) kak kto nie vm'ejit što žž'elać / a zast'af / to jon to jon narab'otajic:a i nie žž'elajit tak kak n'ada	Ж-1945: Застав дурака Боху малица, то лоб пабьёт (...) как кто не вмейит што дэлаць, а застав, то ён нарабџтайница и не сдэлайт как на́да
русс. <i>Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет (расшибет)</i> . (ПРН) В говоре старообрядцев: <i>pab'it</i> – 1. ‘połuc, stłuc’, 2. ‘zbić’ (SGS) русс. <i>побить</i> – 1. см. бить. 2. <i>кого (что)</i> . Убить в каком-н. количестве, перебить. 3. <i>кого (что)</i> . Победить в соревновании, в игре (разг.). 4. <i>что</i> . Разбив, уничтожить, сломать в каком-н. количестве. 5. (1-ое лицо и 2-е лицо не употр.). Повредить, уничтожить (посевы, растения)’ (ТСО)	

ŽŽ'ELAJ Ž'ELA, GUL'AJ ŠM'ELA	СДЕЛАЙ ДЕЛА, ГУЛЯЙ СМЕЛО
‘сначала нужно сделать работу, а только потом отдыхать’	
Ж-1945: žž'elaj ž'ela / gul'aj šm'ela	Ж-1945: Сделай дела, гуляй смело
русс. <i>Сделал дело гуляй смело</i> ср. брус. <i>Зроб дела й гуляй смела</i> (ВсРБ)	

2) Определение местоположения и расстояний

В' АВ'ІІ КУТ (SGS)	БА́БИЙ КУТ
‘часть кухни возле печи’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Куть</i> юж. ‘уголь, зауголок, закоулок, тупикь’; <i>бабій уголь</i> ‘середя, шолнуша, стряпная за перегородкою, за занавискою’ (вор. кур. кал. влгд. прм. арх. сиб. сар.); вь нвг. этот же уголь, если полати тамъ, а не при дверяхъ (Даль) русс. диал. <i>бабий угол</i> ‘а) Место в крестьянской избе за печью, отделенное занавеской или перегородкой, где большей частью находятся женщины со своими домашними работами. <i>Арх., 1885. Белозер. Новг., Мещов. Калуж., 1916.</i> б) Угол между деревянным, обмазанным глиной изнутри камином и стеной. <i>Колым. Якут., 1901. Пек’</i> (СРНГ)	

Č' ORNAJA В' AJŃA (SGS)	ЧО́РНАЯ БА́ЙНЯ
‘баня по-чёрному’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>чёрная баня</i> <i>баня по-чёрному</i>	

KR' YŠA NAD GAŁAV' OJ	КРЫ́ША НАД ГАЛАВО́Й
‘о доме, жиллом здании’	
Ж-1937: <i>aby dach / aby kr'yša b'yła nad gałav'oj</i>	Ж-1937: <i>aby dach</i> ³² , <i>aby</i> кры́ша бы́ла над галаво́й
русс. <i>крыша над головой</i>, ‘Жильё, пристанище’ разг. (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>dach nad głową</i> ‘dom, mieszkanie, miejsce dające schronienie’ (SFNow)	

NA KRAJ ŚV' ETA	НА КРА́Й СВЕ́ТА
‘в очень отдаленное место’	
Ж-1926: <i>n'aşy praż'edy kağd'a st'aruju v''eru spas'al'i / ań'i s raś'iji na kraj śv''eta f trušč'oby b'eż'al'i</i>	Ж-1926: <i>Нáшы праде́ды кагда́ ста́рую ве́ру спаса́ли, ані́ с Расі́йи на кра́й све́та в трушчо́бы бежа́ли</i>
русс. <i>на край света</i> ср. брус. <i>на край свету</i> ‘вельми далёка’ (СБНФ) ср. польск. <i>na kraj świata</i> ‘ksiązk. na koniec, na kraniec świata’ (SFJPSkor)	

PAD В' OKAM (SGS)	ПАД БО́КАМ
‘совсем близко’	
Августов-І: <i>r'ak'a n'edal''ok / pad b'okam</i>	Августов-І: <i>ряка́ недалёк, пад бо́кам</i>
русс. <i>под боком</i> {у кого} быть; иметь; происходить; находиться ‘Совсем рядом’ (БФСРЯ) ср. польск. <i>pod bokiem</i> ‘tuż blisko’ (SFJPSkor)	

³² Ср. польск. *dach* ‘крыша’.

ТОТ SV'ET (SGS)	ТОТ СВЕТ
‘загробный мир’	
Мазурия-I: a daj im γ'ospad'i na tym sv''et'i c'arstva...	Мазурия-I: а дай им, Гóспади, на тым свѣти царства...
русск. <i>тот свет</i> ‘Загробный мир’, разг. (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>tamten świat</i> ‘według wierzeń religijnych: zaświaty, życie pozagrobowe’ (SFJPSkor)	

3) Определение времени и частотности

АТ ПАК'ОН V'EKU	АТ ПАКОН ВѢКУ
‘с давних времен’	
М-II: slov''aŋe at pak'on v''eku 'eta był nar'ot koczoŋniczy i j'eta b'yl'i r'aznyji slov''aŋe	М-II: Словяне ат пакон вѣку э́та был наро́д <i>koczowniczy</i> ³³ и э́та были разныи словяне
русск. <i>Покон веку</i> ‘До кончины, до смерти’, <i>Смол.</i> (СРНГ) <i>из пакон веков</i> <i>спокон веку</i> (СМих) <i>с покону века (веку)</i> ‘С давних пор, издавна’, <i>нижегор., сиб.</i> (СРНГ)	

ДА Ё'ОМНАJ N'OČY	ДА ТѢМНАJ НОЧЫ
‘до позднего времени’	
Ж-1926: at utr'a da n'očy ё'omnaj prav'er''al'i fše dam'a / mal''en:uju fšo pakraš'yl'i i pałam'al'i / s'uf'it / t'okny // ar'užyje isk'al'i / bo nap''isal'i b'yl'i šo f:utr'ynax m'aju(t) ar'užyja / to ji poł parv'al'i	Ж-1926: Ат у́тра да но́чы тѣмнай правѣря́ли все дама́. Малѣнную всѣ́ пакрашы́ли и палама́ли, су́фит ³⁴ , ло́кны. Ару́жые иска́ли, бо написа́ли были, што в футры́нах ма́ют ару́жыя, то йи пол парва́ли
русск. <i>до тёмной ночи</i> (допоздна, до полной темноты) ср. польск. <i>do ciemnej nocy</i>	

DAVN'YM DAVN'O (SGS)	ДАВНЫМ ДАВНО
‘с давних пор’	
Августов-I: i an''i tam davn'ym davn'o ž'yl'i	Августов-I: И ани́ там давным давно́ жы́ли
русск. <i>давным-давно</i> (Даль III)	

P''ERVYM D'OLGAM	ПѢРВЫМ ДОЛГАМ
‘в первую очередь’	
М-1933: štop šl'ēja ŋe sleć'ela / to p''ervym d'olgam kak nak'in'ul šl'ēju / to padpr'ugu n'ada vž'ac	М-1933: што́б шлѣ́а не слѣ́те́ла, то пѣ́рвым до́лгам как накинѹ́л шлѣ́ю, то па́дпру́гу на́да в́зятъ
русск. <i>первым делом</i> ‘Сначала, первоначально’ (УФС)	

³³ Русск. *кочевнический*.

³⁴ Польск. *sufit* ‘потолок’.

R'ETKA KAD'A	РЭДКА КАДА́
‘редко’	
M-1977: 'al'i to r''etka kad'a	M-1977: али то рэдка када́
русс. <i>редко когда</i> ‘Изредка, очень редко’, разг. <i>экспрес.</i> (ФСРЛЯ) В говоре старообрядцев: <i>m'ala (r''etka) kagd'a</i> ‘niekiedy, mało kiedy’ (SGS) ср. польск. <i>rzadko kiedy</i>	

ZA MAJ'OJ P'AM'ACI	ЗА МАЁЙ ПА́МЯТИ
‘в течение моей жизни’	
M-1915: za maj'oj p'am'aci karav'odaf'ne b'yla	M-1915: За маёй па́мязи карава́дав не бы́ла
русс. <i>За мою память на моей памяти</i> [этого не было] ‘сколько живу’ (Даль III) <i>За моей памяти</i> Ср. польск. <i>za mojej pamięci</i> ‘w okresie czasu, który czyjaś pamięć ogarnia’ (SFJPSkor)	

4) Определение меры и интенсивности

AT M'ALA DO V'EL'IKA	АТ МА́ЛА ДА ВЕЛІ́КА
‘абсолютно все’	
Ж-1926: jan'y nas fšex hać'el'i v'yr'ezać (...) at m'ala da v'el'ika	Ж-1926: Яны́ нас всех хатэ́ли вы́резать (...) ат ма́ла да ве́лика
русс. <i>От мала до велика</i> ‘Абсолютно все независимо от возраста’ разг. <i>экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

{кто-л.} (имеет) Ż'ЕЊЕК КАК Š'UMY	{кто-л.} (имеет) ДЭ́НЕГ КАК ШУ́МЫ
‘очень много денег’	
Ж-1941: ż'eńik kak š'umy / 'o st'ok'i mnok ż'eńik m'ajit kak š'umy / zn'ačyt š'uma to j'eta tak''iji fšak''iji ņen'adabnyji rzeczy / co się wyrzusa / nu vyk''idyvajic:a	Ж-1941: Дэ́ниг как шу́мы, о сто́ки мног де́ниг ма́йит как шу́мы. Зна́чйт шу́ма – то э́та та́кийи вся́кийи не́нада́бныйи rzeczy ³⁵ , co się wyrzusa ³⁶ , ну вы́киды́вайица
русс. <i>денег как грязи</i> (ССин) SGS: <i>š'uma-mar'uma</i> ‘śmiecie’	

F PUX I PRAX	В ПУХ И ПРАХ
‘уничтожилось’	
Ж-1926: nu a ćep''er fšo p'er'em'eń'iloš / f prux prax fšo abruć'iloš	Ж-1926: Ну а тепэ́р всё пере́менилось, в пух прах всё абру́тилось
русс. <i>В пух и прах</i> ‘1. Совершенно, полностью, совсем (разгромить, разбить, разрушить, разориться, разругаться и т. п.). 2. Богато и без достаточного вкуса; пышно (разодет, расфранчён и т. п.)’ <i>прост. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>В пух и [в] прах (в пух-прах)</i> ‘Основательно, с большой силой, до конца’ (СППИП)	

³⁵ Польск. *rzeczy* ‘вещи’.

³⁶ Польск *co się wyrzusa* ‘которые выкидываются’.

L' OXKAJA KAK P' ORA (SGS)	ЛЁХКАЯ КАК ПЁРА
‘очень лёгкий’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>легкий как перо</i> ср. польск. <i>lekki jak pióro</i> ‘bardzo lekki’ (SFJPSkor)	

M' EŃŠE – B' OLŠE M' EŃE – B' OL'E	МЭНЫШЕ-БОЛЫШЕ МЭНЕ-БОЛЕ
‘примерно, приблизительно’	
Ж-II: <i>kak m' eŃe b' ol'e r' usk' ij kak słav' 'ansk' ij jaz' yk pax' oš na p' olsk' ij</i>	Ж-II: Как мене-боле русский как славянский язык пахож на польский
русс. <i>более или менее</i> ‘До известной степени, отчасти; не в полной, но в достаточной мере’ (УФС) ср. польск. <i>mniej więcej</i> ‘w przybliżeniu, około’	

ŃI F SK' ASK' E SKAZ' AĆ, ŃI P' ER' OM AP' IS' AĆ	НИ В СКАЗКЕ СКАЗАТЬ, НИ ПЕРОМ АПИСАТЬ
‘о невероятной истории, которую невозможно описать словами’	
Ж-1941: ‘ <i>eta Ńi f sk' azke skaz' ać / Ńi p' erom ap' is' ać</i>	Ж-1941: эта ни в сказке сказать, ни пером аписать
русс. <i>Ни в сказке сказать ни пером описать</i> ‘Нельзя выразить словами’ (ФСРЛЯ)	

ŃI KAR' OFK' I, ŃI V' AR' ' OFK' I	НИ КАРÓВКИ, НИ ВЕРЁВКИ
‘абсолютно ничего’	
М-1947: <i>Ńi kar' ofk' i / Ńi v' ar' ' ofk' i</i>	М-1947: Ни карóвки, ни верёвки
русс. <i>Взяв коровку, возьми и веревку</i> (ПРН) <i>Взявъ коровку, возьми и привяжь (подойнишь)</i> (Даль III) <i>нет ни коровы, ни веревки от коровы (от ней)</i> ср. брус. <i>Прапала кароўка, хай прападае ў вароўка</i> (ВсРБ)	

ŃE AST' ALAŠ ŚL' EDA	НЕ АСТАЛАСЬ СЛÉДА
‘нет никаких следов’	
Ж-1926: <i>nav' 'erna mag' 'iŃy Ńe ast' alaš śl' 'eda / nu f' p' am' aći v' iž' u</i>	Ж-1926: Наверна магілы не асталась слéда, ну в пáмяти вижý
русс. <i>следа не осталось</i> ‘Что-либо бесследно исчезло’ (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>ani śladu, nigdzie śladu (nie ma, nie zostało)</i> ‘nie ma, nie widać kogo, czego’ (SFJPSkor)	

RAV' OTAĆ ZA Ć' AŠKU S' UPU	РАБОТАТЬ ЗА ЧАШКУ СÚПУ
‘работать без справедливой оплаты или бесплатно’	
Ж-1940: <i>t' olka xaraš' o ž' yl' i / kat' oryji / zn' ačyt / xaz' ajiny bałš' yji / bo m' 'el' i</i>	Ж-1940: Тóлько харашó жыли, катóрыйи, знáчыт, хазяйны ба́льшы́йи, бо мéли

služ'onceva i služ'oncuju / i 'ot / xt'ota za č'ašku s'upu im rab'otał	служóнцева ³⁷ и служóнцю ³⁸ . И от! Хтó-та за чашку сýпу им работал
русск. <i>работать за чашку супа</i>	

SK'OKA UG'ODNA	СКÓКА УГÓДНА
‘как можно больше’	
М-1964: <i>do oporu...</i> sk'oka ug'odna	М-1964: <i>do oporu</i> ³⁹ ... скóка угóдна
русск. <i>сколько (душе) угодно</i> ‘1. Очень много, в большом количестве чего-либо. 2. Без каких-либо ограничений, вволю, вдоволь’, <i>разг.</i> (УФС)	

ZGAR'ET' V 'UGAL' (SGS)	СТАРЕТЬ В ЎГАЛЬ
‘полностью сгореть’	
Августов-І: gl'ad''it'e b'ulł'i / a to zgar''at v 'ugal' Мазурия-І: p'akł'a p'asku i tag zgar''ela mñe / tag zgar''ela / što v 'ugal' zgar''ela	Августов-І: Глядите бўлки, а то сгарят в ўгаль Мазурия-І: Пяклá пáску и так сгарéла мне, так сгарéла, што в ўгаль сгарéла
русск. <i>сгореть в уголь</i>	

ŽEL' EZNAJA D'ISC'IPL'INA	ЖЕЛÉЗНАЯ ДИСЦИПЛИНА
‘об установленном порядке, основанном на твердых и жестких правилах’	
М-1927: stal'in'ofskaja d'isc'ipl''ina to b'yła žal''eznaja	М-1927: Сталинóвская дисциплина то была желéзная
русск. <i>железная дисциплина</i> (СРИдиом) ср. польск. <i>żelazna dyscyplina</i> (WSJP)	

ŽYĆ KAK CAR''ICA	ЖИТЬ КАК ЦАРИ́ЦА
‘жить в достатке’	
Ж-1941: an'a žyv''ot kak car''ica	Ж-1941: Ана́ живёт как цари́ца
русск. <i>жить как царица</i> ср. брус. <i>жыць як царыца</i> (СБНПар)	

5) Определения, выражающие оценку ситуации

Č'ER'ES P''ATY I ŽEŠ'ATY	ЧЭ́РЕЗ ПЯТЫ И ДЕСЯ́ТЫ
‘неточно’	
Ж-1932: č'er'es p''aty i žeš'aty t'olka ña p'omñu	Ж-1932: Чэ́рез пяты и десяти́ то́лько ня пóмню

³⁷ Ср. польск. *slużqcy* ‘слуга’.

³⁸ Ср. польск. *slużqca* ‘служанка’.

³⁹ Польск. *do oporu* ‘до изнеможения’.

русс. *пятое через десятое* (СМВ) | *Через пятое на десятое* 'Беспорядочно, непоследовательно (делать что-либо)', *разг. пренебр.* (ФСРЛЯ) | *через пятое в десятое* (СРСиСВыр)

ср. брус. *пятое через дзiesiąтое* (СБП)

ср. польск. *piąte przez dziesiąte* 'pot. niedokładnie, nie w całości i nie ze wszystkimi szczegółami' (WSJP)

ЊЕ В'ЕЗ 'ЕТАВА	НЕ БЕЗ 'ЭТАВА
'то, без чего нельзя обойтись в данной ситуации'	
М-1977: (-И на Пасху организовались гулянья какие-нибудь?) 'o, to na p'asku to gar'u to ěe b'az 'etava / na p'asku to p'oše v nas na pr'azńnik'i šem dn'ej / ěež'elu č'asu	М-1977: (-И на Пасху организовались гулянья какие-нибудь?) О! То на паську, то га(ва)рю, то не бяз этава. На паську то посе в нас на празьнікі сем дней, недэлю часьу
русс. <i>Не без этого</i> 'Бывает, случается', <i>разг.</i> (ФСРЛЯ)	

ЊЕТ РАШ'ОТУ	НЕТ РАШ'ОТУ
'не стоит чего-л.'	
М-1947: k''inuć xaz' ajstfa to tap''er'a g'ž'e m'ėn'a v'ożmut / ěig'ž'e / tut rab'otać toš ěet rašć'otu	М-1947: Кинуть хазяйства то тапэря гдє мянə вəзмьут. Нигдэ. Тут рабəтатə нет рашчəту
русс. <i>нет расчёту</i> 'Не имеет смысла' (СТруд)	

ЊИ F P'АЃ ЊИ V Ж'ЕЃАЃ	НИ В ПЯТЬ, НИ В ДЕСЯТЬ
'о чем-то, не имеющем смысла'	
Ж-1936: v''ižiće kak v'yjćić tak z'amuš / ěi f p'ac ěi v ž'ėsać	Ж-1936: Видите как вьйтити так замуж, ни в пять, ни в десять
русс. <i>Ни в пять ни в десять</i> 'О дисгармонии, несоответствии каким-либо требованиям, не по размеру' (СНарФраз) ср. брус. <i>ni ŷ piac̃ ni ŷ dziesiąć</i> 'Кепска, не так як трэба, як хацелася б' (СБНФ) ср. польск. <i>ni w pięć, ni w dziesięć</i> <i>ni w pięć, ni w dziesięć</i> 'pot. bezsensowny i niepasujący do danej sytuacji' (WSJP)	

ШТО К ЧЕМ'У	ШТО К ЧЭМУ
'по мере развития ситуации; по сути дела'	
М-1977: n'aša v''era ćašk'aja / 'al'i što k čem'u to j'ėśća d'obryja	М-1977: На́ша вэ́ра ча́шкая, а́ли што к чэму́ то ё́сть до́брыя
русс. <i>что к чему</i> 'В чём же суть дела, что кроется за чем-либо (знать, понимать и т. п.)', <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>jak przyszło co do czego</i> 'używane w sytuacji, kiedy nadszedł moment, gdy oczekiwaliśmy, że ktoś zrobi to, o czym mowa wcześniej, a tak się nie dzieje' (WSJP)	

6) Частушки (и их фрагменты) и другие фольклорные творения

A ŠTOR ČEB''A V'OLK S'J'EL	A ŠTOB TEBJA VOLK S'JEL!
‘проклятие’	
Ж-І: a štor čeb''a volk s'j'el	Ж-І: А штоб тебя волк съел!
русс. <i>А чтоб тебя волк съел волки съели</i>	

JA SPAS''IBUJU TAB''E ŠTO PAM'OK MAJ'OJ V'ED''E (RGS)	Я СПАСІБУЮ ТАВЁ, ШТО ПАМОГ МАЁЙ БЕДЁ
‘поговорка, выражающая благодарность за помощь в трудной ситуации’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Спасибо тебе, что помог моей беде.</i>	

JEŠ PAK'A ROT SV'EŽ, UMR''OŠ I K'OLAM ŇE VAB'J'OŠ (RGS)	ЕШ ПАКА' РОТ СВЕЖ, УМРЁШ И КОЛАМ НЕ ВАБЬЁШ
‘поговорка-приглашение к пище’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Ешь, пока рот свеж, а как умрёшь, так колом не забудьшь.</i> ср. брус. <i>Еш, пакуль рот свеж, а як завянець, не зглянець (а як памрэш, і калом не ўпрэш)</i> (ВсРБ)	

ŇE USP''EJEŠ L'OŠKU V'ZAČ, F Č'AŠK'E D'ONUŠKA V'ID'AC (RGS)	НЕ УСПЕЁШ ЛОЖКУ ВЗЯТЬ, В ЧАШКЕ ДОНУШКА ВИДАТЬ
‘фрагмент частушки’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Не успеешь ложку взять, в чашке доньшко видать.</i>	

SPAS''IBA BALŠ'OJE ZA AB'ED ŠTO NAJ'ELŠA DARMAJED (RGS)	СПАСІБА БАЛШОЁ ЗА АБЁД, ШТО НАЁЛСЯ ДАРМАЁД
‘поговорка, выражающая благодарность за пищу’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Спасибо за обед, что наелся дармод.</i> ср. брус. <i>Дзякуй за абед, што пад'еў дармаед</i> [выходзячы з-за стала] (ВсРБ)	

ZAPR'AG'U JA K'OŠKU V DAR'OŠKU, A KAT''ONKA F TARANT'AS (RGS)	ЗАПРЯГУ Я КОШКУ В ДАРОЖКУ, А КАТЁНКА В ТАРАНТАС
‘фрагмент частушки’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Запрягу я кошку в дрожки а котенка — в тарантас.</i>	

7) Единицы, связанные с годовым циклом, природными явлениями

ЇЉ'А DAST GŃIL'Љ'А	Їлья даст гнїлья
'поверье, что если в день праздника пророка Илии пойдет дождь, то посевы начнут гнить'	
Ж-1945: a il'ij'a dast gñil'ij'a / patam'u što rajd'ut dažž'y / p'adajut / no i kag dažž'y p'adajut to gñ'il'ij'a	Ж-1945: А Їлья даст гнїлья, патаму што пайдут дажджы, пайдут, но и как дажджы пайдут то гнїлья
русс. <i>Придетъ Илья, принесетъ гнїлья</i> 'дожди' (Даль III) <i>Илья даст гнїлья</i>	

PR'İŠ'OL P'ATR'OK PRAP'AL L'IST'OK, PR'İŠ'OL IL'Љ'А, PRAP'AL'İ DVA	Пришóл Пятрóк – прапáл листóк, пришóл Илья – прапáли два
'поверье, что на праздник святых Петра и Павла приходится конец лета, знаменуемый сбрасыванием листы с деревьев'	
M-1959: pr'ış'ol p'atr'ok / prap'al l'ist'ok / pr'ış'ol il'ij'a / prap'al'ı dva	M-1959: Пришóл Пятрóк – прапáл листóк, пришóл Илья – прапáли два
русс. <i>Пришёл Петрок, упал листок, пришёл Илья – упало два.</i>	

ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ

1) Элементы библейского происхождения

Ѓ'ER'EVA DABR'A I ZLA	ДÉРЕВА ДАБРА́ И ЗЛА
'дерево познания добра и зла'	
Ж-1932: j'esl'i by jan'y ne slaž'yl'i v'in'u až'in na 'evu / drug'oj / zn'ačyt / na žm'ija / a skaz'al'iby: x'ospaži, sagr'eš'yl'i p'er'et tab'oj / prašć'i nas gr''ešnyx / xasp'oć by j'im prašć'il i b'yaby fšo xaraš'o / a jan'y ne pak'ajil'is i st'aloš pl'oxa / čer'ez jix xasp'oć m'ušel raž'ic:a jako čelav''ek i pračerp''eć rasp''acija i f tr''ećij zeñ vaskr''esnuć iso 'ada / 'ad zn'ajice što 'eta j'ešć / <i>pieklo</i> kag gavar''ic:a / v'yl'isć / bo tam b'yla mn'ok pr'av'ilnyx luž'ej i fše pašl'i f p'ekla / čer'ez ad'ama i čer'ez 'evu bo an'y fkuš'il'i ğ'er'eva 'eta dabr'a i zla / i xasp'oć k'aždamu čelav''eku daļ ğv'e dar'og'i / kak'oj xoš, tak'oj iĵi	Ж-1932: ёсли бы яны не слажыли вину, адин на Эву, значыт, другой на зымёя, а сказа́ли бы: Хóспади, сагрeшы́ли пeред табóй, прaсы́ти нас грeшных – Хаспóдь бы йим прaстíл и бы́ла бы всё хaрaшó. А яны не пакайились и сталóсь плóха. Чэрез ййх Хаспóдь мýсел рaди́цца я́ко чэлавeк и прaтeрпeть рaспя́тия и в трeтий дeнь вaскрeснóть исо aдa. Ад, знайите что э́та eсьть <i>pieklo</i> ⁴⁰ как гaвapи́цца, вы́лисьть, бо там бы́ла мног пpaвильных лyдeй и все пaшли в пeклa. Чэрез Aдaмa и чэрез Эвy, бо aны вкусили дeрeвa э́тa дaбpa и злa. И Хаспóдь кaждaмy чeлaвeкy дал двe дapóги – кaкóй xoш, тaкóй иди
русс. <i>Вкушать от древа познания добра и зла</i> ср. польск. <i>drzewo poznania dobra i zla</i>	

⁴⁰ Русск. ад.

РА 'OBRAZU I PA PAD'OB'IJU	ПА ОБРАЗУ И ПА ПОДОБИЮ
‘по образу и подобию’	
Ж-1932: po 'obrazu i po pod'ob'iju sazd'al čelav''eka Ж-1941: satfar''il xasp'oč čelav''eka pa sfajem'u 'obrazu i pa pad'ob'iju / nu i skaz'al truž'ic:a / muš <i>niech</i> truž'ic:a č'aška / xl''eb dabyv'ajit / a žen'a na j'eta satfar''onna štop žeč'ej xav'ač / raž'ač i vasp''ityvač	Ж-1932: По образу и по подобию сзда́л чэлаве́ка Ж-1941: Сатварі́л Хаспо́дъ чэлаве́ка па сваему́ образу и па падо́бю, ну і сказа́л труді́цца. Муж <i>niech</i> ⁴¹ труді́цца чашка, хлеб дабы́вайт, а жена́ на ё́та сатварё́нна, што́б деце́й хава́ть, ража́ть і васпі́тываць
русс. <i>По образу и подобию</i> {кого, чьему} (ФСРЛЯ) ср. польск. <i>na obraz i podobieństwo</i>	

2) Экспрессивные единицы, выражающие отношение говорящего к человеку или ситуации

РАМ''ИЛУХ Бох!	ПАМІЛУХ Бох!
‘экспрессивное выражение – желание избежать неприятной ситуации’	
Ж-1926: a tak to kak atkr'oješ / to pam''ituj box / nu / prav''ejet y p'ošl'e n'ada l'eč'yc:a	Ж-1926: А так то как аткрёе́шь, то памі́луй Бох. Ну, правее́т ы по́сле на́да лечы́цца
русс. <i>Помилуй бог</i> ‘1. Действительно, на самом деле. 2. Ничего подобного; никак невозможно. Выражение категорического несогласия’, <i>устар. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	

САХРАЊ'І Бох!	САХРАЊІ Бох!
‘экспрессивное выражение – предупреждение не делать чего-то’	
Ж-1941: Saxrañi box	Ж-1941: Сахрани́ Бох!
русс. <i>Сохрани бог</i> <i>боже сохрани</i> ‘предупреждение не делать чего- н. во избежание чего- н. дурного’ (ФСРЯ)	

СЛАВА В'OXU!	СЛА́ВА БО́ХУ!
‘выражение удовлетворения по поводу благоприятного поворота событий’	
Ж-1930: no ješč'o ní adn'ova né m''el'i l'ošaži / č'aška rab'otała / č'aška / č'aška i zdar'ov'ija pal'eč'eła / no'al'e sl'ava b'oxu / maj'i padr'užen'k'i už'o pam''orl'i	Ж-1930: Но ешчо́ ни адно́ва не ме́ли ло́шаді. Тяжка раба́тала, тя́жка. Тя́жка, и здра́вія па́летэла, но а́ле сла́ва Бо́ху! Ма́йі падру́жэнькі ўжо́ памё́рлі
русс. <i>Слава Богу, благодаря Бога</i> ‘благодарственное восклицание, вь отвѣтъ на вопр. о здоровье’ (Даль III) <i>Слава Богу!</i> ср. польск. <i>Chwała Bogu!</i>	

⁴¹ Русск. *нусть*.

5.1.3. Совместные ресурсы общенародной русской и псковской фразеологии

Как уже упоминалось, исторические доказательства, а также свидетельства самих старообрядцев подтверждают, что наиболее вероятной гипотезой является их происхождение из окрестностей Новгорода, Пскова и Великих Лук. При этом, по итогам лингвистических исследований, старообрядческий говор проявляет много черт, сходных с псковскими говорами. Учитывая эти предпосылки, можно задаться вопросом, можно ли найти более обширные данные псковской фразеологии в языке старообрядцев, проживающих в Польше?

В собранном материале мы отметили 84 фразеологизма, зафиксированных как во фразеологических словарях общего русского языка, так и в словаре псковского говора.

В описанной ситуации, когда ФЕ приводится как в словаре псковской фразеологии, так и в словаре общего русского языка, нет возможности однозначно определить ее принадлежность к одной из указанных групп ввиду отсутствия документации старообрядческого говора, а также письменности на говоре.

Зафиксированные примеры относятся к следующим тематическим сферам:

ЧЕЛОВЕК

1) Внешний вид

XUD'AJA KAK ŠČ'EP'INA	ХУДА́Я КАК ШЧЭ́ПИНА
‘очень худая’	
Ж-II: jan'a xud'aja kak šč'er'ina	Ж-II: яна́ худая́ как щче́пина
русс. <i>Как щепка</i> ‘Очень худой, тощий’ <i>разг. ирон.</i> (ФСРЛЯ) <i>Худ как щепка</i> {кто-н.} ‘очень худ’, <i>разг.</i> (РСС) пск. <i>Худой как щепка</i> ‘Об очень худом, сильно исхудавшем человеке’ (СППиП)	

KRAŚ'IVYJ KAK DUB	КРАСИ́ВЫЙ КАК ДУБ
‘о сильном, большом и красивом мужчине’	
Ж-1926: 'ety što s varš'avy / tak''ije f'ajnyje rav'yrašli / kraś'ivyje tak''ije kak dub'y	Ж-1926: Э́ты што с Варша́вы, та́кие fáйны́е ⁴² павы́расы́ли. Кра́сивые как ду́бы
русс. <i>здоровый как дуб</i> <i>рослый как дуб</i> <i>крепкий как дуб</i> <i>красивый как дуб</i> пск. <i>(здоров) как дуб</i> ‘О сильном, большом и здоровом мужчине’ (СППиП) ср. польск. <i>chłop jak dąb</i> ‘pot. wysoki, potężny, dobrze zbudowany mężczyzna’ (WSJP)	

⁴² Ср. польск. *fajny* ‘классный, хороший’.

NAG' 'I KAK KAL' ODY	НАГІ КАК КАЛО́ДЫ
‘о больших, распухших ногах’	
Ж-1941: nag' 'i kak kal' ody m' 'ela	Ж-1941: Нагі как калоды мела
русс. ноги как колоды пск. (лежать) как колода ‘О неподвижно лежащем неповоротливом человеке’ <i>распухнуть как колода</i> ‘О распухшей, увеличившейся от удара конечности’ (СППиП)	

TALST' AJA KAK KAR' OVA	ТАЛСТА́Я КАК КАРО́ВА
‘о женщине, страдающей ожирением’	
Ж-1941: talst' aja kak kar' ova	Ж-1941: Талста́я как каро́ва
русс. толстая как корова корова ‘О толстой неуклюжей, а также неумной женщине’ <i>груб. прост.</i> (РСС) пск. (Большая, толстая) как (что) корова ‘1. О каком-л. большом и толстом животном. 2. Неодобр. Об очень крупной и толстой женщине’ (СППиП)	

V' YSAXNUĆ F ŠČ' EP' INU	ВЫ́САХНУТЬ В ШЧЭ́ПИНУ
‘сильно похудеть, быть очень худым’	
Ж-1941: jan' a v' ysaxla f šč' epinu	Ж-1941: Яна́ вы́сахла в шчэ́пину
русс. В щепку ‘(Стать) очень худым, худощавым’ <i>устар. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. Высохнуть (ссохнуть) как щепка (в щепку) ‘О сильно исхудавшем, высохшем человеке или животном’ (СППиП)	

2) Черты характера

{кому-л.} M' OR' A PA KAL' 'ENA	{кому-л.} МО́РЯ ПА КАЛÉНА
‘о бесстрашном человеке, который способен добиться всего’	
М-196?: jam' u m' or' a pa kal' 'ena	М-196?: яму́ мо́ря па калéна
русс. Море по колено ‘Ничто не страшно для кого-либо; все нипочём кому-либо’ <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. Море по колено [ложка по уши] {кому} ‘Всё нипочём кому-л.’, <i>шутл.</i> (СППиП)	

V' YRYS S B' 'ESA, A PL' AVAC' NA VM' 'EJIT	ВЫ́РЫС С БÉСА, А ПЛАВА́ТЬ НЕ ВМÉЙИТ
‘вырос, но не повзрослел’	
Ж-II: v' yrys s b' 'esa a pl' avac' na vm' 'ejit	Ж-II: Вы́рыс с бэса, а плава́ть ня вмéйит
ср. русск. С черта вырос, а кнутом не бит (ПРН) С черта вырос, а кнутом не стеган ср. пск. Съ чорта вырось, а кнутомъ не бивать (СППиП)	

3) Действия и физическое состояние

GAL' ODNYJ KAK SAB' AKA	ГАЛО́ДНЫЙ КАК САБА́КА
‘очень голодный’	
М-II: gal' odnyj kak sab' aka	М-II: Галодный как саба́ка

русс. голодный как собака

пск. голоден как собака 'Об очень голодном человеке' (СПИП)

ср. польск. *głody jak wilk*

J'EL'E J'EL'E D'UŠA F Ć EL'E	ЁЛЕ-ЁЛЕ ДУША В ТЕЛЕ
'о едва живом человеке, у которого слабое здоровье'	
М-1933: nu i tak što vot / kag gavar'ic:a / vyb'ir'al'i i vyvaž'il'i tud'a (...) nu kak / nak'azyvajet soltys / soltys to j'eta był nač'alník žar'ervní / soltys / nač'alník žar'ervní / tot y tot y tot / štop jav'ic:a tam pr'im'erna 'ot f p'unkt tak'oja / v m'esta no i fšo / no i j'esh'í nie jav'itša no to tagd'a už'e žand'army priježž'al'i / no i kag zab'erut to už'e zn'ajice tam j'el'e j'el'e d'uša f Ć el'e	М-1933: Ну и так што, вот, как гавари́цца, выбира́ли и выва́зили туда (...) ну как, наказывает <i>soltys</i> ⁴³ . <i>Soltys</i> то эта был начальник дярэ́вни, <i>soltys</i> , начальник дярэ́вни. Тот ы тот ы тот, штоб яви́цца там приме́рна, от! В пúнкт такой-та, в ме́ста, но и всё. Но и е́сли не яви́лся, но то тагда́ уже́ жандармы прие́жджали, но и как забéрут, то уже́ зна́йте, там ёле-ёле ду́ша в те́ле
русс. <i>Еле-еле душа в теле</i> 'Едва, чуть жив; очень слаб от болезни, усталости и т. п.', <i>прост. экспрес.</i> (ФСРЛЯ)	
пск. <i>Еле-еле душа в теле {у кого}</i> '1. О тяжело больном или очень старом человеке, 2. Об очень усталом человеке' (СПИП)	

(быть) NA NAG'AX	(быть) НА НАГ'АХ
'о состоянии здоровья – возможности самостоятельно передвигаться'	
Ж-И: ješč'o (...) na nag'ax	Ж-И: ешчó (...) на наг'ах
русс. <i>на ногах</i> '1. {кто, быть} В состоянии повышенной активности; без отдыха. 2. {кто, быть} Здоров, не болен. 3. {кто, быть; провести} Не спать; без сна' (БФСРЯ) <i>На ногах {кто}</i> '1) о том, кто бодрствует, не спит. Только светает, а он уже на ногах; 2) о том, кто заболел, не ложится в постель, а также о том, кто уже выздоравливает, выздоровел', <i>разг.</i> (РСС)	
пск. <i>На ногах</i> 'О способности передвигаться без посторонней помощи' (ДСОС)	
ср. польск. <i>trzymać się na nogach</i> 'zachowywać pozycję stojącą' (SFJPSkor)	

(идти) NA SFAJ'IX (NAG'AX)	(идти) НА СВАЙХ (НАГ'АХ)
'идти самостоятельно'	
М-П: m'ajit tak 'o c'ełuju skš'ynku 'etyx nap'itkyf / past'av'it / my tak sobie s'iz'im tak / tak k'ušajim / k'ušajim / k'ušajim / a p'osl'e už'e id'u dam'oj (...) na sfaj'ix / ješč'o na sfaj'ix / ja fs'egd'a na sfaj'ix / ješč'o n'ie była štoby ja / ja už'e mag'u p'osl'e d'oma už'e nie na sfaj'ix / 'al'i už'e dam'oj na sfaj'ix	М-П: Мájит так о, цёлую скшы́нку ⁴⁴ з'тых напíткыв, пастáвит, мы так со́бе сидим, так. Так ку́шайим, кúшайим, кúшайим... А пóсле ужé идú дамóй (...) на свáйх, ешчó на свáйх. Я все́гда на свáйх, ешчó нé была, штóбы я, я ужé магú пóсле дóма ужé не на свáйх, але́ ужé дамóй – на свáйх
русс. <i>Ходить на своих ногах</i> 'Сохранить хорошее здоровье', <i>экспрес.</i> (ФСРГовСиб)	
пск. <i>на своих ногах</i> 'О способности передвигаться без посторонней помощи' (ДСОС)	
ср. польск. <i>trzymać się na nogach</i> 'zachowywać pozycję stojącą' (SFJPSkor)	

⁴³ Польск. *soltys* 'староста; глава местного самоуправления на уровне деревни'.

⁴⁴ Ср. польск. *skrzynka* 'ящик'.

НАР'ІС:А КАК КОЊ	НАПІЊЦА КАК КОЊ
‘сильно напиться’	
Ж-1926: <i>no a on tu pada / nar'’iśa kak koń</i>	Ж-1926: <i>No a on tu pada</i> ⁴⁵ , напился как конь
русс. <i>пить как конь</i> пск. <i>пить как конь</i> ‘О много пьющем человеке, пьянице’, <i>неодобр.</i> (СППиП)	

УР'АŚС V 'ОМРАК	УПАЊСТЬ В ЁМРАК
‘потерять сознание’	
Ж-1926: <i>m'ało v 'omrak ñe up'ała</i>	Ж-1926: <i>Мало в ёмрак не упала</i>
русс. <i>Упасть в обморок (падать в обморок)</i> ‘Теряя сознание, падать’ (ФСРЛЯ) ср. пск. <i>ввести в обморок</i> ‘Утомить, изнурить кого-л. чем-л.’ (СППиП)	

ZADR'АС N'OG'I	ЗАДРАЊ НЃГИ
‘умереть’	
Ж-П: <i>n'og'i zadr'ał</i>	Ж-П: <i>Нόги задрал</i>
русс. <i>Задрать ноги</i> ‘Подохнуть (о животных)’, <i>грубо-прост.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>ноги загнуть / погибать (задрать)</i> ‘Умереть’ (СППиП)	

4) Определения людей

M'AST'ER' NA FS'E R'UK'I (SGS)	МАЊСТЕР НА ВСЕ РЃКИ
‘о человеке, умеющем всё делать’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>мастер на все руки</i> ‘О человеке, умеющим всё делать’ (ФСРЯТих) пск. <i>Мастер (мастак) на все руки [от скуки]</i> ‘О человеке, который справляется с любой работой, умело, искусно всё делает’ (СППиП)	

{кто-л.} (имеет) ZALAT'YJE R'UK'I	{кто-л.} (имеет) ЗАЛАТЫЕ РЃКИ
‘человек, который может выполнить любую работу’	
Ж-1926: <i>gavar'’u xoć pal'ać'ok / 'al'i xoć m'ajit załať yje r'uk'i</i>	Ж-1926: <i>Гаварио, хоч палячо́к, а́ли хоч ма́йит залаты́е рѹ́ки</i>
gos. <i>Золотые руки</i> ‘1. Мастер, искусный в своём деле. 2. у кого. Кто-либо может сделать всё, за что ни возьмётся. 3. Мастерство, умение безукоризненно делать что-либо’, <i>экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Золотые руки {у кого}</i> ‘О человеке, который справляется с любой работой, умело, искусно всё делает’ (СППиП) ср. польск. <i>złota rączka</i> ‘ктоś, kto potrafi samodzielnie wykonać wiele rzeczy’ (SFNow)	

⁴⁵ Русск. *ну а он здесь падает.*

5) Психические состояния, эмоции, чувства

{кого-л.} G(A)lav'a bal'it	{кого-л.} Г(А)ЛАВА́ БАЛИ́Т
‘о чём-л. беспокойстве’	
М-1977: to už'e mñe g(a)lav'a bal'it	М-1977: то ужé мне г(а)лава́ бали́т
русс. Голова болит {о чём у кого} ‘что-н. заботит, беспокоит’, <i>прост.</i> (РСС) пск. Голова не болит {у кого} ‘1. о ком, о чём. Нет никаких забот, волнений о ком, о чём. 2. Кому-л. абсолютно безразлично что-л.’ (СППиП) ср. брус. галава не балиць галоўка не балиць ‘не турбавацца за лёс, учынкi, справы каго’ (СБНФ) ср. польск. ból głowy ‘pot. zmartwienie’ (WSJP) Niech cię o to głowa nie boli! boli kogo głowa o co ‘ктоś się martwi, przeżyje, kłopotczy czym’ (SFJPSkor)	

ÑE PA N' OŠE (SGS)	НЕ ПА НО́СЕ
‘вопреки чему-либо желанию’	
Мазурия-I: t'olka gar'ast nerv'ovyj / kak t'ol'k'i tr'ošečk'i ñe pa n'oše / to zaraz kr'ič'yt / tak'oj nerv'ovyj	Мазурия-I: Толька гара́зд нерво́вый, как то́лько троше́чки ⁴⁶ не па носе, то zaraz ⁴⁷ кричы́т, такой нерво́вый
русс. не по носу {кому} ‘Совсем не соответствует возможностям, качествам кого-л.’, <i>прост. ирон.</i> (ФСРЛЯ) пск. не по носу {чьему, кому} ‘Не по нраву, не нравится кому-н.’ (ПОС)	

{кому-л.} (ÑE) PR'İŠL' O NA 'UM	{кому-л.} (НЕ) ПРИШЛО́ НА УМ
‘кто-л. не подумал о чём-л.’	
Ж-I: i šla ja dam'oj i l'agl'a spač / t'olka vž'ała p'olskuju b'ibliju 'o j'etu i dav'aj ja (...) i žeja'anija apost'olsk'ije čyt'ač / nu i našl'a rymarz / nu i d'umaju nu kak'aja ja / nu v'iziš / a ñe pr'islo na 'um što j'eta at k'ožy j'eta rymarz / nu k'ožy što ž'elajet tam šl'eji i j'eta fšo s k'ožy / a j'eta at k'ožy kažev'ik	Ж-I: И шла я дамо́й и лягла́ спать. То́лька взя́ла по́льскую Би́блию, о́ ету, и дава́й я (...) и Де́яния Апо́сто́льские чита́ть. Ну и нашла́ rymarz ⁴⁸ , ну и ду́маю, ну кака́я я... Ну ви́дишь... А не пришло́ на ум, што́ е́та ат ко́жы е́та rymarz. Ну, ко́жы, што́ е́тат там шлѐйи и е́та всё с ко́жы. А е́та ат ко́жы кажеви́к
русс. приходит на ум {что кому} ‘Возникать в сознании, начинать представляться; подуматься’ (УФС) пск. Идти (войти, найти / находить, попасть) на ум {кому} ‘Вспоминаться, припоминаться кому-л.’ (СППиП) ср. польск. coś przyszło do głowy komuś ‘ктоś nagle pomyślał o czymś, czego przedtem nie rozważał’ (WSJP)	

⁴⁶ Ср. польск. troszeczkę ‘немножко’.⁴⁷ Русск. сразу.⁴⁸ Русск. шорник.

SAJĆ'IC S UM'A	САЙТИЋ С УМА́
‘психически заболеть, терять контроль над собой’	
Ж-1932: ja kak pašl'a rab'otyč tud'y p''ervyj ž'eñ / m'eñ'a padr'uška vž'ala / an'a rab'otyła už'e b'olše / an'a m'ože rab'otyła kyła dvac:'ači l'et / ja t'ol'ka ž'ešač l'et / ja gavar'u / što ja ňa dam r'ady / ujd'u / bras'aju fšo / ja s um'a sajđ'u	Ж-1932: Я как пашла рабóтать туды пёрвый день, меня падру́жка взяла, ана рабóтыла ужé бóльше. Ана мóжа рабóтыла кыла двáццати лет, я тóлько дéсять лет. Я гаварíю, што я ня дам ráды, уйдú, брасáю всё, я с умá сайдú
русс. <i>Сойти с ума</i> ‘1. Становиться психически больным, ненормальным человеком. 2. {от чего} Терять контроль над собой, сильно нервничать, вести себя безрассудно. 3. Страстно мечтать, проявляя безрассудство’ (БФСРЯ) пск. <i>С ума сойти</i> ‘О высшей степени проявления признака’; <i>С ума сходить</i> 1. {по кому} ‘Сильно увлекаться кем-л., любить кого-л. 2. Расстраиваться, переживать по какому-л. поводу’ (СППиП)	

6) Действия человека

KŁAŚĆ PAŁAŻYĆ GAŁAV'U	КЛАСТЬ ПАЛАЖЫЋ ГАЛАВУ́
‘умереть, погибнуть’	
Ж-1926: on gavar''it mój sald'at ňe pajž'ot tam f'čuž'yje stran'y vajev'ač i gałav'u kłać tam	Ж-1926: Он гаварíт: мой салдáт не пайдёт там в чужы́е страны́ ваевáть и галавú класть там
русс. <i>Класть голову</i> <i>Положить голову</i> ‘Погибать, жертвовать собой’, <i>высок.</i> (ФСРЛЯ) <i>голову сложить (положить)</i> ‘погибнуть, обычно в бою’ (РСС) пск. <i>Голову (головку, головушку, главы) положить (повершить, потерять, сложить)</i> ‘Погибнуть, умереть’ (СППиП) ср. брус. <i>галаву (галоўку) палажыць (злажыць, налажыць)</i> ‘загінуць’ (СБНФ) ср. польск. <i>kłaść (położyć) głowę</i> ‘umrzeć, zginąć’ (SFJPSkor)	

ŁAM'AĆ JAZ'YK	ЛАМАЋ ЯЗЫ́К
‘искажать язык’	
М-1932: <i>nigdy</i> ňe n'ada sfoj jaz'yk łam'ać	М-1932: <i>nigdy</i> ⁴⁹ не náда свой язýк лама́ть
русс. <i>ломать язык</i> ‘коверкать, плохо говорить’ (СМих) <i>Язык ломаешь</i> ‘о чем-н. неудобно произносимом’, <i>разг. неодобр.</i> (РСС) пск. <i>наламыват язык</i> ‘коверкать, искажать слова’, <i>неодобр.</i> (СППиП) ср. <i>язык сломать</i> ‘Повторять одно и то же, не добившись никакого результата’ (ДСОС) ср. польск. <i>łamać sobie język</i> ‘z trudem wymawiać określone połączenia dźwięków w swoim lub obcym języku’ (SFNow)	

NAŁAŻ'YĆ RUK'U	НАЛАЖЫЋ РУКУ́
‘присваивать что-либо себе, брать незаконно’	
Ж-1926: ś'em'isat l'et jan'y čerp''el'i za j'eta što nałaž'yl'i ruk'u na pr'avuju v''eru	Ж-1926: Семисят лет яны терпéли за ёта, што налажýли руку́ на правую вэру

⁴⁹ Русск. *никогда*.

русск. <i>Накладывать руку</i> <i>Наложить руку</i> <i>Накладывать лапу</i> <i>Наложить лапу</i> ‘1. на что. Захватывать, присваивать что-либо. 2. на кого, на что. Полностью подчинить себе, своему влиянию’, <i>прост. презр. (ФСРЛЯ)</i> <i>Руку наложить {на кого-что}</i> ‘наложить отпечаток, оставить след’ (РСС) пск. <i>Руку наложить {на кого}</i> ‘Убить кого-л.’ (СППиП)
--

SABR'AC:A Z D'UXAM (SGS)	САБРА́ЦА С ДУ́ХАМ
‘собраться, принять решение’	
Августов-І: i tap' er' n'e m'og'im sabr'ac:a z d'uxam / už'o dva v'yzava b'yła	Августов-І: И тапёр не мógим сабра́ца с д́ухам, ужó два вы́зва б́ыла
русск. <i>собираться</i> <i>собраться с духом</i> ‘Преодолевать страх, робость, неуверенность и т. п. решаться на что-либо’, <i>разг. (УФС)</i> пск. <i>Собратся с духом</i> ‘Набраться смелости’ (СППиП)	

SK'AKAĆ KAK BLAX' A RA JAJC'AX	СКАКА́ТЬ КАК БЛАХА́ ПА ЯЙЦАХ
‘об энергичном, быстро передвигающемся человеке’	
Ж-ІІ: sk'aet kak blax'a ra j'ajсах	Ж-ІІ: Ска́чэт как блаха́ па яйцах
русск. <i>скакать как блоха по яйцам</i> <i>скакать как блоха на зеркале</i> <i>скачет как блоха {кто-н.}</i> ‘очень быстро’, <i>разг. неодобр. (РСС)</i> пск. <i>скакать как блоха</i> ‘О проворно и энергично прыгающем человеке’ (СППиП)	

ZLAŽ' YĆ R' UK' I	ЗЛАЖЫ́ТЬ РУ́КИ
‘прекратить действовать, стать пассивным’	
М-1977: a tak níkav'o što t'oka r'uk'i zlaž'yć i aj / níčav'o mñe v ž'yžni ñe vux'ožit	М-1977: А так никаво́ што то́ка ру́ки злажы́ть и ай, ничаво́ мне в жы́зні не выходіт
русск. <i>складывать руки</i> <i>сложить руки</i>. ‘Переставать действовать, предпринимать что-либо’, <i>разг. (ФСРЛЯ)</i> пск. <i>ручки сложить</i> ‘умереть’ (ДСОС) <i>складать руки</i> ‘Умирать’ (СППиП) ср. брус. <i>рукі злажыць</i> (СБНФ)	

● Интенсивность человеческой активности

V'EG' AĆ V'AG' OM	БЕГА́ТЬ БЕГО́М
‘бежать очень быстро’	
Ж-1940: fše d'umajut što n'ada sk'ora / š'yпка / b'ag'om b'eč ñev'ad'oma kud'y	Ж-1940: Все д́умают, што на́да ско́ра, шы́пка ⁵⁰ , бяго́м беч невядо́ма куды́
русск. <i>Бежать бегом</i> ‘бежать очень быстро’ (ФСРЯТих) пск. <i>бежом (бежом) бегать (бежать)</i> ‘Очень быстро бежать, идти’ (СППиП)	

⁵⁰ Ср. польск. *szybko* ‘быстро’.

G'OLASEM PL'AKAT' (SGS)	ГОЛАСЕМ ПЛАКАТЬ
‘громко плакать’	
Августов-І: i n'i xаč'u i n'i xаč'u i n'e b'udu rab'otat' / i pr''ama g'olasam pl'ačet / što n'e m'og'it	Августов-І: И ни хачу́ и ни хачу́ и не буду рабóтать, и прýма гóласем плáчэт, што не мóгит
русс. <i>Плакать голосом</i> ‘Громко плакать, рыдать, причитая’, <i>новг., сиб.</i> ; ‘В свадебном обряде: оплакивать невесту’, <i>новг.</i> (БСПП) пск. <i>Голосом (голосами) кричать (плакать и т.п.)</i> ‘Очень громко’ (ПОС)	

RASN'UČ KAK NA DRAŽŽ'AX	РАСНУ́ТЬ КАК НА ДРАЖДЖА́Х
‘быстро расти’	
Ж-1941: ž'eči raší' i kak na dražž'ax	Ж-1941: Дéти рáсли как на дражджа́х
русс. <i>Как на дрожжах</i> ‘Очень быстро (расти, подниматься и т.п.)’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Расти как на дрожжах</i> ‘О быстро растущем ребёнке’ (СППиП) ср. польск. <i>ktoś/ coś rośnie jak na drożdżach</i> ‘ktoś lub coś powiększa swoje rozmiary w bardzo szybkim tempie’ (WSJP)	

7) Контакты между людьми

ŽERŽ' AČ V RUK'I	ДЕРЖА́ТЬ В РУ́КИ
‘навязывать кому-либо свою волю, поддерживать дисциплину’	
Ж-І: p'apa (...) v r'uk'i d'obra žerž'ał	Ж-І: Папа (...) в ру́ки дóбра держáл
русс. <i>Держать в руках</i> ‘1. Не давать кому-либо воли; сдерживать, не предоставлять свободы в поступках, действиях, в проявлении чувств. 2. Быть, находиться во владении, распоряжении, в подчинении кого-либо’ (УФС) пск. <i>Держать в руках {кого}</i> ‘Воспитывать кого-л. в строгости, держать кого-л. в подчинении’ (СППиП)	

• Позитивные межчеловеческие отношения

IČ' IČ NA R'UKU	ИТИ́ТЬ НА РУ́КУ
‘облегчать что-либо кому-либо, помогать; идти навстречу’	
М-ІІ: nu to wójt dar'ogu žž'elał i parking f pl'anax ne b'yl / tam pr''i mal''eń:e / al'e ja pagavar''il tam s k'er'ovnikam / no pašl''i nam na ruk'u to žž'elał'i	М-ІІ: Ну то wójt ⁵¹ дарóгу сдéлал и parking ⁵² в плáнах не был, там при малéнне. Але я пагаварíл там с керóвникам ⁵³ , но, пашлí нам на ру́ку, то сдéлали
русс. <i>Идти на руку (на ручку)</i> ‘1. <i>Кар.</i> Хорошо ловиться (о рыбе). 2. <i>чюю. пск.</i> Повиноваться кому-л., поступать так, как хочет кто-л. 3. <i>пск.</i> То же, что идти в руку. 4. <i>дон., курск.</i> То же, что	

⁵¹ Польск. *wójt* ‘войт’.

⁵² Польск. *parking* ‘парковка’.

⁵³ Ср. польск. *kierownik* ‘руководитель, начальник’.

идти в руку.' (БСПП) || *На руку {кому что}* 'о том, что выгодно кому-н.', *разг.* | *На руку играть кому* 'действовать в чьей-н. интересах, к чьей-н. выгоде', *разг.* (РСС)
 пск. *Идти на руку (на ручку) {чью}* 'Повиноваться кому-л., поступать так, как хочет кто-л.' (СППиП)
 ср. брус. *пайсці на (чыю) руку* 'принять нечьи бок (у спрэчцы)' (СБНФ)
 ср. польск. *któs idzie na rękę komuś* 'ктоś поступает в такой способ, aby ułatwić coś komuś lub pomóc mu w czymś' (WSJP)

ŽYĆ {с кем-л.} ŠTO NI RAZL' EJ VAD' A	ЖИТЬ {с кем-л.} ШТО НИ РАЗЛ' ЕЙ ВАД' А
'о жизни в дружбе, близких отношениях'	
М-П: а ž'yl'i s sab'oj što ni razl' ej vad'a	М-П: А жили с сабой, што ни разл' ей вад' а
русс. <i>Не разлей вода {кто}</i> 'О неразлучных друзьях' <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Водой не разлить {кого}</i> 'О неразлучных, верных друзьях' (СППиП) ср. брус. <i>вадой не разліць</i> (СБНФ)	

● Негативные межчеловеческие отношения

KR'UT'I'T' GALAV'U (G'OLAVU) (SGS)	КРУТИТЬ ГАЛАВУ (ГОЛАВУ)
'беспокоить'	
Сувалки-I: <i>krut' it'e g'olavu l'ud'am</i>	Сувалки-I: Крутите голаву людам
русс. <i>крутить голову {кому}</i> <i>закрутить голову {кому}</i> '1. Увлекать, влюблять в себя кого-либо. 2. Лишать способности здраво мыслить, сбивать с толку', <i>прост. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>голову кружить {кому}</i> '1. Неодобр. Надоедать кому-л., утомлять кого-л. разговорами, расспросами, советами. 2. Беспокоиться, заботиться о ком-л.' (СППиП) ср. польск. <i>zawracać komuś głowę</i> 'zajmować kogoś jakąś sprawą' (SFNow)	

N'ERVY TR'AP'AC'	НЕРВЫ ТРЯПАТЬ
'раздражать кого-л.'	
Ж-1925: <i>n'ervy atr'ul'i / n'ervy str'ap'al'i</i>	Ж-1925: Нервы атрули ⁵⁴ , нервы стряпали
русс. <i>Трепать нервы {кому}</i> 'Предельно расстраивать, заставлять нервничать кого-либо', <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Трепать нервы {кому, чьи}</i> 'Раздражать, нервировать кого-л.' (СППиП)	

NI SF'AT, NI BRAT	НИ СВАТ, НИ БРАТ
'о человеке, который является чужим, у которого нет никакой связи, отношений с другим человеком'	
М-1939: <i>j'edut t'olka k sfaj'im / čav'o on padajz'it ka mne kak ja ni sfat ni brat jam'u</i>	М-1939: ёдут толька к свайим, чаво он падайдит ка мне как я ни сват, ни брат яму
русс. <i>Ни сват ни брат {кому}</i> 'Совершенно чужой человек, с которым нет ничего общего', <i>прост. ирон.</i> (ФСРЛЯ)	

⁵⁴ Ср. польск. *truć nerwy* 'раздражать или беспокоить кого-л.'.

пск. <i>ни сват ни брат</i> ‘Никто’ (ДСОС) <i>Ни свата ни брата {у кого}</i> ‘Об отсутствии родственников у кого-л.’ (СППиП) ср. польск. <i>ani/ni swat, ani/ni brat</i> ‘przest. osoba obca, niespokrewniona z osobą, o której mowa, pomimo pozornego wrażenia, że mają ze sobą coś wspólnego z jakiegoś powodu’ (WSJP)

(о женщине) V'OLAZ DL'IN:YJ (DALG'OJ), A R'OZUM KAR'OTKYJ	(о женщине) ВÓЛАС ДЛІННЬЙ (ДАЛГÓЙ), А РО́ЗУМ КАРО́ТКИЙ
‘шутливо о женщинах; убеждение, что длинные волосы сопровождаются отсутствием здравомыслия’	
Ж-1941: <i>ž'enščynam dał xasp'oć v'olasy dl'innyji / a r'ozum kar'otkyj</i> ; М-1977: <i>z b'abam to j'ešća tak / v'olas dałg'oj / 'al'i r'ozum kar'otkyj / a f xl'opax ñe / v'olas kar'otkyj / 'al'i r'ozum dałg'oj</i>	Ж-1941: Женщынам дал Хаспóдь вóласы длі́нныи, а рóзум карóткий М-1977: С бабам то ё́сть так: вóлас далгóй, а́ли рóзум карóткий. А в хлóпах не, вóлас карóткий, а́ли рóзум далгóй
русс. <i>Волос долог, да ум короток</i> ‘Об умственных способностях женщины’, <i>народн. ирон. или неообр.</i> (БСРП) пск. <i>Волосы долги, а умъ коротокъ</i> <i>Волосы долги, а ум короток</i> <i>Волос долгий, да ум короток</i> (СППиП) русс. диал. <i>ро́зум</i> – ‘разум, ум’ (СРНГ) ср. польск. <i>U kobiety włos długi, a rozum krótki</i> (Adalberg)	

8) Жизненная ситуация и материальное положение

HOŁ KAK SAK'OL (SGS)	ГОЛ КАК САКО́Л
‘совершенно бедный’	
Августов-І: <i>bab'yl' hoł kak sak'ol paj'ot / v'is'il'ic:a / a bahač'u durak'u i s kazn'oj n'e sp'ic:a</i>	Августов-І: Бабыль гол как сакóл паёт, висили́цца, а бахачу́ дуракú и с казнóй не спі́цца
русс. <i>гол как сокол</i> ‘Ничего не имеет, беден’ (ФСРЯТих) пск. <i>гол как сокол</i> ‘Об очень бедном, неимущем человеке’ шутл.-ирон. (СППиП) ср. брус. <i>гол як сакол</i> (ВсРБ)	

ЊЕ М'ЕТ' ZA DUŠ'OJ (SGS)	НЕ МЕТЬ ЗА ДУШÓЙ
‘совершенно бедный’	
Августов-І: <i>ja n'a m'eł n'i graš'a za duš'oj</i>	Августов-І: Я ня мел ни грашá за душóй
русс. <i>Ничего за душой (своего) нет {у кого}</i> ‘1. разг. экспрес. Беден, без достаточных средств кто-либо.’ (ФСРЛЯ) <i>ничего нет за душой {у кого}</i> ‘1) Нет денег, имущества. 2) О внутренней, духовной бедности, ничтожности.’ (СМВ) пск. <i>ничего за душой не иметь</i> ‘Быть бедным, несостоятельным, не иметь сбережения’ (СП-ПиП) ср. польск. <i>nie mieć (ani) grosza przy duszy</i> ‘nie mieć pieniędzy, być biednym’ (SFNow)	

<i>{кому-л.}</i> Т'OLKA PĆ' IČYVA MALAK' A	<i>{кому-л.}</i> ТОЛЬКА ПТІЧЫВА МАЛАКА́
‘о богатой, благополучной жизни’	
М-П: jam' u jjšč' o t' olka pć' ičyva malak' a	М-П: Ямў йишчó тóлька птiчыва малака́
русс. <i>Только птичьего молока нет</i> ‘О полном достатке, избытии’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) <i>Только птичьего молока нет (не хватает)</i> (БСРП), пск. <i>Только птичьего молока нет {кому}</i> ‘О разнообразии, обилии чего-л. у кого-л.’ (СППиП) ср. польск. <i>brakuje tylko ptasiego mleka komuś</i> ‘ktoś jest spełniony, żyje dostatnio i niczego mu nie brakuje’ (WSJP)	

ŽYČ KAG B' AR' YŃA	ЖЫТЬ КАК БА́РЫНЯ
‘жить в достатке и комфорте, в богатстве’	
Ж-1932: za ' ety ž' eńg' i ja by s m' użem ž' yła kak bar' yña М-П: žyč kak b' aryña	Ж-1932: За э́ты де́ньги я бы с му́жем жы́ла как ба́рыня М-П: Жы́ть как ба́рыня
русс. <i>жить как барыня (барыней)</i> ‘О женщине, живущей привольно, беззаботно, обеспеченно и ничего не делая’, <i>разг. арх. новг. одоб. или шутол.</i> (РБСС) пск. <i>жить как барыня</i> ‘Беззаботно, удобно’ (ДСОС)	

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

1) Ценности и жизненные истины

DURAK' OF ŃI Š' EJUT ŃI AR' UT (AŃ' I S' AMY RAST' UT)	ДУРАКÓВ НИ СЕ́ЮТ, НИ АРҮ́Т (А́НІ СÁМЫ РАСТҮ́Т)
‘пословица используется в ситуации, когда хочется прокомментировать чье-либо глупое, необдуманное поведение’	
М-П: durak' of Ńi š' ejut Ńi arut Ж-І: durak' of Ńi š' ejut Ńi arut / ań' i s' amy rast' ut	М-П: дурако́в ни се́ют, ни ару́т Ж-І: дурако́в ни се́ют, ни ару́т, а́ні са́мы расту́т
русс. <i>Дураков ни орут, ни сеют, а сами рождаются</i> (ПРН) <i>Дураков не паирут, не сеют, они сами рождаются</i> (ЭСКСиВ), пск. <i>Дураков не орут, не паирут, сами растут</i> <i>Дураков не сеют, не жнут, они сами рождаются</i> <i>Дураков не сеют, не сажают, они сами растут</i> (СППиП) ср. брус. <i>Дурных не сеюць, не паіруць самі раждаюцца</i> (ВсРБ) ср. польск. <i>Głupich nie sieją, sami się rodzą</i> ‘pejor. powiedzenie używane, aby skomentować czyjeś niemądre zachowanie i wyrazić bezradność wobec niego’ (WSJP)	

FSTR' EČ' AJUT PA AD' ' EŽDY A PRAVAŽ' AJUT PA ' UM' E	ВСТРЕЧА́ЮТ ПА АДЭ́ЖДЫ, ПРАВАЖА́ЮТ ПА У́МЕ
‘при первой встрече человека судят по его внешности и только при более близком знакомстве замечают его истинный характер и поведение’	
М-1933: Fstr' eč' ajut pa ad' ' eždy a pravaž' ajut pa ' um' e	М-1933: Встреча́ют па адэ́жды, а праважа́ют па ў́ме
русс. <i>По одежке встречают, по уму провожают</i> (ССин) <i>Встречают по одежке, а провожают по уму</i> пск. <i>По одежде встречают, а по уму проважают</i> (СППиП)	

JAZ'YK DA K'IJ'EVA DAV'EŽ'OT	ЯЗЫК ДА КИЕВА ДАВЕДЁТ
‘в случае незнания чего-то, стоит спросить у других и воспользоваться их знанием’	
Ж-1945: <i>ńe zn'aju dar'og'i / ńe zn'aju kud'y abrać'ic:a / a jeźeli pytasz to kaźdy tobie odpowie / pytaj / pytaj / i tak jaz'yk da K'ij'eva dav'ež'ot</i>	Ж-1945: не знаю даро́ги, не знаю куды а́брати́ться, <i>a jeźeli pytasz, to kaźdy tobie odpowie, pytaj, pytaj i tak</i> ⁵⁵ язык да Киева даведёт
русс. <i>Язык до Киева доведет</i> ‘всего доспросишься’ (Даль III) пск. <i>Язык до Киева доведет</i> (СППиП) ср. брус. <i>Язык Києва дапытае</i> (ВсРБ)	

LUB''IŠ KAT'AC:A, LUB''I I S'ANAČK'I VAŽIĆ	Люби́шь ката́цца, люби́ и са́ночки вази́ть
‘о необходимости брать на себя ответственность за свои поступки’	
Ж-1945: <i>lub''iš kat'ac:a, lub''i i s'anačk'i važić</i>	Ж-1945: Люби́шь ката́цца, люби́ и са́ночки вази́ть
русс. <i>Любишь кататься, люби и саночки возить</i> (СМих) пск. <i>Любишь кататься, люби и саночки возить</i> (СППиП)	

ŁUČŠ'E SKAŽ'Y PAD'UŠK'I ČEM PADR'UŠK'I	ЛУ́чше скажи́ паду́шки, чем падру́жки
‘предостережение от излишней доверчивости – лучше не доверять секреты даже друзьям, так как они могут не сохраниться’	
М-1932: <i>'eta balš'oj inčer'es skaz'ać vam fšo / łučš'e skaž'y pad'ušk'i čem padr'ušk'i / ńe / pr'avda 'eta</i>	М-1932: Эта большо́й интере́с сказа́ть вам всё. Лу́чше скажи́ паду́шки, чем падру́жки, не? Пра́вда эта?
русс. <i>Скажи лучше подушке, чем подружке</i> (БСРПМок) пск. <i>Скажи лучшие подушке, чем подружке</i> (БСРПМок)	

M'ALYJE Ž'ETK'I, M'ALYJE B''ETK'I (A BALŠ'YJE Ž'ETK'I BALŠ'YJE B''ETK'I)	МА́лые де́тки, ма́лые бе́дки (А БАЛЫ́ШЫЕ де́тки, БАЛЫ́ШЫЕ бе́дки)
‘пословица о трудностях воспитания детей, которые усиливаются по мере их взросления’	
Ж-1941: <i>bo ja gavar''u tak [imię] m''il'eńkaja / ty d'umajiš m'alyje ž'etk'i m'alyje b''etk'i</i> Ж-1941: <i>m'alyje ž'etk'i / m'alyje b''etk'i / a balš'yje ž'etk'i / balš'yje b''etk'i</i>	Ж-1941: бо я гаварю́ так [имя] ми́ленькая, ты думайи́шь: ма́лые де́тки, ма́лые бе́дки Ж-1941: ма́лые де́тки, ма́лые бе́дки, а ба́льшы́е де́тки, ба́льшы́е бе́дки
русс. <i>Маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут</i> (РАСПиП) пск. <i>Маленькие детки – маленькие бедки Большие детки – большие бедки</i> (СППиП) ср. польск. <i>Małe dzieci – mały kłopot, duże dzieci – duży kłopot</i> ‘im dzieci starsze, tym więcej z nimi problemów i kłopotów’ (WSJP)	

⁵⁵ Русск. *а если спросишь, каждый тебе ответит, спрашивай, спрашивай, и так...*

ŃE BAJ'IC:A VOLK (XLOP) SAB'AK'I, T'OL'K'I J'ETUJ ŽY'AG'I	НЕ БАЙИЦА ВОЛК (ХЛОП) САБА́КИ, ТО́ЛЬКИ ÉТЫЙ ЗВЬЯГИ
‘пословица, используемая в ситуациях, когда в условиях конфликта страх вызывает не сам человек, а перспектива столкнуться с его криком’	
Ж-1945: ńe baj'ic:a xł'op sab'ak'i t'ol'k'i jet' yj žv'ag'i (...) pr'iz'ot kak muž'yk p'j'anyj / to jon ńe baj'ic:a što ja j'eta jav'o nab'j'u či što / t'olka što ja b'udu rug'ac / tak s'ama i v'olk ńe baj'ic:a sab'ak'i	Ж-1945: Не байи́ца хлоп саба́ки, то́льки э́тый звья́ги (...) приде́т как мужы́к пья́ный, то ён не байи́ца, што я э́та явó набью́ чи што, то́лька што я бу́ду руга́ть. Так са́ма и волк не байи́ца саба́ки
русс. <i>Не боится волк собаки, а боится звяги</i> (ПРН) пск. <i>Не боится волк собаки, а боится звяги</i> (СППиП) ср. брус. <i>Не так воўк байіца сабакі, як не любіць звязі</i> (ВсРБ)	

ŃEDAS'OL NA STAL'E, A P'ER'ES'OL NA ŠP'IN'E	НЕДАСО́ЛЬ НА СТАЛЕ́, А ПЕРЕСО́ЛЬ НА СПИНЕ́
‘предостережение от пересола блюда: готовое блюдо можно дополнительно посолить, а пересоленное – не исправить’	
Ж-1: ńedas'ol na stal'e a p'er'es'ol na šp'in'e	Ж-1: Недасо́ль на сталé, а пересо́ль на спинé
русс. <i>Недосол на столе, а пересол на спине</i> (СМих) пск. <i>Недосол на столе, пересол на спине</i> (СППиП) ср. брус. <i>Недасол на місе, перасол на спіне</i> (ВсРБ)	

S M'IRU PA Ń'ITK'I G'OLAMU RUB'AŠKA	С МІ́РУ ПА НІ́ТКИ ГО́ЛАМУ РУБА́ШКА
‘небольшая помощь многих людей дает заметный результат’	
Ж-1945: s m'iru pa Ń'itk'i g'olamu rub'aška	Ж-1945: С мі́ру па ні́тки го́ламу руба́шка
русс. <i>С миру по нитке – голому рубаха</i> (ПРН) пск. <i>В миру по нитке – голому рубаха</i> (СППиП) ср. брус. <i>З міру па нітцы – голому сарочка</i> (ВсРБ)	

Š'ITUJ M''ILAMU ŃE BYĆ	СІ́ЛЫЙ МІ́ЛАМУ НЕ БЫ́ТЬ
‘невозможно заставить кого-л. полюбить другого человека’	
М-П: š'ituj m''ilamu ńe być	М-П: Сі́лыі мі́ламу не бы́ць
русс. <i>Насильно мил не будешь</i> <i>Насилу не быть милу</i> (ПРН) <i>Силою милому не быть</i> пск. <i>Силою милу не быть</i> <i>Силоу не будешь милоу</i> <i>Насильно мил не будешь</i> (СППиП)	

ŠTO PAŠ'EJŠ, TO I PAŽŃ'OŠ	ШТО ПАШЭ́ЙШЬ, ТО И ПАЖНЭ́ШЬ
‘о неизбежности столкновения с последствиями своих действий’	
Ж-1932: f p'olšcy tak nazyv'ajut to i my tak nazyv'ajim / tak'ix mn'oga słof kat'oryx my toš ńe nazyv'ajim pa r'usk'i / patam'u što ńa zn'ajim / bałšynstf'o tak <i>po polsku</i> /	Ж-1932: В Пóльшчы так называ́ют то и мы так называ́им. Та́ких мно́га сло́в, ка́тых мы то́ж называ́им па-ру́ски, патаму́ што ня зна́им, ба́льшы́нство́ так <i>po polsku</i> ⁵⁶ .

⁵⁶ Русск. *по-польски*.

nu fšo što paš'ejim to i pažn'om / kak to gavar'ic:a / i sab'er'om	Ну всё, што пасёйим, то и пажнём, как то гаваріцца, и саберём
русс. <i>Что посеешь, то и пожнешь</i> (ПРН) пск. <i>Что посеешь, то и пожнешь</i> (СППиП)	

‘UTRA MUDR’EŇ’EJE V’EČERA	ЎТРА МУДРЕНЕЕ ВЕЧЭРА
‘об обстоятельствах, меняющихся со временем; стоит подождать до утра, чтобы принять важное решение’	
Ж-1945: ‘Utra m'udr'eņeje v'ečera / to j'eta t'ože v'ečereṁ gavar'im / śiǵ'im / a 'utra m'og'et pakaz'ac in'ače fšo / in'ače pakaz'ac fšo / no / fšo slaž'yc:a in'ače	Ж-1945: Ўтра мудренее вэчэра, то ёта тожа вэчэрэм гаварим, сидім, а ўтра мо́гет паказа́ць іна́чэ всё, іна́чэ паказа́ць всё, но всё слажы́цца іна́чэ
русс. <i>Утро вечера мудренее</i> (ПРН) пск. <i>Утро вечера мудренее</i> (СППиП)	

V’EK ŽYV’I, V’EK UČ’YŚ	ВЕК ЖЫВІ, ВЕК УЧЫЎСЬ
‘вся жизнь человека – это постоянное обучение’	
М-П: v'ek žyv'i / v'ek uč'yś	М-П: Век живі, век учысь
русс. <i>Век живи, век учись [а умри дураком]</i> (ПРН) пск. <i>Век живи, век учись</i> (СППиП)	

V’EK ŽYĆ TO ŃE M’EX Ś: YĆ	ВЕК ЖЫТЬ, ТО НЕ МЕХ СШЫТЬ
‘трудно прожить жизнь’	
Ж-1940: zn'ajiće / v'ek ž:yc to ŋe m'ex ś:yc	Ж-1940: Знайте, век жыть, то не мех сшыть
русс. <i>Век изжить – не мех сшить</i> (ПРН) пск. <i>Век жить – не мех шить Жизнь прожить – не поле перейти</i> (СППиП) ср. брус. <i>Век жыць – не мех сшыць</i> (ВсРБ)	

2) Определение местоположения и расстояний

KUD'A GL'AZY PAŃ'ESUT	КУДА ГЛАЗЫ ПАНЭСУТ
‘куда захочется; в неопределённом направлении, неизвестно куда’	
М-1933: i paj'exal'i kud'y gl'azy pañ'esut / kud'y gl'azy pañ'esut / vot tak	М-1933: и паёхали куды́ глазы панэсу́т, куды́ глазы панэсу́т, вот так
русс. <i>Куда глаза глядят</i> ‘В неопределённом направлении, неизвестно куда, куда захочется’, разг. (УФС) пск. <i>Куда глаза (глазы) глядят (пונесут) {идти, ехать, бежать и т.п.}</i> ‘Без определённого направления, куда попало’ (СППиП) ср. польск. <i>gdzie oczy poniosą</i> ‘wszystko jedno dokąd, w odległe miejsce (...)’ (WSJP)	

3) Определение времени и частотности

KR'UGLYJ GOT KRUG'OM GOT	КРУГЛЫЙ ГОД КРУГОМ ГОД
‘весь год’	
Ж-1937: ś'er'ed'a i p' atnica / krug'om got n'ada sabl'ud'ać [post] Ж-1932: krug'om got nelź'a j' iśc r'ybu	Ж-1937: середá и пýтница, кругóм год náда саблюдáть [пост] Ж-1932: кругóм год нельзá ййсь рýбу
русс. <i>круглый год</i> ‘В течение всего года’, разг. (ФСРЛЯ) пск. <i>круглый год</i> <i>кругом год</i> (ПОС) ср. польск. <i>okrągły rok</i> ‘cały rok’	

ŚR'ED'I B' ELAVA DŃA	СЪРÉДИ БÉЛАВА ДНЯ
‘в течение дня’	
Ж-1932: v źeń / śr'ed'i b' elava dña	Ж-1932: в день, сýреди бéлава дня
русс. <i>Среди (среди) белого (бела) дня</i> ‘Днём, при ясном дневном свете’, разг. экспрес. (ФСР-ЛЯ) пск. <i>Белый день</i> ‘Дневное время’ (ДСОС) ср. польск. <i>w biały dzień</i> ‘jawnie, nie kryjąc się z tym, co się robi’ (WSJP)	

4) Определение меры и интенсивности

КАК RUK'OJ (RUK'AM) ATŃ'ALA	КАК РУКОЇ (РУКАМ) АТНЯЛА
‘полностью исчез’	
Ж-I: a ja jej gavar''u / da / nast'avnik / [imię] gavar''ila / kak staj'ala na tyj staran'y na kr'yłuše i jak nast'avnik čyt'ał ap'ostoła i gavar''ił s'erce / to jan'o tam patk''inuła / kak ruk'am atŃ'ala	Ж-I: А я ей гаваріо: да, наставник, [имя] гава- ріла, как стаяла на тый старань на крылусе, и як наставник чытал апостола и гаваріл сэрцэ, то яно там паткінула. Как рукам атняла
русс. <i>Как рукой снимает {что}</i> <i>Как рукой снимет {что}</i> (ФСРЛЯ) <i>Как рукой сняло {что}</i> ‘больше не болит, не беспокоит, совсем прошло’, разг. (РСС) пск. <i>Как руками отнимает (отняло)</i> <i>Как рукой сняло (снимет, снимает)</i> (СППиП) ср. польск. <i>jak ręką odjął</i> ‘ustąpić natychmiast, całkowicie, bez śladu’ (PSFJP)	

ŃI SL'YXU, ŃI D'YXU	НИ СЛЫ́ХУ, НИ ДЫ́ХУ
‘ничего не известно’	
М-1977: ańi sl'yxu ańi d'yxu pa tur'istam	М-1977: ани слы́ху, ани ды́ху па тури́стам
русс. <i>Ни слуху ни духу</i> ‘Никаких известий, никаких сведений; ничего не известно’, разг. неизм. (УФС) пск. <i>Ни слуху [слыху], ни духу [дыху] {о ком}</i> ‘Нет никаких известий от кого-л.’ (СППиП) ср. брус. <i>ні духу, ні слуху {ад каго, пра каго}</i> <i>ні хуху, ні духу</i> ‘ніякіх звестак пра каго, ад каго (не ма, не было)’ (СБНФ) ср. польск. диал. <i>nie było o kimś slychu dechu</i> ‘nie było o kimś żadnej wiadomości, nie było znaku życia’ <i>ani slychu, ani dychu (o kimś)</i> ‘brak wiadomości o kimś’ (SFGŚ)	

5) Определения, выражающие оценку ситуации и способ действия

FŠ'AKA R'OZNA FŠ'AK'IJE R'OZNYJE	ВСЯКА РОЗНА ВСЯКИЕ РОЗНЫЕ
‘разнообразно, разнообразный – о разнообразии вещей и явлений’	
М-1915: maš'ynu fš'ak'ije r'oznyje	М-1915: машыны всякие розные
русс. <i>Всякий-разный</i> ‘Разнообразный’ (СНРПТомск) пск. <i>Всякий разный</i> ‘Самый разный’ <i>Всяко разно</i> ‘Кто как, по-всякому’ <i>Всякое разное</i> ‘Всё что угодно; всё, что необходимо’ (ДСОС)	

XOŠ'ŃE XOŠ' XAĆ'EL'ŃE XAĆ'EL	ХОШЬ НЕ ХОШЬ ХАТЭЛ НЕ ХАТЭЛ
‘независимо от воли человека, независимо от его желания’	
Ж-I: xoš'Ńe xoš' / xfar''ejiš'Ńe xfar''ejiš' / n'ada ić'ić	Ж-I: хошь, не хошь, хварэйишь, не хварэйишь, на́да ит́ить
русс. <i>Хочешь не хочешь</i> ‘разг. Независимо от желания’, <i>хошь не хошь, прост.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Хошь не хошь</i> ‘Всё равно, в любом случае’ (ДСОС) ср. польск. <i>chcąc nie chcąc</i> ‘z konieczności’ (SFNNow)	

КАК РАР'АЊЕТ	КАК ПАПАЊЕТ
‘кое-как’	
Ж-1937: r'azna gavar''at kak kam'u rap'ala	Ж-1937: разна гаваря́т, как каму папа́ла
русс. <i>как попало</i> (ФСРГовСиб) пск. <i>Как попало</i> ‘В беспорядке’ (ДСОС) ср. польск. <i>jak poradnie</i>	

ŃI TUD'A, ŃI ŠUD'A ŃI Š'UDY, ŃI T'UDY	НИ ТУДА́, НИ СЮДА́ НИ СЮ́ДЫ, НИ ТУ́ДЫ
‘ни то, ни другое – о сложной ситуации и проблемах в принятии решения’	
Ж-1926: jon gavar''it / ja'Ńe xać'u Ńi tud'a Ńi šud'a m'eš'ac:a	Ж-1926: ён гавары́т: я не хачу́ ни тудá, ни сюда́ меша́цца
русс. <i>Ни туды и ни сюды</i> ‘ни взад ни вперед, увязнуть, завязнуть’ (ССин) пск. <i>[И] ни тудá (туды) [и] ни сюда (сюды)</i> ‘1. О ком-л. неподвижно лежащем, сидящем. 2. <i>Неодобр.</i> О чём-л. очень плохом, некачественном. 3. О трудном положении, состоянии неопределённости’ (СППиП)	

ЊИКАК''IM SUŽB'AM	НИКАКИ́М СУДЗЬБА́М
‘ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах’	
Ж-1932: Ńikak''im sužb'am Ńe m'ajut pr'ava mŃe ats'j'uda v'ygnać	Ж-1932: никаки́м судзьба́м не ма́ют пра́ва мне атсю́да вы́гнать
русс. <i>Никакими судьбами</i> ‘сиб. Ни в коем случае’ (БСПП) пск. <i>Никаким судьбам</i> ‘1. Совершенно невозможно, никак нельзя. 2. Совсем, абсолютно’ (ДСОС)	

P'ĪŠ' Y PRAP' ALA	ПИШЫ ПРАПАЛА
‘о ком-то или о чем-то пропавшем, потерянном’	
М-1977: to už' e níčav' o / p'īš' y prap' ala b' užet	М-1977: то ужé ничаво́, пишы́ прапа́ла бу́дет
русс. <i>Пиши пропало</i> ‘о невозвратной потерѣ, о несбыточномъ’ (СМих) пск. <i>Пиши пропала</i> ‘Чьи-л. дела очень плохи’ (СППиП)	

S K'EM PAP' AŃET	С КЕМ ПАПА́НЕТ
‘с кем-либо, безразлично с кем’	
Ж-1940: dl'a tav' o ž'eŋac:a s kat' ol'ikam / s k'em n'ačyt pap' ala	Ж-1940: для таво́ жéняцца с катóликам, с кем, (з)начыт, папа́ла
русс. <i>С кем попало</i> ‘Безразлично с кем’, <i>прост. пренебр.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Как попало</i> ‘В беспорядке’ (ДСОС) ср. польск. <i>z kim popadnie</i>	

SAM S ŚEB' A	САМ С СЕБЯ́
‘по собственной инициативе, без чьего-л. вмешательства’	
Ж-1926: sam s śeb' a / źǵ' ełəł sab' e instrum'enty sam / sam fšo	Ж-1926: сам съ себя́, сдéлал сабé инструмэ́нты сам, сам всё
русс. <i>сам с себя</i> пск. <i>сам с себя</i> ‘1. Про себя. 2. Самостоятельно’ (ДСОС) ср. польск. <i>sam z siebie</i>	

ŠTO T' OKA PAP' AŃET	ШТО ТÓКА ПАПА́НЕТ
‘что-либо, безразлично что’	
Ж-1940: što jam' u tam ěe pap' ala	Ж-1940: што яму́ там не папа́ла
русс. <i>что попало</i> ‘Что угодно, безразлично что; всё подряд’, <i>разг.</i> (ТСЭф) пск. <i>Как попало</i> ‘В беспорядке’ (ДСОС) ср. польск. <i>co popadnie</i>	

6) Фольклорные творения

A PRAVAL' IT' IS' VY SKROS' D' ONNUJU (SGS)	А ПРАВАЛІ́ТЬСЯ ВЫ СКРОЗЬ ДÓННЮЮ!
‘проклятие’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
пск. <i>Провались ты сквозь донную</i> (СРНГ) русс. <i>Провались ты в (сквозь) донную!</i> 1. <i>Латв. бран.</i> ‘Восклицание, выражающее гнев, негодование, недоброе пожелание кому-л.’ 2. <i>Волг.</i> ‘Требование удалиться, уйти откуда-л.’ (БСРП) <i>Чтоб вам сквозь землю провалиться!</i> ‘Имеется в виду проклятие в адрес собеседника или другого лица, явное негодование по поводу его поступка’ (БФСРЯ)	

SOL TAB''E V GL'AZY (PAVAR''EŠKU V ŁOP)!	СОЛЬ ТАБѢ В ГЛАЗЫ (ПАВАРЭШКУ В ЛОБ)!
‘заклинание для защиты от сглаза’	
Ж-П: sol tab''e v gl'azy / da / sol tab''e v gl'azy / pavar''ešku v łop / o / ja ciebie xv'al'e / 'al'e ty ñe zgł'až m'eñ'a / ja g'r''u / sol tab''e v gl'azy / pavar''ešku v łop	Ж-П: Соль табѢ в глазы, да, соль табѢ в глазы, паварэшку в лоб. О! Я тебѣ хвалѣ, але ты не сглазь меня. Я г(ава)ріо: Соль табѢ в глазы, паварэшку в лоб
русс. <i>Соль тебе в глаза! (от дурного глаза) Соль тебе в глаза, головушку в зубы Соль тебе в глаза, соль тебе на язык (Колосов, 2016) Соль в глаза, пепел на язык (Всем злодеям – соль в глаза и пепел на язык!, 2006)</i> русс. диал. <i>Соль тебе в очи (из заговора)</i> ‘Говорят, чтобы избавиться от действия дурного глаза, когда кто-л. смотрит на что-л. с завистью или сильно хвалит какую-л. вещь’ (СРНГ) ср. брус. <i>соль табе ў вочы! соль табе ў вочы, а галавешка ў зубы</i> [кажуць, каб адагнаць уроцы] (ВсРБ)	

ŠTOP TAB''E JAZ'YK K'OLAM STAL	ШТОБ ТАБѢ ЯЗЫК КОЛАМ СТАЛ
‘проклятие – чтобы соседник прекратил говорить’	
Ж-П: a štop tab''e jaz'yk k'olam stał	Ж-П: а штоб табѢ язык колам стал
русс. <i>Стоять колом</i> ‘О несгибающихся, затвердевших предметах’, <i>разг. экспрес.</i> (ФСРЛЯ) <i>Стоять колом в горле</i> ‘Предельно надоедать кому-либо, раздражать кого-либо’ <i>прост. неодобр.</i> (ФСРЛЯ) <i>язык колом стал (станет)</i> (Сологуб, 1986); ср. пск. <i>Колом те в горло (по горлу)</i> ‘по отношению к тому, кто громко кричит’ (СППиП) ср. польск. <i>język stanął kolkiem komuś</i> ‘пот. ktoś przestał móc mówić’ (WSJP)	

ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ

1) Верования и предостережения

B'EZ B'OXА ÑE DO PAR'OXА	БЕЗ БОХА НЕ ДО ПАРОГА
‘в каждый момент жизни и в каждом месте верующего сопровождает Бог’	
Ж-1941: 'al'i ješć'o i gavar''at / b'ez b'oya ñe do par'oga / <i>może wy mnie nie uwierzycie, ale tak / wychodzisz na podwórko</i> / n'ada p'er'exr''ešćic:a i n'ada ješć'o m'ixaj'ihu arx'ang'elu pamal''ic:a	Ж-1941: али ешчó и гаварят: без Боха не до парóга, <i>może wy mnie nie uwierzycie, ale tak, wychodzisz na podwórko</i> ⁵⁷ , на́да перехресьти́цца и на́да ешчó Михайлу Архангелу памали́цца
русс. <i>Без Бога ни до порога (ПРН) Съ Богомъ хоть за-море (прибавка: а безъ Бога, ни до порога)</i> (Даль III) пск. <i>Без Бога не до порога</i> (СППиП) ср. брус. <i>Без Бога не да парога, а з Богом уся дарога</i> (ВсРБ) ср. польск. <i>Bez Boga ani do proga</i> (Adalberg)	

⁵⁷ Русск. *может вы мне не поверите, но да, выходишь на двор...*

D'AST BOX ŽEŃ I D'AST BOX P''IŠČU	ДАСТ БОХ ДЕНЬ И ДАСТ БОХ ПІШЧУ
‘пословица, выражающая веру в то, что все наладится’	
Ж-1941: ‘al’i kak ‘eta gavar’’il’i / dał b’ačka s m’atkaj ruk’’i / nag’’i / gaław’u na karku / na š’eje / i rab’otyj bo r’uk’i tab’’e dał / gaław’oj d’umyj kak žyć / na fšo tab’’e b’użet na tar’’elacz’k’e patst’avl’ena / dast box žeŃ i dast box p’’išču / tak gavar’’il’i n’ašy ž’edy	Ж-1941: али как эта гаварили: дал б’а́тка с ма́ткой ру́ки, на́ги, гала́ву на karku ⁵⁸ , на шее, и рабо́тый, бо ру́ки табе́ дал. Галаво́й ду́мый как жы́ть. Ня всё табе́ бу́дет на тарелачке па́ста́влена. Да́ст Бо́х де́нь и да́ст Бо́х пи́шчу. Так гавари́ли на́шы де́ды
русс. Бог даст день, даст и пищу Дал Бог день, даст и пищу (ПРН) пск. Да́ст Бо́г де́нь, да́ст и пи́щу (СППиП) ср. брус. Дасць Бог дзень, дасць і пажытак (спажытак) (БсРБ)	

2) Элементы, сопровождающие ритуалы

Ž’YVAJA VAD’A	ЖЫВА́Я ВАДА́
‘вода из природного источника (реки, озера и т.п.)’	
Ж-I: i v padgr’’etaj vad’y xr’ešč’ic’ ná b’użet / bo j’eta vad’a j’ešč’a m’’ortfaja / n’ada v žyv’oj vad’y xr’ešč’ic’	Ж-I: И в падргэтай вады́ хрэсьці́ць ня бу́дет, бо ё́та вада́ ё́ства ме́ртвая. На́да в жы́вой вады́ хрэсьці́ць
русс. Живая вода ‘1. Фольк. Мифическая чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь мёртвому телу. 2. Экспрес. Всё, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес’ (ФСРЛЯ) живая вода ‘ключевая, проточная’ (Даль III) пск. Живая вода ‘Родник, ключ’ (СППиП)	

3) Моральная оценка поведения

{в кого} B’ES FŠEL’’ILŠA	{в кого} БЕС ВСЕЛІ́ЛСЯ
‘о человеке, который начал вести себя странно, стал возбужденным и громким’	
М-II: f’cib’’a b’es fšel’’ilša	М-II: в тибя бес всели́лся
русс. Бес вселился {в кого} (ФСРЛЯ) Бес вселился {в кого-н.} ‘о том, кто упрям, не желает считаться с кем-чем-н., а также о том, кто буен, несдержан’, разг. (РСС) пск. Бес вселился {в кого} ‘О человеке, начавшем вести себя буйно, шумно’ (СППиП)	

POP SFAJ’O, Č’ORT SFAJ’O	ПОП СВАЁ, ЧОРТ СВАЁ
‘каждый имеет свое мнение и свою точку зрения; каждый делает то, что считает нужным, не учитывая мнение других’	
Ж-1940: pop sfaj’o / č’ort sfaj’o / to tak się śmieją zawsze / mówią / pop sfaj’o / č’ort sfaj’o / ale czy to dobrze tak czy nie / tylko taka taka przypowiadka	Ж-1940: Поп сваё, чорт сваё, to tak się śmieją zawsze, mówią ⁵⁹ , поп сваё, чорт сваё, ale czy to dobrze tak czy nie, tylko taka taka przypowiadka ⁶⁰

⁵⁸ Польск. kark ‘шея, затылок’

⁵⁹ Русск. то так смеются всегда, говорят...

⁶⁰ Русск. но хорошо ли это, или нет, это только такая побасенка...

русск. <i>Поп свое, черт свое [а на молебен отдай]</i> (БСРПМок)
пск. <i>Поп своѡ, чѣрт своѡ</i> (СППиП)
ср. польск. <i>Czart swoje, pop swoje</i> (Adalberg)

PR'IL'UB'IC:A SAT'ANA L'UČŠE J'ASNAVA SAK'ALA	ПРИЛЮБИЦА САТАНА, ЛУЧШЕ ЯСНАВА САКАЛА
‘влюбить в зло, аморального человека’	
Ж-1945: pr'il'ub'ilaš sat'ana l'učše j'asnavasak'ala	Ж-1945: Прилюбилась сатана лучше яснава сакала
русск. <i>Понравится (Полюбится) сатана лучше ясного сокола (ПРН) Покажется сатана лучше ясного сокола (ПРН)</i>	
пск. <i>Полюбится сатана лучше ясного сокола</i> (СППиП)	

4) Экспрессивные единицы, выражающие отношение говорящего к человеку или ситуации

B'EŠI ZN'AJUT	БЕСИ ЗНАЮТ
‘выражение непонимания, отсутствия знаний на какую-то тему, негативного отношения к чему-л. или кому-л.’	
М-II: a b'eši jav'o zn'ajut kud'a jon paš'oł	М-II: а беси яво знают куда ён пашóл
русск. <i>Беси знают!</i> <i>Бес его</i> (её, тебя и т. д.) <i>знает</i> ‘то же, что чѣрт его (её, тебя и т. д.) знает’, <i>прост.</i> (РСС)	
пск. <i>Бес (беси, чѣрт) ведает (ведают, знает, знают)</i> ‘1. кого, что. О чём-л. неизвестном, непонятном. 2. Эмоц. восклиц. (досада, раздражение)’ (СППиП)	

Č'ORT PAB'AR'!	ЧОРТ ПАБЯРІ!
‘восклицание, выражающее гнев, уныние’	
М-1947: č'ort pab'ar'i 'eta fšo	М-1947: чорт пабярі́эта всё
русск. <i>Чѣрт побери (подери) {кого, что}!</i> ‘То же, что черт возьми!’, <i>прост. бран.</i> (БСРП) <i>чѣрт побери {кого}, чѣрт бы {кого} побрал</i> (ФСРГовСиб)	
пск. <i>Чѣрт бы побрал {кого}!</i> ‘Эмоц. восклиц. (негодование, недоброжелательство)’ (СППиП)	

Č'ORT ZN'AJET	ЧОРТ ЗНАЁТ
‘выражение непонимания, недостатка знаний по какому-л. вопросу, негативное отношение к чему-л. или кому-л.’	
М-1933: č'ort zn'ajet kud'a М-1977: č'ort zn'ajet kav'o	М-1933: чорт зна́йт куда М-1977: чорт знаёт кавó
русск. <i>Чѣрт знает {что}</i> ‘Нечто невообразимое, несуразное’, <i>прост. презр.</i> (ФСРЛЯ)	
пск. <i>Чѣрт знает</i> ‘1. кого, что. О чём-л. неизвестном, непонятном. 2. Эмоц. восклиц. (досада, раздражение), 3. О чём-л. скверном, очень плохом’ (СППиП)	
ср. польск. <i>czort wie</i> ‘używane dla podkreślenia, że według mówiącego jest niemożliwe, żeby ktokolwiek znał odpowiedź na pytanie (...)’ (WSJP)	

Iǰ'ik č'ortu!	Иди к чóрту!
‘восклицание, выражающее неодобрение, отрицательное отношение к кому-л.’	
Ж-1951: iǰ'itykč'ortu Ж-1932: pašl'i vykč'ortu	Ж-1951: иди к чóрту Ж-1932: пашли вы к чóрту
русс. <i>Иди к черту</i> (Ссин) <i>Иди к черту!</i> ‘Экспрес. Негрубое ругательство’ (ФСРГовСиб) пск. <i>К чёрту (иди, иди́те)</i> ‘Эмоц. вослиц. (гнев, негодование; требование уйти)’ (СППиП) ср. польск. <i>do czorta</i> ‘пот. tak, żeby nie mieć z daną osobą lub rzeczą więcej do czynienia’ (WSJP)	

Њ́ ČERT'а (РиКТ)	НИ ЧЭРТА́
‘совсем’	
?? ⁶¹ : 'etat kl'ej n'e kl'ejit / n'i četr'a n'e kl'ejit	??: этат клей не клéит, ни чэрта́ не клéиит
русс. <i>ни черта</i> ‘ничего’ (СМих) пск. <i>ни черта</i> (ПОС)	

ОJ X'ospaǰi!	Ой Хóспади!
‘экспрессивное выражение – удивление’	
Ж-1926: oj x'ospaǰi / št'oby xač'a vǰať xto 'etu ǰ'alku	Ж-1926: Ой Хóспади, штóбы хатя́ взял хто эту дьялку ⁶²
русс. <i>Гóсподи!</i> ‘Восклицание, выражающее чувство удивления, неожиданности, досады’, <i>разг.</i> (ТСУ) ср. пск. <i>Господи беру!</i> Эмоц. восклиц. (пренебрежение, досада) (СППиП)	

5) Другие

Р'it'ac:a šf'at'ym d'uxam	ПІТА́ЦЦА СВЯТЫ́М ДУ́ХАМ
‘ничего не есть’	
Ж-1936: a por na b'uzet šf'at'ym d'uxam p'it'ac:a	Ж-1936: а поп ня бўдет святы́м ду́хам пита́цца
русс. <i>Питаться святым духом</i> ‘Ничего не есть’, <i>разг. ирон.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>Святым духом питаться</i> ‘Ничего не есть, отказываться от еды’, <i>шутл.</i> (СППиП)	

5.1.4. Дифференциальная фразеология

Дифференциальная фразеология в говорах характеризуется тем, что она свойственна данному говору и неизвестна в общем языке (или известна, но в несколько иной форме). Эта часть фразеологического фонда бывает тесно связана с уникальной культурой сообщества, обычаями, традициями и реалиями жизни пользователей говора, их убеждениями, мировоззрением, стереотипами

⁶¹ Отсутствие данных об информанте в источнике, из которого взят фразеологизм.

⁶² Ср. польск. *działka* ‘участок, огород’.

и правилами, которым они следуют, а также с элементами окружающей действительности. А. Чесак перечисляет следующие признаки диалектных фразеологизмов: 1) они встречаются только в говорах; 2) включают специфические для говоров компоненты; 3) отражают сельские реалии жизни; 4) являются отражением народной картины мира, закодированной в языке (Czesak, 1998, с. 290). С другой стороны, М. Рак, описывая дифференциальную анималистическую фразеологию диалектов Свентокшиских гор (польск. *Góry Świętokrzyskie*) и Подтатже (польск. *Podtatrze*), выделяет в ней: 1) фразеологические заимствования; 2) фразеологизмы, фиксирующие географические реалии Свентокшиских гор и Подтатрже; 3) фразеологизмы, в которых отражены культурные реалии Свентокшиских гор и Подтатрже; 4) фразеологизмы, дифференциальный характер которых заключается в замене компонента (по отношению к фразеологизмам общего языка) (Рак, 2007b, сс. 174–177).

Среди признаков, отмеченных обоими исследователями, можно выделить три группы: 1) признаки, связанные с отношением диалектной фразеологии к конкретным реалиям и культурным элементам из окружения диалектной общности; 2) признаки, связанные с происхождением фразеологизма; 3) признаки, отражающие связь диалектной фразеологии с общим языком.

На основании вышеизложенных выводов в качестве дифференциальных единиц в говоре старообрядцев в данной монографии рассматриваются следующие фразеологизмы:

- (а) выражения, известные только в псковском говоре (и поэтому не зафиксированные в общенациональном фразеологическом ресурсе⁶³);
- (б) выражения, которые имеют эквиваленты в общем языке или псковском говоре, но отличаются по лексическому составу;
- (в) выражения, которые называют элементы старообрядческой культуры и окружающей их действительности, а также отражают сложившиеся реалии жизни и обычаи.

5.1.4.1. Дифференциальная фразеология с эквивалентами в словарях

В собранном фразеологическом фонде отмечено 30 дифференциальных фразеологизмов, имеющих эквиваленты в русском языке. Между ними и указанными эквивалентами отмечаются различия, касающиеся: 1) замены компонентов; 2) количества компонентов, входящих в состав сопоставляемых фразеологизмов.

Среди собранных единиц можно выделить следующие тематические группы:

⁶³ Полный список использованных в монографии словарей можно найти в библиографии.

ЧЕЛОВЕК

1) Черты характера

JAZ'YK KAK M'EČ A L'APY F SR'AK'I	ЯЗЫК КАК МЕЧ, А ЛАПЫ В СРАКИ
'о человеке, который много говорит, но ничего не делает'	
M-1965: jaz'yk kak m'eč a l'apy f sr'ak'i	M-1965: Язык как меч, а лапы в сраки
русс. <i>язык как меч</i>	

2) Действия и физическое состояние

L'APT'I ⁶⁴ ZADR'AT' (SGS)	ЛАПТИ ЗАДРАТЬ
'умереть'	
Сувалки-I: kak l'apt'i zad'er''ot to i fs'o ast'an'ic:a	Сувалки-I: как лапти задерёт, то и всё астаница
русс. <i>задрать ноги</i> 'Поддохнуть (о животных)', <i>грубо-прост.</i> (ФСРЛЯ) пск. <i>задрать ноги</i> 'Умереть' (ПОС, т. 11, с. 192) пск. <i>лапти</i> '1. Крестьянская обувь, плетенная из лыка, веревок' (16: 503); <i>задрать</i> 'Поднять кверху' (ПОС, т. 11, с. 191) ср. SGS: l'apt'i 'kapcie' – l'apt'i to tak'iji pap'ut'i	

NOS PAPUST''IT' (SGS)	НОС ПАПУСТИТЬ
'огорчаться, сдаваться'	
Сувалки-I: pr'ij'exal'i / tak nas'y papust''il'i / tak'oj gavar''at m'al'ic / to paš'oł jon gavar''it tud'y s'ud'y / štop jon i kała nas n'i bałt'alsa	Сувалки-I: Приехали, так насы папустили. Такой, гаварят, малиц, то пашол ён, гаварит, туды-сюды. Штоб ён и кала нас ни балтался
русс. <i>опускать</i> <i>опустить нос</i> 'Унывать, огорчаться' (БФСРЯ) ср. пск. <i>уши опустить</i> 'Приуныть, опечалиться' (СППиП) ср. польск. <i>spuścić [zwiesić] nos na kwintę</i> 'stracić humor, posmutnieć, zmartwić się' (PSFJP)	

⁶⁴ Слово l'apt'i (лапти) обозначает специальную обувь, которую носили более бедные члены общины. Э. Иванец отмечает, что эта обувь довольно быстро вышла из употребления и со временем стала вызывать у членов общины негативные ассоциации: «W dni powszednie noszono buty z krótką cholewką lub łapcie wyplatane techniką krzyżową z kory lipowej, wiązowej lub łożowej. Łapcie szybko jednak wyszły z użycia, nosili je tylko najbiedniejsi i tych nazywano nawet w swoim środowisku pogardliwie łapotnikami» (Iwaniec, 1977, с. 226).

(«В будни они носили обувь с коротким голенищем или лапти, сделанные в технике крестообразного плетения из коры липы, вяза или осины. Однако вскоре лапти вышли из употребления, их носили только самые бедные люди, которых даже в своей среде презрительно называли лапотниками»).

<i>{кому-н.}</i> ZAŃ'ALA D'UXA	<i>{кому-н.}</i> ЗАНЯЛА ДУ́ХА
‘перехватило дыхание’	
Ж-І: mŋe zaŋ'ala d'uxa	Ж-І: мне заняла ду́ха
пск. дух <i>занимает</i> ‘О затруднении, остановке дыхания (от волнения, быстрого движения и т.п.)’ (СППиП) ср. брус. дыхі займае (<i>zapiрае</i>) ‘Забівае дыханне’ (СБНФ)	

3) Определения людей

XL'OP RUB'AXA	ХЛОП РУБА́ХА
‘о простодушном и наивном человеке, который всегда готов помочь’	
М-1965: jon xl'op rub'axa	М-1965: ён хлоп руба́ха
В говоре старообрядцев: <i>xlop</i> – ‘mężczyzna’ (SGS) русс. диал. <i>хлоп</i> – ‘мужчина-крестьянин’ русс. <i>Человек рубаха</i> (СМих)	

4) Активность человека

<i>{кто-н.}</i> (хочет) NA J'OLKU VL''EŚĆ I SR'AK'I ŃE ABADR'AC	<i>{кто-н.}</i> (хочет) НА ЁЛКУ ВЛЕЗТЬ И СРА́КИ НЕ АБАДРАТЬ
‘об умных, хитрых действиях в стремлении к достижению поставленной цели’	
М-1965: x'očet na j'olku vl''eżć i sr'ak'i ŋe abadr'ac	М-1965: хочэт на ёлку влезть и сра́ки не абадра́ть
русс. <i>срака</i> – ‘зад, ягодицы’, <i>разг. бранн.</i> (СМВ) русс. <i>Хочет на ёлку влезть и жопу не ободра́ть</i> (БСРП)	

SAČ'YČ F P'OLU V''EČER	САЧЫ́ТЬ В ПО́ЛЮ ВЕ́ТЕР
‘о поисках кого-л. или чего-л., которые обречены на неудачу’	
М-1939: níkt'o 'etym ŋe int'er'es'ujec:a / t'oka kak zazv'ońut tagd'a pr'ij'edut sač'yč f p'olu v''ečer	М-1939: никто́ э́тым не интересу́ется, то́ка как зазвóнют, тагда́ прие́дут сачы́ть в по́лю ве́тер
русс. <i>ищи ветра в поле</i> ‘Не удастся найти, как ни старайся’ (БФСРЯ) пск. <i>ищи ветра в поле</i> ‘О ком-л. надолго ушедшем, пропавшем’ (СППиП) русс. диал. <i>сачить</i> ‘Искать’, Пск. (СРНГ) ср. польск. <i>szukaj wiatru w polu</i> ‘о kimś, o czymś nie dającym się odnaleźć’ (PSFJP)	

<i>{кто-н.}</i> ŚEŻ'IT KAK KVAKT'UXA NA J'AJCAX	<i>{кто-н.}</i> СЕДЗИ́Т КАК КВАКТУ́ХА НА ЯЙЦАХ
‘о празднo сидящем человеке’	
М-1965: śiż'iš kak kvakt'uxa na j'ajcax	М-1965: сиди́шь как квакту́ха на яйцах
русс. <i>Сидит как курица на яйцах</i> (ПРН) пск. <i>Сидеть как курица на яйцах</i> ‘О постоянно сидящем дома человеке, домоседе’, <i>шутл.-ирон.</i> (СППиП) <i>квоктуха</i> – пск. ‘курица, наседка’, брус. ‘курица, наседка’	

5) Контактны между людзьми (межличностные и семейные отношения)

B'AJŃA B'AJŃU M'OJIT A AB'OJI GR''AZNYI	Байня байню мѳет, а абѳи грязныи
‘обе стороны виноваты, но обвиняют друг друга’	
M-1965: b'ajŃa b'ajŃu m'ojet / a ab'oji gr''aznyji	M-1965: Байня байню мѳет, а абѳи грязныи
русс. <i>Торговая баня всех моет, а сама вся в грязи</i> (ПРН) <i>Торговая баня всѣх моетъ, а сама русъ въ грязи</i> <i>Баня всѣ грѣхи смоетъ</i> (Даль Ш)	

NI X'UKU NI ST'UKU PAVAL'OK KAK S'UKU	Ни хѳку, ни стѳку, павалѳк как сѳку
‘о жизни без брака’	
Ж-І: ja to fšo gavar''ila tak / a ja Ńe hač'u b'es sv'azby / bo Ńi x'uku ni st'uku paval'ok kak s'uku / tag b'yła / sf'azba m'ušela byč / tagda p'omŃiš na fšu ž'yžŃu	Ж-І: я то всѣ гаварила так: а я не хачѳ без свадѳбы, бо ни хѳку, ни стѳку, павалѳк как сѳку. Так была, свадѳба мѳсела быть, тагда помнишь на всю жызню
русс. <i>Ни стуку ни зуку</i> ‘О полной тишине’, <i>Дон.</i> (БСРП)	
русс. <i>Без стуку, без груку повезли, как суку</i>	

'UMNAJA ŽEN'A DOM PR'IM'AT'AJIT, A GL'UPAJA DOM RAZM'AT'AJIT (RGS)	Ўмная женѳ дом примятѳит, а глѳпая дом размятѳит
‘желательные качества жены – благоразумие и бережливость; от качеств характера жены зависит благополучие семьи и дома’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет</i> (ПРН) <i>Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками</i> (Притчи 14:1)	

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

1) Ценности и жизненные истины

ADN'Y GL'AZY I PL'AČUT I SK'AČUT	Аднѳ глазы и плѳчут и скѳчут
‘о дуализме человеческой природы’	
Ж-ІІ: adn'y gl'azy i pl'ačut i sk'ačut	Ж-ІІ: Аднѳ глазы и плѳчут и скѳчут
русс. <i>Одни глаза и плачут и смеются</i> (ПРН)	
ср. брус. <i>Адны й тыя вочы й плачуць і смяюцца</i> (ВсРБ)	

DAM'AŠNIJE D'UMK'I V DAR'OGU ŃE GAD''AC:A	Дамѳшние дѳмки в дарѳгу не гадѳща
‘в путешествии могут возникнуть непредвиденные, незапланированные ситуации’	
Ж-1945: no z'aftra paj'ežem tam no kud'a Ńib'uc v dar'ogu / nu i spravl'ajimša / i tak nu / a 'utram fst'aŃeš uže in'ače / to dam'ašŃije d'umk'i v dar'ogu Ńe gad''ac:a / što m'og'et byč fšo p'er'em'eŃ'ic:a i byč in'ače	Ж-1945: Но зѳвтра паѳдем там но куда-ни-бѳдѳ в дарѳгу, ну и справлѳайимшѳ, и так ну, а ўтрам встанѳеш, ужѳ инѳчѳ. То дамѳшние дѳмки в дарѳгу не гадѳща, што мѳгѳет быть всѣ переменѳща и быть инѳчѳ

русс. диал. *думка* – ‘мысль’, *arch.* (ИЛСТ)
 русск. *Домашние мысли в дорогу не годятся* (ПРН) || *Домашняя дума в дорогу не годится* (ПРН)

DUR'AK L'UB'IT RAB'OTU, A RAB'OTA L'UB'IT DURAK'A	ДУРА́К ЛЮБИ́Т РАБО́ТУ, А РАБО́ТА ЛЮБИ́Т ДУРАКА́
‘о выполнении бессмысленной деятельности’	
М-П: dur'ak l'ub'it rab'otu / a rab'ota l'ub'it durak'a	М-П: Дура́к лю́бит рабо́ту, а рабо́та лю́бит дурака́
русс. <i>Работа дураков любит</i> (ССин) пск. <i>Работа дураков любит</i> (СППиП) ср. брус. <i>Дурня работа любіць</i> (ВсРБ)	

S'ORAK L'ET 'UMA NET, JAV'O I NA V'UZET	СО́РАК ЛЕТ, У́МА НЕТ – ЯВÓ И НЕ БУ́ДЕТ
‘пословица, выражающая мнение о том, что если кто-то не стал зрелым к 40 годам, то этого уже не произойдет’	
Ж-1945: s'orak l'et / 'uma net / jav'o i ne b'uzet	Ж-1945: Со́рак лет, у́ма нет – яво́ и не бу́дет
русс. <i>В двадцать лет ума нет – и не будет. В тридцать лет жены нет – и не будет. В сорок лет денег нет – и не будет</i> (СразгВыр)	

S'UTYJ GAL'ODNAMU NE SPAGAD'AJIT	СЫ́ТЫЙ ГАЛО́ДНАМУ НЕ СПАГАДА́ЙИТ
‘человек, не переживший определенную ситуацию, не поймет того, кто в ней находится’	
Ж-1945: S'utyj gal'odnamu ne spagad'ajit	Ж-1945: Сы́тый гало́дному не спагада́йит
русс. <i>Сытый голодного не разумеет</i> (ПРН) русск. диал. <i>Сытый голодного не спогадает</i> (СРНГ) диал. <i>спогадывать</i> – ‘Проявлять сочувствие, снисхождение к кому-л.’ (СРНГ) ср. польск. <i>Syty głodnego nie zrozumie</i> ‘ten, kto sam nie znalazł się w takiej samej trudnej sytuacji jak inny człowiek, nigdy go nie zrozumie’ (WSJP)	

2) Поговорки, представляющие элементы фольклора

F KALX'OZ'E D'OBRA ŽYT'AD''IN RAB'OTAJET, S'EM L'AŽ'YT, A KAK S'ONCE PR'IP'AC'OT, TO I AST'ATŃI UTEČ'OT (RGS)	В КАЛХÓЗЕ ДО́БРА ЖИТЬ, А́ДИН РАБО́ТАЕТ, СЕМ ЛЕЖЫ́Т, А КАК СО́НЦЕ ПРИПЯ́ЧОТ, ТО И АСТА́ТНИ УТЕЧО́Т
‘фрагмент частушки’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>В колхозе хорошо жить: один работает семь лежит. А как солнце припечет, так и седьмой утечет.</i>	

PAK' A ŽEŇ' IC: A, TO ZAG' OJIC: A	ПАКА ЖЕНИТЬСЯ, ТО ЗАГОЙИЦА
‘поговорка о заживлении ран – утешение ушибшемуся’	
Ж-1945: pak' a žeŇ' ic: a / to zag' ojic: a	Ж-1945: Пака́ жени́ться, то заго́йица ⁶⁵
русс. диал. <i>Пока женишься, всё загоится; Смоленск</i> (СРНГ) ср. русск. <i>до свадьбы заживет</i> (шут.) ‘утешение ушибшемуся’ (СМих), ср. польск. <i>Do wesela się zagoi</i> ‘зарт. używane w celu pocieszenia osoby, która zrobiła sobie zwykle niewielką krzywdę, np. uderzyła się, skaleczyła czy lekko poparzyła’ (WSJP)	

P' EJ V' OTKU ŇE VAD' U, L' ' UB' I D' ' EFKU MALAD' U (RGS)	ПЕЙ ВОДКУ, НЕ ВАДУ́, ЛЮБИ ДЭВКУ МАЛАДУ́
‘побуждение наслаждаться жизнью пока есть на это время’	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Пей вино, да не бразу; люби девку, а не бабу.</i>	

VAD' A TA ŇE S' ALA, V' YSAXŇIT I ATST' ALA (RGS)	ВАДА́ ТА НЕ СА́ЛА, ВЫСАХНИТ И АТСТА́ЛА
‘поговорка о воде’ ⁶⁶	
(фрагмент высказывания в источнике отсутствует)	
русс. <i>Грязь не сало: высохла – отстала (потер, она и отстала).</i> (ПРН) <i>Грязь не сало: помой (помыль), так и отстало.</i>	

3) Определение меры и интенсивности

V' IT' KALAT' IT'	БИТЬ КАЛАТИ́ТЬ
‘сильно избивать’	
Ж-I: był d' j' awał i on paśl' ał tr' ox čert' ' ej l' ud' ' ej smušč' ' at' / paśl' ał dwa' j' ox bal' s' yx a adnav' o garb' atava / xram' ova / i gavar' ' it / ty b' ' ednyj id' ' i smušč' aj / xad' ' ił garb' atyj čort tr' i g' oda i ni adnav' o č' elav' ' eka Ňe zlav' ' ił / pr' iś' oł naz' at / nu što ty tut b' ud' iś d' ' elat' / st' aršyj d' j' awał skaz' ał str' aży i jav' o za ' eta b' ' ił i kałat' ' ił i	Ж-I: Был дьявол и он паслал трёх чертёй людей смущать. Паслал двух бальших, а аднавó гарбатава, храмова, и гаварит: ты, бедный, иди смущай. Хадил гарбатый чорт три го́да и ни аднавó чела́вска не злавил. Пришо́л наза́д. Ну што ты тут бу́дишь де́лать? Ста́рший дья́вол сказа́л стра́жи и яво́ за э́та би́ли кала́тили
пск. <i>Бить-колотить</i> ‘Сильно избивать’ (ДСОС)	

⁶⁵ Русск. диал. *загои́ться* | *загои́ться* ‘зажить, залечиться (о ране)’ (СРНГ).

⁶⁶ В данном случае мы имеем дело с фразеологической ошибкой, возникшей в результате модификации исходного фразеологизма (замены компонентов). В оригинале поговорка зафиксирована лексема *грязь*, которая (в отличие от сала) при высыхании или натирании – отпадает сама собой. В варианте, отмеченном в старообрядческом говоре, компонент *грязь* заменен компонентом *вада*, и таким образом данная единица лишена смысла.

Ǵ'ELAC NA GL'AZ	ДЕЛАТЬ НА ГЛАЗ
‘неточно, без точных измерений’	
Ж-1941: ja na gl'az / na oko tam sypie	Ж-1941: я на глаз, на око там сыпё ⁶⁷
пск. На глаз на глазок ‘1. Приблизительно примерно. 2. Совсем ненадолго, на короткое время’ (СППиП) ср. польск. na oko ‘przybliżeniu, na pozór’ (FSNow)	

KAV'O T'OLK'I NA S'F'ET'I (SGS)	КАВÓ ТÓЛКИ НА СВÉТИ
‘все, что захочется’	
Мазурия-I: kak paj'exala i pagl'ad''ela v 'etat skl'ep / t'oby r'uk'i załam'ala kav'o t'olk'i na sv''et'i xoš / fs'av'o	Мазурия-I: как паёхала и паглядэла в ётат склеп ⁶⁸ , тобы рўки заламала ⁶⁹ , кавó тóлки на свéти хошь, всявó
русс. чего только на свете не бывает	

KAV'O D'UŠA ŽEL'AJET ŠTO DUŠ'ATR'EVOVAJIT	КАВÓ ДУША ЖЭЛАЁТ ШТО ДУША ТРЭБОВАЙТ
‘все, чего захочется’	
Ж-1941: kad'ata gavar''il'i što n'a / b'užet fšev'o w sklepatch t'olk'i ž'eńek ne b'užet / i tak j'eśca / k'avo d'uša žel'ajet	Ж-1941: кадá-та гаварили, што нá, бۇдет всевó w sklepatch ⁷⁰ , тóльки дёнег не бۇдет, и так ёстя – кавó дۇша жэлаёт
русс. чего (что) душа желает чего (что) душа пожелает (ФСРЛЯ) ср. польск. czego dusza zapagnie ‘taka obfitość i różnorodność, że może to zaspokoić wszelkie potrzeby lub pragnienia’ (WSJP)	

NAGAVAR'IT' M'EX I T'ORBU	НАГАВАРІТЬ МЕХ И ТÓРБУ
‘наговорить очень много’	
Ж-1941: nagavar''ila m'ex i t'orbu c'etuju	Ж-1941: нагавари́ла мех и тóрбу цéлую
пск. Мешок да торбу наболтать ‘Наговорить очень много; рассказать много небылиц’, иштл. (БСРП) Мех [мешок] и торбу [торбочку] [и маленький мешочек] наговорить [написать, наболтать и т.п.] ‘Наговорить написать и т.п. очень много; рассказать много небылиц’, иштл. (СППиП) ср. брус. нагаварыць і мех і кайстру (торбу) (СБНФ) мех с торбачкай ‘удосыць, шмат’ (ВсРБ)	

⁶⁷ Русск. на глаз там сыплю.

⁶⁸ Ср. польск. sklep ‘магазин’.

⁶⁹ Ср. польск. załamać ręce ‘сильно забеспокоиться, сдаться’.

⁷⁰ Русск. в магазинах.

ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ

1) Вєрования

BOX L'ES NÉ SRAVN'AL, A LUŽ'EJ PAD'AVŇE	БОХ ЛЕС НЕ СРАВНЬЛ, А ЛЮДѢЙ ПАДАВНЕ
‘все люди созданы равными’	
Ж-1941: box l'es né sravn'al / a luž'ej pad'avŇe / ješć r'oznyje ž'er'eva / gavar'it / i m'alyje i garb'atyje / tak s'ama i l'uži / fš'akij nar'ot j'ešća r'oznyj / tak s'ama i v l'es'u / tak box skaz'al	Ж-1941: Бох лес не сравня́л, а люде́й пада́вне. Есть разны́е де́рева, гавари́т, и ма́лые, и га́рбаты ⁷¹ . Так са́ма и лю́ди, вся́кий наро́д е́сть ро́зный. Так са́ма и в лесу́, так Бох сказа́л
русс. В лесу бог лесу не уравни́л, в народе – люде́й (ЭНМ) пск. Бог и леса не сровня́л, не то́лько люде́й (СППиП) подавно – нареч. ‘Тем более, разумеется’ И подавно ‘то же, что подавно’ (ТСО)	

(Бог дал алкоголь/ вино) 'UMNAMU NA V'ES'EL'JE, A DURAK'U NA PAG'IB'EL'	(Бог дал алкоголь/ вино) УМНАМУ НА ВЕСЕЛЬЕ, А ДУРАКУ НА ПАГИБЕЛЬ
‘о необходимости быть умеренным при употреблении алкоголя’	
Ж-1941: gasp'óc dał v'otku / r'oznyje alkox'ol'i dał no n'advoje / 'umnamu na v'ešel'e a durak' u na pag'ib'el'	Ж-1941: Гаспо́дь дал во́дку, ро́зные а́лкохо́ли ⁷² дал, но, на́двое: у́мnamу на весе́ле, а ду́раку на паги́бель
русс. Умно́му (водка) на весе́лье, а ду́раку – на по́губу ду́ше (SRNG) по́губа – гибель, погигель	

2) Моральная оценка поведения

ADNAV' O B'ESA NÉ ZD'UMAJIT (NÉ VYD'UMAJIT)	АДНАВО́ БЕ́СА НЕ СДУ́МАЙИТ (НЕ ВЫДУ́МАЙИТ)
‘чего только не придумает; готов сделать всё’	
Ж-II: j'on to adnav'o b'esa né zd'umajit	Ж-II: ён то аднавó бе́са не сду́майит
ср. русск. чего́ то́лько не вы́думает не при́думает	

NA B'ESA (Č'ORTA) PAŠL'O (PikT)	НА БЕ́СА (ЧО́РТА) ПАШЛÓ
‘ничего хорошего из этого не получилось’	
?? ⁷³ : i jej pašl'o na č'orta i mn'e / fs'o na b'esa pašl'o	??: и ей па́шлo на чо́рта и мне, всё на бе́са па́шлo
пск. На бе́са ‘Зачем, для чего’ (ДСОС) ср. брус. на чо́рта ‘навошта, для чаго, дзеля чаго’ (СБНФ)	

⁷¹ Ср. польск. *garbaty* ‘сутулый’.⁷² Ср. польск. *alkohol* ‘алкоголь’.⁷³ Отсутствие данных об информанте в источнике, из которого заимствован фразеологизм.

NA B''ESA ŽŽ'ELAC	НА БЕСА СДЕЛАТЬ
'делать что-то назло'	
М-1947: kak na b''esa ŋe žž'elajet / to žyc ŋe mok	М-1947: как на беса не делает, то жить не мог
пск. <i>На беса</i> 'Зачем, для чего' (ДСОС)	

5.1.4.2. Дифференциальная фразеология без эквивалентов в словарях

Дифференциальная фразеология, как уже отмечалось, является наиболее интересной частью собранного материала в силу своего глубокого укоренения в культуре изучаемой группы. Особый интерес представляют те фразеологические единицы, которые непосредственно обозначают людей, места, предметы и т.д., связанные с сообществом. Такие фразеологизмы обладают национально-культурной спецификой, а также символизмом и метафоричностью, в силу чего их понимание вне сообщества, где возник фразеологический оборот, весьма затруднено, а иногда даже и невозможно.

Одним из таких примеров является приведенная ниже поговорка, относящаяся к реалиям жизни старообрядцев одной местности:

ŁUČŠE NA MAG''ILK'I ĆEM NA VAŽ'ILK'I [ЛУЧШЕ НА МАГИЛКИ, ЧЕМ НА ВАДЗИЛКИ]
 'Лучше умереть, чем выйти замуж за мужчину из Водзилки – так девушки из д. Габовы-Гронды говорили о тяжелых условиях жизни и работы в этой деревне'

Ж-1945: v naz b'yła už'e davn'o elektr''ičestfa / my in'ače ažev'al'is (...) 'al'i m''el'i r'overy / xl'opcy kak tagd'a na t'oja vr''em'ja m''el'i p'ośl'e mat'ory a jan'y ŋe / jan'y ŋ'e / jan'y t'olka ċem garž'iliš što m''el'i žeml'u mn'oga (...) nu to jan'y gavar''il'i nu što / n'ašy ž'efk'i kak tam sf'atal'is m'alcy s važ'ilkyf n'ašym žefč'atam to gavar''il'i / t'uče na mag''ilki kak t'uda na Važ'ilk'i / a tam t'olka g'ory i 'očeŋ mn'oga rab'oty //	Ж-1945: В нас была уже давно элэктричэства, мы инáčэ адевáлись (...) áли мéли рóверы, хлóпцы как тагдá на тóя врéмя мéли пóсле матóры, а янý не, янý не, янý тóлько чéм гардýлись што мéли зямлý мнóга (...) ну то янý гаварýли ну што, нáшы дéвки как так свáтáлись мáльцы с Вадзилкыв нáшым девчáтам, то гаварýли: лúчше на магýлки как тудá на Вадзилки, а там тóлько гóры и бчeнь мнóга рáботы
--	--

Данная единица наглядно демонстрирует различия в образе жизни жителей разных мест компактного поселения старообрядческой общины в Польше. Как вспоминает информантка в цитированном выше фрагменте высказывания, старообрядцы, проживавшие в деревне Водзилки, дольше, чем жители д. Габовы-Гронды и ее окрестностей, жили без удобств и техники, а их основным занятием был сельскохозяйственный труд, который из-за холмистого ландшафта и обширных местных хозяйств был крайне тяжелым.

Перспективой для женщины, желающей выйти замуж за мужчину из Водзилка, был постоянный тяжелый физический труд, в силу чего нежелание брать на себя такую нагрузку привело к тому, что условия жизни и работы в Водзилках стали сравнивать с худшими, чем смерть.

Другой интересный пример, относящийся уже к сфере религии, представляет собой фразеологизм:

М'ОРТВАЈА ВАД'А [МЁРТВАЯ ВАДА́]

‘вода, происходящая не из природного источника (например, водопроводная), или которая после добычи из природного источника была подвергнута термической обработке’

Ж-1939: i f padgr' 'etaj vad' y xr' ešć' ić ná b' užet / bo j' eta vad' a j' ešća m' 'ortfaja / n' ada v žyv' oj vad' y xr' ešć' ić	Ж-1939: И в падгрѣтай вады хрестить ня бўдет, бо ѣта вада ѣста мёртвая, на́да в живой вады хрестить
---	---

Фразеологизм, вероятно, возник как противопоставление по контрасту единице *žyv' aja vad' a* [жива́я вада́], обозначающей воду из природного источника – реки, озера и т.п., которая, не подвергаясь термической обработке, используется при крещении (крещаемый погружается в нее три раза). В русских фразеологических словарях можно найти выражение *мёртвая вода*, однако в совсем другом значении – ‘фольк. Мифическая чудодейственная вода, сращивающая разрезанное на куски тело’ (ФСРЛЯ). От описываемого словосочетания образован также фразеологический дериват:

М'ЕРЌФ' 'ІЌ ВАД' У [МЕРТЬВІТЬ ВАДУ́]

‘термическая обработка воды из природного источника’

Ж-1951: što vy žel' ajeće / čav' o vy m' erćf' 'iće vad' u / bo kak vl' iv' ajeca: a č' oplaj vad' y to ' eta gavar' 'at m' erćf' 'ić: a vad' u	Ж-1951: Што вы дела́ете, чава́ вы мертьвите ваду́, бо как влива́ется те́плай вады́, то ѣта, гаваря́т, мертьви́ться ваду́
---	--

Кроме того, к сфере религии относится тавтологическая единица, касающаяся соблюдения постов:

Р' ОЌЊІЌАЌ РАСТ' У [ПОЌСЬНИЧАТЬ ПОСТЫ́]

‘поститься, правильно отмечать пост’

Ж-1940: j' ešl' i kt' ota post / zn' ačyt / ěe p' ošñičajet to v nas p' 'išet v b' 'ibl' i što is' usa xr' ist' a flar' oj ras rasp' in' ajut	Ж-1940: Ёсли кто́-та пост, зна́чыт, не посьничае́т, то в нас пи́шет в Би́блии, што Иису́са Христа́ втра́ой раз распина́ют
---	---

Дифференциальные фразеологизмы в силу своей тесной связи с реалиями, в которых живет сообщество, также содержат элементы материальной культуры. Иллюстрацией этому может служить пример:

FŚO AST'AV'IL DL'A RADN'YX, T'OLK'I S'AVAN VŹAŁ AD N'IX
[ВСЁ АСТАВИЛ ДЛЯ РАДНЫХ, ТОЛЬКИ САВАН ВЗЯЛ АТ НИХ]

‘поговорка, касающаяся временности материального имущества,
 накопленного в течение жизни’

Ж-1941: 'al'e v'iziš kak to j'eśca / śm''eré pr'iz'ot fśo astavl''ajš / kak 'eta / fśo ast'av'il dl'i radn'yx t'ol'ki s'avan vŹ' ał at n'ix / s'avan / v nas tak'oj s'avan šj'oc:a	Ж-1941: А́ле ви́дишь как то ё́стя, сме́рть приде́т, всё аста́вля́ишь. Как э́та: всё аста́вил для ра́дных, то́лько са́ван взял а́т них. Са́ван, в нас та́кой са́ван шы́цца
---	--

Саван, о котором идет речь, – это своеобразная ткань, на которую кладут покойника в гробу, а затем частично накрывают ею. Э. Иванец определяет его следующим образом:

(...) specjalnie sporządzony strój, zw. sawan (całun), który robiono z dwóch zeszytych ze sobą białych kawałków materiału, na podobieństwo rozprutego z jednej strony długiego worka. „Sawan” przypominał kapotę. Jeżeli miał być przeznaczony dla młodej dziewczyny, to matka zmarłej rozpoczynała jego szycie, robiąc chociaż trzy pierwsze ściegi. Nieboszczyka ułożonego w trumnie na „sawanie” owijano bocznymi jego częściami, a przed zamknięciem trumny nakrywano jeszcze dodatkowo kawałkiem białego materiału (Iwaniec, 1977, c. 232).

(«(...) специально изготовленное одеяние, называемое саваном, которое делалось из двух кусков белой ткани, сшитых вместе наподобие длинного мешка, распоротым с одного конца. «Саван» напоминал балахон. Если он предназначался для молодой девушки, то мать покойной начинала его шить, делая, по крайней мере, первые три стежка. Покойника, уложенного в гроб на «саване», заворачивали с боков и перед закрытием гроба дополнительно накрывали куском белой ткани»).

Другим примером, в котором сохранился элемент материальной культуры старообрядцев, является фразеологизм:

КАК'ORA, XL'EBA PATP'ORA [КАКО́РА, ХЛЕ́БА ПАТПО́РА]

‘какора, вид теста, изготовленный чаще всего на сковородке,
 который считался заменителем хлеба’

Ж-І: kak'ora xl'e ba patp'ora / da / kak'ory tak''ije p'akl'i	Ж-І: Како́ра, хле́ба патпо́ра. Да, како́ры та́кие пья́кли
--	--

В лексический состав единицы входит лексема *kak'ora* [kakópa], обозначающая вид выпечки, простой в приготовлении (ср. пск. *какóра* ‘лепёшка из любого теста’ (ПОС, т. 14, сс. 341–342).

В рассматриваемую группу фразеологизмов включены также примеры, относящиеся к человеку – его характеристикам, поведению и статусу:

{кто-л.} **м' ORDU NAKAŁ' OŁ** [{кто-л.} **МÓРДУ НАКАЛО́Л**]
‘о напившемся человеке, который плохо себя ведёт’

Ж-1945: už'e m' ordu nakał' oł	Ж-1945: Уже мórду накало́л
--------------------------------	----------------------------

JAV' O XVAR' OBA TO MAJ' O ZDAR' OV' IJA [**Явó хварóба, то маё здарóвья**]
‘о человеческой зависти и наслаждении чужими неудачами’

М-1965: jav' o xfar' oba to maj' o zdar' ov' ija	М-1965: Явó хварóба, то маё здарóвья
--	--------------------------------------

KRAŚ' IVAMU L'IC' U Ž' OPY ŃE SPAK' OJ [**Красі́вamu лиц́у жо́пы не спакóй**]
‘физически привлекательный человек представляет большой интерес для противоположного пола’

Ж-1941: kras' av' ica níkam' u nie sl' av' ica / gavar' it / v naz gavar' il' i tak / kr' ašivamu l' icu ž' opy Ńe spak' oj / da / tak' iji pr' isl' oviji gavar' il' i / ' eta Ńe m' ušit kraś' ivaje być l' ic' o / aby duś' a byl' a har' ošyja i ś' erca	Ж-1941: Красі́вица нікаму́ не сла́виться, гаварі́т, в нас гаварі́ли так: красі́вamu лиц́у жо́пы не спакóй. Да, такі́йи прислóвіи гаварі́ли. Э́та не мусі́т красі́вае быць лиц́о, абы ду́ша была́ харо́шыя і сёрца
--	---

TYRAT' URA B' ' ESAVA [**ТЫРАТУ́РА БЕ́САВА**]
‘болтовня’

Ж-П: j' eta turat' ura b' ' esava	Ж-П: Э́та тырату́ра бе́сава
-----------------------------------	-----------------------------

ср. русск. диал. *тыранда́* ‘Болтливый человек’ [Вытегор. Волог.] | *ты́ран-дать* ‘громко, быстро говорить, тараторить’ | *тыранда́ть* ‘много беспрерывно говорить, болтать, никого не слушая’ [Олон., Даль. Кондоп. Карел. Вытегор. Волог]; ‘болтать, говорить вздор’ (СРНГ).

V ADN' OJ KRAV' AČI DVA PAĆ' EŽY [**В адно́й крава́ти два паце́жи**]
‘о смешанных в плане вероисповедания браках’

Ж-П: v adn' oj krav' ači dva pać' ežy	Ж-П: В адно́й крава́ти два паце́жи ⁷⁴
---------------------------------------	--

⁷⁴ Ср. польск. *pacierz* ‘утренняя и вечерняя молитва’; ср. брус. *páцеры* ‘молитвы (у католиков)’ (БРСССтан); ср. русск. диал. *páтери* | *páцери* ‘католические молитвы’ – русск. говоры Лит. СССР (СРНГ).

Среди дифференциальных фразеологизмов отмечены также поговорки предостерегающего и назидательного характера:

КТО V НЕПАВ'ЕЛ' 'ОННЫЈ ДНІ GUL' 'АЈІТ, ТО ПАТ'ОМ F ПАВ'ЕЛ' 'ОННЫЈ РЛ' АЇСЕТ
[КТО В НЕПАВЕЛЁННЫЕ ДНИ ГУЛЯЙИТ, ТО ПАТОМ В ПАВЕЛЁННЫЕ ПЛАЧЭТ]

‘Есть время для работы и для отдыха, и тот, кто не соблюдает это правило, может столкнуться с неприятными последствиями’

Ж-1945: kto v nepav'el' 'onnyji dñi gul' 'ajit / to pat'om f pav'el' 'onnyji pl'ačet	Ж- 1945: Кто в непавелённые дни гуляйит, то патом в павелённые плачэт
--	---

BAG'ACTFA 'ETA KUL SAŁ'OMY⁷⁵

‘богатство мимолетно’

М-II: bog'actfa 'eta kul sał'omy	М-II: багáцтва эта куль салóмы
----------------------------------	--------------------------------

Некоторые зафиксированные единицы имеют юмористический, шуточный характер и относятся:

- к физическим чертам человека: {кому-л.} **RAV'OTA PR'I ŽAML'I** [{кому-л.} **РАБОТА ПРИ ЗЯМЛІ**] ‘О человеке низкого роста’, Ж-II: jej to rab'ota pr'i žaml'i [Ж-II: ей то рабóта при зямлі],
- к чьей-то неудаче: **DUR'AK DV'AC:YĆ ŚEM RAZ** [**ДУРАК ДВАДЦАТЬ СЕМЬ РАЗ**] ‘шутливо о человеке, который совершил ошибку’, Ж-I: mój p'ara fšegd'a gavar' ił: dur'ak dv'ac:yc śem raz [Ж-I: мой папа всегда гаваріл: дура́к два́дцать се́мь раз],
- к взаимоотношениям между родителями и детьми, в частности, к последствиям плохого поведения ребенка: **XO(ŚE)Š DAST'AC ABŽ'ALKU!?** [**ХО(ТЕ)ШЬ ДАСТАТЬ АБЖАЛКУ!?**] ‘шутливое напоминание, обращенное к ребенку, который не соблюдает правила’, Ж-I: p'ara gavar' ił: x'o(śe)š ast'ac abž'alku [Ж-I: папа гаваріл: хó(те)шь дастáть абжа́лку!?).

К дифференциальной фразеологии можно отнести также примеры пословиц и поговорок, приведенные И. Грек-Пабис в приложении к ее монографии 1968 года. Автор, к сожалению, не привела их в контексте, а лишь отметила на полях своего исследования особенностей говора старообрядцев. В современном материале данные фразеологизмы не зафиксированы, поэтому нет достаточной информации для определения их значения хотя бы в обобщенном виде. К тому же они не встречаются ни в одном из проанализированных словарей. Вследствие этого мы ограничиваемся только их документацией:

⁷⁵ Очевидно, что имеется в виду мимолетность куля соломы, который легко сжигается.

- *Ad''in b'ok, v''eraf mn'ok i fs'e v n'ev'o v''er'ut* [Адін Бох, véрав мног, и все в него véруют];
- *Ad''in javr''ej nad'ujet d''es'it' xr'ist'ij'anaf a ar'm'an''in d''es'it' ž'yd'of* [Адін еврэй надўет десить христиынав, а армянін дэсить жыдóв]⁷⁶
- *D'j'aval nakarm''il a č'ort spat' palaž'yl* [Дьявал накармил, а чорт спать палажыл];
- *K'al'i r'usk'ij x'očet jis't' to paj'ot p''es'n'i k'al'i n''em'ec – to s'v''iščet, a k'al'i c'ygán x'očet jis't' to sk'ačet* [Кáли рýский хóчет йість то паёт пёс-ни, кáли нёмец – то свйшчет, а кáли цыган хóчет йість то скáчэт];
- *Za prakl'atym snom atpač'ynku hé ma* [За праклятым сном атпачынку не ма] (Grek-Pabisowa, 1968, сс. 173–174).

5.1.5. Итоги

Всего в группе фразеологизмов, квалифицируемых как исконные, т.е. восходящие к русскому языку, псковскому говору, и дифференциальных единиц (не учитывая ФЕ без эквивалентов в словарях, которые в силу своей уникальности были рассмотрены отдельно), зафиксировано 246 единиц. Из них наибольшее количество относится к группе ЧЕЛОВЕК (122 ФЕ), далее следуют: ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА (101) и ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ (23):

- Среди единиц, квалифицированных как восходящих к общенародному русскому языку (132), большая часть относится к группе ЧЕЛОВЕК (71), далее следуют ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА (56) и ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ (5);
- В группе фразеологизмов, отмеченных как в общенародном русском языке, так и в псковском говоре (84), наибольшее количество единиц также было отнесено к группе ЧЕЛОВЕК (40), далее следуют ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА (31) и ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ (13);
- Наименьшую по количеству группу составляют фразеологизмы, квалифицируемые как дифференциальные с эквивалентами в словарях (30) – в этой области зафиксировано следующее количество единиц в тематических сферах: ЧЕЛОВЕК (11), ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА (14) и ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ (5).

Проведенный анализ показал, что практически все собранные единицы в старообрядческом говоре употребляются в том же значении, что и аналогичные

⁷⁶ Р. Бизиор упоминает похожую пословицу, зафиксированную в польских источниках: *Jeden Żyd oszukał stu Polaków, jeden Ormianin stu Żydów; jeden Grek stu Ormian*, которая описывает отношения между нациями в период до Второй мировой войны (Biziór, 2024, с. 42).

фразеологизмы, зафиксированные во фразеологических словарях литературного русского языка и русских диалектов, которые составляли фон для сравнения данной части материала. Небольшая разница в семантике отмечена только по отношению к одной единице (*b'ab'in syn* 'внебрачный ребенок' – ср. русск. 'шутливо, обидно о сыне, которого воспитывает только мать; мамин сын'). Некоторые незначительные семантические различия проявляются в отдельных идиолектах и касаются оттенков значения или же уровня экспрессии; они были обобщены в приведенном ранее списке фразеологизмов. Не удалось установить диалектное значение некоторых поговорок, отмеченных в работах И. Грек-Пабис.

В тематике собранных фразеологизмов четко проявляется антропоцентризм – более половины из них в той или иной степени связаны с человеком. Стремление поставить человека в центр бытия характерно и естественно для человеческого образа мышления и восприятия действительности, поэтому не удивительно, что оно так активно проявляется в языке⁷⁷. Наиболее широко и разнообразно это отражается в лексике⁷⁸. А. Ситарски отмечает, что в настоящее время антропоцентрическая парадигма играет важную роль во фразеологических исследованиях. По мнению исследователя, степень насыщения ею отдельных оборотов дифференцируется – она может реализоваться как непосредственно («высший уровень»), в случае единиц с лексемами *человек, люди* (напр. *człowiek człowiekowi wilkiem*), так и опосредованно («средний уровень антропоцентричности») – по отношению к единицам, «значение которых относится к явлениям окружающего мира, оставаясь связанным с человеком, напр. (...) *co kraj to obyczaj*» [перевод МГД] (Sitarski, 2016, с. 423). Важное замечание об антропоцентризме в отношении разговорной фразеологии сделала А. Пайдзиньска, которая пишет во введении к своей статье:

⁷⁷ Аналогичные наблюдения сделала, в частности, А. Пайдзиньска: «Język jest tworem ludzkim – jakby naturalną konsekwencją owego faktu stanowi to, że przedstawia świat widziany oczyma człowieka, zorientowany na człowieka» (Pajdzińska, 1990, с. 59).

(«Язык является творением человека – как бы естественным следствием этого факта является то, что он представляет мир, увиденный глазами человека, ориентированный на человека»).

⁷⁸ Как отмечает А. Ситарский: «Antropocentryzm przenika wszystkie poziomy organizacji systemu językowego i jego realizację w mowie. Podkreślić jednak należy, na co już zwróciliśmy wcześniej uwagę, iż w leksyce, jako obszarze operacyjnym bezpośredniego współdziałania doświadczenia ludzkiego z obiektywną rzeczywistością, antropocentryzm realizuje się najpowszechniej i najróżnorodniej» (Sitarski, 2016, с. 423).

(«Антропоцентризм пронизывает все уровни организации языковой системы и ее реализации в речи. Однако следует подчеркнуть, как мы уже отмечали выше, что в лексике как оперативной области непосредственного взаимодействия человеческого опыта и объективной реальности антропоцентризм реализуется наиболее широко и разнообразно»).

Zasób frazeologiczny najlepiej chyba odbija typową postawę ludzi wobec świata – dla przeciętnego człowieka centrum i miarą wszechrzeczy jest właśnie człowiek. Wśród złożonych jednostek leksykalnych trudno nawet znaleźć przykłady ilustrujące dążenia do bezstronności i obiektywizmu. Już skład komponentowy frazeologizmów świadczy o tym, że najważniejszym elementem rzeczywistości – takiej, jaką człowiek widzi i jaką opisuje codziennym językiem – jest sam człowiek. Ogromna liczba związków frazeologicznych zawiera w swym składzie nazwy części ciała ludzkiego, których cechy, zarówno rzeczywiste, jak i tradycyjnie im przypisywane przez pewną wspólnotę językową, motywują znaczenie bardzo wielu frazeologizmów. Antropocentryzm frazeologii potocznej przejawia się także w przygniatającej przewadze liczbowej związków, które odnoszą się bezpośrednio do ludzi. O antropocentryzmie świadczy również wielkość metafor i porównań, utrwalonych we frazeologizmach. Przypisanie człowiekowi cech zwierzęcia lub przedmiotu zwykle wiąże się z wartościowaniem negatywnym (Pajdzińska, 1990, c. 61).

(«Фразеологический фонд, пожалуй, лучше всего отражает типичное отношение людей к миру – для рядового человека центром и мерой всех вещей является человек. Среди сложных лексических единиц даже трудно найти примеры, иллюстрирующие стремление к беспристрастности и объективности. Уже компонентный состав фразеологизмов свидетельствует о том, что важнейшим элементом реальности – такой, какую видит и описывает повседневным языком человек, является сам человек. Огромное количество фразеологических единиц включает в себя названия частей человеческого тела, характеристики которых, как реальные, так и традиционно приписываемые им определенным языковым сообществом, мотивируют значение множества фразеологизмов. Антропоцентризм разговорной фразеологии проявляется также в подавляющем численном преобладании единиц, непосредственно относящихся к людям. Об антропоцентризме свидетельствует и большинство метафор и сравнений, закрепленных во фразеологизмах. Приписывание человеку характеристик животного или предмета обычно связано с отрицательной оценкой»).

Znaczną część analizowanego frazeologicznego materiału stanowią somatyzmy (70 ФЕ, czyli prawie 30% funduszu autoktonnej frazeologii). Takie położenie spraw można wytłumaczyć wyjątkową frazeologiczną aktywnością desygnatów, nazywających części ciała, zwłaszcza w przypadku mówców (Krawczyk-Turca, 1987, ss. 25–28). Nazwy części ciała człowieka i związane z nimi gesty towarzyszą określonej obrazności, dlatego one wchodziły w skład frazeologizmów wielu języków. Wśród wymienionych frazeologizmów z somatycznym komponentem przedstawione są następujące tematyczne grupy: 1) Emocjonalne stany człowieka (np. *vz'ac šeb'a v r'uk'i* [wziąć siebie w ręce], *im pačer''ac* [im namierzyć], {w kom.-l.} *igr'ajit | zaigra'la krof*) [{w kom.-l.} *igrájit | zaigrała krov*]; 2) Życienne funkcje i fizjologiczne procesy (*fst'ac na n'og'i* [wstać na nogi], *naš'ic pat š'ercam*

[*насіть пад сэрцам*], *v'usaniś n'og'i* [*выцянуць ногі*]); 3) Характеристика человека (*{кто-л.}* (*имеет*) *k'am'in:uj'a ś'erca* [*{кто-л.}* (*имеет*) *ка́минныя сэрца*], *{кто-л.}* (*имеет*) *dl'in:uj jaz'uk* [*{кто-л.}* (*имеет*) *длі́нный язы́к*], *{в ком-л.}* *krof k'ip'it* [*{в ком-л.}* *кров кипі́т*]); 4) Деятельность, поведение и состояния, связанные с человеком (*pračan'uś r'uki* [*протяну́ть руку*], *k'id'ac:a v gl'azy* [*кида́ться в гла́зы*], *vž'ac šeb'a v r'uk'i* [*взя́ть себя́ в ру́ки*], *galav'oj nalaž'yt'* [*галаво́й налажы́ть*]); 5) Количество/ разнообразие вариантов (*kav'o d'uša žel'ajet* [*каво́ ду́ша желáет*]); 6) Окружающая человека среда (также в метафорическом смысле) (*kr'yša nad galav'oj* [*кры́ша над галаво́й*]).

Различные признаки и функции частей тела в рассматриваемом материале реализуются следующими лексемами (перечисляются в порядке частотности): *r'uka* [*ру́ка*] 'рука' (15 ФЕ); *galav'a* [*галава́*] 'голова' (8); *jaz'uk* [*язы́к*] 'язык' (8); *n'og'i* [*но́ги*] 'ноги' (7); *gl'azy* [*гла́зы*] 'глаза' (5); *d'uša* [*ду́ша*] 'душа' (4); *um* [*ум*] 'ум' (4); *ś'erca* [*сэрца*] 'сердце' (3); *rot* [*рот*] 'рот' (3); *sr'aka* [*сра́ка*] 'разг. задница' (2); *kr'of* [*кров*] 'кровь' (2); *n'ervy* [*нервы*] 'нервы' (2); *r'ozum* [*ро́зум*] 'ум' (2); *lor* [*лоб*] 'лоб' (2); *nos* [*нос*] 'нос' (2); *ś'ela* [*ме́ла*] 'тело' (1); *kal'ena* [*кале́на*] 'колена' (1); *m'orda* [*мо́рда*] 'лицо, разг. морда' (1); *sp'in'a* [*спина́*] 'спина' (1); *'icho* [*у́хо*] 'ухо' (1); *v'olas* [*во́лас*] 'волосы' (1); *ž'ora* [*жо́ра*] 'разг. задница' (1); *j'ajca* [*я́йца*] 'семенники' (1); *śl'o'zy* [*слёзы*] 'слёзы' (1). Это наблюдение отчасти совпадает с выводами А. Кравчик-Тырпы, которая провела комплексный анализ соматической фразеологии в польских говорах на репрезентативном материале, включающем почти 3000 единиц. На основании проведенного исследования она пришла к выводу, что в собранном ею материале «najbardziej obciążone znaczeniami są: głowa, krew, ręka (ręce), dłoń, noga (nogi) i palec u ręki» («наиболее нагружены значениями лексемы: голова, кровь, рука (руки), ладонь, нога (ноги) и палец на руке») (Krawczyk-Turpa, 1987, с. 179). Этот вывод представляется очевидным и естественным, поскольку такие части тела, как, в частности, голова, рука или нога, а также другие, перечисленные выше, связаны с выполнением основных видов деятельности и имеют большое количество функций, относящихся не только к анатомии и физиологии, но и к психике человека. Не маловажна и роль языка тела, т.е. мимики и жестов, которые способствуют созданию актов невербальной коммуникации. В связи с вышеизложенными наблюдениями неудивительно, что части тела являются фразеологически активными.

Среди фразеологизмов, содержащих зоонимические компоненты, особое место занимает, по-видимому, собака, зафиксированная в 5 из 13 собранных примеров⁷⁹. Можно сделать вывод, что такое положение дел связано прежде

⁷⁹ В трех вышеприведенных примерах собака характеризуется негативно либо в силу своих особенностей и типичного поведения (*{кто-то}* *val'ośyc:a kak sab'aka*), либо в связи со своим

всего с популярностью этого животного. Схожее мнение высказывает и М. Рак, который, ссылаясь на исследование Ю. Скавиньского, пишет:

nastawienie pragmatyczne oraz antropocentryzm są podstawą ludzkiej konceptualizacji, dlatego też nazwy zwierząt wykorzystywanych przez człowieka (*koń, krowa...*) albo towarzyszących mu na co dzień (*kot, pies...*) mają największą frekwencję we frazeologii (Rak, 2007b, c. 11).

(«прагматические установки и антропоцентризм лежат в основе человеческой концептуализации, поэтому наибольшую частотность во фразеологии имеют названия животных, используемых человеком (*лошадь, корова...*) или сопровождающих его в повседневной жизни (*кошка, собака...*)»).

Такое же наблюдение отмечается и в статье, посвященной антропоцентризму диалектной фразеологии региона Свентокшиских гор и Подтатрже (Rak, 2006, сс. 369–370).

Учитывая ограниченность материала, интересным остается по-прежнему вопрос, как следовало бы распределять пропорции встречаемости отдельных зоонимических компонентов при сборе более обширного фонда анималистической фразеологии, как расставлялись бы акценты и по-прежнему ли в центре этой группы была бы собака. Другими зоонимическими компонентами, встречающимися в собранном материале, являются: *kar'ova* [*карóва*] ‘корова’; *k'oń* [*конь*] ‘лошадь’; *kab'yła* [*кабы́ла*] ‘кобыла’; *śvinj'a* [*свинья́*] ‘свинья’; *k'oška* [*ко́шка*] ‘кошка’; *kat'onak* [*катёнак*] ‘котенок’; *kvakt'ixa* [*квакту́ха*] ‘курица, наседка’; *volk* [*волк*] ‘волк’; *sak'ol* [*сакóл*] ‘сокол’. Таким образом, называются сельскохозяйственные животные или те, которые живут в непосредственной близости от человека в нашей географической широте.

положением и восприятием (*rasstr'el'ac kak sab'aku, zakap'ac kak sab'aku*). Однако из-за ограниченности материала на этой основе нельзя сделать репрезентативных выводов. Стоит, однако, добавить, что собака во фразеологии русского народа чаще всего представлена уничижительно, на что указывает Н. И. Маругина: «В категориях русской культуры негативная оценочность свойственна большинству фразеологических единиц блока с ключевым словом собака (Маругина, 2009, с. 21). Автор установила, что в русских поговорках и фразеологизмах собака ассоциируется со следующими символами-концептами, большинство из которых носит ярко выраженный негативный характер: «1. Собака – символ нечистоты, безверия, бездуховности. 2. Собака – символ неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения. 3. Собака – символ свободной, беззаботной, разгульной жизни. 4. Собака – символ тоски. 5. Собака – символ послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий. 6. Собака – символ жадности, скупости, прожорливости. 7. Собака – символ свирепости, проявления гнева, агрессии. 8. Голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием. 9. Умственные способности животного – символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта» (Маругина, 2009, с. 29).

В группе, называющей ценности и жизненные истины, в основном присутствуют паремии, что также неудивительно, поскольку по своей природе они являются носителями определенных суждений, убеждений, предостережений или стереотипов. Собранные примеры пословиц и поговорок в целом представляют собой: 1) советы, касающиеся порядка повседневной жизни (напр. *Zd' elaj ž'ela, gul' aj šm' ela* [Сделай дела, гуляй смела], *Što fpar' adački l'ež'yt, pad ruk'u sam'a b'ež'yt* [Што в парядачку лежым, пад руку сама бежым]); 2) предостережения (напр. *Dam'ašnje d'utk'i v dar'ogu ne gad'ac:a* [Дамашние думки в дарогу не гадяця], *Pažyv'om, uv'izim* [Паживём, увидим]); 3) элементы системы ценностей общины (*Ne sl'av'ic:a kras'av'ica, a što kat'u nr'av'ic:a* [Не славица красавица, а што каму нравица], *Ne asužd'aj, asužd'on ne b'užeš* [Не асуждай, асуждён не будеш]).

Чрезвычайно интересную группу, хотя, к сожалению, весьма ограниченную по материалу, составляют паремии, связанные с метеорологическими явлениями, которые свидетельствуют о функционировании сообщества в рамках сложившейся культуры повседневности, определенного порядка и цикличности, на которых основана жизнь. Оба отмеченных примера демонстрируют корреляции между конкретными датами и природными явлениями. В примере *'Il'ija dast gñ'il'ija* [Илья даст гнилья], *'il'ija* [Илья] означает праздник пророка Ильи (Ильин день), приходящийся на 20 июля (2 августа по григорианскому календарю). В то время как *p'etr'ok* [Петрók] в примере *Pr'iš'ol petr'ok, prap'al l'ist'ok, pr'iš'ol il'ija, prap'al i dva* [Пришól Петрók, пранál листók, пришól Илья, пранáli два] – это праздник святых апостолов Петра и Павла (День Петра́ и Па́вла, Петрóв день), который по православному обряду отмечается 29 июня (12 июля по григорианскому календарю).

Важным элементом восточнославянской культуры являются также частушки, или рифмованные припевы и стихи разного объема, связанные с явлениями культуры, реалиями жизни и т.д. В собранный фонд вошло 3 таких примера: *F kalx'oz'e d'obra žyt'ad'in rab'otajet, s'em l'ež'yt*⁸⁰ [В калхóзе дóбра жыть, áдин рабóтает, семь лежым]; *Ne usp'eješ l'ošku vžác, f'c'ašk'e d'onuška v'id'ac* [Не успеешь лóжку взять, в чáшке дóнушка видáть]; *Zapr'ag'u ja k'ošku v dar'ošku, a kat'onka f tarant'as* [Запрягý я кóшку в дарóжку, а катёнка в тарантác]. Первые два текста функционируют как законченные, а последний представляет собой фрагмент (несколько искаженный) более крупного целого:

⁸⁰ Следует добавить, что данная единица попала в русский говор старообрядцев уже в XX веке, так как появляется в ней компонент *kalx'oz* (русс. колхоз), обозначающий систему коллективных хозяйств, введенную только в советское время на территории СССР и в странах Восточной Европы, которые являлись сателлитами СССР.

Запрягу я кошку в дрожки
 А котенка – в тарантас.
 Повезу свою хорошую
 Всем людям напоказ (Лагутина, 2012, с. 73).

Среди фразеологизмов, относящихся к религиозной сфере, около половины содержат компонент, называющий нечистую силу – *b'es* | *čort* [бес | чорт]. Это особенно интересно в сопоставлении с наблюдениями И. Грек-Пабис, которая отмечает, что слово *b'es* и его синонимы нечасто встречаются в речи старообрядцев, что, в свою очередь, можно объяснить их нежеланием произносить имена, связанные с нечистой силой:

Гораздо меньше употребляют слово «бес» и его синонимы. Это объясняется тем, что старообрядцы вообще избегают произносить имя нечистой силы. Слова *b'es*, *čort* в их говоре употребляются также как бранные, напр. *oj b'es ty*; *žyv'oj b'es jes't maj'a ž'onka*; *kak tak'ova b'es'a dast'an'iš b'abu*, *kak ja to...*; *b'es on*, *sat'ana s'id'it v jam'u*. Есть только две записи, когда посылают к бесу, к чёрту: *n'ex jix b'es'i vaz'm'ut*; *nad'el'ety svaj'i patšt'an'ik'i i pr'iš'ol gul'at*, *ax štop t'ib'a*, *ja gavar'u*, *čort*, *xal'era t'ib'e*. Записан фразеологизм *na b'es'a* | *na č'orta paš'o* 'ничего доброго не получилось' (*i jej paš'o na č'orta i mn'e*; *fs'o na b'es'a paš'o*) и *n'i čert'a* ('*etat kl'ej n'e kl'ejit*, *n'i čert'a n'e kl'ejit*) 'совсем' (Grek-Pabisowa, 1994, с. 311).

В отдельных случаях, несмотря на то что единица известна и в фонде общей фразеологии, ее форма и лексический состав, по-видимому, указывают на более тесную связь с псковским языковым ареалом. В примерах {кто-л.} *šiz'it kak kvakt'uxa na j'ajсах* [{кто-л.} сидит как квактуха на яйцах] и *kak ruk'oj atn'ala* [как рукой атняла] вместо общенародных русских слов присутствуют слова из псковского диалекта (следовательно *kvakt'uxa* [квактуха] вместо курица и *atn'ala* [атняла] вместо сняло), а в единице *ni sl'uxi*, *ni d'uxi* [ни слыху, ни дыху] мы имеем дело с псковскими параллельно функционирующими формами слов *sl'uxi* [слыху] и *d'uxi* [дыху] (против общепринятых *слуху* и *дыху*).

Особого внимания заслуживает дифференциальная фразеология, не имеющая эквивалентов в общенародном русском языке и псковском говоре, восходящая к культуре старообрядцев, проживающих в Польше. Особенно интересны ФЕ, связанные с непосредственным окружением старообрядцев, как например единица, касающаяся различий в реалиях жизни между разными поселениями старообрядцев (*L'učše na tag'ilk'i čet na Važ'ilk'i* [Лучше на магилки, чем на Вадзилки]).

Как уже отмечалось, классификация введенного в научный оборот материала характеризуется определенной степенью субъективности, поэтому реорганизация созданной структуры, безусловно, повлечет за собой изменения в отдельных группах, особенно на количественном уровне. Однако общие

выводы проведенного семантического анализа представляются настолько универсальными, что реорганизация тематических групп не приведет к существенному снижению их обоснованности.

5.2. Различия между словарными формами фразеологизмов и формами, зафиксированными в говоре старообрядцев в Польше⁸¹

Глубокая встроенность диалектной фразеологии в культурный контекст, реалии, в которых функционирует данная община, и одновременно с этим обособленность некоторых языковых элементов говора от общего языка обуславливает наличие явных различий между формами литературных и диалектных фразеологизмов. Эти расхождения проявляются на всех уровнях языка.

Х. Гурнович на основании анализа фразеологии мальборкских говоров предложил несколько критериев разделения диалектной фразеологии в сопоставлении с литературной:

- 1) фразеологизмы, тождественные с литературными по значению;
- 2) фразеологизмы, состоящие из компонента, отличающегося по значению (по сравнению с литературными единицами);
- 3) фразеологизмы, имеющие дополнительный компонент по отношению к литературным эквивалентам;
- 4) фразеологизмы, лишённые компонента по сравнению с литературными единицами;
- 5) фразеологизмы с тем же лексическим составом, что и литературные, но с другим значением;
- 6) фразеологизмы, не зафиксированные в литературном языке (Górniewicz, 1975, сс. 80–84).

А. М. Левицкий, анализируя варианты фразеологических единиц на материале польского литературного языка, сформулировал возможные типы различий между синонимичными единицами на разных уровнях языка:

- 1) фонологическое различие, не приводящее к изменению значения и не нарушающее морфологическую структуру единицы, обусловленное региональными различиями, экспрессивными оттенками или хронологией, напр. *przyszła kreska na kogoś: przyszła kryska na kogoś*;

⁸¹ Фразеологические единицы, рассматриваемые в этой части работы, уже обсуждались с точки зрения их контекстов и значений. Тем не менее они будут процитированы еще раз, чтобы проиллюстрировать те изменения, которые произошли (по отношению к общему русскому языку) в сфере их применения в старообрядческом говоре.

- 2) единицы различаются грамматической формой, напр. *ktoś komuś zabił ćwieka w głowę* : *ktoś komuś zabił ćwiek w głowę*;
- 3) единицы различаются словообразовательной морфемой, напр. *krzyż na drogę* : *krzyżyk na drogę*;
- 4) единицы различаются предлогами или союзами, напр. *ktoś czyjeś wypowiedzi puszcza mimo uszu* : *puszcza obok uszu*;
- 5) единицы различаются компонентом в форме слова; эти слова могут являться синонимичными по отношению друг к другу, напр. *ktoś komuś suszy głowę* : *ktoś komuś suszy łeb*;
- 6) единицы имеют одинаковую или почти одинаковую грамматическую структуру, но различаются лексическими компонентами, напр. *ktoś nawarzył piwa* : *ktoś narobił bigosu* (Lewicki, 2003, сс. 206–207).

Данное сопоставление можно отнести к сопоставлению эквивалентных единиц, сходных или конвергентных с формально-семантической точки зрения, встречающихся в общем языке и в говоре.

Приведенные исследователями различия между литературными и диалектными фразеологизмами дополняют друг друга. Они же стали отправной точкой для анализа различий, проведенного в данной части монографии.

5.2.1. Семантические различия

А. Кравчик-Тырпа перечисляет следующие различия, которые могут возникать между диалектной и литературной фразеологией в плане значения (автор основывает свой анализ на польском материале):

- 1) Аналогичная единица с одним и тем же значением существует как в диалектах, так и литературном варианте языка, напр. *X chodzi spać z kurami* ‘ложится спать рано’;
- 2) Диалектное словосочетание характеризуется целостностью значения, в то время как в литературном языке фраза функционирует только в буквальном смысле, напр. *X chodzi w butach po ojcu* ‘ходит босиком’; ‘носит обувь, унаследованную от отца’;
- 3) Единицы различаются по количеству значений: фраза имеет два фразеологических значения в говоре, а в общем языке – только одно, напр. *X chodzi z szopką* ‘ходит по домам на Рождество с Рождественским Вертепом, поет колядки и получает за это пожертвования’ и ‘беременна вне брака’ (второе значение только в диалектах).
- 4) Значение в диалекте отличается от значения в общем языке, напр. *X chodzi Y-owi wiele pióra* ‘заботится о нем’ против фразеологизма, сходного

по форме, но имеющего почти антонимичное значение: *X robi Y-owi koło pióra* ‘действует обманным путем ему во вред’;

- 5) В диалекте существуют фразеологизмы, которые отражают определенную часть реалий народной культуры, в которой функционирует данная община, и поэтому они неизвестны в литературном языке и не имеют в нем эквивалента, напр. *X chodzi na odkopek* (Krawczyk-Турга, 1988, с. 144).

В изученном материале был обнаружен только один пример фразеологизма, иллюстрирующий значительное различие на семантическом уровне (по отношению к словарной форме): *v atst'afku* [*в атста́вке*], в случае с которым мы имеем дело с расширением значения за счет нового – в дополнение к значению из общенародного русского языка ‘выйти на пенсию’ (Ж-П: *i šeǰ'as už'e v atst'afk'e*, на *p'ensji* [Ж-П: *сейчас уже в атста́вке, на пен́сии*]), функционирует также значение ‘быть обойденным вниманием, оттолкнутым, отвергнутым’ (М-1977: *i p'ose m'ij'ajit dva m'isica, snuž'ic:a už'e zab'afka, v atst'afku, nast'empnija* [М-1977: *и после миййит⁸² два ме́сица, сну́диться⁸³ уже забáвка⁸⁴, в атста́вке, настéмпныя⁸⁵*]), возникшем под влиянием польского языка.

5.2.2. Лексические различия

При сопоставлении диалектной и общенародной фразеологии часто наблюдается явление замены компонента его диалектным эквивалентом. При этом наиболее ярко выражены и легче всего обнаруживаются лексические различия, которые проще всего идентифицировать.

Й. Младек причиной замены компонентов считает сужение или расширение потенциала сочетаемости компонентов фразеологических единиц (Младек, 1981, с. 111).

Ю. А. Гвоздарев, описывая причины, обуславливающие процесс лексической трансформации фразеологизмов, подчеркивает их двуаспектный сугубо лингвистический и экстралингвистический характер, а также обращает внимание на ключевую роль в этом процессе восприятия действительности представлений пользователей языка:

Лексическое преобразование представляет собой процесс модернизации единиц, которая всегда обусловлена какими-то соображениями носителей языка. Причины

⁸² Ср. польск. *mijać* ‘[о времени] проходить, истекать’.

⁸³ Ср. польск. *znudzić się* ‘надоесть’.

⁸⁴ Ср. польск. *zabawka* ‘игрушка’.

⁸⁵ Ср. польск. *następna* ‘следующая’.

такой модернизации могут иметь или экстралингвистический характер, или собственно лингвистический. Экстралингвистическими, внешними причинами служат устаревания реальных, понятий, отраженных во фразеологических компонентах, а собственно лингвистическими – причины, порожденные некоторыми тенденциями в лексической и фразеологической системах языка. Наряду с этим, причиной преобразования может быть стремление оживить образ фразеологической единицы или развить его. Это нередко происходит на основе народной этимологии (Гвоздарев, 1977, с. 38).

Исследователь приводит следующие ситуации, в которых могут происходить лексические преобразования внутри фразеологизма: 1) стремление уточнить его внутреннюю форму; 2) стремление уточнить внешнюю форму единицы; 3) стремление «специализировать» фразеологизм – придать ему черты, характерные для определенной группы пользователей языка, соответствующие социальным или территориальным особенностям (Гвоздарев, 1977, с. 38).

В старообрядческом говоре замена лексического компонента, входящего в состав фразеологизма, обычно происходит двумя способами: 1) путем замены компонента другим компонентом со сходной семантикой (синонимом); 2) путем замены общенародного русского компонента диалектным эквивалентом. Различия проявляются и в количественном измерении – фразеологизмы могут отличаться как одним компонентом, так и несколькими, или даже всей составной конструкцией.

Различия, касающиеся замены отдельных компонентов

DAM' AŠNIJE D'UMK'I V DAR'OGU ŃE GAD''AC:A

в говоре старообрядцев: d'umk'i ← русск. мысли || дума

русс. диал. *думка* – ‘мысль’, *устар.* (ИЛСТ)

русс. *Домашние мысли в дорогу не годятся* (ПРН) || *Домашняя дума в дорогу не годится* (ПРН)

XĖ'OP RUB'AXA

в говоре старообрядцев: xĖ'op ← русск. человек

В говоре старообрядцев: *xłop* – ‘mężczyzna’ (SGS)

русс. диал. *хлоп* – ‘мужчина-крестьянин’

русс. *Человек рубаха* (СМих)

ср. польск. разг. *chłop* ‘мужчина’

KAV'O D'UŠA ŽEL'AJET

в говоре старообрядцев: kav'o ← русск. чего

ср.: *kav'o* – ‘cóz’: st'aryj už'e, d'iv'an'osta l'et, to kav'o, št'oby jej b'yla хот'p'id'is''at (SGS)

русс. *Чего (что) душа желает (пожелает)* (ФСРЛЯ)

Слово *kav'o* в старообрядческом говоре обычно употребляется в значении ‘что’. Об этом свидетельствуют контексты употребления указанной формы в высказываниях информантов, напр.:

(1) М-II: no i j'eta / no i adn'ova r'azu t'ož b'yl'i pašl'i na kuć'ejnik / 'al'i **kav'o** / pašl'i k n'ašemu ź'ačk'i || (2) М-II: m'ama / gže vy b'yl'i v n'emcax / kak 'etat garad'ok nazyv'alaš čy žar''evna tam na zn'aju / Ж-I: **kav'o?** / М-II: v n'emcax kak nazyv'alaš 'eta (...)]

[(1) М-II: Но и éta, но и адно́ва ра́зу тож бы́ли па́шли на ку́тёйник, а́ли каво́, па́шли к на́шему дя́дьки || (2) М-II: Ма́ма, где вы бы́ли в нёмцах, как э́тат гарадо́к называ́лся, чы дярёвня, там ня зна́ю? / Ж-I: каво́? / М--II: в нёмцах как называ́лась э́та (...)]

KAV'O T'OLK'I NA S'F'ET'I (SGS)

в говоре старообрядцев: kav'o ← русск. *чего*

русс. *чего только на свете (не бывает)*

L'APT'I ZADR'AT' (SGS)

в говоре старообрядцев: l'apt'i ← русск. *ноги* | пск. *ноги*

русс. *Задрать ноги* (ФСРЛЯ)

пск. *задрать ноги* ‘Умереть’

{кто-л.} (*хочет*) **NA J'OLKU VL'EŽ' I SR'AK'I NE ABADR'AC**

в говоре старообрядцев: sr'ak'i ← русск. *жопу*

русс. *срака* – ‘Зад, ягодицы’ вульг. (СМБ)

русс. *Хочет на ёлку влезть и жопу не ободрать* (БСРП)

NE BAJ'IC:A XL'OP SAV'AK'I T'OL'K'I JET'YJ ŽV''AG'I

в говоре старообрядцев: xl'op ← пск. *волк*

пск. *Не боится волк собаки, а боится звяги* (СППиП)

NI X'UKU NI ST'UKU PAVAL'OK KAK S'UKU

в говоре старообрядцев: paval'ok ← русск. *повезли*

русс. *Без стуку, без груку повезли, как суку*

SAČ'YČ V P'OLU V'ĖČER

в говоре старообрядцев: sač'yč ← русск. искать | пск. искать

В говоре старообрядцев: sač'yt' 'szukać' (SGS)

пск. *сáчить* 'искать' (СРНГ)

руссск. *ищи ветра в поле* (БФСРЯ) | пск. *ищи ветра в поле* (СППиП)

{кто-л.} ŠEŽ'IT KAK KVAKT'UXA NA J'AJSAH

в говоре старообрядцев: kvakt'uxa ← русск. курица | пск. курица

В говоре старообрядцев: kvakt'uxъ – 'kwoka' (SGS)

пск. *квоктуха* – 'курица, наседка' (СРНГ)

брус. *квактуха* – 'курица, наседка' (БРС)

руссск. *Сидит как курица на яйцах* (ПРН) | пск. *Сидеть как курица на яйцах* (СППиП)

VAD'A TA ŃE S'ALA, V'YSAXŃIT I ATST'ALA

в говоре старообрядцев: vad'a ← русск. грязь

руссск. *Грязь не сало: высохла – отстала (потер, она и отстала) | Грязь не сало: помой (помыль), так и отстало* (ПРН)

Различия, касающиеся количества компонентов фразеологизмов

(т.е. в форме фразеологизма, зафиксированного в говоре, появляются добавочные компоненты или их меньше по сравнению со словарными эквивалентами – русскими литературными и диалектными):

(B'ES) ŃE S N'AŠEVA BAL'OTA

в говоре старообрядцев: (b'es) ← русск. –

руссск. *не с нашего болота*

DUR'AK L'UB'IT RAB'OTU, A RAB'OTA L'UB'IT DURAK'A

в говоре старообрядцев: dur'ak l'ub'it rab'otu ← русск. –

руссск. *Работа дураков любит* (ССин)

пск. *Работа дураков любит* (СППиП)

JAZ'YK KAK M'ĖČ A L'APY F SR'AK'I

в говоре старообрядцев: a l'apy f sr'ak'i ← русск. –

руссск. *язык как меч*

Различия, касающиеся замены отдельных компонентов и их количества
(т.е. помимо лексических различий появляются также синтаксические расхождения)

B'AJŃA B'AJŃU M'OJIT A AB'OJI GR''AZNYJI

в говоре старообрядцев: - ← русск. торговая

в говоре старообрядцев: b'ajŃu m'ojet ← русск. всех моет

в говоре старообрядцев: a ab'oji gr''aznyji ← русск. а сама вся в грязи
русск. *Торговая баня всех моет, а сама вся в грязи* (ПРН)

BOX L'ES(A) ŃE SRAVŃ'AL, A LUŽ'EJ PAD'AVŃE

в говоре старообрядцев: a luž'ej pad'avŃe ← пск. не только людей

русск. *В лесу бог лесу не уравнил, в народе – людей* (ЭНМ)

пск. *Бог и леса не сровнял, не только людей* (СППиП)

(Бог дал алкоголь/ вино) **'UMNAMU NA V'ES'EL'E, A DURAK'U NA PAG''IB'EL'**

в говоре старообрядцев: na pag''ib'el' ← русск. на погубу душе

русск. *Умному (водка) на веселье, а дураку – на погубу душе* (SRNG)

'UMNAJA ŽEN'A DOM PR'IM'AT'AJIT, A GL'UPAJA DOM RAZM'AT'AJIT

в говоре старообрядцев: 'umnaja ← русск. добрая

в говоре старообрядцев: pr'im'at'ajit ← русск. бережет

в говоре старообрядцев: gl'upaja ← русск. худая

в говоре старообрядцев: razm'at'ajit ← русск. растрясет

русск. *Добрая жена дом бережет, а худая рукавом растрясет* (ПРН)

в говоре старообрядцев: 'umnaja ← русск. мудрая

в говоре старообрядцев: dom pr'im'at'ajit ← русск. устроит дом свой

в говоре старообрядцев: gl'upaja ← русск. худая

в говоре старообрядцев: razm'at'ajit ← русск. рукавом растрясет

русск. *Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками* (Притчи 14:1)

P'EJ V'OTKU ŃE VAD'U, L''UB'I Ž'EFKU MAŁAD'U

в говоре старообрядцев: v'otku ← русск. вино

в говоре старообрядцев: vad'u ← русск. брагу

в говоре старообрядцев: ž'efku maład'u ← русск. девку, а не бабу

русск. *Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу* (СМих)

SOL TAB''E V GL'AZY, PAVAR''EŠKU V ŁOP

в говоре старообрядцев: pavar''ešku v łop ← русск. головешку в зубы |
соль тебе на язык | пепел на язык | русск. диал. -

в говоре старообрядцев: v gl'azy ← русск. диал. в очи
 русск. *Соль тебе в глаза, головошку в зубы* | *Соль тебе в глаза, соль тебе на язык* | *Соль в глаза, пепел на язык*
 русск. диал. *Соль тебе в очи* (СРНГ)

S'ORAK L'ET 'UMA ŃET, JAV' O I ŃA V'UZ'ET

в говоре старообрядцев: 'uma ← русск. денег
 русск. *В двадцать лет ума нет – и не будет. В тридцать лет жены нет – и не будет. В сорок лет денег нет – и не будет* (СразгВыр)

V'YRYS S B' ESA, A PLAV' AČ ŃE VM' EJIT

в говоре старообрядцев: s b'esa ← русск. с черта
 в говоре старообрядцев: a plav'ač Ńe vm'ejit ← русск. а кнутом не бит | а кнутом не стеган
 русск. *С черта вырос, а кнутом не бит* (ПРН) | *С черта вырос, а кнутом не стеган*

5.2.3. Морфологические различия

С точки зрения морфологии можно выделить два типа различий между словарными формами фразеологизмов (общенародными русскими или псковскими/ другими диалектными) и теми, которые зафиксированы в русском говоре старообрядцев: 1) флексийные – отличающиеся использованием диалектного варианта склонения (спряжения) слова или заменой русских предложных конструкций эквивалентами, функционирующими в говоре старообрядцев; 2) словообразовательные – проявляющиеся на уровне морфемного состава слова путем замены аффиксов (в том числе и путем использования деминутивов и гипокористик). В собранном материале отмечены следующие примеры:

Морфологические различия – флексийные:

FSTR'EČ' AJUT PA AD' EŽDY A PRAVAŽ' AJUT PA 'UM'E

в говоре старообрядцев: pa ad'eždy ← русск. по одежке (-d-y : -k'-e) [-д-ы : -к'-е] | пск. по одежде (-y : -e) [-ы : -е]

в говоре старообрядцев: pa 'um'e ← русск. и пск. по уму (-j-e : -u) [-j-е : -у]
 русск. *По одежке встречают, по уму провожают* (ССин) | *Встречают по одежке, а провожают по уму*

пск. *По одежде встречают, а по уму проважают* (СППиП)

В данном примере присутствует диалектное окончание единственного числа женского рода -y/-i и окончание единственного числа мужского рода

-е, которое факультативно встречается в говоре старообрядцев (ср. Grek-Pabisowa, 1968, с. 72).

K'ID'AC:A V GL'AZY

в говоре старообрядцев: gl'azy *A sg* ← русск. глаза *A sg* (-у : -а) [-ы : -а]
 русск. *кидаться в глаза {кому}* | *кинуться в глаза {кому}*

Окончание именительного падежа множественного числа существительных мужского и среднего рода на -у, -i (gl'azy) характерно для западных средневеликорусских диалектов (см. Grek-Pabisowa, 1968, с. 168) и белорусского языка (см. Paško-Konecniak, 2014, с. 210).

NA STARAN'Y I ŽUK M'ASA (SGS)

в говоре старообрядцев: staran'u ← русск. на стороне (-у : -е) [-ы : -е]
 русск. *В поле (на чужой стороне) и жук мясо* (СМих)

Окончание дательного падежа единственного числа женского рода -i/-у часто встречается в старообрядческом говоре, так как является одной из сохранившихся языковых особенностей, восходящих к псковскому диалекту (ср. Grek-Pabisowa, 1968, с. 168).

SKAK'AC KAK BŁAX'A PA JAJC'AX

в говоре старообрядцев: pa jajc'ax ← русск. по яйцам (-ax : -am) [-ax : -ам]
 русск. *скакать как блоха по яйцам*

Форма, зафиксированная в старообрядческом говоре, вероятно, является следствием влияния польского языка, т.е. произошла замена русского окончания дательного падежа (который сочетается с предлогом *по*) во множественном числе: -ам, окончанием типичным для польской парадигмы склонения – в предложном падеже множественного числа: -ach (который сочетается с польским предлогом *po*).

Морфологические различия – словообразовательные Префиксальные

NOS RAPUST'IT'

в говоре старообрядцев: rapust'it' ← русск. опустить (*pa-* : *o-*) [по- : о-]
 русск. *опускать* | *опустить нос* (БФСРЯ)

PR'IL'UB'IC:A SAT'ANA L'UČŠE J'ASNAVA SAK'ALA

в говоре старообрядцев: pr'il'ub'ic:a ← русск. понравится | полюбится
 (pr'i- : pa-) [при- : по-]
 русск. *Понравится (Полюбится) сатана лучше ясного сокола* (ПРН)

psk. *Прилюбі́цца* Понравиться, полюбиться, прийти́сь по душе, по вкусу' (СРНГ)

PR'İŞ'OL P'ATR'OK PRAP'AL L'IST'OK, PR'İŞ'OL IL'IJ'A, PRAP'AL'I DVA

в говоре старообрядцев: prap'al ← русск. упал (*pra-* : *u-*) [*про-* : *y-*]

руссск. *Прии́шёл Петро́к, упал́ листьок, прии́шёл Илья́ – упало́ два.*

VYB'IR'ALIC:A KAK ZA M'OR'A SRAĆ

в говоре старообрядцев: vyb'ir'ac:a ← русск. соби́раться (*vy-* : *sa-*) [*вы-* : *со-*]

руссск. (*соби́раться*) *как за море срать*

ср. польск. *wybierać się*

ZAST'AV DURAK'A B'OXU MAL'IC:A TO ŁOP PAB'J'OT

в говоре старообрядцев: pab'j'ot ← русск. разо́бьет (*pa-* : *raza-*) [*но-* : *пазо-*]

руссск. *Заста́вь ду́рака Бо́гу моли́ться, он и ло́б разо́бьет (раси́ишет)* (ПРН)

В говоре старообрядцев: *pab'it'* – 1. 'potłuc, stłuc', 2. 'zbić' (SGS)

руссск. *побить* – 1. см. *бить*. 2. *кого (что)*. Убить в каком-н. количестве, перебить. 3. *кого (что)*. Победить в соревновании, в игре (разг.). 4. *что*. Разбив, уничтожить, сломать в каком-н. количестве. 5. (1-е и 2-е лицо не употр.). Повредить, уничтожить (посевы, растения). (ТСО)

Суффиксальные:

XUDAJA KAK ŠČ'ER'INA

в говоре старообрядцев: šč'er'ina ← русск. и пск. щепка (*-in-* : *-k-*) [*-ин-* : *-к-*]

руссск. *Как щепка* (ФСРЛЯ)

пск. *Худой как щепка* (СППиП)

Фразеологизмы отличаются наличием в старообрядческой диалектной единице суффикса субъективной оценки *-ина*.

VYSAXL'A F ŠČ'ER'INU

в говоре старообрядцев: f šč'er'inu ← русск. и пск. в щепку (*-in-* : *-k-*) [*-ин-* : *-к-*]

руссск. *В щепку* (ФСРЛЯ)

пск. *Высохну́ть (ссохну́ть) как щепка (в щепку)* (СППиП)

Как и в предыдущем примере, фразеологизмы отличаются наличием в старообрядческой диалектной единице суффикса субъективной оценки *-ин-*.

L'EYUJE R'UČK'I

в говоре старообрядцев: r'učk'i ← русск. руки (*-k-* : *-ø*) [*-к-* : *-ø*]

русс. *обе руки левые*

Фразеологизмы отличаются наличием в диалектной форме суффикса -к, придающего уменьшительно-ласкательное значение.

ST'ARAJA Ž'EFKA

в говоре старообрядцев: ž'efka ← русск. дева (-к- : -ø) [-к- : -ø]

русс. *старая дева* 'Немолодая женщина, не бывшая замужем', *разг.* (БСПП)

В говоре старообрядцев: *d'efkь* 1. 'dziewczyna', 2. 'panna', 3. 'córka' (SGS) русск. *дэвка*, -и, жен. (устар. и прост.). То же, что девушка (в 1 и 2 знач.) (ТСО)

Как и в предыдущем примере, фразеологизмы отличаются наличием в диалектной форме суффикса -к, придающего уменьшительно-ласкательное значение.

S M'IRU PA N'ITK'I G'OLAMU RUB'AŠKA

в говоре старообрядцев: rub'aška ← русск. *рубаша* (-к- : -ø) [-к- : -ø]

русс. *С миру по нитке – голому рубаша* (ПРН)

От словарного варианта зафиксированная пословица отличается на словообразовательном уровне: в ней появляется уменьшительная форма *rub'aška* вместо общенародной русской *рубаша*.

ZA XAR'OŠYM MUŽYK'OM Ž'ONKA MAŁAŽ'EJET

в говоре старообрядцев: mužyk'om *I sg* ← русск. мужем *I sg* (-yk : -ø) [-ык : -ø]

в говоре старообрядцев: ž'onka *N sg* ← русск. жена *N sg* (-k : ø) [-к- : -ø]

русс. *За хорошим мужем жена молодеет* (МарППП)

В говоре старообрядцев: *muž'yk* 1. 'mężczyzna', 2. 'mąż', *ž'onkь* 'żona, żonka' (SGS)

русс. *мужік*, -а, муж. 1. Крестьянин (в противопоставлении горожанину) (устар.). 2. То же, что мужчина (прост.). 3. То же, что муж (в 1 знач.) (прост.). 4. Невоспитанный, грубый человек (устар.). (ТСО)

5.2.4. Единицы, проявляющие больше, чем один тип различий

В собранном материале отмечены также единицы, в которых представлен больше, чем один тип изменений по сравнению с формами эквивалентных общенародных русских единиц:

ADNAV'O B''ESA ŃE ZD'UMAJET

в говоре старообрядцев: adnav'o b''esa ← русск. *чего только*

в говоре старообрядцев: *zd'umajet* ← русск. придумает | выдумает [*с- : при-/вы-*]

русск. *чего только не придумает | выдумает.*

В приведенном примере наблюдаются два различия: на лексическом и на словообразовательном уровнях. Первое отличие касается выражения *adnav' o b''esa*, которое появляется в диалектном фразеологизме на месте общей русской конструкции *чего только*. Второе отличие касается словообразовательного строения глагольного компонента, а именно: в диалектной форме фразеологизма появляется приставка *с-*, а в словарном варианте *при-* или *вы-*.

ŽERŽ' AC V R' UK' I

в говоре старообрядцев: *v r' uk' i* *L sg* ← русск. и пск. в руках *L pl*

русск. *держат в руках* (УФС)

пск. *держат в руках* (СППиП)

В данном случае различия происходят на морфологическом и лексическом уровнях и касаются использования диалектного окончания *-i* в слове *r' uk' i*, а также употребления указанного слова в единственном числе, в то время как в общенародном русском и в псковском вариантах аналогичный компонент функционирует во фразеологизме во множественном числе (*руках*).

F KAV' O M' ATKA, F TAV' O I GAŁ' OFKA GL' ATKA

в говоре старообрядцев: *f kav' o* ← русск. у кого (есть)

в говоре старообрядцев: *f tav' o* ← русск. у того

в говоре старообрядцев: *gał' ofka* ← русск. голова (*-k- : -o-*)

русск. *У кого есть матка, у того голова гладка* (ПРН).

В данном случае мы имеем дело с изменениями на морфологическом уровне, заключающимися в замене (морфологического характера) *u* → *v* (*f*) по отношению к диалектному варианту предложной конструкции *f kav' o / f tav' o*, реализуемой в русском языке в форме *у кого / у того*, а также на морфологическо-словообразовательном уровне, состоящем в замене общей нейтральной формы *голова* диалектной формой *gał' ofka* с суффиксом *-k-* со значением уменьшительности.

ŠTO F PAR' ' ADAČKU L'EŽ' YT, POD RUK' U SAM' A B'EŽ' YT

в говоре старообрядцев: *par' ' adačku* ← русск. порядке

в говоре старообрядцев: *pad ruk' u* ← русск. в руки

русск. *Что в порядке лежит — само в руки бежит* (ЭНМ).

В данной единице существуют различия на морфологическом уровне: уменьшительная форма слова *par' ' adačku* с суффиксом *-k-* в диалектном варианте и на синтаксическом уровне, которые проявляются в виде существенных

изменений в синтаксической конструкции: диалектное *pad ruk'i* в противопоставлении общенародному русскому *в руки*, а также в порядке слов.

5.3. Итоги

В анализируемой части фразеологического материала можно отметить ряд отличий по отношению к соответствующим общенародным русским и псковским единицам, а также ряд языковых особенностей, характерных для говора старообрядцев, проживающих в Польше. Эти различия проявляются в основном на лексическом и морфологическом уровнях.

Расхождения по лексическому составу касаются замены одного компонента (напр. *Vad'a ta ne s'ala, v'ysaxnit i atst'ala* [Вада́ та не са́ла, вы́сахнит и атста́ла] – русск. *Грязь не сало: высохла – отстала*), нескольких компонентов (напр. *'Umnaia žen'a dom pr'im'at'ajit a gl'upaja dom razm'tajit* [У́мная же́на дом прима́тайит, а глупа́я дом размя́тайит] – русск. *Добра́я жена́ дом со́бережет, а худа́я рука́вом распы́рвет*), а также более обширных частей фразеологизма (напр. *Dur'ak l'ub'it rab'otu, a rab'ota l'ub'it durak'a* [Дура́к лю́бит рабо́ту, а рабо́та лю́бит дурака́] – русск. и пск. *Работа дураков любит*). Особый интерес представляют те случаи, когда вместо общенародного русского слова появляется синонимичное диалектное слово, напр. {кто-л.} *s'ežit kak kvakt'uxa na j'ajcax* [сэ́дит как ква́ктуха на яй́цах] – русск. *Сидит как курица на яйцах* | пск. *Сидеть как курица на яйцах*; *kav'o d'uša žel'ajet* [каво́ ду́ша желе́ает] – русск. *чего́ душа́ жела́ет*.

В плане морфологии наблюдается адаптация фразеологизмов к диалектным парадигмам склонения – вместо общенародных русских появляются диалектные окончания, напр. *Na staran'ŭ i žuk m'asa* [На стараны́ и жук мя́са] – русск. *В поле (на чужо́й сторо́не) и жу́к мя́со*. Относительно часто встречаются и аффиксальные различия, хотя они, как правило, не связаны строго с диалектной спецификой и касаются аффиксов, входящих в состав русских слов (напр. *Zast'av durak'a B'oxi mal'ic:a to lop pab'j'ot* [Заста́в дурака́ Бо́ху мали́цца, то лоб пабы́ет] – русск. *Заста́вь дура́ка Бо́гу моли́ться, он и лоб разо́бьет*). Фразеология говора старообрядцев отличается от общего русского языка наличием в компонентном составе фразеологизмов многочисленных деминутивов и гипокористик, что соответствует общим тенденциям в области диалектной лексики, так как использование уменьшительных форм – типичное явление для диалектов в целом. По словам Х. Карась:

zdrobnienia są charakterystyczne dla wszystkich gwar, stanowią część ich słownictwa ekspresywnego. Są tworzone najczęściej za pomocą tych samych formantów słowotwórczych, co w języku ogólnym, ale formanty te mogą mieć inny rozkład, por. ogp.

deszczyk i chlebek i gw. *deszczek i chlebek* (...) Ze względu na ekspresywny charakter wypowiedzi gwarowych zdrobnienia są w nich częste. Szczególnie duże nasilenie zdrobnień cechuje język folkloru («Zdrobnienia», б. г.).

(«Деминутивы характерны для всех диалектов и являются частью их экспрессивной лексики. Чаще всего они создаются с помощью тех же словообразовательных формантов, что и в общем языке, но эти форманты могут иметь различное распределение, ср. общепольское: *deszczyk* и *chlebek* и диалектное: *deszczek* и *chlebek* (...). В силу экспрессивного характера диалектных выражений уменьшительные формы в них встречаются часто. Особенно высокая интенсивность уменьшительно-ласкательных форм характерна для языка фольклора»).

И. Грек-Пабис, в свою очередь, обратила внимание на распространенность гипокористических форм в старообрядческих говорах в зарубежном окружении – в Польше, странах Балтии и Беларуси:

Cechą wyróżniającą gwary staroobrzędowców jest częste użycie w mowie form zdrobniałych. Skłonność ta może mieć swe źródło w typie religijności staroobrzędowców. Wiara zaleca im szacunek do drugiego człowieka, nakazuje okazywanie uprzejmości – co być może wyrażane jest właśnie odpowiednimi formami słownymi: mówić tak, żeby to brzmiało delikatnie (Grek-Pabisowa, 2017, с. 20).

(«Отличительной особенностью старообрядческого говора является частое использование в речи уменьшительно-ласкательных форм. Эта тенденция может быть обусловлена типом религиозности старообрядцев. Вера советует им уважать других людей, призывает проявлять вежливость, что, возможно, выражается в соответствующих речевых формах: говорить так, чтобы это звучало нежно»).

Различия по отношению к формам литературных фразеологизмов наблюдаются не только в использовании уменьшительно-ласкательных, но и экспрессивных аффиксов, напр. *-in-* [*-ин-*] в примере: *xud'oj kak šč'er'ina* [худой как щéпина]. Вероятно, наличие экспрессивно окрашенных форм слов является одной из характерных черт исследуемого говора, однако, как отмечалось выше, наблюдается и в других говорах.

С точки зрения морфологии, грамматическое различие отмечено также в использовании диалектного варианта предложной конструкции (напр. *F kav'o m'atka, f tav'o gal'ofka gl'atka* [В кавó мáтка, в табó и галóвка глáдка] – русс. *У кого́ есть ма́тка, у того́ голова гла́дка*), что является результатом преобразования предлогов *u* → *v* (*f*) [*y* → *v*].

Зафиксированы также некоторые синтаксические расхождения, проявляющиеся в порядке слов, а также в синтаксическом строении фразеологизма (напр. *Što f par''adačku l'ež'yt, pad ruk'u sam'a b'ežyt* [Што в паря́дачку ле́жит, пад ру́кú самá бе́жит] – рос. *Что в порядке лежит — само в ру́ки бежит*).

Глава VI. Иноязычные элементы во фразеологии говора старообрядцев в Польше

6.1. Влияние польского языка на фразеологию русского говора старообрядцев в Польше

В данной части представлены сведения о польском влиянии в области фразеологии говора старообрядцев, проживающих в Польше. Рассматриваются вопросы, связанные с феноменом фразеологических калек, полукалек и гибридных единиц, польское влияние в области синтаксических конструкций в структуре фразеологизмов, а также вопрос о влиянии регионального варианта польского языка на фразеологию говора старообрядцев.

6.1.1. Факторы, повлиявшие на наличие и интенсивность воздействия польского языка в области фразеологии говора старообрядцев

Существует несколько возможных путей, по которым польские языковые элементы в разное время попадали в русский говор.

Вопросы, связанные с историей старообрядцев, этапами их миграции и судьбой после поселения на территории Речи Посполитой, детально рассматривались в Главе I, а современная языковая ситуация, представляющая собой последствия польского языкового влияния, изложена в Главе II. Таким образом, некоторые факторы, существенно повлиявшие на присутствие языковых элементов польского происхождения, были представлены в предыдущих частях данной монографии. Из упомянутых выше особо следует отметить последний и наиболее важный с точки зрения усиления влияния польского языка этап, во время которого произошла значительная интенсификация контактов старообрядцев с польской языковой и культурной средой, что непосредственно отразилось на уровне интерференции. Именно в этот период, для которого условной цезурой является окончание Второй мировой войны, и территориальное отделение старообрядцев, проживающих в Польше, от их единоверцев в Советском Союзе (прежде всего в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР), в русском говоре появилось наибольшее количество модификаций, что

подтверждается многочисленными научными публикациями исследователей старообрядческого языка, начиная с 1950-х годов (см., в частности: Гжибовски, 2010, сс. 67–76, 2011, сс. 45–59; Głuszkowski, 2011b, 2011a, сс. 107–117; Grek-Pabisowa, 1983, 1983b/1999, сс. 211–217, 1994, сс. 301–312; Paško-Koneczniak, 2011a, сс. 118–12, 2011b, Zielińska, 1996).

Однако следует подчеркнуть, что некоторые языковые элементы польского языка попали в говор старообрядцев задолго до активизации контактов с поляками и даже до того, как они оказались на польских землях. Анализируя лексику старообрядческого говора, И. Грек-Пабис указывает на существование определенного запаса слов, проникших в русский говор старообрядцев еще на их родине, т.е. до этапа миграции (автор называет их «древними полонизмами» – польск. *polonizmy dawne*), например, *al''ej* ‘масло’ – польск. *olej*, *aśal''et* ‘сходить с ума’ – польск. *oszaleć*, *bl''axa* ‘жесть’ – польск. *blacha*, *kav'al* ‘кузнец’ – польск. *kowal*, *pas'ak* ‘приданое’ – польск. *posag* (см. Grek-Pabisowa, 1983, сс. 54–55, 178–179). Данное замечание подтверждают и итоги исследования польских заимствований в русской диалектной лексике, проведенных М. Дорошкевич. Автор отмечает, что польское влияние проявлялось уже в родных старообрядцам говорах (в том числе псковских) еще до момента миграции, а затем оно увеличилось в связи с более частыми контактами с поляками и посредством белорусского языка (Doroszkievicz, 1991). О многих польских лексических заимствованиях в псковском и новгородском говорах упоминает также М. Вуйтович (Wójtowicz, 2016, сс. 451–460). Автор отмечает, что уже с XVI века в обсуждаемых говорах фиксировались многочисленные полонизмы, подчеркивая, что именно в этот период количество заимствований из польского языка заметно увеличивается. К числу заимствований того времени автор относит, в частности, слова, относящиеся к следующим тематическим сферам: названия лиц (*блазен* | *блазень*, *коваль*, *кухарь*, *небожчик*, *резник*); названия предметов повседневной жизни (*вага*, *кишень*, *ланцуг*); названия напитков и блюд (*горелка*, *жур*, *кмин*, *кминок*); различных действий (*замордовать* ‘заморить голодом’, *коштоваться* ‘угощаться’, *личить*, *наховать*, *споткать*, *сховаться*) и др. В XVII веке, по итогам исследований автора, количество польских заимствований возрастает (тогда в псковский говор попадают, в частности, слова: *гарнок*, *кана*, *канка*, *бляха*, *дрот*, *матка*, *агрест*, *алей*, *лейцы* и др.), в XVIII веке этот процесс ослабевает, а в XIX веке начинает интенсифицироваться заново. Полонизмы в новгородских говорах не так частотны, как в псковских – по подсчетам М. Вуйтовича их почти в шесть раз меньше (Wójtowicz, 2016, с. 454).

Н. Ананьева, в свою очередь, отмечает, что взаимная польско-русская интерференция связана с общей непростой историей, многовековым соседством и их последствиями:

Сложная и драматическая история взаимоотношений Польши и России, длительное сосуществование и контакты русского и польского этносов в границах одного государства отразились на взаимодействии русского и польского идиомов, которое, в том числе, проявилось и в проникновении польских языковых элементов в русскую художественную литературу (как, в прочем, и русских элементов – в польскую) (Ананьева, 2011, с. 11).

Хотя автор основывает свой вывод на анализе литературных вариантов обоих языков, можно с уверенностью утверждать, что аналогичная ситуация имела место в случае с диалектами, которые в то время (т.е. до XVII века, когда началась миграция старообрядцев) были одним из основных, если не главным, средством общения низших социальных слоев населения.

Следует отметить, что в XVI–XVII вв. польский язык играл важную роль в жизни высочайших слоев русского общества, являясь важным средством коммуникации русского дворянства и даже и царей. С. Кохман отмечает, что вместе с постепенным ростом интереса к культуре, искусству и литературе рос и интерес к польскому языку, позволяющему общаться с культурой. Уже в XVI в. по-польски писал царь Иван Грозный в полемике с Андреем Курбским, а в начале XVII века в связи с польским периодом в Кремле роль польского языка увеличилась. Во второй половине XVII века польский стал языком русского двора: им пользовался царь Фёдор Александрович, царевна Софья, а многие бояры получали образование по-польски (Kochman, 1967, сс. 26–27). Множество разнообразных полонизмов, попавших в русский язык, хорошо представлено в словаре польских заимствований в русском языке, составленном В. Витковским¹ (Witkowski, 2006). Столь важная роль польского языка способствовала его распространению не только в письменной форме в высших слоях общества, но и в устной речи низших слоев. Таким образом полонизмы могли проникнуть в исследуемый говор старообрядцев.

Польские языковые элементы могли также войти в русский говор посредством белорусского. Как уже упоминалось выше, И. Грек-Пабис установила, что говор, с которым старообрядцы пришли на территорию Речи Посполитой (имеющий много общих черт, характерных для говора псковского типа), характеризуется наличием некоторых белорусских и польских элементов. Исследователь установила также наличие общих черт, свойственных говору старообрядцев и белорусским говорам (Grek-Pabisowa, 1968, сс. 12–13, 56,

¹ Исследователь опубликовал многие работы, связанные с темой полонизмов в русском языке; стоит отметить некоторые из них, напр. исследование о русских заимствованиях из польского языка в конце XX века (Witkowski, 1992a), о семантических полонизмах в русском языке (Witkowski, 1992b). Более подробно о достижениях и исследованиях В. Витковского можно прочитать в статье Л. Йохым-Кушликовой (Jochym-Kuslikowa, 1999, сс. 173–176).

104, 140, 164), которые, в свою очередь, подверглись относительно сильному влиянию польского языка в приграничных районах² (Zaręba, 1961, сс. 4, 6).

6.1.2. Состояние исследований о влиянии польского языка на говор старообрядцев в области фразеологии

Вопрос о влиянии польского языка на фразеологию русского говора старообрядцев Польши до сих пор не получил целостной разработки. Хотя исследования анализируемого вопроса продолжают уже более полувека, в результате чего было осуществлено комплексное описание практически всех уровней языка, фразеологический состав русского говора старообрядцев Польши до настоящего времени не был предметом отдельного комплексного изучения. Наиболее ранним источником, фиксирующим фразеологические единицы, имеющие признаки польского влияния, является *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* (1980) И. Грек-Пабис и И. Марыняк (1980). Другим источником, затрагивающим эту тему, является статья Д. Пасько-Конэчняк *Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie* (2013), в которой представлена небольшая часть фразеологического материала, функционирующего в рассматриваемом говоре. Некоторые замечания по фразеологии появились и на полях исследований, посвященных другим аспектам старообрядческого говора: в монографии Д. Пасько-Конэчняк *Wpływ polszczyzny na leksykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie* (2011a) и в статье М. Глушковского *Czy gwara staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego jest wciąż rosyjska?* (2011a).

Исследования, проведенные в рамках работы над данной монографией, позволили частично восполнить пробел в изучении этого вопроса. Некоторые положения, связанные с фразеологическим запасом старообрядческого говора, были опубликованы в форме статей, где фрагментарно представлен собранный языковой материал. Обсуждались, в частности, методологические трудности, связанные с анализом фразеологии говора старообрядцев (Группа, 2017, сс. 257–268), вопрос о фразеологических кальках, полукальках и гибридах в контексте фразеологии говора старообрядцев в Польше с теоретико-эмпирической стороны (Группа-Dolińska, 2019, сс. 249–258), преимущества проведения исследования в лонгитюдной перспективе в контексте фразеологического анализа (Głuszkowski & Grupa, 2016, сс. 33–47), некоторые замечания, связанные с фразеологией религиозной сферы (Группа, 2016a, сс. 289–298), а также роль традиции в старообрядческой культуре, отраженной

² Подробнее об этом в части, посвященной возможному белорусскому влиянию на фразеологию русского старообрядческого диалекта.

в паремиях старообрядческого говора (Grupa, 2016b, сс. 343–355). Кроме того, представлены отдельные фрагменты материала, демонстрирующего влияние польского языка на фразеологические сравнения (Grupa, 2017b, сс. 113–122), а также фразеологические кальки и полукальки, отмеченные в речи представителей среднего поколения старообрядцев (Grupa, 2018a, сс. 165–172).

6.1.3. Фразеологические кальки, полукальки и гибриды: методологические замечания³

Межъязыковая интерференция и ее проявления давно являются объектом интереса исследователей билингвизма. Уже на начальном этапе только зарождающихся исследований было отмечено многообразие отдельных явлений, возникающих в процессе овладения элементами иностранного языка. Сначала исследователи отделили заимствование от языковой кальки, а затем кальки и полукальки от гибридов. Одна из самых ранних дефиниций языковой кальки предложена Ш. Балли, который под этим термином понимает «(...) слова и выражения, образованные механически, путем буквального перевода, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» (Балли, 1909/1961, с. 69).

Некоторые замечания о рассматриваемом явлении были сделаны в работах ведущих исследователей билингвизма: У. Вайнрайха и Э. Хаугена. У. Вайнрайх разделил эффекты заимствования на «заимствованные слова» (*loan words*) и «заимствованные переводы» (*loan translations*), т.е. кальки (Weinreich, 1968/1972, с. 44). Э. Хауген, напротив, различает лексические заимствования, гибридные заимствования, семантические заимствования и кальки (*loan translations*). Последние он определяет как образования, в которых заимствуется только схема слова вместе с его значением, а иностранные морфемы заменяются морфемами из родного языка (Haugen, 1972, с. 3). С другой стороны, гибридные заимствования определяются им как слова, образованные частично из родного и частично из иноязычного материала (Haugen, 1972, с. 353).

В польской лингвистической литературе наиболее полное описание явления калькирования было сделано Ежи Обарой, который разделил кальки на лексические (структурные и семантические), грамматические (морфологические и синтаксические) и фразеологические (Obara, 1989b, сс. 60–66). В монографии, посвященной проблеме калькирования, исследователь констатирует:

takie tworzone metodą naśladowania obcych wzorów, substytuowania morfemów nowe jednostki językowe, które na gruncie języka przejmującego stanowią istotne, wyraźne

³ Методологическим вопросам, связанным с выделением и анализом фразеологических калек, полукалек и гибридов в старообрядческом диалекте, посвящена статья (Grupa-Dolińska, 2019, сс. 249–258). Данная часть монографии написана на основе содержания упомянутой статьи.

novum, czy to w systemie leksykalnym lub semantycznym tego języka, czy też w jego systemie gramatycznym (Obara, 1989b, с. 193).

(«созданные путем подражания иностранным образцам способом замены морфем, новые языковые единицы на почве принимающего языка представляют собой существенную, отчетливую новизну, будь то в лексической или семантической системе этого языка или в его грамматической системе»).

Кроме того, Е. Обара указал на основное различие, существующее между разными типами калек: лексические и фразеологические кальки имеют свои конкретные образцы в строго определенном языке и являются единичными творениями, тогда как грамматические кальки – это повторяющиеся, категориальные творения (Obara, 1989a, с. 193).

Языковые кальки с польского языка в русском говоре старообрядцев фиксируются уже более полувека. На их частотность указала И. Грек-Пабис в трудах, представляющих результаты исследования лексики говора старообрядцев и функционирующих в нем заимствований. Исследователь отметила наличие определенного набора калек, например, *pañim'ac:a* ‘понимать друг друга’ – ср. польск. *rozumieć się*; *adgav'ar'ivać* ‘отвечать кому-либо’ – польск. *odpowiadać*, *vyd'ehvat* ‘делать, производить’ – ср. польск. *wyuczyniać/wyrabiać* (Grek-Pabisowa, 1983b/1999, с. 226), но не анализировала их подробно. О языковых кальках в старообрядческом говоре писала также Д. Пасько-Конэчняя (2011a), которая определила языковую кальку как диалектную лексему, отражающую структуру и значение польской схемы, например, *spanr'av'itsa* ‘нравиться’, ср. польск. *spodobać się*; *igr'atsa* ‘играть’, ср. польск. *bawić się* (Paško, 2010, с. 101).

Несмотря на то что понятие *языковая калька* и процесс калькирования описаны в методологической сфере достаточно широко, точно и исчерпывающе, разграничение и определение объема значений терминов *языковая полукалька* и *гибрид* до сих пор остаются проблематичными. Дело в значительной степени осложняется тем, что оба упомянутых образования могут быть построены из разноязычных языковых элементов (морфем). Однако Е. Обара отмечает, что между ними существует принципиальное различие, а именно: они составляют результат двух разных способов обогащения словарного запаса языка (Obara, 1986, с. 70). Полукальки всегда являются результатом частичного перевода иноязычного образца, однако в отличие от гибридов они не всегда построены из двух разноязычных морфем (Obara, 1989b, с. 23). Обара выделил также характерные черты гибридов, позволяющие отличить их от других проявлений интерференции: а) они всегда создаются в данном языке на основе слов (прежде всего интернационализмов), уже вошедших в данный язык и получивших широкое распространение; б) создание гибридов может происходить

двумя путями: через универбизацию «гибридных» словосочетаний или через воспроизведение определенных словообразовательных моделей; в) в плане синхронии наиболее характерной чертой гибридов является появление в них иноязычных морфем, которые, кроме этих слов, не встречаются в языке, к которому принадлежат гибриды (Obara, 1986, сс. 71–72).

И. Грек-Пабис и Д. Пасько-Конэчняк в своих работах, завершающих исследование лексики старообрядческого говора, обращают внимание на существование определенного, довольно ограниченного фонда гибридов: в виде слова, напр. *na 'igryvat'* (польск. *nagrywać* + русск. *израть*), *p 'otčerk* (польск. *podpis* + русск. *почерк*), или конструкций, состоящих из двух членов, один из которых является русским, а другой – адаптированным заимствованием, напр. *zavar 'ot galav 'y* (польск. *zawrót* + русск. *голова*), *p 'erś 'ovaja kl 'etka* (польск. *piersiowa* + русск. *клетка*) (Grek-Pabisowa, 1983b/1999, сс. 227; Paško, 2010, сс. 98–100). Д. Пасько-Конэчняк отметила также примеры полукалек, напр. *spaś 'ibovać* ‘благодарить’, *štoż 'enńe* ‘каждый день’ (Paško, 2010, с. 100).

Приведенные выше соображения хотя и касаются лексических единиц, существенны для понимания сути функционирования процесса образования калек, полукалек и гибридов в случае сложных единиц, к которым относятся фразеологизмы.

Вопросы, связанные с функционированием фразеологических калек, полукалек и гибридов, по сравнению с аналогичными образованиями в области лексики, пока не получили удовлетворительного описания. Публикаций, в которых предпринята попытка комплексного исследования этой проблемы с точки зрения определения и методологии, немного. О некоторых методологических и идентификационных трудностях писал Е. Обара (1989b, сс. 185–210). Наименьшие дефиниционные проблемы связаны с понятием фразеологической кальки, в то время как разграничение фразеологической полукальки и гибрида представляет собой гораздо более сложную задачу. Границы между ними размыты, поэтому они часто рассматриваются как одно и то же.

Автором одного из первых определений фразеологической кальки является Н.Н. Шанский, который сформулировал его в своем исследовании фразеологии современного ему русского языка:

Под фразеологической калькой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т.е. пословного, перевода иноязычного оборота (Шанский, 1969, с. 140).

В приведенном выше определении особого внимания заслуживает способ создания фразеологической кальки – исследователь указал, что в процессе калькирования происходит пословный перевод отдельных компонентов, а не фразеологизма в целом (Шанский, 1969, с. 140).

Е. Обара определяет фразеологическую кальку как фразеологизм, «*będący tłumaczeniem obcych wzorów (najczęściej połączeń wyrazowych o różnym stopniu trwałości powiązania ich członów, ale również i wyrazów złożonych)*» («представляющий собой перевод иностранных образцов (чаще всего словосочетаний с разной степенью постоянства связи их членов, а также составных слов)» (Obara, 1989b, с. 74). Фразеологические кальки, по мнению исследователя, являются отображением определенных образцов, в случае которых, однако, возможны отклонения в способах синтаксической связи членов фразеологизма. Учитывая эти предположения, Обара разделил фразеологические кальки по двум критериям: 1) степень точности передачи иноязычных образцов (точные и неточные фразеологические кальки); 2) тип отклонения от образца (неточные фразеологические кальки с лексическими, грамматическими или семантическими отклонениями) (Obara, 1989b, с. 74).

В своей монографии Обара также провел рассмотрение фразеологических полукалек. Он определил эти творения как фразеологизм, «*częściowo tłumaczony na podstawie obcych wzorów*» («частично переведенный на основе иностранных образцов») (Obara, 1989a, с. 83). По мнению Н. М. Шанского, с фразеологическими полукальками, названными исследователем полузаимствованиями, мы имеем дело в случае, когда часть компонентов иностранного фразеологизма переводится, а оставшаяся часть заимствуется (Шанский, 1969, с. 146). Такого же мнения придерживался С. Сташевский (1985, сс. 215–216). По мнению Д. Пасько-Конэчняк, фразеологические полукальки, функционирующие в старообрядческом говоре Польши, – это заимствованные из польского языка фразеологические единицы, в которых наблюдается какая-либо адаптация польского элемента к говору, напр. *kr'asnyj kak bur'ak* ‘красный как свекла’, *chaz'ic samap'asam* ‘ходить в одиночку, без присмотра’ (Paško, 2010, с. 100).

Фразеологические гибриды остаются по сей день практически не исследованной проблемой. Существует лишь несколько исследований, в которых эта тема затрагивается как на методологическом, так и на эмпирическом уровне. Попытку дать определение этим структурам предпринял С. Сташевский, который рассматривает их как словосочетания, в которых присутствует заимствованная лексема с суффиксом другого языка, например, лат. *bestia triumphans* – польск. *bestia triumfująca*, где слово *triumfująca* является заимствованием с деривационным суффиксом (Staszewski, 1985, с. 218). Однако представленная точка зрения, по-видимому, не исчерпывает всех возможностей или, по крайней мере, недостаточно точна. Возникает вопрос, почему исследователь считает критерием гибридности фразеологизма наличие заимствованной лексемы с суффиксом другого языка (на практике – лексического гибрида), но не упоминает другие образования, созданные аффиксальным способом, например путем префиксальной деривации.

6.1.3.1. Фразеологические кальки

Исходя из представленных ранее концепций теоретико-методологических решений, а также анализа собранного эмпирического материала, фразеологическими кальками из польского языка в речи старообрядцев можно считать полностью переведенные с помощью исконных (т.е. русских, в том числе и диалектных) элементов (как вариант: исключительно заимствованных элементов при условии системного функционирования заимствований), которые не имеют прямых эквивалентов в общем русском языке и в русских говорах (Grupa-Dolińska, 2019, с. 254).

В качестве примеров могут служить следующие образования (полный список зафиксированных единиц см. в Приложении 2):

м'Е́С {что} F KR'OV'І	МЕТЬ {что} В КРÓВИ
‘у кого-то есть врожденная склонность или предрасположенность к чему-либо’ (польск. <i>mieć {coś} we krwi</i>)	
М-1977: to 'al'i gavar''u / ŋa b'yła tak'ova dñ'a štop na č'orta čav'o ŋe žž'elał / ja už'e m'eł 'eta f kr'ov'i	М-1977: то а́ли гаварі́о, ня бы́ла тако́ва дня, што́б на чо́рта ча́во не сде́лал. Я уже́ мел э́та в крóви

{что} ІМ''ЕЈЕТ R'UK'І І N'OG'І	{что} ІМЕ́ЕТ РЎ́КИ И НÓГИ
‘что-то разумное, продуманное и хорошо упорядоченное’ (польск. <i>{coś} ma ręce i nogi</i>)	
М-II: i paż'elał'i i fšo x'očym pačyń'ic / paż'elać / štob eta ім''eła i r'uk'і i n'og'і	М-II: и паде́лали, и всё́ хо́чим па́чыніть, паде́лать, што́б э́та імeла и рѳ́ки и нѳ́ги

S KAT'ORAJ STR'ONY V''EČER ZAV''EJIT	С КАТО́РАЙ СТРО́НЫ ВЕ́ТЕР ЗАВЕ́ЙИТ
‘об изменчивом, нестабильном человеке’ (польск. <i>z której strony wiatr zawieje</i>)	
М-1977: ŋe zn'aju što mŋe 'utram atab'ij'ot / s kat'oraj stróny v''ečer zav''ejit	М-1977: не зна́ю што́ мне ўтра́м ата́бийо́т, с ка́то́рай стро́ны ве́тер за́ве́йит

Ѓ'ЕЛА́С RAB'OTAČ NA Č'ORNA	ДЕ́ЛАТЬ РАБО́ТАТЬ НА ЧО́РНА
‘работать без трудового договора, незаконно’ (польск. разг. <i>pracować na czarno</i>)	
М-1933: no i v'id'ać rab'otył ŋe na č'orna / t'ol'k'i był ubezp''ečen	М-1933: но и ви́даť рабо́тыл не на чо́рна, то́лько был ubezпéчeн ⁴

⁴ Ср. польск. *ubezpieczony* ‘застрахованный’.

Фразеологические кальки составляют в общей сложности около 45% (59 ФЕ из 131) от всех единиц, испытавших влияние польского языка.

6.1.3.2. Фразеологические полукальки

К фразеологическим полукалькам относятся фразеологизмы, состоящие из исконных элементов и заимствований, частично переведенные на основе соответствующих фразеологизмов из польского языка или являющиеся контаминацией польских и русских фразеологизмов (Grupa-Dolińska, 2019, сс. 254–256). Анализ собранного материала позволил выделить следующие типы полукалек, упорядоченных по двум критериям (учитывая схемы их построения):

I. полукальки, в состав которых входят **исконно русские** (в том числе и диалектные) **слова + адаптированные заимствования** из польского языка. Среди них можем дополнительно выделить:

- (1) полукальки, образованные на основе польского фразеологизма, имеющего точный (в семантическом, формальном и отчасти звуковом плане) эквивалент в русском языке или его говорах. В таких случаях нет возможности однозначно определить, знал ли информант оба варианта фразеологизма (т.е. русский и польский), и они слились в один, образуя своеобразную контаминацию, или при переводе польского фразеологизма в речи информанта случайно произошла контаминация, поскольку русский и польский языки близки по своему родству, и следовательно, многие слова и даже целые языковые структуры одинаковы для обоих языков, напр.

<i>{кто-л., что-л.}</i> l' 'EDVA d' ŸŸYT	<i>{кто-л., что-л.}</i> ЛÉДВА ⁵ ДЫШИТ
‘Еле справляться с чем-н.; быть в плохом состоянии’ (польск. <i>{ktoś} ledwo dyszy</i> , русск. <i>еле дышать</i> ‘жить очень бедно; влачить жалкое существование; стать ветхим; прийти в негодность’)	
M-1933: toś ta ałgust' ofska to l' 'edva l' 'edva d' ŸŸyt [о молокозаводе]	M-1933: Тож та аłгустóвска то лéдва лéдва дЫшыт [о молокозаводе]
В данном примере на месте компонента <i>еле</i> появляется адаптированное заимствование из польского языка в таком же значении: l' 'edva (польск. <i>ledwo</i> ‘еле’).	

PAĐNAŠ' IĆ {на кого} R' UKU	ПАДНАСИТЬ ⁶ {на кого} Р'УКУ
‘применить насилие’ (польск. <i>podnosić {na kogoś} rękę</i> , русск. <i>поднять поднимать руку {на кого}</i>)	

⁵ Ср. польск. *ledwo* ‘еле’.

⁶ Ср. польск. *podnosić* ‘поднимать’.

M-1977: bo j' eśća mnok tak''ix što na m'atku r'uku padn'ośut	M-1977: бо ёсьća мног такіх, што на м'атку руку падносьют
В данном примере появляется адаптированное заимствование <i>padnaś'ić</i> на месте русского <i>поднять</i> <i>поднимать</i> .	

V' OLASY ST'AL'I D'UBA	ВОЛАСЫ СТАЛИ ДУБА
'о сильном удивлении, испуге' (польск. <i>włosy stały dęba</i> , русск. <i>волосы стояли дыбом</i>)	
Ж-1941: o t'ak v'olasy st'al'i d'uba	Ж-1941: о так волосы стали дуба
О польской мотивации свидетельствует форма компонента <i>d'uba</i> , соответствующая падежной форме, присутствующей в польской фразеологической конструкции.	

V' UXAŃAĆ NA LUŻ'EJ	ВЫХАВАТЬ НА ЛЮДЕЙ
'воспитать правильно' (польск. <i>wychować na ludzi</i> , русск. <i>воспитать людьми</i>)	
M-1977: b'aba skaz'ala i m'uśeła być ż'ż'elana / 'al'i <i>bynajmniej</i> v'uxawal'i na luż'ej / a tap''er' no <i>nikaw'o</i> <i>ńe</i> no tap''er fśe gar'ast s'ł'uxać <i>ńe</i> x'oćut	M-1977: баба сказа́ла и му́села быть сде́лана. А́ли <i>bynajmniej</i> ? вы́хавали на люде́й, а тапе́рь но никаво́, не, но тапе́рь все гара́зд слуха́ть не хо́чут
На влияние польского языка указывает синтаксическая конструкция, построенная по образцу польского фразеологизма.	

SAM KAK P'AL'EC	САМ⁸ КАК ПАЛЕЦ
'совсем один, одинокий' (польск. <i>sam jak palec</i> , русск. <i>один как перст</i> <i>палец</i>)	
M-I: żyć s'amym kak p'al'ec	M-I: жить са́мым как па́лец
О польском влиянии свидетельствует слово <i>sam</i> вместо русского <i>один</i> .	

V' OLAZ Z GAŁAŃ Y ŃE SP'ANĖT	ВОЛОС С ГАЛАВЫ НЕ СПА́НЕТ
'кто-л. в безопасности, ничего плохого с ним не случится' (польск. <i>{komuś} włos z głowy nie spadnie</i> , русск. <i>Ни один волос не упаде́т</i> <i>не упал</i> <i>с головы {чей, кого}</i>)	
K-1940: tag gavar''il'i / jag b'użeś m''eńśe znać / <i>ć'ixa śiż'ec</i> / to v'olaz z gałav'y m'i <i>ńe</i> sp'añet / 'al'i kag b'użeś mnok zn'ać to żyć <i>ńe</i> b'użeś	K-1940: так говори́ли: як бу́дешь ме́ньше зна́ть, т́ихо сиде́ть, то во́лос с галав́ы ми не спа́нет, а́ли как бу́дешь мног зна́ть, то жи́ть ня бу́дешь
О польском влиянии свидетельствует адаптированное заимствование <i>sp'añet</i> на месте русского <i>опаде́т</i> .	

⁷ Ср. польск. *bynajmniej* 'ни в коем случае, несколько'. В данном высказывании, как подсказывает контекст, слово *bynajmniej* ошибочно использовано в значении *przynajmniej* 'по крайней мере, хоть', что является очень распространенной ошибкой, характерной для польского просторечия.

⁸ Ср. польск. *sam* 'один, одинокий'.

BRĄC PAD VŃIM' ANIJE	БРАТЬ ПАД ВНИМА́НИЕ
‘учитывать’ (польск. <i>brać pod uwagę</i> , русск. <i>принимать во внимание</i>)	
M-1933: no i 'eta aš'ypka balš'aja 'eta b'yła aš'ypka / tak nie m'ożna b'yła pastup'ać i ź'elać / bo za što nar'ot j'eta t'oże ś'ilna brał pad vŃim'anije / što 'eta tag być nie m'ożet	M-1933: но и эта ашы́бка больша́я, эта была́ ашы́бка. Так не можна́ была́ паступа́ть и де́лать, бо за што наро́д эта то́же си́льна брал пад внима́ние, што эта так бы́ть не мо́жет
О польском влиянии в рамках данной фразы свидетельствует синтаксическая конструкция с предлогом <i>pad</i> , соответствующая синтаксической схеме польского фразеологизма.	

- (2) полукальки, образованные на основе польского фразеологизма, для которых в русском языке или его говорах нет точного эквивалента, совпадающего по формально-звуковым признакам. Их конструкция полностью заимствована из польского языка, но при этом в их состав входят русские и чужие элементы (поэтому они относятся к числу полукалек в силу наличия разноязычных по происхождению элементов в лексическом составе), напр.

ź'ELAĆ ZA PŹYWOJ'ITKU	ДЕЛАТЬ ЗА ПШЫЗВОЙІТКУ ⁹
‘о человеке, сопровождающем влюблённых, следящем за ними и их поведением’ (польск. <i>robić za przyzwoitkę</i>)	
M-1977: nu kak / m'atka z b'aćkaj <i>na krok</i> mnie nie atpuśc'al'i / kud'y jan'y iśl'i to i ja iśl'oł / ja im ź'elał b'yt:a za pŹyvoj'itku /	M-1977: ну как, ма́тка с ба́тькай <i>na krok</i> мне не атпушча́ли ¹⁰ . Куды яны́ ишли́, то и ишо́л. Я им де́лал бы́тта за пшызвойітку ¹¹

ZŁAŻ'YĆ PAP'ERY	ЗЛАЖЫ́ТЬ ПАПЕ́РЫ ¹²
‘подать документы’ (польск. разг. <i>złożyć papiery</i>)	
M-1981: pap'eryf ješč'o nie złaż'ył M-1977: skład'ajem pap'ery	M-1981: папе́рыв ешчо́ не злажы́л M-1977: скла́даём папе́ры

SPAT Ć'OMNAJ GV'AZDY	СПАД ТЁМНАЙ ГВЯ́ЗДЫ ¹³
‘о человеке, создающем проблемы, подозрительном, часто опасном и злом’ (польск. <i>[typ] spod ciemnej gwiazdy</i>)	

⁹ Ср. польск. *przyzwoitka* ‘дуэнья’.

¹⁰ Русск. *не отходили от меня ни на шаг...*

¹¹ Русск. *Я им как будто дуэньей был.*

¹² Ср. польск. разг. *papiery* ‘документы’.

¹³ Ср. польск. *gwiazda* ‘звезда’.

M-1977: ja był r'eb''onaček spat é'omnaj gv''azdy / <i>naprawdę</i> / ja był ś'ilna pop'er''ešnyj / fšo f p'op'er'ek	M-1977: я был ребёначэк спад тёмнай гвязды, <i>naprawdę</i> ¹⁴ , я был сільна поперэшный, всё в пóперек
--	--

II. полукальки, построенные по схеме **переведенный на русский язык компонент + неадаптированное заимствование**, т.е. вкрапление в чистой польской форме, напр.

ÍĆ'ÍĆ PA TRUPACH DO CELU	ИТИТЬ ПА TRUPACH DO CELU
‘Добиваться цели любым способом, не обращая внимания на последствия своих действий’ (польск. <i>iść po trupach do celu</i>);	
M-196?: l'uz' i išl'i <i>pa trupach do celu</i>	M-196?: лóди ишли <i>pa trupach do celu</i> ¹⁵

Ż'ELAĆ Z IGLY WIDLY	ДÉЛАТЬ Z IGLY WIDLY
‘Преувеличивать’ (польск. <i>robić z igły widły</i>)	
M-196?: n'ekatoryje ż'elajut z <i>igły widły</i>	M-196?: нéкатарые дéлают z <i>igły widły</i> ¹⁶

Ż'ELAĆ WYMYSŁY	ДÉЛАТЬ WYMYSŁY
‘Выдумывать’ (польск. <i>robić wymysły</i>)	
M-1981: što ty mñe pyt'aješša / što ja b'udu tab''e <i>wymysły</i> ż'elać	M-1981: што ты мне пытаёшься ¹⁷ , што я буду табé <i>wymysły</i> ¹⁸ дéлать

GV'OST DO TRUMNY	ГВОЗД DO TRUMNY
‘фактор, стоящий за окончательной неудачей кого-то или чего-то’ (польск. <i>gwóźdź do trumny</i> , русск. <i>гвоздь в крышку гроба</i>);	
M-1927: apkur''u vas / aź'in gv'ost do trumny	M-1927: апкúрю вас, адін гвозд <i>do trumny</i> ¹⁹
В русском языке существует схожий по семантике и по форме эквивалент, однако он существенно отличается от польской ФЕ по синтансическому строению. Пример представляет собой полукальку из польского языка, о чем свидетельствует наличие польского вкрапления <i>do trumny</i> .	

¹⁴ Русск. *действительно, правда*.

¹⁵ Русск. *ходили по головам для достижения цели*.

¹⁶ Ср. польск. *robić z igły widły* ‘делать из мухи слона’.

¹⁷ Ср. польск. *pytać się* ‘спрашивать’.

¹⁸ Русск. *выдумки*.

¹⁹ Польск. *gwóźdź do trumny* ‘гвоздь в крышку гроба’.

Этот тип полукалек обычно фиксируется в речи информантов, которые не владеют русским говором на достаточно высоком уровне, чтобы включать в свои высказывания фразеологию, но при этом хотят передать свою мысль метафорически или более красноречиво (ср. Grupa-Dolińska, 2019, сс. 249–258).

Фразеологические полукальки в старообрядческой речи – более частотное явление по сравнению с кальками. В собранном материале, характеризующемся влиянием польского языка, доля полукалек составляет около 53 % (70 ФЕ из 131).

Причины возникновения фразеологических калек и полукалек в речи информантов кажутся довольно очевидными – кальки появляются обычно потому, что информант пытается пользоваться русским говором на уровне развитого кода²⁰, в то время как владеет им на уровне ограниченного кода, т.е. его высказывания являются простыми в плане использования лексики и грамматических конструкций и предсказуемыми на грамматическом и семантическом уровнях. Однако, как известно, чтобы использовать фразеологию в высказываниях, необходимо знать язык на довольно продвинутом уровне (Sułkowska, 2015, сс. 59–61).

6.1.3.3. Фразеологические гибриды

Фразеологический гибрид имеет общие черты с фразеологической полукалькой, что затрудняет разграничение этих двух образований. Как гибрид, так и полукалька состоят из родных и иностранных языковых элементов. Оба образования могут быть контаминацией фразеологизма, в данном случае русского и польского. Однако главное отличие между ними заключается в том, что полукалька – это следствие перевода, в то время как гибрид не является переводом, он обогащает ресурсы языка новым элементом.

При этом вопрос обогащения языковых ресурсов не до конца ясен. В случае с лексическими гибридами это можно доказать без особых затруднений: гибридом является слово, состоящее одновременно из исконной морфемы и морфемы, ранее не встречавшейся в родном языке. Несколько сложнее дело обстоит с фразеологическими единицами, в которых наименьшей функционально значимой является слово²¹. Если следовать этой линии рассуждений, то фразеологическими гибридами будут считаться все примеры, состоящие из диалектных (или общенародных русских) и польских (адаптированных

²⁰ Имеется в виду теория развитого и ограниченного кода по классификации Б. Бернштейна – подробнее об этом см. в Предисловии (ср. Bokszański и др., 1977, сс. 107–110).

²¹ Невозможно просто перенести определение лексического гибрида и применить его к фразеологизмам, так как фразеологизмы состоят прежде всего из слов, а не из морфем, как в случае с лексикой. Автор осознает, что наименьшей значимой единицей языка является морфема, а обозначение этим термином слова как компонента фразеологизма является условным.

и неадаптированных) элементов. Такое утверждение противоречит, однако, основному критерию, определяющему мотивацию для возникновения отдельных образований, а именно степени отображения (см. Grupa-Dolińska, 2019, сс. 253–256). Кроме того, следует отметить, что в диалекте старообрядцев из-за близкого родства польского и русского языков не всегда можно определить языковую принадлежность слов, общих для двух языков или принадлежащих к общеславянскому ресурсу. Подавляющее большинство фразеологизмов, построенных из исконных и польских элементов, будут представлять собой полукальки, поскольку такие примеры создаются путем перевода соответствующих польских фразеологизмов. Развивая концепцию С. Сташевского, можно предположить, что фразеологический гибрид должен иметь в своем составе лексический гибрид. Такое решение кажется более убедительным, однако у этого предположения есть и слабая сторона – если лексический гибрид, безусловно, обогащает язык, то в случае с фразеологией гибридный компонент не обязательно обогащает ресурсы языка на фразеологическом уровне. Поэтому следует сделать дополнительное уточнение – фразеологическим гибридом может считаться фразеологизм, включающий лексический гибрид, при условии, что тот не встречается ни в каком другом словосочетании.

Приведенный ранее пример из работы И. Грек-Пабис – *zavar'ot galav'y* [заварот галавы] – может рассматриваться как гибрид при условии, что слово *zavar'ot* ‘головокружение’ является новообразованием для русского говора. Однако это невозможно установить, поскольку, хотя в словаре SGS это слово зафиксировано только в вышеупомянутом фразеологизме, в говоре существуют также производные *zavar'ačyvat* ‘поворачивать’ и *zavar'ačyv'sc'* ‘возвращаться’. Таким образом, мы не можем однозначно решить, обогащает ли ресурсы русского говора созданное на основе польской лексемы слово *zavar'ot* или же оно функционировало в говоре ранее и было применено для перевода фразеологизма, заимствованного из польского языка.

Одним из нетривиальных примеров фразеологического гибрида можно считать единицу {кому-л.} *špl''inta brak'ujit* [{кому-л.} шплинта бракуйит] ‘о человеке глуповатом, странно ведущим себя’, мотивацией для которого послужил, вероятно, польский фразеологизм {komuś} *brakuje piątej klepki* наряду с русским эквивалентным фразеологизмом {кому-л.} *винтика не хватает*. Однако данная ФЕ уникальна в контексте фразеологии старообрядческого говора, поскольку, хотя и несомненно обогащает его ресурсы, в то же время состоит из двух элементов иностранного происхождения: форма *špl''inta* является заимствованием из немецкого (*der Splint*)²², а *brak'ujit* – из польского

²² В современном русском языке известно слово шплинт (как заимствование из немецкого языка – *der Splint*) в значении ‘винтик’. Однако поскольку оно не зафиксировано в этимологиче-

(от *brakować*), следовательно, в составе фразеологизма отсутствуют элементы русского говора.

В современном материале пока не обнаружены фразеологизмы, полностью соответствующие указанным критериям и не вызывающие никаких интерпретационных сомнений. Возникает вопрос, существует ли вообще бесспорный критерий для идентификации фразеологического гибрида и его отличия от других образований, являющихся результатом интерференции? Однако несомненно, что для некоторых типов полукалек, если не для всех – в большей или меньшей степени – характерна гибридность (напр. взять *pad wnim 'ańije, ź'elać z igły widły*), и поэтому, возможно, не стоит различать данные структуры при описании фразеологии.

6.1.4. Системность и окказиональность в контексте влияния польского языка на фразеологию русского говора

Влияние польского языка в плане фразеологии становится все более очевидным и превращается в обычное явление для исследуемого говора. Несмотря на частотность подобных образований, не все они входят в систему языка. Фразеологические единицы, калькированные из польского языка, функционируют двумя способами. В этом плане можно выделить: 1) фразеологические кальки (и полукальки), которые являются уже системными явлениями, и 2) фразеологические кальки (и полукальки), созданные *ad hoc*, появление которых оправдано потребностями текущей коммуникативной ситуации. Следует отметить, что образования, отнесенные к первому типу (т.е. «системные» кальки), функционируют в сознании информантов как родные элементы, неотъемлемая часть говора, и говорящие часто не осознают их польского происхождения. В случае же конструкций второго типа наши информанты, как правило, сознательно предпринимают процедуру перевода польских фразеологизмов, вследствие чего происходит смешение кодов (обычно такие процедуры связаны с недостаточной компетенцией информантов в плане русского говора для передачи мыслей с помощью родной фразеологии).

К первому типу, т.е. к калькам как системному явлению, относятся фразеологизмы, заимствованные из польского языка, созданные путем перевода польских конструкций с использованием диалектных компонентов и функционирующие в диалекте в течение многих лет. Установление степени закрепления отдельных фразеологических единиц в говоре стало возможным

ских словарях, вряд ли старообрядцы использовали его до момента миграции. Более вероятно, что обсуждаемое заимствование они узнали, контактируя с жителями Восточной Пруссии, проживающими в Мазурии.

благодаря существованию *Słownika gwary staroobrzędowców w Polsce* (1980) И. Грек-Пабис и И. Марыняк, а также благодаря исследованию, проведенному группой торуньских ученых в лонгитюдной перспективе, что не только позволило неоднократно обращаться к одним и тем же информантам на протяжении многих лет, но и создало возможность хотя бы в некоторой степени зафиксировать изменения, процессы и тенденции, происходящие в сфере старообрядческой диалектной фразеологии (ср. Głuszkowski & Grupa, 2016, сс. 33–47).

Среди фразеологизмов, закрепившихся в исследуемом говоре, можно называть также следующие единицы (полный список зафиксированных системных и окказиональных фразеологических калек и полукалек из польского языка представлен в Приложении 2):

Фразеологические калки

ST'ARYJ BYK	СТАРЫЙ БЫК
‘взрослый мужчина, ведущий себя как ребёнок’ (польск. <i>stary byk</i>)	
M-1977: <i>wygląd r'eb''ačyj m'ajit / 'al'e r'ozum m'ajit st'areva byk'a</i> M-1977: <i>st'aryj byk už'e / vošimn'ac:yc let m'ał</i> M-1977: <i>v nas to 'ety p''ešenk'i pr'i 'etym st'aryji byk''i fšav'o na učut</i>	M-1977: <i>wygląd²³ rebyčyj majit, ále rózum majit stáreva byká</i> M-1977: <i>stáryj byk uže, vosimnáccyć let mjal</i> M-1977: <i>v nas to éty pésenki pri éтым stáryjyi byki vsjavó naúčut</i>

AT ŚF''ITU DA N'OČY	АТ СВІТУ ДА НОЧЫ
‘весь день’ (польск. <i>od świtu do nocy</i>)	
M-II: <i>on sam rab'otajit at śf''itu da n'očy štop št'ota im''eć</i> M-II: <i>ty rab'otajiš at śf''itu da n'očy</i>	M-II: <i>он сам рабóтайит ат світу да нóчы, штоб штóта імéть</i> M-II: <i>ты рабóтайишь ат світу да нóчы</i>

DRAĆ M'ORDU	ДРАТЬ МОРДУ
‘громко кричать’ (польск. разг. <i>drzeć mordę</i>)	
M-II: <i>on pr'ix' ožit na drug'oj žeń i začyn'ajit kak ja gavar''u m'ordu ž'erać</i> M-1977: <i>jak zwykle jon tam m'ordu dr'ał</i> M-1965: <i>čav'o tak m'ordu razadr'ał</i>	M-II: <i>он прихóдить на другóй де́нь и зачына́й-ит, как я гаварю́, мóрду де́раť</i> M-1977: <i>jak zwykle²⁴ ён там мóрду дра́л</i> M-1965: <i>чаво́ так мóрду разадра́л</i>

²³ Русск. *внешний вид*.

²⁴ Польск. *как обычно*.

Фразеологические полукальки

ŃE ZVAR' AČYVAĆ PAVAR' AČYVAĆ UV' AGI	НЕ ЗВАРА́ЧИВАТЬ ПАВАРА́ЧИВАТЬ УВА́ГИ
‘не обращать внимания’ (польск. <i>nie zwracać uwagi</i>)	
M-1972: ńikt'o na 'eta Ńe zvar' ačywał uv' ag'i specj'alna	M-1972: нікто́ на 'эта не зварáчывал ува́ги спеціально

BRAĆ PAD VŃIM' AŃIJE	БРАТЬ ПАД ВНИМА́НИЕ
‘принимать что-л. во внимание’ (польск. <i>brać pod uwagę</i> , русск. <i>принимать во внимание</i>)	
M-1933: nar'ot j' eta ś' ilna brał pat vñim' ańije	M-1933: наро́д 'эта сільна брал пад внима́ние

DAV' AĆ PAKUR' ' IĆ	ДАВА́ТЬ ПАКУ́РИТЬ
‘сильно дразнить кого-л.’ (польск. <i>dawać {komiś} popalić</i> , русск. <i>давать прикурить</i>)	
M-1977: ja jej ś' ilna dav' ał pakur' ' ić M-1977: kag dał jej pakur' ' ić...	M-1977: я ей сільна дава́л паку́рить M-1977: как дал ей паку́рить

Фразеологические кальки и полукальки окказионального характера, несмотря на то, что им свойственен ситуативный характер, тем не менее, характеризуются определенной схематичностью возникновения, тесно связанной с социолингвистическим контекстом. В этой группе можно выделить две специфические коммуникативные ситуации, в которых фразеологизмы создаются *ad hoc*:

- (а) информант, ведущий разговор на говоре, не хочет допускать изменения кода на польский и поэтому переводит соответствующий польский фразеологизм с использованием диалектных компонентов (информант обладает необходимой лингвистической компетенцией для перевода польского фразеологизма с использованием диалектных слов, однако это часто приводит к появлению новых заимствований), напр.

XAŻ' IĆ SAMAP' ASAM	ХАДИ́ТЬ САМАПА́САМ
‘ходить свободно, без присмотра’ (польск. <i>chodzić samopas</i>)	
Ж-I: Ńe f sastaja' ańiji / śt' oby j' eta / śt' oby xaż' il' i samap' asam pt' ' icy	Ж-I: Не в састаянни, штóбы 'эта, штóбы хаді́- ли самапа́сам птіцы

GAVAR' ' IĆ PR' OSTA Z M' OSTU	ГАВАРИ́ТЬ ПРÓСТА З МÓСТУ
‘говорить без обиняков’ (польск. <i>mówić prosto z mostu</i>)	
M-II: gavar' ' ić pr' osta z m' ostu	M-II: гавари́ть прóста з мóсту

- (б) информант не обладает достаточной компетенцией в области родного говора²⁵ для полного воспроизведения фразеологизма с использованием диалектных эквивалентов (или просто нет таких эквивалентов), но при этом стремится сохранить стилистику²⁶ высказывания, напр.

PAJĆ' I {с кем-л.} NA UDRY	ПАЙТИ {с кем-л.} NA UDRY ²⁷
'поссориться' (pol. <i>pójść z kimś na udry</i>)	
M-II: paś' oł na udry s [имя]	M-II: пашо́л на удры с [имя]

Ż'ELAĆ WYMYŚLY	ДЕЛАТЬ WYMYŚLY ²⁸
'выдумывать' (pol. <i>robić wymysły</i>)	
M-1981: što ty mñe pyt' ajiś:a / što ja b'udu ćeb''e wymysły ż' elyć	M-1981: што ты мне пытайи́шся, што я буду тебе <i>wymysły</i> делать

Аналогичные наблюдения относительно наличия и функционирования калькированных из польского языка фразеологизмов сделал М. Глушковский, который также видит связь между частотой их появления и стремлением информантов удерживать свои высказывания на уровне развитого кода (т.е. избегать переключения кода):

Obecność kalk frazeologicznych jest w znacznej mierze związana z próbami posługiwania się językiem na poziomie kodu rozwiniętego według typologii Basile'a Bernsteinina. W przypadku zdecydowanej większości informatorów zasoby leksykalne i kompetencja w zakresie gwary pozwalają na posługiwanie się tradycyjnym dialektem na poziomie kodu ograniczonego, a wszelkie próby zmiany kodu na rozwinięty stymulują proces zapożyczania i kalkowania z języka polskiego, którym staroobrzędowcy władają na poziomie obydwu kodów (Głuszkowski, 2011a, s. 109–110).

(«Наличие фразеологических калек во многом связано с попытками использовать язык на уровне развитого кода в соответствии с типологией Б. Бернштейна. Для

²⁵ Адекватной иллюстрацией уровня владения информантами русским говором является предложенное Б. Бернштейном разделение на развитый и ограниченный коды (подробнее об этом в Предисловии).

²⁶ Вопрос о стилистике диалектной речи является дискуссионным, поскольку это понятие обычно применяется к литературным разновидностям языков, к письменной форме. Однако использование данной формулировки было намеренным, поскольку некоторые наши информанты в разговорах с нами пытались выйти за рамки, принятые для диалектного общения, и адаптировать свою речь к требованиям высокого стиля (например, научного при общении с собеседником с высокой ученой степенью), используя диалектную лексику.

²⁷ Ср. польск. разг. *ktoś idzie na udry* 'кто-л. начинает резкий конфликт с кем-л.'.

²⁸ Ср. польск. *wymysły* 'выдумки'.

подавляющего большинства информантов лексические ресурсы и компетенция в области говора позволяют использовать традиционный говор на уровне ограниченного кода, а любая попытка смены кода на развитый стимулирует процесс заимствования и калькирования из польского языка, которым старообрядцы владеют на уровне обоих кодов»).

Следует также отметить роль заимствований, входящих в состав фразеологизмов. Некоторые из них, например заимствованное из польского языка слово *samar'as* в примере *haz'ic samar'asam*, зафиксированы только в одной конкретной фразеологической единице и вне ее, по-видимому, в говоре не функционируют, что связано также с ограниченными возможностями сочетаемости данного слова. В старообрядческом говоре, как уже отмечалось, встречаются также заимствования, которые характеризуются большей частотностью в высказываниях информантов. В этом случае фразеологическая активность, наряду с такими чертами, как регулярность употребления и межпоколенческая передача, является дополнительным аргументом в пользу их встроения в систему (Doroszkievicz, 1991, с. 6).

6.1.5. Некоторые сведения о механизмах калькирования польской фразеологии

Особенно интересными с точки зрения наших исследований являются те случаи, в которых разные информанты переводят одни и те же польские фразеологизмы с помощью разных языковых средств. В рамках нашего исследования мы пытались выяснить, почему возникает данное различие и существуют ли объективные причины такого явления? Можно утверждать, что чаще всего информанты воссоздают польские фразеологические конструкции и пополняют их за счет тех элементов говора, которые просто им знакомы.

Очевидным этому примером является перевод упомянутого выше польского разговорного фразеологизма *złożyć | składać papiery* 'подать документы', который осуществлен четырьмя представителями разных поколений:

- (1) Ж-1941: ak'ončyl *gimnazjum* / pajž'ot ft'exńikum f suv'alk'i / skład'al bum'ag'i [Ж-1941: акончыл *gimnazjum*²⁹, пайдёт в тэхникум в Сувалки, складал бума́ги³⁰]
- (2) М-1981: pap''eryf ješč'o ne zlaž'yl [М-1981: папэ́рыв ешчó не злажы́л]

²⁹ Русск. *гимназия*.

³⁰ Польск. разг. *składać papiery* 'подать документы'.

- (3) M-1977: no tak'oj'a j'eśća / no to skład'al'i pap'ery na 'eta fśo št'oby dast'ać
 a kag b'ujit to nie v'ad'oma
 [M-1977: Но так'оя ёстя. Но то склад'али пап'еры на ёта всё, шт'обы даст'ать,
 а как б'удит, то не вад'ома]

Различие в данном примере касается перевода существительного, обозначающего документы – Ж-1941 употребила русское существительное *бумага* во множественном числе, в то время как информанты среднего-младшего поколения (М-1977, М-1981) употребили адаптированное заимствование из польского языка *pap'ery* (польск. разг. *papiery* 'документы'). Такая ситуация возникла, вероятно, потому, что среди младших поколений более популярным является польское название десигната, т.е. документов. Следует также отметить, что лексема *papiery* (как и обсуждаемый фразеологизм) принадлежит к польской разговорной речи, которую младшие старообрядцы постигали посредством повседневных контактов с ровесниками. В высказываниях представителей среднего и молодого поколений фиксируются многие примеры польской разговорной фразеологии. Старшие представители общины, в свою очередь, с польским языком сначала познакомились в школе, где изучали его литературный вариант. Конечно, в речи старших информантов тоже появляются польские разговорные фразеологизмы, но они не так частотны, как у представителей среднего и младшего поколений.

В случае варианта информантки Ж-1941 можно также предположить опосредованное влияние польского языка, в котором после советского периода (особенно в памяти старших носителей говора) осталось название *bumaga* (pol. *bumaga, bumażka* 'dokument urzędowy' – 'официальный документ') (dobryslownik.pl/slowo/bumaga/69276/) для обозначения разного вида документов. Следует отметить, что заимствование *bumażka* (русс. *бумажка*) фиксировалось в польском языке уже в начале XX века в значении 'papiererek, asygnata' (русс. *бумажка, ассигнация*) (см. Czarkowski, 1909, с. 5).

В ходе исследования, однако, отмечены ситуации, которые позволяют считать, что решающее значение имеет не только языковая компетенция. Одним из неожиданных решений информанта является воссоздание фразеологизма на основе польской единицы *iść z postępem* 'меняться вместе со временем, прогрессировать'. Мы зафиксировали данную ФЕ у нескольких информантов, большинство из которых перевели только глагольный компонент, а оставшуюся часть (т.е. предложную конструкцию) оставили в польской форме: *ić' ić z postępem*. В то же время один информант при переводе фразеологизма использовал сначала вариант *ić' ić s past' upkaj*, а затем, в рамках того же разговора, применил другой вариант *ić' ić s past' upkam' i*:

- (4) M-1979: patam'u u naz zak'on / zak'on staroobr''ac:ef / 'oceń staj'it f prač'ivności s cyv'il'iz'acji i ne dopušč'ajet nik'ak štop šf'et iš'oł s past'upkam' / a tym *bardziej* štop 'eta 'ety past'upk'i pažel''is v n'ašej c'erkv'i / 'et'i past'upk'i u nas ne zam''ečeny / no m'ożet u nas v c'erkv'i v:el''i šv'et no 'al'i 'eta šv'et dla p'omaščy / bo služ'ym bogoswuż'eñije v c'erkv'i v za'utr'eñ:a / n'oščyju / v žv'en'ac:yč čas'of n'očy / to ne spas'ob mal''ic:a pr'i šf'ašč'ax
[M-1979: патаму у нас закон, закон старообрядцев, очень стайит в практивности с цивилизácii и не дапушчаёт никак, штоб свет ишол с паступками. А *tyм bardziej*³¹ штоб эта, ёты паступки паделись в нашей цёркви. Ёти паступки у нас не замечены. Но, мо́жет у нас в цёркви ввели свет, но али эта свет для помашчы, бо служым богослужение в цёркви в заўтрення, нощчыю, в двена́дцать часо́в но́чы, то не спасо́б мали́цца при сваяшча́х]
- (5) M-1979: sf''et v'er'ačyjec:a k 'etamu s'amemu kak b'yla za šv'at'aхо N'oja / kak xasp'oč sačyn'il nam pat'op za n'aše pr'igeš'eñija / što už'e l'uži že'ajut to že s'amoje što b'yla za sod'omy i xom'ory / sf''et iz'ot s past'upkoj no i gosp'oč f kanc'u pr'iz'ot sa sfaj'im 'anx'elsk'im / pr'iz'ot sa sfaj'im l'ix'ij'onym no i paxub'it sf'et / t'olka t'ep'er' ne vad'oj a paxub'it 'ogñen:ym pap'eč'eñijem
[M-1979: свет вера́чыецца к этаму са́мему как была за свята́хо Но́я, как Хаспо́дь сачыни́л пато́п за на́ше пригре́шения. Што уже́ люди́ дела́ют то же са́мое, што было́ за Со́домы и Хо́мóры. Свет идёт с пасту́пкой, но и Гаспо́дь в канцу́ приде́т са свайм а́нхельским, приде́т са свайм лихи́ным, но и паху́бит свет. То́лька тапе́рь не вадо́й, а паху́бит о́гненным папече́нием]

Рассматривая аналогичные ситуации, стоит обратиться к биографическому методу исследования идиолекта и воспользоваться информацией о жизненном опыте, навыках и языковой ситуации информанта (Głuszkowski, 2011b, с. 127; Głuszkowski и др., 2021, сс. 312–328).

В данном случае важным оказывается факт, что информант – человек религиозный, а также наставник. Осознавая свою важную роль в общине, он пытался высказываться на родном говоре, избегая польских языковых элементов даже в случае недостатка лексического запаса. Стоит подчеркнуть, что русский говор, наряду с религией и памятью о русском происхождении, считаются главными компонентами старообрядческой идентичности, так как именно эти черты отличают носителей говора от окружающих польских соседей (Głuszkowski, 2008, сс. 422–434).

³¹ Русск. *тем более*.

Очевидно, что информант не знал русского эквивалента для польской лексемы *postęp* (русск. *прогресс*), и поэтому употребил формально похожую, русскую по происхождению лексику *postupok* ‘совершенное кем-н. действие’ (ТСО, 2016, с. 463) – польск. ‘*postępek, czyn, postępowanie*’ – или ее диалектный вариант *postupka* ‘нехорошие, плохие дела’ (СРНГ 30, с. 244), основываясь, вероятно, на звуковом тождестве и собственных ассоциациях.

Очередным примером является ситуация, в которой два разных варианта фразеологизма появляются в речи одного и того же информанта в рамках одного высказывания: первый вариант включает заимствование из польского языка, а второй – полностью совпадает с русской формой оборота. В таких случаях возможны две ситуации: а) информант не знает русской формы фразеологизма, калькирует польскую конструкцию и случайно получается единица, совпадающая с русским эквивалентом (поскольку множество польских и русских слов, а также языковых конструкций тождественны или очень похожи друг на друга); б) информант не может быстро вспомнить русский фразеологизм, и вспоминает его только через некоторое время после того, как прозвучал фразеологизм с польским заимствованием:

- (6) Ж-1926: *šč'as starav'eraf to ja zn'aju sa šf'ašč'oj, kak pa r'usk'i skaz'ać: sa šf'ašč'oj n'ada šuk'ać / né świeczka*³² *a šf'ešč'a nazyv'ajec:a n'aša z wosku što ź'elajec:a / to šf'ešč'a / sa šf'ešč'oj n'ada isk'ać* – польск. *ze świecą szukać*; русск. *искать со свечой* ‘о чем-н. очень ценном’
[Ж-1926: шчас старавэрав то я знаю, са свяшчой, как па-руски сказаць: са свяшчой нада шукаць. Не *świeczka*, а свяшча называецца наша *z wosku*³³ што дэлаецца. То свяшча. Са свяшчой нада іскаць]
- (7) Ж-1926: *to j'eta m'atka tfaj'a v grab'u pševruć'ilaš*³⁴ */ nap'evna / p'er'ev'arn'ułaš v grab'u* – польск. *{ktoś} przewraca się w grobie*; русск. *перевернуться в гробу* ‘Кто-н. сильно возмутился бы, пришёл бы в ярость, негодование (если бы узнал, увидел то, что произошло, случилось)’
[Ж-1926: то ёта матка твая в грабу пшеврутілась, напévна, перевярну́лась в грабу]

Из-за близкого родства русского и польского языков этот вопрос кажется пока окончательно нерешенным, тем более, что как польский, так и русский варианты подходят по семантике для данного контекста и нет никаких непосредственных предпосылок, чтобы признать одно из перечисленных ранее объяснений правильным.

³² Русск. *свеча*.

³³ Русск. *из воска*.

³⁴ Ср. польск. *przewrócić się* ‘перевернуться’.

Аналогичные процессы наблюдаются и в речи других информантов:

- (8) М-1977: *v nas kur''íc ěe m'ożna 'al'i v'yp'íc m'ożna t'olka ěe m'ożna pastrad'ac um'a*³⁵ / *řtop um'a ěe pastrad'al* / *a v'yp'íc m'ożna* / *v'yp'íc v nas ěe gr'ex* / *tak s'ama i f p'ost m'og'iř v'yp'íc t'olka tak řtop 'uma ěe paćer''ac* / *ěe nap''ic:a ě'e* – русск. *потерять ум* ‘сойти с ума’
 [М-1977: В нас курить не мѳжна, али выпить мѳжна. Тѳлько не мѳжна пастрадѳть умѳ, řтоб умѳ не пастрадѳл. А выпить мѳжна, выпить в нас не грех. Так сѳма и в пост мѳгиřь выпить, тѳлько так, řтоб умѳ не пате-рѳть, не напѳться, не?]

Наличие таких примеров, как (6) – (8) можно считать доказательством того, что вопреки прогрессирующей гибридизации говора (ср. Гжибовски, 2010, сс. 67–76) и его насыщения польскими языковыми элементами, на уровне сознания информанты в состоянии опознавать и разграничивать родные и заимствованные элементы, а поскольку в беседах на говоре они стремятся избегать переключения кода, то окончательно воссоздают русский вариант фразеологизма.

6.1.6. Синтаксические аспекты влияния польского языка на фразеологию говора старообрядцев

Влияние польского языка проявляется не только в полном или частичном калькировании польских фразеологизмов. Можно также отметить влияние польского языка на исконно русскую или диалектную фразеологию, проявляющееся на синтаксическом уровне. К таким изменениям можно отнести калькирование польской синтаксической схемы и замена определенного диалектного компонента или синтаксического оператора на польский при сохранении остальных элементов фразеологизма в их первоначальной форме и значении. Синтаксические изменения касаются в основном паремий³⁶, зафиксированных в форме предложения, напр.:

³⁵ Ср. польск. *postradać rozum* ‘потерять ум’.

³⁶ Подобные явления наблюдаются и в речи другой двуязычной общины, т.е. в польском говоре жителей Вершины в Сибири, напр. *St'arořć ěe r'adořć, da i řm''erć ěe ves'ele* (в данном примере в составе польской поговорки появляется русский союз *da u*, а остальная часть остается в оригинальной форме, ср. польск. *Starořć nie radořć, řmierć nie wesele*). Ср. также пример *řym x'ata bog'ata t'ymu r'ada*, где изменения произошли в управлении краткой формы прилагательного *rad* (чему?) вместо польской конструкции *rad (czym?)*, ср. польск. *Czym chata bogata, tym rada* (Grupa-Dolińska, 2022, с. 10).

L'UB'OF NÉ KART'OŠKA, NÉ VYK'INÉŠ Č'ER'EZ AK'OŠKA	Любóвь не картóшка, не вы́кинешь ч́эрез акóшка
gw. <i>né vyk'ineš č'er'ez</i> ← psk. <i>не выбросишь в</i> ros. <i>не бросишь в</i>	
M-I: za kat'ol'ika v'yšla z'amuž (...) ań'i tož žyv'ut až'in sab'e / drug'oj sab'eń'e / 'ale kag gavar'iš / kak j'ešč lub'of to ničav'o ne n'ada / l'ub'of ne kart'oška ne v'yk'ineš č'er'ez ak'oška /	M-I: за като́лика вы́шла за́муж (...) ані тож живу́т а́дін сабе́, друго́й сабе́, не. Але как гавари́шь, как е́сть любóвь, то ничавó не на́да. Любóвь не картóшка, не вы́кинешь ч́эрез акóшка
ros. <i>Любовь не картошка, не бросаешь в окошко</i> (ЭСКСиВ), psk. <i>Любовь не картошка, не выбросишь в окошко</i> (СППиП)	
В данном примере произошло калькирование польского управления глагола <i>wyrzucić</i> (<i>przez co?</i>) <i>przez okno</i> и употребление этой конструкции на месте русской и псковской конструкции <i>бросать в</i> .	

Д. Пасько-Конэчняк в статье о влиянии польского языка на синтаксис старообрядческого говора отмечает наличие подобных изменений в области управления конструкцией с предлогом также и в нефразеологических синтаксических конструкциях. Исследователь называет такие явления, вслед за З. Салони, влиянием польской морфологической аккомодации (в случае конструкций с глаголом), например, *pr'ijeżž'ać sfaj'ej maš'ynaj* [приезжать сваёй машынай] под влиянием польского *przyjeżdżać (czym?) swoim samochodem* вместо русского *приезжать (на чем?) на своей машине*, и неморфологической словарной (т. н. предложная аккомодация), например, *st'arše at jej* под влиянием польского *starszy (od kogo?) od niej*, вместо русского *(кто-то) старше (кого?) её на (сколько лет?)* (Paško, 2008, сс. 436–437).

6.1.7. Переключение кодов³⁷

Одним из наиболее значимых явлений, возникающих при взаимодействии языков, является переключение кода (*code switching*). Этот вопрос интересует исследователей билингвизма уже более полувека. Одна из первых дефиниций этого явления была дана Э. Хаугеном на Международном Конгрессе Лингвистов в 1957 году. Исследователь определяет переключение кодов в широком смысле как ситуацию, в которой говорящий переходит с одного языка на другой в процессе речи:

Переключение кодов имеет место в тех случаях, когда говорящий переходит с одного языка на другой; в наиболее явных случаях переключение оказывается полным, т.е. в речевом потоке можно указать момент, когда меняются все аспекты

³⁷ Примеры из данной части опубликованы также в статье *Obcojęzyczne elementy we frazeologii rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce* (Grupa-Dolińska, 2020, сс. 109–121).

высказывания, включая фонологию, морфологию, синтаксис и лексику (Хауген, 1972, с. 69).

Э. Хауген отметил также, что переключение кодов может происходить как в конце высказывания, так и в течение его, и что иноязычное вкрапление может включать как одно слово, так и фразу или большую по объему часть предложения. Исследователь также указал на некоторые трудности, которые могут сопровождать анализ этого явления, в частности, проблемы, связанные с точным определением момента перехода на второй код, например замену фонем иностранного языка фонемами родного языка из-за недостаточного знания фонологии иностранного языка (Хауген, 1972, с. 69). Тем не менее, по мнению Хаугена, даже такие нечеткие ситуации являются иллюстрацией феномена переключения кода. М. Глушковский отмечает, что такое понимание явления позволяет рассматривать все проявления межъязыковой интерференции как особенные случаи переключения кодов (Głuszkowski, 2010a, с. 83).

О переключении кодов упоминал в своих работах и У. Вайнрайх, который определял его как попеременное употребление языков в зависимости от потребностей ситуации (Вайнрайх, 1972, с. 28). Схожим образом об этом писал Д. Хаймс, который также подчеркивал роль обстоятельств и экстралингвистических факторов в процессе перехода билингвом от одного языка к другому. Среди упомянутых факторов он перечислил условия, в которых происходит разговор – его тему, место и время, когда он происходит, характеристики его участников и принятые нормы поведения (Hymes, 1980, сс. 61–65). М. Глушковский отмечает, что теоретический подход, сформулированный Хаймсом, неприменим в случае языковой ситуации старообрядцев в Польше, поскольку он на практике приравнивает переключение кодов к общему определению языкового контакта Вайнрайха (Głuszkowski, 2011b, с. 101).

В 70-е годы прошлого столетия было описано явление метафорического переключения кодов (*metaphorical code-switching*), предложенное Дж. Гамперцем и Я. П. Блумом, а также разговорное переключение кодов (*conversational code-switching*) и ситуативное переключение кодов (*situational code-switching*), разработанные первым из перечисленных исследователей. Под метафорическим переключением кодов авторы понимали выделение или контрастирование фрагмента высказывания на первом языке с помощью элементов второго языка (Fishman, 1972b, с. 6), а под разговорным переключением кодов – сопоставление в одном высказывании фрагментов, принадлежащих к двум грамматическим системам. При этом разговорный тип переключения кодов обычно происходит в виде последующих предложений, из которых то, которое произносится вторым, служит для повторения сообщения с использованием второго кода или для цитирования чужой речи (Gumperz, 1977, с. 1). Ситуативное

переключение кодов, с другой стороны, предполагает намеренный переход с одного языка на другой, обусловленный изменением любого из факторов, составляющих коммуникативную ситуацию, например темы разговора, намерений или отношения собеседника, места или обстоятельств, в которых происходит разговор и т.д. (Fishman, 1972b, сс. 4–5).

Правомерность разграничения метафорического и ситуативного переключения кодов была поставлена под сомнение П. Ауэром. Ученый считал основной слабостью концепции Гумперца введение разграничения на основе двух различных групп критериев – лингвистических и экстралингвистических. По мнению исследователя, возникновение факторов, входящих в обе эти группы, может повлечь за собой смену кода в рамках одной коммуникативной ситуации, при этом различие между рассматриваемыми типами носит не категориальный характер, а связано со степенью интенсивности действия отдельных факторов:

There is no reason then to draw a line between two categories of code-switching. The only difference is not a categorial one but one of degrees: some parameters may be harder to re-negotiate than others, and may be related to language choice in a more bonding way (Auer, 1984, сс. 90–91).

(«Нет никаких оснований проводить границу между двумя категориями кодовых переключений. Единственное различие – не категориальное, а градационное: одни параметры могут пересматриваться труднее, чем другие, и могут быть связаны с выбором языка более тесно»).

Переломной в какой-то степени оказалась работа К. Майерс-Скоттон, в которой предлагается теория рамочной модели матричного языка (*matrix language frame – MLF*). В ее основе лежит предположение о том, что двуязычное высказывание содержит на поверхностном уровне элементы двух (или более) языков, но только один из них составляет морфосинтаксический каркас высказывания. Язык, выступающий в качестве основы, автор назвала матричным (*Matrix Language – ML*), а другие языки, элементы которых используются в высказывании – встроенным языком (*Embedded Language – EL*) (Myers-Scotton, 2004, с. 106). Однако автор сама указывает на ограниченность разработанных ею предположений – теория MLF не может применяться ко всем случаям переключения кодов. Трудности может представлять основополагающий вопрос для применения теории MLF, а именно правильная идентификация языковой матрицы в двуязычном высказывании, особенно в случае близкородственных языков со схожей морфосинтаксической структурой (Głuszkowski, 2010a, с. 84). Опираясь на выводы, сделанные в опубликованных ранее работах, в частности, включая теорию MLF Майерс-Скоттон, П. Муйскен предложил деление на три основных типа переключения

кодов: вставку (*insertional*), чередование (*alternational*) и конгруэнтную лексикализацию (*congruent lexicalization*). Тип, который исследователь определил как «вставка», может относиться как к отдельным словам, так и к целым конструкциям, и заключается в том, что элементы второго языка вставляются в высказывание, созданное с использованием грамматических конструкций базового (матричного) языка. Чередование характеризуется полным переходом от одного языка к другому как на лексическом, так и на грамматическом уровне в пределах одного высказывания. Конгруэнтная лексикализация происходит при наличии сходной структуры и лексикона между языками, находящимися в условиях контакта, поэтому это явление часто относится к языкам с близкой степенью родства (Muysken, 2000, сс. 4–5). Муйскен ввел также понятие смешивания кодов, которое, в отличие от переключения кодов в его понимании, означает появление (возникновение) лексико-грамматических элементов из двух языков в рамках одного предложения. Переключение кодов, напротив, происходит на уровне высказывания, т.е. речевого акта (Muysken, 2000, с. 1).

Анализируя диалектные высказывания с точки зрения функционирования элементов польского происхождения, невозможно обойти вниманием фразеологию, с которой мы неоднократно имеем дело в рамках явления переключения кодов, наряду со словами и сочетаниями слов. На основе собранного материала можно выделить три ситуации, в которых фразеологизм является результатом или, скорее всего, причиной переключения кодов.

Первую группу составляют ситуации, в которых информант, чтобы обеспечить или облегчить восприятие своей мысли, переданной в высказывании в виде фразеологизма, предпринимает попытку перевести ее на польский язык. Введенные польские фразеологизмы служат повторной передаче мысли, первоначально выраженной на говоре. Такая процедура совпадает с предложенным Гумперцем определением разговорного переключения кодов:

- (1) b'es p'ałk'i ĩe patxaʒ'i / no **bez kija nie podchodź** /
[без п'алки не падхадзі / no **bez kija nie podchodź**]
- (2) kak paścel''iś:a tak v'yŕp'iś:a / **jak się pościelisz tak y się wyśpisz** /
[как пастелишься, так выплншься / **jak się pościelisz tak y się wyśpisz**]
- (3) 'eta b'yla nam ŝč'aśćija // **w nieszczęściu** / tak kak pa p'olsk'i **szczęście w nieszczęściu** /
[эта была нам ŝč'aśćija // **w nieszczęściu** / так как па-польски **szczęście w nieszczęściu**³⁸].

³⁸ Русск. эквивалент: *Не было бы счастья, да несчастье помогло.*

Фрагменты: (1) и (2) представляют собой ситуацию, в которой информант сначала использовал диалектный вариант фразеологизма, а затем, в связи с отсутствием ожидаемой реакции со стороны польского собеседника, произнес польский вариант высказывания, полагая, скорее всего, что диалектный вариант не был понятен. Пример (3), напротив, представляет собой особую ситуацию, поскольку отличается от классических примеров (1) и (2) мотивацией информанта, который сначала делает попытку сохранить высказывание в основном коде и произнести фразеологизм в диалектной форме, и только в ходе высказывания понимает, что не может это сделать. После слова *šč'aścija* [счастья] следует более длительная пауза, после которой информант сменил код на польский, чтобы завершить мысль, а затем еще раз повторил использованный ранее фразеологизм – на этот раз полностью на польском языке.

Примеры (4), (5), (6) иллюстрируют случаи чередования в рамках переключения кодов в соответствии с типологией Муйскена, т.е. цитирования. В каждом из приведенных ниже случаев наряду с введением фразеологизма происходил полный переход на польский язык, как на лексическом, так и на грамматическом уровне:

- (4) *my gavar'im stoj s'luxaj / wlaźła między wrony kracz jak i one /*
[мы гаварим стой слухай / *wlaźła między wrony kracz jak i one*³⁹]
- (5) *'eta nie dur'ak skaz'ał / daj Boże / żebyś ty uczył cudze dzieci /*
[эта не дурак сказаł / *daj Boże / żebyś ty uczył cudze dzieci*⁴⁰]
- (6) *pr'im'eń'al'i tak'oje apr'ed'el'eńe // co można wojewodzie to nie tobie smrodzie /*
'eta pa p'olsk'i / da wojewoda to 'eta abłastn'oj nač'alnik
[применяли такое апрелёние // *co można wojewodzie, to nie tobie smrodzie*⁴¹ / эта па-польски / да *wojewoda* то эта областной начальник].

Третью группу составляют фрагменты речи, представляющие вставки как тип переключения кодов. В приведенных ниже отрывках (7) – (15) мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией, когда высказывание информанта ведется, в основном, на говоре, а фразеологизм вводится в него в польской форме, не нарушая синтаксической перспективы матричного языка. После введения польского вкрапления информант продолжает свое высказывание на говоре:

³⁹ Русск. эквивалент: *С волками жить – по-волчьи выть*.

⁴⁰ Проклятие: «Пусть тебе чужих детей учить!».

⁴¹ Поговорка, выражающая убеждение, что человек старший или с высшим социальным статусом может позволить себе больше.

- (7) jak to gavar'ic:a **za wszarz** pa p'olskamu i paš'oł /
[як то гаваріцца **za wszarz**⁴² па-польскаму і пашо́л]
- (8) j'eta tak praš'o kak **w mgnieniu oka** / 'ety n'ašy tak kal'ist'i st'ar'in:yji
gavar'il'i što 'eta žyt'j'o to tak prax'ožit sk'ora što **w mgnieniu oka** /
[э́та так прашло́ как **w mgnieniu oka**⁴³ / э́ти на́шы так калі́сти ста́ринны́й
гаварі́лі, што э́та жы́цьё то так прахо́дзіць ско́ра што **w mgnieniu oka**]
- (9) ast'av'ila fšo i paš'l'a za nim kak **w amoku** /
[аста́вила все́ і пашла́ за ним как **w amoku**⁴⁴]
- (10) ja **nie przywiązuję wagi** za balš'oj tak /
[я **nie przywiązuję wagi**⁴⁵ за бальшо́й так]
- (11) fšo iž'ot **szerokimi torami** /
[все́ ідэ́т **szerokimi torami**]
- (12) safš'om 'inače / 'eta **niebo a ziemia** /
[савсе́м і́начэ / э́та **niebo a ziemia**]
- (13) i pam'ažu jajc'om i cynam'onk'i **nie z tej ziemi** /
[и пама́жу яйцо́м и цынамо́нки **nie z tej ziemi**]
- (14) ja i tak d'umała što **nie dojdę do siebie** /
[я и так ду́мала, што **nie dojdę do siebie**]
- (15) gavar'ila d'urni vy / vy **na głowy padli** /
[гаварі́ла ду́рни вы / вы **na głowy padli**]

Польская фразеология также иногда является причиной более длительного ПК в речи старообрядцев, что иллюстрируют примеры (16) и (17). В таких случаях фразеологизмы представляют собой точку перехода – более постоянную смену кода с русского говора на польский, что связано с незнанием соответствующего диалектного фразеологизма или с недостаточной компетенцией информантов для его воспроизведения путем копирования польского образца:

- (16) no kak on m'ajet **interpretować jeżeli** ja b'udu gavar'ic jam'u pa n'ašemu / b'užem fšo / he zn'aju / ap'isyać rask'azywać gavar'ic pa n'ašemu to 'etamu r'eb'onku **jak to się mówi mózg się zlasuje** / po prostu **mózg się zlasuje** / jeżeli i tak jest dużo pracy / bo zaraz po szkole i tak i tak albo ja albo żona / my m'uším ś'eść s 'etym s r'eb'onkam /

⁴² Русск. 'о способе физически расправиться с непослушным; вынудить послушание'.

⁴³ Русск. 'мгновенно, в мгновение ока'.

⁴⁴ Русск. 'бешено, в порыве безумия'.

⁴⁵ Русск. 'не придавать значения'.

[но как он máet *interpretować*, *jeżeli* я б́уду гаварі́ть яму́ па-на́шему / б́удем всё / не зна́ю / а́пісыва́ть, расскáзыва́ть, гаварі́ть па-на́шему то э́таму ребѣ́нку *jak to się mówi*⁴⁶ mózg się zlasuje⁴⁷ / *po prostu mózg się zlasuje* / *jeżeli i tak jest dużo pracy* / *bo zaraz po szkole i tak i tak albo ja albo żona*⁴⁸ / му мусим⁴⁹ сесть с э́тым ребѣ́нкам]

- (17) a kak ja był v 'arm'iji / štop v 'arm'ju zap'is'ałsa to by né był rab'otník t'olka ty by był k'em ta / i što ź'ełać / i ź'ełałoś tak što *po prostu* no l'użi no né zav''idyval'i t'olka *po prostu* no jan'y 'iśl'i *pa trupach do celu* 'etava [imię] gavar''ił što ź'ałoś / 'eta i né ź'ałoś *bez przyczyny bo powinno* 'eta się *zadziać* v dw'ac:yc ftar'ym gad'u kiedy iśl''i bolšev''ik'i *na Polskę* / [а как я был в а́рмии / штоб в а́рмию записа́лся, то бы не был рабóтник то́лько ты бы был кѣм-та / и што дѣлать / и делáлось так, што *po prostu*⁵⁰ *po* л́юди *po* не завидывали, то́лько *po prostu* по яны́ ишли́ *pa trupach do celu*⁵¹ / э́тава [имя] гаварі́л, што дя́лось / э́та и не дя́лось *bez przyczyny bo powinno* э́та się *zadziać*⁵² в два́дцать вта́рым гаду́, *kiedy*⁵³ ишли́ больше́вики *na Polskę*⁵⁴].

В примере (16) введение фразеологизма в польской форме влечет за собой относительно последовательное изменение речевого кода на польский. Только после высказывания более длинного отрывка речи на польском языке информант опять переключается на основной диалектный код и продолжает свое высказывание на русском говоре. Пример (17) представляет собой несколько иной случай, в котором фразеологизм, стимулировавший переключение кодов на польский язык, одновременно привел к усилению кодового смешения у информанта. Иноязычный фразеологизм инициировал в данном случае процесс смешения кодов.

Приведенные примеры являются лишь иллюстрацией явления переключения кодов в области фразеологии и не отражают всего спектра возможных сценариев, но представляют некоторые характерные особенности функцио-

⁴⁶ Русск. как это говорится.

⁴⁷ Польск. *mózg się zlasuje* – русск. мозг зажарится.

⁴⁸ Русск. проста мозг зажарится, если всё-таки много работы, потому что сразу после школы всё равно либо я, либо жена...

⁴⁹ Ср. польск. *musieć* 'быть вынужденным; надо'.

⁵⁰ Русск. просто.

⁵¹ Ср. польск. *iść po trupach do celu* – русск. ходить по головам (для достижения цели).

⁵² Русск. это происходило без причины, потому что это должно случится...

⁵³ Русск. когда.

⁵⁴ Русск. на Польшу.

нирования речи двуязычных информантов. Конечно, нельзя утверждать, что именно фразеология играет ключевую роль в возникновении и функционировании изменений кода внутри высказываний, так как это явление в исследуемой старообрядческой общине проявляется чаще всего в виде вкрапления отдельных слов и выражений или цитирования чужих высказываний, в которых фразеологизмы могут как появляться, так и отсутствовать. Тем не менее, определенная закономерность и связь между фразеологизмами и явлением переключения кода в старообрядческих высказываниях прослеживается и проявляется в следующих случаях: 1) незнание диалектной формы фразеологизма при одновременном желании поддерживать разговор на диалектной речи или на уровне развитого кода инициирует процесс перехода с русского говора на польский язык или приводит к введению фразеологизма в польской форме; 2) информант предпринимает попытку перевести диалектный фразеологизм или дает его польский эквивалент в случае сомнения, что польский собеседник понимает диалектную форму. Следует также отметить, что попытка объяснить функции и значение фразеологизмов для процесса переключения кода в двуязычной речи бессмысленна без учета и глубокого анализа ситуативного контекста и ряда социолингвистических факторов, сопровождающих разговор. Только вписывая конкретные речевые акты информантов в указанный контекст и пытаясь определить намерения говорящего, чаще всего можно понять особую роль фразеологизмов в процессе переключения кода на польский.

6.1.8. Влияние польских диалектных элементов на фразеологию русского говора

Влияние на старообрядческий говор, а следовательно и на его лексические и фразеологические ресурсы, оказывают и региональные варианты польского языка.

Старообрядцы, проживавшие в сувальско-августовском регионе, контактировали с относящимися к мазовецкому диалектальному поясу говорами Подляшья и Сувалок, в то время как их единоверцы из Мазурии сталкивались с мазурским говором.

На тему сувальских и мазурских диалектных явлений, зафиксированных в польском языке старообрядцев в Польше, писала А. Зелиньска (1996, сс. 109–111, 116).

Среди рассматриваемых здесь фразеологизмов можно выделить два примера, включающие элементы из регионального варианта польского языка, цитируемые в материалах середины XX века (т.е. собранные И. Грек-Пабис), и одну пословицу, зафиксированную в современном материале:

GUL' ANAF FUTRAV' AT' [гулянав футравать] 'о тошноте' (SGS)

SGS *gul' an 'indyk'*

мазур. *gulon 'indyk'*

мазур. (и польск. диал./ разг.) *futrować 'karmić'*⁵⁵

ŻYT' NA KN' EBEL [жить *na knebel*] 'жить в незаконных отношениях' (SGS)

польск. диал. *żyć na knebel 'żyć z kimś bez ślubu'*

КАК PR'ID'UT NA V' EK'I, НЕ РАМ' OGUT L' EK'I [Как придут на веки, не па-
мóгут ле́ки] 'пословица о неизбежности смерти'

польск. *Jak przyjdzie na wieki, to i nie pomogą leki*

Столь малое количество зафиксированных заимствований из польских говоров может быть связано с тем, что большая часть фразеологического материала происходит из высказываний представителей старшего поколения старообрядцев сувалско-августовского региона, которые впервые столкнулись с польским языком на этапе школьного обучения, поэтому они изучили польский язык в его литературной разновидности. Региональные элементы, присутствующие в их говоре, не являются особенно частым явлением. С другой стороны, в речи старообрядцев мазурского региона, как отмечает А. Зелиньска, зафиксированы многочисленные элементы из мазурского говора⁵⁶ (Zielińska, 1996, сс. 116–118).

⁵⁵ Следует отметить, что слово *futrować* (от немецкого *füttern*) зафиксировано во многих польских говорах и в разговорном польском языке, поэтому оно не является специфическим для мазурского говора.

⁵⁶ А. Зелиньска отмечает, что «[p]olszczyzna staroobrzędowców z ośrodków suwalsko-sejneńskiego i augustowskiego, przez brak mazurzenia i końcówek związanych genetycznie z liczbą podwójną, zbliża się do literackiej. Natomiast w ośrodku mazurskim gromadzi ona w sobie cechy gwarowe mazurskie – mazurzenie, liczbę podwójną, cechy wynikające z oddziaływania gwary rosyjskiej i języka niemieckiego» (Zielińska, 1996, с. 120).

(«польский язык, которым пользуются старообрядцы из сувалско-сейненского и августовского регионов, вследствие отсутствия мазурения и окончаний, генетически связанных с двойственным числом, приближается к литературному. В мазурском регионе, в свою очередь, польский язык аккумулирует черты мазурского говора – мазурение, двойственное число, черты, обусловленные влиянием русского говора и немецкого языка»).

Процесс заимствования элементов из польского языка и калькирования польских фразеологизмов (и других языковых структур) в говоре старообрядцев Польши чрезвычайно активен и в последние годы усиливается. Наблюдение за развитием процесса насыщения фразеологического фонда польскими заимствованиями, а также сам механизм заимствования отдельных элементов позволяют сформулировать вывод, что через несколько десятков лет, когда старших членов общины уже не будет в живых, родная фразеология будет постепенно выходить из употребления, а ее функции в высказываниях возьмут на себя фразеологизмы, калькированные с польского или польскоязычные, уже без явных следов адаптации. К числу упомянутых механизмов относятся в частности: 1) сопоставление польских ФЕ с использованием диалектных компонентов и дополнение их польскими вкраплениями в случае недостатка словарного запаса у информанта или недостаточности ресурсов самого говора; 2) индукция процесса заимствования лексики из польского языка в процессе калькирования структуры ФЕ, что связано со стремлением к построению более сложных высказываний, характерных для развитого кода; 3) увеличение числа случаев возникновения окказионального калькирования фразеологических конструкций из польского языка.

Тенденции, отражающиеся во фразеологии старообрядческого говора, подтверждают тезис С. Гжибовского (2010, сс. 67–76) о гибридизации говора, согласно которому его морфосинтаксический каркас остается практически нетронутым, а лексический слой все более полонизируется. Фразеология по отношению к этой теории играет роль, аналогичную роли лексики, и, как и лексика, заимствуется из польского языка и адаптируется к диалектным условиям, хотя следует отметить, что интенсивность этого явления не столь продвинута, а сам процесс гораздо сложнее.

6.2. Белорусские языковые элементы во фразеологии русского говора старообрядцев

В Главе II уже был затронут вопрос о появлении белорусских языковых элементов в говоре старообрядцев Польши. Некоторые черты белорусского происхождения прослеживаются и в сфере фразеологии, хотя правильно их идентифицировать гораздо сложнее (подробнее об этом далее в этой главе).

Среди белорусских языковых элементов в области фразеологии старообрядческого говора можно выделить три группы: 1) фразеологизмы, зафиксированные в старообрядческом говоре и в белорусском языке или его диалектах;

2) совместный фонд русской и белорусской фразеологии⁵⁷; 3) общий фонд белорусской и польской фразеологии.

Некоторые элементы, заимствованные из белорусского языка или его говоров, известны и в польском языке. Ввиду существования многочисленных параллельных языковых явлений основная трудность заключается в том, что невозможно однозначно определить, из какого языка попал в русский говор тот или иной пример – из белорусского или из польского. Кроме того, зачастую заимствования из польского языка, в том числе и заимствования *ad hoc*, адаптированные к старообрядческому говору, произносятся как белорусские слова, напр. *bać'an* (от польск. *bocian* – ср. бел. *бацяня*), *atrym'ać* (от польск. *otrzymać* – ср. бел. *атрымаць*).

6.2.1. Факторы, обуславливающие наличие элементов белорусского языка в говоре старообрядцев

Потенциальное присутствие элементов белорусского происхождения в старообрядческом говоре связано с несколькими факторами, которые можно сгруппировать по периодам, охватывающим промежуток времени их наиболее вероятного появления в анализируемом говоре: 1) период контакта русских и белорусских говоров на языковой родине старообрядцев; 2) период миграции; 3) период после расселения старообрядцев на польских землях; 4) современность.

Во-первых, родной говор старообрядцев (близкий к псковским говорам) уже до момента миграции имел ряд общих черт с белорусскими говорами, а миграции по белорусским территориям позволили не только сохранить эти

⁵⁷ Подробный анализ общего фонда русской и белорусской фразеологии в данной работе опущен. Псковско-белорусские параллели также являются отдельной темой. Эти вопросы настолько обширны, что могли бы стать темой отдельной монографии. Кроме того, в случае появления русско-белорусских параллельных фразеологических единиц нередко возникают трудности с определением их первоначального происхождения, хотя в большинстве случаев речь идет о русском происхождении в связи с доминирующей ролью русского языка в рассматриваемых областях на протяжении веков. Тем более, что единицы, отмеченные в псковском говоре и белорусском языке (напр. *{кому}' zań'ala d'ixa, nagavar'ic m'ex u t'orbu*), причисляются в данной работе к псковскому говору, черты которого наиболее близки к языку старообрядцев. Более того, многие фразеологизмы такого типа принадлежат к общеславянскому фонду. Поэтому мы предполагаем, что поскольку старообрядцы говорят на русском говоре (хотя и с некоторыми белорусскими элементами) и являются выходцами из этнических территорий, входящих в состав России (которые, однако, находятся в непосредственной близости от белорусскоязычного населения), то в случае существования ФЕ как в русском, так и в белорусском языках они, скорее всего, попали в старообрядческий говор из русского фонда.

черты, но и привнести в него новые. И. Грек-Пабис в своей монографии 1968 года указывает, что:

Gwara, którą wynieśli [staroobrzędowcy – прим. МГД] ze swojego macierzystego terytorium, posiadała wiele cech wspólnych z cechami gwar białoruskich. Migracja na zachód przez tereny białoruskie sprzyjała utrwaleniu się tych cech oraz nabyciu nowych. Po osiedleniu się kontakty z ludnością białoruską nie ustały (np. powiat grodzieński), co również nie pozostało bez wpływu na omawianą gwarę (Grek-Pabisowa, 1968, с. 12).

(«Говор, который они [старообрядцы – прим. МГД] принесли с родной территории, имел много общих черт с белорусскими говорами. Миграция на запад через белорусские территории способствовала закреплению этих черт и приобретению новых. После расселения контакты с белорусским населением не прекращались (напр. Гродненский район), что также оказало влияние на рассматриваемый говор»).

Таким образом, на присутствие белорусского влияния в старообрядческом говоре повлияло многовековое соседство этих двух этносов.

Во-вторых, белорусские элементы могли войти в говор старообрядцев и на этапе миграции на территорию Речи Посполитой, а также после их расселения там, о чем свидетельствуют следы влияния восточнославянских языков на польские говоры этих территорий (Grek-Pabisowa, 1976/1999, сс. 118; Zdancewicz, 1963, сс. 231–266, 1966). Старообрядцы, покидавшие родину, шли в разных направлениях, а те, кто оседал на польских землях, добирались до них двумя путями. Первый проходил через пояс прибалтийских земель, в частности, большое количество старообрядцев поселилось на первом этапе миграции в Лифляндии и Курляндии; затем целый ряд поселений возник на территориях, принадлежавших до войны Польше (например, в бывших Озёрском, Вилькомирском, Свенцяном, Паневежском, Вильнюсском, Тракайском, Ошмянском, Сувалкском и Сейнском уездах). На сувалкско-сейненской земле и в северной части Августовского района старообрядцы поселились еще до 1779 года (Grek-Pabisowa, 1998/1999, сс. 19–20). Второй из упомянутых миграционных путей вел через белорусские земли, входившие в то время в состав Речи Посполитой (поселения Стародуб и Ветка к югу от Гомеля в развилке реки Сож), откуда часть старообрядцев затем мигрировала в Витебский, Сурский, Невельский, Лепельский, и еще дальше – в Сувалкский уезд (Grek-Pabisowa, 1998/1999, с. 20). Таким образом, обе группы мигрантов поддерживали контакты с белорусским населением, хотя и с разной интенсивностью.

В настоящее время трудно говорить о массовых контактах старообрядцев с белорусами. Если они и встречаются, то это единичные случаи, не имеющие большого значения для диалекта в целом, и любые элементы, заимствованные из белорусского языка, функционируют в рамках отдельных идиолектов.

На данном этапе нельзя исключать проникновения белорусских элементов в старообрядческий диалект, но в области фразеологии их появление маловероятно.

6.2.2. Белорусские элементы, зафиксированные во фразеологии говора старообрядцев

Интересными единицами, проявляющими некоторые черты, указывающие на возможное белорусское происхождение, являются поговорки:

ЊЕ F PAR'U, TO NAŠAR'U	НЕ В ПАРЎ, ТО НАСЯРЎ
'человек, не пришедший вовремя, столкнётся с последствиями'	
Ж-II/ Ж-1941: <i>ňe f par'u to našar'u / to znaczy / że jeśli nie w czas / to podziękujemy // napr'im'er 'o tap'er'a 'o fše my zgavar'il'iša / d'a / i pr'išl'a adn'a ž'enščyna za p'ozna / to gavar'at / ŋe f par'u / to našar'u</i>	Ж-II/ Ж-1941: не в парў, то насярў, <i>to znaczy, że jeśli nie w czas, to podziękujemy</i> . Например, о, тапера, о, все мы сгаварылись, да? И пришла адна жёншчына за позна, то гаварят: не в парў, то насярў
ЊЕ SKAZ'AL ŃI NAŠAR'U, ŃI ZDR'ASRUJĆE	НЕ СКАЗАЉ НИ НАСЯРЎ, НИ ЗДРАЎСТУЙТЕ
'не поздоровался, ничего не сказал'	
Ж-II: <i>ňe skaz'al ŋi našar'u ŋi zdr'astujće</i>	Ж-II: Не сказаЉ ни насярў, ни здраўстуйте

Первая из приведенных единиц в такой форме не зафиксирована ни в одном из используемых словарей, в то время как вторая единица, т.е. *Ne skaz'al ŋi našar'u, ŋi zdr'astujće* – ср. *Ни насяру, ни здарсьте*, является довольно популярной в Интернете, а кроме того фиксируется в словаре Р. Бородулина – ср. брус. *Hi табе дзякуй, ni табе насяру* (ВсРБ). Трудно также определить точное значение отглагольного компонента *našar'u*, поскольку это слово, как правило, не отмечается в словарях. Однако консультация с носителем белорусского языка и анализ Интернет-ресурсов позволили установить, что словоформа *našar'u* является относительно популярным белорусским диалектным вулгаризмом, и, скорее всего, именно поэтому, в силу пуристического подхода лексикографов, она не зафиксирована ни в одном словаре. При этом данная единица функционирует в другой белорусской поговорке: *Насяру багачу, свой сноп малачу*, что позволяет установить значение 'пренебрегать кем-либо', выражаемое в вулгарной, очень грубой форме.

В белорусском языке фиксируется также конструкция *не ў пару* в аналогичном значении, как русск. *не вовремя*, но следует отметить, что данная конструкция – *не в пору* – встречается и в русском разговорном языке (ср. ТСЭф).

В анализируемом фонде старообрядческой диалектной фразеологии нашли также две пословицы, зафиксированные только в словаре И. И. Носовича *Сборник белорусских пословиц* (1874). Эти фразеологизмы совпадают по

форме и значению с белорусскими аналогами, но несмотря на это, их происхождение, вызывает некоторые сомнения. Первый из рассматриваемых примеров – это паремия:

ŚĆER'EŻ' ONAVA I BOX ŚĆER'EG'' от [Сцережэного и бох сцерегёт] – ср. бел. *Сцережэного и Богъ сцережець* (СБП)

Схожие по значению и почти тождественные по форме единицы встречаются и в псковских говорах, а также русском и польском языках:

пск. *Стережэного и Бог бережѣт* (СППиП)

русс. *Бережэного и бог бережѣт* (ПРН)

польск. *Strzeżonego Pan Bóg strzeże* (WSJP)

Близкое родство славянских языков и обусловленное этим сходство языковых структур, как уже отмечалось, являются факторами, ограничивающими возможность формулировать окончательные выводы. В данном случае следует учитывать и другие вероятные интерпретации: 1) пример может являться модификацией псковской формы фразеологизма (СРНГ фиксирует глагол *стерегаться* ‘остерегаться чего-л. опасного, беречься’, *стерегѣть* ‘стеречь, охранять кого-, что-л’, который мог заменить компонент *бережѣт* в результате его сходства с компонентом *стережэного*); 2) единица может являться полукалькой польского фразеологизма *Strzeżonego Pan Bóg strzeże*; 3) наименее вероятная интерпретация – единица представляет собой контаминацию псковской и белорусской форм.

Вторая паремия, отмеченная в словаре – это:

КТО ПЫТ'АЕТ НЕ ВЕ'УЖИТ	КТО ПЫТАЕТ, НЕ БЛУДИТ
М-1977: z źefč' atam kak n'ada gavar''ić (...) to j'eśca tak / kak pr'iz'oš / zapyt' ajiśša / zapazn' ajiśša z jej to v m'ordu nie d'ast / a jak nie b'uzet hač'eć gavar''ić no to trudno / ja t'olka zn'aju adn' o / kto pyt'ajit nie bļ'uzit	М-1977: с девочатам как на́да гавары́ть (...) то ё́ста так: как приде́шь, запыта́ишь, за́пазна́ишь с ей, то в мо́рду не даст. А як не бу́дет хате́ть гавары́ть, <i>no to trudno</i> . Я то́лько зна́ю адно́: кто пыта́ит, не блудит

У данной единицы не зафиксировано непосредственного эквивалента ни в русском языке, ни в псковском говоре. В словаре И. И. Носовича отмечена форма *Хто пытаець, тэй не блудзиць*, но она, по всей вероятности, является калькой польской пословицы *Kto pyta nie błądzi*.

Поскольку эти единицы зафиксированы только в одном словаре, к тому же созданном в конце XIX века (т.е. в период сильного польско-белорусского взаимного влияния), и не встречаются в словарях более позднего времени, можно с высокой долей вероятности полагать, что автор упомянутого словаря ошибочно считает эти фразеологизмы белорусскими, тогда как они были

заимствованы и адаптированы к белорусской языковой системе из польского языка. В связи с этим наиболее вероятным мы считаем польское происхождение приведенных конструкций.

6.2.3. Общий фонд польской и белорусской фразеологии в говоре старообрядцев⁵⁸

В собранном фразеологическом материале отмечены единицы, зафиксированные как в белорусском языке (или его диалектах), так и в польском. Хотя результаты исследования влияния польского языка на лексику и фразеологию говора старообрядцев, а также масштаб развития этого влияния позволяют предположить, что польское происхождение рассматриваемых оборотов более вероятно, тем не менее отсутствие более ранних свидетельств означает, что белорусское влияние в этом отношении полностью исключать нельзя. В связи с этим, а также учитывая факт, что старообрядцы, проживающие в Польше, сравнительно давно утратили связь с белорусским языковым ареалом и белорусская фразеология, по-видимому, не оказывает существенного влияния на фразеологию русского говора, следует говорить скорее об общем ресурсе польской и белорусской фразеологии, существование которого продиктовано не столько белорусским влиянием, сколько близким родством языков.

Существование параллельных фразеологических единиц в польском и белорусском языках может быть связано с: а) общим происхождением и близким родством языков; б) последствиями взаимных влияний, в частности, влиянием польского языка на белорусский. А. Заремба обращает внимание на существование многовекового влияния польского языка на белорусские говоры, в том числе и на те, которые послужили основой для создания литературной разновидности современного белорусского языка. Следствием указанного влияния является наличие многочисленных заимствований, отмеченных в различных тематических сферах. Помимо лексических заимствований, в белорусский язык проникли также сочетания слов и целые фразеологизмы, например, *biassprecznym zjaul' ajecca fakt* 'факт оказывается неоспоримым' – ср. польск. *bezsprzecznym okazuje się fakt; na pierwszy pohľad* 'на первый взгляд' – ср. польск. *na pierwszy rzut oka*, или *a mienawita* 'а именно' – ср. польск. *a mianowicie* и др. (Zaręba, 1961, сс. 4, 6).

Описанное выше воздействие не было односторонним. Т. Зданцевич (1966) отметил наличие некоторых элементов влияния белорусских говоров на польские говоры в Сейненщине, которая, в свою очередь, является одним из регионов проживания старообрядцев в Польше, поэтому вероятно, что

⁵⁸ Некоторые замечания на эту тему приведены в статье (Grupa, 2018b, сс. 281–288).

определенные проявления белорусского влияния на говор старообрядцев вышли за пределы окружающих польских говоров (Гура, 2018b, сс. 284–285).

Процесс обогащения белорусской фразеологии полонизмами особенно активно происходил после Люблинской унии 1569 года, когда в результате объединения земель Короны Королевства Польского и Великого княжества Литовского произошло сближение культур соседних польского, литовского и белорусского народов, а расширение контактов между поляками и белорусами привело к влиянию польского языка (Аксамітаў, 1978, с. 197). Период с конца XVI до начала XVII веков ознаменовался расцветом польского языка на белорусских землях. В то время польский язык стал основным средством коммуникации в экономической, политической и культурной сферах жизни белорусов (Аксамітаў, 1978, с. 212).

При этом польский язык играл особую роль и имел особый статус. Он проник в самые разные тематические сферы, в том числе и в бытовую, а также в сферу, касающуюся человеческого характера и межчеловеческих отношений. Через него в белорусский язык проникли полукальки и кальки с немецкого языка. А. С. Аксамитов отмечает, что значительное количество фразеологических единиц польского происхождения настолько укоренилось в белорусском языке, что их трудно отличить от исконно белорусской фразеологии (Аксамітаў, 1978, с. 197). Это еще один аргумент в пользу выделения группы параллельных польско-белорусских фразеологических единиц.

В собранном ресурсе были отмечены следующие фразеологизмы, общие для польского и белорусского языков:

NAŚ'IC ŻAŁ'OBU	НАСИТЬ ЖАЛОБУ
‘переживать горе, отчаяние после смерти близкого человека’, польск. <i>nosić żalobę</i> , брус. <i>жалобу насіць</i> ‘хадзіць у жалобным, чорным адзенні або з адзнакаю жалобы’ (СБНФ)	
Ж-1941: <i>my żał'obu b'uzem naś'ic tap'er' / bo 'eta śastr'a n'aśa / n'aśa pl'em''annica</i>	Ж-1941: мы жалобу бўдзем насіть таперь, бо ёта сястра наша, наша племянница

PAJĆ' I F ŚF'ET	ПАЙЋІ В СВЕТ
‘уехать, обычно с целью улучшения материального положения и условий жизни’ польск. <i>pojść w świat</i> , брус. <i>пайцці ў свет</i> (СБНФ)	
Ж-1952: <i>tak''iji č'asy b'yl'i / l'użi paśl'i f śf'et</i>	Ж-1952: такііны часы былі, лўдзі пашлі ў свет

{кто-л.} ŚPIĆ KAK ZAB'ITYJ	{кто-л.} СПИТ КАК ЗАБІТЫЙ
‘спит крепким сном’ польск. <i>{ktoś} śpi jak zabity</i> , брус. <i>спаць як забітый</i> (СБНПар)	
Ж-1941: <i>śp''it kak zab'ityj / kak m''ortvyj</i>	Ж-1941: сыпiт как забітый, как мёртвый

NOS FS'AD'IT' (SGS)	НОС ВСАДИТЬ
‘вмешиваться не в свои дела’ польск. <i>wsadzić</i> <i>wsadzać nos w nie swoje sprawy</i> , брус. нос усадіць соваць	
Сувалки-I: s tes'c'ovaj v'izd'e nos fs'ad'it	Сувалки-I: с тестёвай виздэ нос всадзіт

Указанные фразеологические единицы фиксируются как в польских, так и в белорусских словарях. Как уже отмечалось, нет четких данных, позволяющих определить, из какого источника они попали в говор старообрядцев, как и нет предшествующих подтверждений. Тем не менее, основываясь на социолингвистических данных, а также учитывая контексты употребления, с некоторой вероятностью их происхождение можно определить. В случае фразеологизмов: *naś'ic' žal'obu* [насіть жалобу], *pajći f śf'et* [пайті в свет], {кто-л.} *śpit kak zab'ityj* [{кто-л.} спит как забытый] представляется весьма вероятным, что они проникли в старообрядческий говор из польского языка и являются фразеологическими кальками, в пользу чего говорит либо возраст информанта, либо контекст высказывания. Единица *pajći f śf'et* была зафиксирована в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, в то же время свидетельств знания этой единицы старшим поколением пока не отмечено, что может указывать на ее относительно недавнее появление в говоре. В дополнение фрагмент высказывания информанта (*tak'iji č'asy b'yl'i, l'użi paśl'i f śf'et* [такийи часы были люди пашлі в свет]) указывает на наличие других элементов, заимствованных из польского языка. Аналогично в случае с единицей {кто-л.} *śpit kak zab'ityj*, хотя она была записана в речи представительницы старшего поколения, а более обширные фрагменты указывают на ее польский генезис: информант уточняет компонент *zab'ityj*, дополняя его диалектным (и русским) *m''ortvyj*, возможно, понимая, что это иноязычный элемент (*śp'it kak zab'ityj, kak m''ortvyj* [спит как забытый, как мёртвый]). Пример *naśic' žal'obu*, в свою очередь, был зафиксирован в высказывании информанта-женщины, в речи которой процесс заимствования польской лексики и калькирование фразеологии является особенно активным. Поскольку контакты старообрядцев с белорусами после их переселения на территорию Польши были весьма ограниченными, можно сделать вывод, что приведенные фразеологизмы имеют польское происхождение, а формальное и семантическое сходство с белорусскими формами обусловлено близким родством двух славянских языков и некогда интенсивными контактами, продиктованными близким соседством и общей историей. Последняя среди рассматриваемых – единица *nos fs'ad'it* [нос всадить], возможно, действительно была заимствована из белорусского языка, так как встречается в самом раннем материале, собранном в 1950-е годы, в речи представителя старшего поколения, и не отмечается сейчас.

6.3. Элементы немецкого происхождения во фразеологии говора старообрядцев

Элементы немецкого происхождения отмечаются в речи старообрядцев из мазурского региона, для которых немецкий язык является одним из трех кодов в рамках трехязычия. Старообрядцы, проживающие в августовском и сувалкско-сейненском регионе, лишь изредка соприкасались с немецким языком (в основном это касается тех, кто был депортирован на работу в немецкие поместья в Пруссии в 1943-1945 гг.), они не использовали его повседневно, поэтому немецкие элементы в их говоре отсутствуют (Grek-Pabisowa, 1983, сс. 57–58).

6.3.1. Факторы, обуславливающие наличие элементов немецкого языка в говоре старообрядцев

На говор старообрядцев мазурского региона повлиял общий немецкий язык, т.е. его разговорный вариант (Grek-Pabisowa, 1983, с. 57). Предполагается, что влияние немецкого языка началось вскоре после поселения старообрядцев в этом районе (ок. 1830 года) и продолжалось до конца Второй мировой войны⁵⁹, когда Мазурия, ранее принадлежавшая Восточной Пруссии, оказались в административных границах Польши (Grek-Pabisowa, 1983, с. 57; Joroch, 2014, с. 311).

И. Грек-Пабис обращает внимание на существование определенного фонда германизмов в говоре старообрядцев сувалкского и августовского регионов, напр. *k'ankə* [*kánka*] ‘банка для молока’, *vərtav'at* [*вартава́тъ*] ‘выполнять вахту’, *šəl'bab'on* [*шельбабо́н*] (нем. *die Schalbohne*) ‘фасоль’. По мнению исследователя, по отношению к этой группе слов трудно определить, были они заимствованы в говор посредством польского языка, или же могли быть известны в говоре еще до заселения польских территорий (Grek-Pabisowa, 1983, с. 58). Некоторые из них, скорее всего, проникли в говор старообрядцев через посредство польского языка – например, упомянутое выше слово *vərtav'at* является известным на территории всей Польши заимствованием – *wartowác* (ср. de Vincenz & Hentschel, 2010).

Интенсивность процесса влияния немецкого языка на русский говор не всегда была равномерной:

⁵⁹ И. Грек-Пабис отмечает, что контакты старообрядцев с немецким языком в Мазурии не прекратились с окончанием Второй мировой войны, а продолжались еще несколько лет вплоть до эмиграции немецкого населения в Германию (Grek-Pabisowa, 1983, с. 57).

W pierwszych latach po osiedleniu się wpływ języka niemieckiego nie mógł być znaczny. Do 1843 r. nie obowiązywała staroobrzędowców służba wojskowa, szkoły z językiem niemieckim wprowadzono po 1876 r. Za okres silniejszych wpływów języka niemieckiego można przyjąć lata od ostatniego ćwierćwiecza w. XIX do r. 1945 (Grek-Pabisowa, 1983, c. 58).

(«В первые годы после заселения влияние немецкого языка не могло быть значительным. До 1843 года старообрядцы не были обязаны нести военную службу, школы с немецким языком обучения были введены после 1876 года. Периодом более сильного влияния немецкого языка можно считать последнюю четверть XIX века до 1945 года»).

Уже с момента переселения в Мазурию, наряду с немецким языком, на русский говор оказывал влияние мазурский говор – региональный вариант польского языка. Благодаря мазурскому говору старообрядцы познакомились со многими понятиями, называющими элементы действительности в новых реалиях. Через мазурское посредство в их говор попали многие германизмы, чему дополнительно способствовало сходство обеих языковых систем по сравнению с немецким языком (Grek-Pabisowa, 1983, c. 59).

Наличие немецких заимствований и языковых калек поддерживалось путем частых поездок мазурских старообрядцев в Германию и контактами с проживающими там родственниками. Этот эффект усиливался также высоким престижем немецкого языка в глазах старообрядцев. По словам А. Зелинской:

wszyscy chętnie go [języka niemieckiego – прим. МГД] używają, przyznają się do posługiwania się nim w gronie rodzinnym, zarówno przed wojną, jak i obecnie (...) (Zielińska, 1996, c. 53).

(«все охотно пользуются им [немецким языком – прим. МГД], признаются, что используют его в семейном кругу, как до войны, так и сейчас (...)»).

В настоящее время в Мазурии осталось лишь немного старообрядцев, использующих русский говор в повседневной жизни, в то время как значительная часть оставшихся в живых пользуется немецким языком, о чем упоминает А. Йоррох:

Staroobrzędowcy urodzeni do połowy lat 50. XX wieku mówią płynnie i naturalnie po niemiecku. U osób starszych, które najdłużej przebywały w otoczeniu niemieckojęzycznym, wpływy z polszczyzny są najmniej widoczne [w zakresie języka niemieckiego] (Jorroch, 2014, c. 315).

(«Старообрядцы, родившиеся до середины 1950-х годов, говорят по-немецки свободно и естественно. У старших людей, которые дольше всего находились в немецкоязычной среде, влияние польского языка наименее заметно [в плане немецкого]»).

Основным средством общения, используемым в повседневных ситуациях, для старообрядцев мазурского региона, родившихся после 1945 года, является польский язык (Jotroch, 2014, с. 318).

6.3.2. Влияние немецкого языка на фразеологию говора старообрядцев

В ранее цитированных работах, описывающих заимствованную лексику немецкого происхождения и языковую ситуацию мазурских старообрядцев, нет упоминаний о фразеологизмах немецкого происхождения в русском говоре.

В собранном материале отмечено 5 примеров фразеологизмов, калькированных или содержащих элементы, заимствованные из немецкого языка:

<i>{кто-л.}</i> М'АЖИТ F'UGL'A	<i>{кто-л.}</i> МАЙИТ ФУГЛЯ
‘быть помешанным на чем-л.’	
Мазурия-I: on m'ajit pat tym zgl'endam f'ugl'a	Мазурия-I: он майит пат тым зглэндам ⁶⁰ фугля
нем. <i>einen Vogel haben</i> ‘mieć fioła (niedobrze w głowie)’ (SFNP)	

Џ'ЕЛАЌ <i>{что-л.}</i> FEJN	ДЕЛАТЬ <i>{что-л.}</i> ФЕЙН
‘делать что-то хорошо’	
Мазурия-I: fšo sab''e fejn pakupl''ała	Мазурия-I: всё сабэ фейн пакупляла
нем. разг. <i>sich fein machen</i> ‘ładnie się ubrać, przyozdobić’ (NPSF)	

XV'ORYJ NA DUŠU (SGS)	ХВО́РЫЙ НА ДУ́ШУ
‘психически больной’	
Мазурия-I: jon xv'oryj na d'ušu	Мазурия-I: ён хво́рый на ду́шу
нем. <i>krank an der Seele</i> ‘психически больной’	

<i>{кому-л.}</i> ŠPL'INTA BRAK'UJIT (SGS)	<i>{кому-л.}</i> ШПЛИ́НТА БРАКУ́ЙИТ
‘кто-л. сошёл с ума, психически заболел’	
Мазурия-I: tab''e špl''inta brak'ujit	Мазурия-I: табэ шпли́нта браку́йит
нем. <i>der Splint</i> ‘was von Holz zwischen der Rinde und dem Kern des Baumes ist’ (DWGRIMM)	

DAST'AC XUD'OJ ROZUM (SGS)	ДАСТА́ТЬ ХУДО́Й РО́ЗУМ
‘сойти с ума’	
Мазурия-I: kak ast'anus' f't'ib''a na safš''im, to ja xud'oj r'ozum dast'anu / ja adur''eju fs'o r'ovna	Мазурия-I: как аста́нусь в тибя́ на савсѣ́м, то я худо́й ро́зум даста́ну, я адуре́ю всё ро́вна

⁶⁰ Ср. польск. *pod tym względem* ‘в этом отношении’.

нем. *einen schlechten Verstand haben* (NLM)

ср. русск. *Худой умъ, разумъ* ‘самоволие, попускание себя самого на худыя дила’ | *худой умъ, плохой разумъ* ‘безразсудство’; ‘тупоуміе, глупость; необузданность, невластные собою и дурныя послѣдствія этого’ (Даль)

Следует отметить, что столь малое количество зафиксированных фразеологизмов со следами немецкого языка не должно восприниматься как свидетельство незначительного немецкого влияния в этой области. В настоящее время практически невозможно определить масштабы этого явления из-за постоянно уменьшающегося количества информантов, использующих русский говор в мазурском регионе, а также слишком поздно предпринятой попытки собрать фразеологический материал. Довольно вероятно, что при более широком корпусе записей разговоров со старообрядцами мазурского региона более раннего периода, примеров фразеологических единиц, мотивированных немецким языком, нашлось бы больше⁶¹.

6.4. Элементы литовского происхождения

В говоре старообрядцев встречаются и некоторые элементы литовского языка, хотя они немногочисленны. И. Грек-Пабис в своей монографии 1983 года обратила внимание на небольшую долю лексики в лексическом фонде старообрядцев, заимствованной из балтийских языков. Исследователь отметила 12 литовских заимствований (напр. *glum̃n'oj* ‘глупый, надоедливый’ < лит. *glūmas* ‘тупость, одурманенность’), 2 латышских (напр. *barkan'ica* < лат. *burkāni* ‘морковь’), а также одно словосочетание, содержащее литовский элемент: *d'arbu spr'av'it* ‘отшлепать’ < лит. *dárbas* ‘работа, должность’(?)⁶² (Grek-Pabisowa, 1983, сс. 62–65), которое, однако, в современном материале не зафиксировано.

В собранном материале отмечен один фразеологизм, в компонентный состав которого входит элемент, возможно, литовского происхождения:

⁶¹ Корпус записей, документирующих исследуемый говор представителей мазурского региона, который нам удалось собрать для данной монографии, невелик по сравнению с материалами августовского и сувалско-сейненского регионов. Он включает в себя материалы, записанные в 1950–60-е годы, а также современные записи 2014 года, собранные преподавателями и студентами Университета Николая Коперника в Торуне. В ходе экспедиции, организованной в 2014 году, выяснилось, что лишь некоторые из информантов, с которыми удалось связаться, продолжают общаться на русском говоре. Часть информантов согласилась на интервью только на польском языке, другая часть предложила интервью на немецком. В современном материале не удалось зафиксировать ни одного примера фразеологизма, проявляющего немецкое влияние.

⁶² Вопросительный знак находится также в монографии, из которой взят пример.

NAM'AZALA L'UPY KAK J'OLKA	НАМА́ЗАЛА ЛУ́ПЫ КАК ЁЛКА
‘о женщине с выразительным макияжем губ’	
М-II: an'a nam'azala l'upy kak j'olka	М-II: ана́ нама́зала лу́пы как ёлка
l'upy – lit. <i>lūpa</i> ‘warga’ (ZŠŽ)	

Однако литовское происхождение компонента *l'upy* [лу́пы] – не единственная возможность толкования, так как лексема *луна* (и производные) фиксируется в белорусских диалектных словарях (ср. *лунаты* ‘с большими некрасивыми губами’ (БРССтан); *закапылиць [надуць] губы [лупы, грыбы]* ‘Загневацца, зазлаваць, надзьмуцца на каго’ (СБНФ). Мы не можем однозначно решить, из какого языка данный элемент перешел в старообрядческий говор, но очевидно, что он первоначально принадлежал к великолитовскому историческому языковому ареалу.

6.5. Интернациональные единицы в составе фразеологии говора старообрядцев в Польше

Существование международной фразеологии обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, это общие культурные круги, общее наследие и история, а также сходные элементы окружающей действительности и относительное сходство менталитетов и ценностей народов. На этой основе можно говорить, в частности, об общеславянской и европейской фразеологии, а также фразеологии других групп языков или народов (напр. фразеология английского языка в британском, американском и австралийском вариантах – ср. напр. Rozumko, 2010).

Интересные замечания по поводу фразеологии в сопоставительном аспекте сделал С. Скорупка. Он отметил, что в области фразеологии так называемой «естественной» (польск. *frazeologia naturalna*), т.е. такой, «źródłem powstawania są zjawiska natury, świat roślinny i zwierzęcy, zachowanie się człowieka, jego naturalne gesty, nazwy części ciała, podstawowe czynności fizjologiczne» («источником образования которой являются явления природы, растительный и животный мир, поведение человека, его естественные жесты, названия частей тела, основные физиологические действия»), существуют явные сходства во многих языках (Skorupka, 1965, с. 119).

Исследователь обращает внимание на существование конвергентных или очень похожих механизмов, управляющих человеческим восприятием, которые, в свою очередь, влияют на конкретные представления об окружающей действительности:

Człowiek, obserwując naturę, przenosi nazwy przedmiotów i zjawisk naturalnych na inne przedmioty lub czynności w podobny sposób we wszystkich językach. Zjawisko burzy jest powszechnie znanym zjawiskiem na całym świecie. W naturalny sposób nazwę tego zjawiska przeniesiono na objawy zaburzeń i przewrotów społecznych oraz na wszelkie żywiołowe manifestacje gwałtownych uczuć. Stąd w wielu językach równoległe wyrażenia: pol. *burza wojenna, rewolucyjna*, ros. *военная буря*, fr. *les tempêtes de la révolution* (...) (Skorupka, 1965, ss. 119–120).

(«Человек, наблюдая за природой, переносит названия предметов и природных явлений на другие объекты или действия сходным образом во всех языках. Явление грозы хорошо известно во всем мире. Название этого явления естественным образом переносилось на симптомы социальных проблем и переворотов, а также на любое спонтанное проявление стремительных чувств. Отсюда параллельные выражения во многих языках: польск. *burza wojenna, rewolucyjna*, русск. *военная буря*, франц. *les tempêtes de la révolution* (...)).»

Помимо примера, приведенного в цитируемом отрывке, исследователь показывает также параллельные фразеологические единицы, встречающиеся в различных европейских языках и касающиеся, в частности, символики, связанной с миром животных (напр. воробей или просто маленькая птица как символ маленького размера: польск. *jeść jak wróbelek*, франц. *manger comme un moineau*, англ. *to eat like a sparrow*, итал. *mangiare come un uccello/uccellino*, нем. *essen wie ein Spatz*) или человеческими жестами (напр. жест, выражающий бездействие во фразеологизмах: польск. *czekać, siedzieć z założonymi rękami*, русск. *сложь руки сидеть*, укр. *сидіти згорнувши (склавши) руки*, нем. *die Hände in den Schoß legen*, франц. *rester les bras croisés*). С другой стороны, сходство в отношении «конвенциональных» фразеологизмов, связанных с отображением мыслей и суждений образными средствами, может объясняться общей для всех людей ментальной структурой. Благодаря этому мы можем наблюдать существование фразеологических единиц, передающих одну и ту же мысль посредством разных языковых средств, разных символов и метафор в зависимости от менталитета и обычаев народа (Skorupka, 1965, ss. 119–127).

Основой для существования и развития схожей европейской фразеологии, помимо упомянутых выше достаточно общих факторов, были, в частности: Библия (в случае христиан) и мифология (особенно в случае западноевропейской цивилизации). Исследователь общего фонда европейской фразеологии Э. Пийрайнен в монографии *Widespread Idioms in Europe and Beyond* к двум упомянутым источникам добавляет третий, т.е. практики и обычаи Средневековья и эпохи Реформации (Piirainen, 2012).

В данном исследовании существенным является то, какими путями различные элементы фразеологического фонда попали в рассматриваемый говор. Многие из исследующихся здесь фразеологических единиц, несомненно,

имеют интернациональный характер, но для старообрядческого говора этот факт не имеет значения, поскольку, по всей вероятности, интернационализмы могли проникнуть в него либо из русского языка, либо из польского.

К группе фразеологизмов международного распространения⁶³, попавших в старообрядческий говор благодаря их наличию в русском языке, можно отнести, в частности, следующие: 1) относящиеся к сфере религии (библейского происхождения): *pa 'obrazu i pa pad'ob'iju* [*на образу и на падобію*], *sl'ava B'oxu* [*слава Богу*]; 2) выражающие общие ценности, жизненные истины, вытекающие из общечеловеческих убеждений, стереотипов: *Kak pašćel' iś:a tak v'yśp'iś:a* [*Как настелишься, так выступишься*], *Ć'išu j'ežeš, d'al'se b'užeš* [*Тыши едзеш, дальше будзеш*]; 3) отражающие мысли и понятия, присутствующие в культуре: *{у кого-л.} l''evuje r'učk'i* [*{у кого-л.} левые ручки*]⁶⁴.

С другой стороны, к числу интернациональных фразеологизмов можно отнести и единицы, проявляющие в своей форме следы польского влияния. В случае данной группы существует два возможных варианта объяснения: либо информант познакомился с данной единицей в польском языке и только потом на этапе высказывания перевел ее, используя известные ему диалектные элементы, либо информант знал русскую эквивалентную единицу, но забыв ее точную форму, пополнил состав оборота компонентом, заимствованным из польского языка. Препятствием для окончательной оценки ситуации, как уже отмечалось, является близкое родство русского и польского языков.

Среди интернационализмов, зафиксированных в старообрядческом говоре, которые перешли в его ресурсы посредством польского языка, можно назвать следующие:

1) касающиеся религиозной сферы:

М'АН:А С Њ'ЕВА	МАННА С НЕБА
‘неожиданный дар, полученный без усилий’	
Ж-1941: <i>box ěe s'yp'et s ě'eba m'an:u / dał tab''e r'uk'i / dał tab''e n'og'i dał tab''e r'ozum i star'ajša / truž'iša</i>	Ж-1941: <i>Бох не сѣпет с неба манну, дал табѣ руки, дал табѣ ноги, дал табѣ розум – старайся, трудися</i>
Ср. русск. <i>манна небесная</i> (ЭСКСиВ); Ср. пск. <i>Манна с небес валится</i> (СППИТ); Ср. польск. <i>manna z nieba</i>	

⁶³ Интернациональными фразеологизмами в данной монографии считаются единицы, которые известны, по крайней мере, в нескольких языках (не только славянских).

⁶⁴ Перечисленные фразеологизмы обсуждались подробнее в Главе V.

ВЫП'ІСЬ ЧАРУ	ВЫПИТЬ ЧАРУ ⁶⁵
‘переносить страдания’	
Ж-1940: kto raž' iłša to fše m' ušut pam' 'erć / ċ' aru j' etu m' ušut j' etava v' yp' ić	Ж-1940: кто радился то все мўсют памёрць, чару ёту мўсют, ётава, выпіць
Ср. русск. <i>выпить горькую чашу до дна</i> (БФСРЯ) Ср. польск. <i>wypić czarę goryczy</i> (WSJP)	

2) выражающие общие ценности, жизненные истины, вытекающие из общечеловеческих убеждений, стереотипов:

FŠ'UDY D'OBRA GŹE NAS NÉT	Всюды добра где нас нет
‘поговорка, используемая человеком, который недоволен своим местом проживания и считает, что в другом месте гораздо лучше’	
Ж-1940: 'al' i gavar' 'u zbr' iđła / bo ċuž' oj g' orad / ċuž' yji l' uži (...) v agust' ov' e b' udut gŹ' eta rab' otać i d' om stav' 'it t' utka / fš' udy d' obra gŹe nas nёт	Ж-1940: али гаварію, збрідла ⁶⁶ , бо чужой горад, чужыйн люди (...) в Агустове будут рабoтaть и дом ставит тутка. Всюды добра где нас нет
Ср. русск. <i>Везде хорошо, где нас нет</i> <i>Там хорошо, где нас нет</i> Ср. польск. <i>Wszędzie dobrze gdzie nas nie ma</i>	

3) отражающие мысли и понятия, присутствующие в культуре

M' EŻDY MAŁATK' OM A KAV' ADŁAM	МЕЖДЫ МАЛАТКОМ А КАВАДЛАМ
‘оказаться в безвыходной ситуации’	
Ж-I: tak što ja b' yła tak m' eždy małatk' om a kav' adłam	Ж-I: так што я была так межды малатком а кавадлам
Ср. русск. <i>между молотом и наковальней</i> (ФСРЛЯ) Ср. польск. <i>między młotem a kowadłem</i>	

С точки зрения иноязычных элементов, отмеченных во фразеологии русского говора старообрядцев Польши, наиболее распространенным является польское влияние, проявляющееся, прежде всего, в виде фразеологических калек и полукалек. Для данного исследования была собрана 131 фразеологическая единица (включая варианты, ФЕ из региональных разновидностей польского языка, а также ФЕ, обнаруживающие польское влияние только в плане синтаксиса), хотя этот ресурс постоянно расширяется и фактически ограничен только креативностью говорящего. Однако большую часть в этой

⁶⁵ Ср. польск. *czara* ‘чаша’.

⁶⁶ Ср. польск. *zbrzydło* ‘надоело’.

группе составляют ситуативно созданные ФЕ, при этом лишь некоторые из них становятся частью системы (в проанализированном материале 55 ФЕ из 131 – 40%).

Белорусский язык оказал влияние на говор старообрядцев, однако это влияние не сильно отразилось во фразеологии. Перечисленные фразеологические единицы, известные в белорусском языке, в основном функционируют и в польском (исключение составляют поговорки с белорусскими элементами: *Ńe f par'u, to naśar'u, Ńe skaz'al ni naśar'u, ni zdr'astujće*). Следует также помнить, что существует совместный фонд русско-белорусских ФЕ, по отношению к которым нет возможности определить точное происхождение. В собранном материале зафиксировано небольшое количество единиц, известных как в белорусском, так и в польском языке. Из-за конгруэнтной формы и тождественного значения установление их происхождения также оказалось непростым заданием. Однако некоторые предпосылки для решения данного вопроса можно найти в языковых биографиях информантов, проследив их языковые навыки и привычки.

Роль немецкого языка четко выявляется в Мазурии, но, скорее всего, в силу ограниченности материала, там зафиксировано только 5 фразеологизмов, калькированных из немецкого языка или характеризующихся его влиянием. При этом небольшое количество зафиксированных единиц не свидетельствует о том, что процесс насыщения говора немецкими элементами не являлся активным. Возможно, это связано с ограниченностью языкового материала, собранного в мазурском регионе.

Литовские элементы имеют маргинальное значение как в плане лексики, так и фразеологии исследуемого говора. Зафиксирован лишь один пример, который нельзя с полной уверенностью отнести только к литовскому языку, так как компонент *l'iry* [*л'иры*] известен также в белорусском языке, а значит принадлежит к великолитовскому языковому ареалу.

В говоре старообрядцев присутствуют также единицы, относящиеся к категории интернационализмов, которые попали в говор посредством русского или польского языков, о чем свидетельствуют их форма и лексический состав.

Проведенный анализ доказывает, что собранный материал действительно можно назвать разноразличным, так как из всех собранных 412 ФЕ 145 (35%) составляют единицы, калькированные из других языков или проявляющие следы иноязычного влияния.

Заключение

Фразеологический ресурс говора старообрядцев в Польше в современную эпоху состоит не только из исконных элементов, но и заимствованных из языков, с которыми старообрядцы вступали в контакт на протяжении многих лет в результате различных событий. Основной целью данной монографии было представить и проанализировать разноязычный фразеологический материал, зафиксированный в речи многоязычных старообрядцев, проживающих в Польше. Проведенное исследование было направлено сначала на установление происхождения отдельных фразеологизмов, затем был проведен анализ с точки зрения значения и построения собранных единиц.

Заимствованные из польского языка элементы принадлежат к числу самых древних, поскольку некоторые из них относятся к периоду, предшествующему миграции старообрядцев, когда лексические полонизмы проникали в их говор еще на языковой родине, чему способствовали интенсивные польско-русские контакты в XVI–XVII вв. В настоящее время в силу островного характера изучаемого говора процесс обогащения его языковых ресурсов постоянно усиливается как в плане лексики, так и фразеологии, в которой наблюдается постоянно увеличивающееся количество фразеологических калек и полукалек.

Помимо польских заимствований, в старообрядческом говоре зафиксированы отдельные примеры белорусских, немецких и литовских языковых элементов, но их значение, в силу крайне ограниченной распространенности, незначительно. Во фразеологическом фонде старообрядческого говора отмечено также наличие фразеологизмов, относящихся к категории интернациональных, которые проникли в него двумя путями: из русского или польского языков.

Однако следует подчеркнуть, что до настоящего времени, несмотря на отрыв старообрядцев от своей языковой родины и пребывание в иноязычной языковой и культурной среде, сохранился достаточно богатый фонд исконной общенародной русской и диалектной фразеологии из тематических кругов, связанных с человеком, религией и культурой. Заслуживает внимания также факт, что значения отдельных исконных фразеологизмов не претерпели принципиальных изменений, несмотря на то что они передавались устным путем.

Только некоторые из них обнаруживают незначительные различия в оттенках значения, действующие в рамках отдельных идиолектов.

В результате решения основной задачи данной монографии удалось получить ответы на поставленные в Предисловии исследовательские вопросы. В частности, анализ многоязычного фразеологического ресурса говора старообрядцев в Польше позволил установить следующее:

1. Фразеологические единицы русского происхождения, зафиксированные в исследуемом говоре, сохранили свои первоначальные значения (они совпадают со значениями, зафиксированными в словарях, а некоторые незначительные различия проявляются лишь на уровне оттенков значения);
2. В области исконной фразеологии представлены следующие тематические группы: ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА, ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ. Наибольшее количество ФЕ принадлежит к первой группе, т.е. к тематическому кругу, связанному с характеристиками и деятельностью человека, чуть меньшее количество ФЕ относится к сфере культуры и наименьшее – к религии. Преобладание фразеологизмов, относящихся к человеку, т.е. определяющих его характеристику, поведение, физические и психические состояния, отношения с другими людьми и т.д., обусловлено отраженным в языке антропоцентризмом, что характерно для традиционных диалектных сообществ. Можно также предположить, что данное явление свойственно человечеству в целом, поскольку связано с областью, с которой человек взаимодействует на протяжении всей своей жизни. В силу указанных причин старообрядцы, оставаясь изолированными от своих этнических территорий, в чужом окружении сохранили в своем говоре то, что наиболее близко, существенно и незаменимо – отсюда, в частности, столь многочисленные ассоциации с соматическими или иными компонентами, непосредственно связанными с человеком (напр. *xłop*, *ž'enščyna*, *mišč'yna*). Сферы культуры и религии, хотя и опосредованно, также связаны с идеей центральной роли человека в восприятии и осмыслении реальности, поскольку в основном касаются созидательной деятельности человека, его судьбы, обычаев и отношений с Богом.
3. Анализ структуры исконных ФЕ и их сравнение с эквивалентами, зафиксированными в словарях и Интернет-источниках, показал, что между ними существует ряд различий в плане лексики (замена компонентов, наличие или отсутствие дополнительного члена фразеологизма), морфологии (грамматические и словообразовательные изменения) и синтаксиса (изменение порядка слов внутри фразеологизма).

4. Во фразеологическом ресурсе старообрядческого говора существует определенный фонд дифференциальных единиц, которые можно разделить на две группы: 1) ФЕ, имеющие эквиваленты в литературных и диалектных словарях русского языка (их дифференциальный характер заключается в различии внутри компонентов или в наличии/отсутствии дополнительного фразеологического члена по отношению к общим и диалектным единицам русского языка); 2) ФЕ, характерные для говора старообрядцев, не зафиксированные в словарях русского языка или его диалектов.
- 5–6. Фразеологический фонд говора старообрядцев в Польше в значительной степени насыщен иноязычными элементами – около 35% составляют единицы, калькированные из других языков или несущие следы иноязычного влияния. Более того, наблюдается чрезвычайно активный процесс заимствования польской фразеологии, в частности, калькирования ее структуры, что выражено в фиксации постоянно увеличивающегося количества фразеологических калек и полукалек (они составляют около 30% от всех ФЕ). Однако, как правило, это ситуативные конструкции, создаваемые информантами для целей конкретного разговора, и лишь их небольшая часть получила широкое распространение в других идиолектах. Несмотря на ситуативный характер калькированных ФЕ, заметны определенные закономерности в их построении, лексическом составе и коммуникативной ситуации, которая стимулирует информанта к использованию польских фразеологических ресурсов в процессе создания диалектного высказывания.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что фразеологический фонд говора старообрядцев, проживающих в Польше, безусловно, можно назвать разноязычным, поскольку он содержит единицы (или элементы), заимствованные в основном из польского и, в значительно меньшей степени, из немецкого, белорусского и литовского языков. Наблюдения, сделанные во время диалектологических экспедиций, позволяют сформулировать вывод о том, что количество конструкций, калькированных с польского языка, неуклонно растет, а сам процесс калькирования, как и заимствование лексики и других элементов польского языка, за последние несколько лет ускорился. Принятие лонгитюдной перспективы в проведенном исследовании, предполагающей, что одни и те же информанты могут быть охвачены исследованием и опрошены неоднократно на протяжении нескольких лет, позволило проследить изменения в их языковой ситуации. Анализ вышеуказанных изменений позволяет заключить, что польский язык постепенно вытесняет русский говор практически во всех сферах общения (особенно это касается лексического и фразеологического фондов), поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что

фразеологический ресурс старообрядческого говора продолжит обогащаться польскими элементами, а исконная фразеология будет постепенно вытесняться по мере смены поколений, которая произойдет в старообрядческой среде в ближайшие несколько лет.

Приложение 1

Список исследованных в монографии фразеологизмов с указанием страниц, на которых они упоминаются:

Фразеологизмы, зафиксированные в русском языке

- A štop čeb''a v'olk s'j'el*, 138
Adn'y gl'aży i pl'ačut i sk'ačut, 165
Až'in raz l'ušče v''izeč kak ž'ešić ras sl'yšeč, 128
At m'ala do v'el''ika, 134
At pak'on v''eku, 133
B'ab'ij kut, 132
B'ab'in syn, 117, 176
(B'es) ne s n'aševa bal'ota, 125, 187
B'es p'alk'i ne patxaž'i, 113, 224
B''ityj ne b''itava v'ež'ot, 125
Č'er'es p''aty i žeš'aty, 136
Č'ornaja b'ajna, 132
Č'išy j'ežeš, d'al'se b'užeš, 128, 244
Da č'omnaj n'očy, 133
D'alše v l'es, b'olše drof, 128
Davn'ym davn'o, 133
DI'in:yj jaz'yk, 113, 178
D'umaj ne d'umaj – car''om ne b'užeš, 128
Dva syn'očka i d'očka l'apočka, 124
Ž'eňek kak š'umy {кто-л. имеет}, 134
Ž'er'eva dabr'a i zla, 139
F kav'o m'atka f'tav'o i gaľ'ofka gl'atka, 124, 193
F kalx'oz'e d'obra žyt'ad'in rab'otajet, s'em l'ež'yt, 166, 181
Fpašć v' užas, 118
Fpux i prax, 134
F š'il'e (быть) {что-л. сделать}, 114
Fst'ač na n'og'i, 114, 177
Galav'oj nalaž'yt', 114, 178
Glux'oj kak p'eň, 100, 115
G'or'e m'ykač, 118
Xud'oj kak skr'ypka, 112
Ić'ić v ag'oň {за кого-л.}, 125
Ić'ić v atst'afku, 122, 184
Igr'ajit | zaigr'ala krof {в ком-л.}, 115
Il'ij'a dast gñil'ij'a, 139, 180
Ja spas''ibuju tab''e što pam'ok maj'oj b'ed''e, 138
Jaz'yk atñ'ala, 118
Jaz'yk b'es kašč'ej što x'očet to lap'očet, 129
Ješ pak'a rot sv'ež, umr''oš i k'olam ne zab''oš, 138
Kab'yla ne koň, a b'aba ne čelav''ek, 126
Kak paščel''iš: a tak v'yšp''iš: a, 129, 224, 244
Kak prasn'atan:yja (о женщине), 115
K'am'in:yja š'erca {кто-л.} (имеет), 113, 178
Kam'u žeň'ic: a, tam'u ne sp''ic: a, 124
K'id'ac: a v gl'aży, 115, 178, 190
Krof k'ip''it {в ком-л.}, 113, 178
Kr'učić: a na jazyk'u {что}, 118
Kr'yša nad galav'oj, 132, 178
L'evyje r'uk'i | r'učk'i, 113
L''oxkaja kak p''ora, 135
L'ub'iš v g'ošči xazič, lub''i i pr'iglaš'ić, 129
M'axnuć ruk'oj {на кого, что}, 119
Maskv'a šl'ez'am ne v''er'it, 129
M''eňše – b'olše | m''eňe – b'ol'e, 135
Na čuž'oj karav'aj rot ne raz'ev'aj, 130
Na kraj šv''eta, 132
Na staran'y i žuk m''asa, 130, 190, 194
Nab''it'd'eňik, 122
Nap''ic: a kak šv'ij'a, 98, 115

Naš'íc pat š'ercam, 116, 177
Né ast'alaš sl'eda, 135
Né asužd'aj, asužd'on né b'užěš, 130, 180
Né b'ez'etava, 137
Né im'ec pań'aciya, 119
Né m'ec g'olasu, 126
Né sl'av'ic:a kras'av'ica, a što kam'u
nr'av'ic:a, 130, 180
Né ušp''eješ l'ošku vžac, f'c'ašk'ed'onuška
v'id'ac, 138, 180
Net rašč'otu, 137
Ni fp'ac ni v ž'ešac, 137
Ni fsk'ask'e skaz'ac, ni p'er'om ap'is'ac,
 135
Ni kar'ofk'i, ni v'ar''ofk'i, 135
Ničav'o sab'e, 112
Pa bl'atu, 127
Pa'obrazu i pa pad'ob'iju, 140, 244
Pacal'uj mñe v ž'opu!, 126
Pad b'okam, 132
Pad l'az'ačyju kal'odu vad'a né ček''ot, 130
Padn'ac r'uku, 126
Padn'ac kr''ik, 119
Padn'ac na n'og'i, 116
Pam''iluj Box!, 140
Pat adn'oj kr'yšej, 127
Patup''ic vzgl'at v žaml'u, 119
Pažyv''om, uv''izim, 131, 180
P'er'ev'arn'uc:a v grab'u, 99, 120, 219
P''ervym d'ołgam, 133
Pračan'uc r'uku, 126, 178
Prap'al b'ez v'ešci {kmo-л.}, 122
Pr'i p'am'aci (быть), 116
Pr'in'ac m''ery, 122
Pr'išl'o v g'olavu {что - кому}, 122
Pr'iš'ol p'atr'ok prap'al l'ist'ok, pr'iš'ol
il'ij'a, prap'al'i dva, 139, 191
Rab'otač za č'ašku s'upu, 135
Ras:tr'el''ac {кого-л.} kak sab'aku, 127
R''etka kad'a, 134
Rot da uš'ej – xoč zav''azačk'i pr'iš'ej, 120
Saxrań'i Box!, 140
S''erce atašl'o, 120
Sk'oka ug'odna, 136

Sl'ava B'oxu!, 140, 244
Spas''iba balš'oje za ab'ed što naj'elša
darmajed, 138
Staj'ac f'kara'ul'e, 123
Staln'yje n'ervy {kmo-л.} (umeem), 114
St'araja ž'efka, 99, 117, 192
Što f'par''adačku l'ež'yt, pod ruk'u sam'a
b'ež'yt, 131, 193
Što k čem'u, 104, 137
Šum''it v galav''e, 116
To xar'ošaja v'es'kad'a sk'ažut it''it'jes'ť,
 131
Tot sv''et, 133
Um | r'ozum pačer''ac, 120, 177, 220
V'adn'oje 'uxo vx'ožit, drug'oje v'yx'ožit,
 121
Val''ac:a sa šm''exu, 121
Valač'yc:a kak sab'aka, 123
V'l'at'ax (быть), 117
VI''ežč v dalg''i, 123
V'olnyj kaz'ak, 117
Vyb'ir'ajic:a kak za m'or'a srač {kmo-л.},
 123, 191
V'yčanuč n'og'i, 117, 178
Vž'ac f'sfaj'i r'uk'i, 123
Vžac šeb''a v r'uk'i, 121
Za xar'ošym mužy'om ž'onka malaž'ejet,
 124, 192
Zakap'ac kak sab'aku, 127, 179
Za maj'oj p'am'aci, 134
Zapr'ag'u ja k'ošku v dar'ošku, a kat''onka
v tarant'as, 138, 180
Zast'av durak'a B'oxu mal''ic:a to lop
pab'j'ot, 131, 191, 194
Zgar''et v 'ugal', 136
Žar zagr'ab'at'čuz'ym'i ruk'am'i, 127
Žel''eznaja d'isc'ipl'ina, 136
Žen'a ž'eržyt d'oma tr'i ugl'a, a muž
[mušč'yna] t'olka až'in 'ugal', 124
Zn'ac čem {kmo-л., что-л.} p'axñit, 121
Žyč kak car''ica, 98, 136
Žyt'na v''eru, 125
Žž'elaj ž'ela, gul'aj šm''ela, 131
Žeń'ic:a to né nap''ic:a, 124

Совместный фонд общенародной русской и псковской фразеологии

A praval'it'is'vy skros'd'onnuju, 157

B'eg'ac b'ag'om, 147

B'es fšel'ilša {в козо}, 159

B'eši zn'ajut, 97, 160

B'ez b'oxa ne do par'oxa, 158

Č'ort pab'ar'i!, 160

Č'ort zn'ajet, 160

D'ast box žeñ i d'ast box p'išču, 159

Durak ofñi š'ejut ni ar'ut, 151

Žerž'ac v ruk'i, 148

*Fstr'eč'ajut pa ad''eždy a pravaž'ajut pa
'um'e, 151, 189*

Fš'aka r'ozna | fš'ak'ije r'oznyje, 156

G(a)l'ava bal'it {кого-л.}, 145

Gal'odnyj kak sab'aka, 142

G'olasem pl'akat', 148

Hoł kak sak'ol, 150

Xoš ne xoš | xac'el ne xac'el, 156

Xud'aja kak šč'ep'ina, 141

Ic'ic na r'uku, 148

Iž'i k č'ortu!, 161

Jaz'yk da K'ij'eva dav'ež'ot, 152

J'el'e j'el'e d'uša fč'el'e, 143

Kak pap'añet, 156

Kak ruk'oj (ruk'am) atñ'ala, 155, 181

Klašć | palažyc galav'u, 146

Kraš'ivyj kak dub, 141

Kr'uglyj got | krug'om got, 155

Kr'ut'i t'galav'u (g'olavu), 149

Kud'a gl'azy pañ'esut, 154

*Lub'iš kat'ac:a, lub'i i s'anačk'i važić,
152*

Lam'ac jaz'yk, 146

Lučš'e skaž'ypad'ušk'i čem padr'ušk'i, 152

*M'alyje ž'etk'i, m'alyje b'etk'i (a balš'yje
ž'etk'i balš'yje b'etk'i), 152*

M'ast'er'na fš'e r'uk'i, 144

M'or'a pa kal'ena {кому-л.}, 142

Na nag'ax (быть), 143

Na sfaj'ix (nag'ax) (уому), 143

Nag'i kak kal'ody, 142

Nalaž'yc ruk'u, 146

Nap'ic:a kak koñ, 98, 144

*Ne baj'ic:a volk (xlop) sab'ak'i, t'ol'k'i
j'etyj žv'ag'i, 153*

Ne m'et'za duš'oj, 150

Ne pa n'oše, 145

*Nedas'ol na stal'e, a p'er'es'ol na šp'iñ'e,
153*

N'ervy tr'ap'ac, 149

Ñi čert'a, 161

Ñikak'im sužb'am, 156

Ñi sfat, ñi brat, 149

Ñi sl'yxu, ñi d'yxu, 155, 181

Ñi tud'a, ñi šud'a | ñi š'udy, ñi t'udy, 156

(Ñe) pr'išl'o na 'um {кому-л.}, 145

Oj X'ospaži!, 161

P'iš'y prap'ala, 157

P'it'ac:a sfat'ym d'uxam, 161

Pop sfaj'o, č'ort sfaj'o, 159

*Pr'il'ub'ic:a sat'ana l'učeje j'asnava
sak'ala, 160, 190*

Rasn'uč kak na dražž'ax, 148

S k'em pap'añet, 157

*S m'iru pa n'itk'i g'olamu rub'aška, 153,
192*

Sabr'ac:a z d'uxam, 147

Sajć'i s um'a, 146

Sam s šeb'a, 157

Sk'akač kak blax'a pa jajc'ax, 147

*Sol tab''e v gl'azy (pavar'ešku v lop)!,
158, 188*

Što paš'ejiš, to i pažñ'oš, 153

Što t'oka pap'añet, 157

Štop tab''e jaz'yk k'olam stal, 158

Š'ityj m'ilamu ne być, 153

Šr'ed'i b'elava dña, 155

Talst'aja kak kar'ova, 142

T'olka pč'ičyva malak'a {кому-л.}, 151

Up'ašć v omrak, 144

'Utra mudr'eh'eje v''ečera, 154
V'ek žyc to ne m'ex š: 'yc, 154
V'ek žyv''i, v'ek uč'yš, 154
V'olaz dalg'oj, a r'ozum kar'otkyj (о жен-
щине), 150
V'yrys s b''esa, a pl'avac'na vm''ejit, 142,
189

V'ysaxnuć fšč'ep'inu, 142
Zadr'ac n'og'i, 144
Zalat'yje r'uk'i {кто-л.} (имеем), 144
Zlaž'yc r'uk'i, 147
Žyc {с кем-л.} što ni razl''ej vad'a, 149
Žyc kag b'aryña, 98, 151
Ž'yvaja vad'a, 159

Дифференциальная фразеология с эквивалентами в словарях

Adnav'o b''esa ne zd'umajit
(ne vyd'umajit), 169, 192
B'it'kalat''it', 167
B'ajña b'ajnu m'ojit a ab'oji gr''aznyji,
165, 188
Box l''es ne sravn'al, a luž'ej pad'avne, 169
Dam'ašnije d'umk'i v dar'ogu ne
gad''ac:a, 165, 180, 185
Dur'ak l'ub'it rab'otu, a rab'ota l'ub'it
durak'a, 166, 187, 194
Ž'elać na gl'az, 168
Xl'op rub'axa, 164, 185
Jaz'yk kak m'eč a l'apyf sr'ak'i, 163, 187
Kav'o d'uša žel'ajet | što duš'a tr'ebovajit,
168, 178, 185, 194
Kav'o t'olk'i na s'f''et'i, 168, 186
E'apt'i zadr'at', 163, 186
Na b''esa (č'orta) pašl'o, 169, 181
Na b''esa žž'elać, 97, 170
Nagavar''it'm'ex i t'orbu, 168
Na j'olku vl''ešć i sr'ak'i ne abadr'ac
{кто-н.} (хочет), 164

Ni x'uku ni st'uku paval'ok kak s'uku, 165,
186
Nos papust''it', 163, 190
P'ej v'otku ne vad'u, l''ub'i d''efku
malad'u, 167, 188
Pak'a žeñ'ic:a, to zag'ojic:a, 167
Sač'yc fp'olu v''ečer, 164
S'orak l'et'uma net, jav'o i na b'užet, 166,
189
S'ytyj gal'odnamu ne spagad'ajit, 166
Šež'it kak kvakt'uxa na j'ajcax {кто-н.},
164, 187
'Umnaja žen'a dom pr'im'at'ajit, a
gl'upaja dom razm'at'ajit, 165, 188,
194
'Umnamu na v'eš'el'e, a durak'u na
pag''ib'el' (Бог дал алкоголь/ вино),
169, 188
Vad'a ta ne s'ala, v'ysaxnit i atst'ala, 167,
187, 194
Zaň'ala d'uxa {кому-н.}, 164, 231

Дифференциальная фразеология без эквивалентов в словарях

Ad'in b'ok v''eraf mn'ok i fs'e v n'ev'o
v''er'ut, 175
Ad'in javr''ej nad'ujet d''es'it xr'ist'ij'anaf
a ar'm'an'in d''es'it'ž'yd'of, 175
Bag'actfa'eta kul sal'omy, 174
D'j'aval nakarm''il a č'ort spat' palaž'yl,
175

Dur'ak dv'ac:yc šem raz, 174
Fšo ast'av'il dl'a radn'yx, t'olk'i s'avan
vžal ad n'ix, 172
Xo(će)š dast'ac abž'alku!?, 174
Jav'o xvar'oba to maj'o zdar'ov'ija, 173
Kak'ora, xl''eba patp'ora, 172
K'al'i r'usk'ij x'očet jis'x'to paj'ot p'es'n'i

*k'al'i n'em'ec – to s'v'iščet, a k'al'i
c'ygán x'očet jis't' to sk'ačet, 175
Kraš'ivamu l'ic'u ž'opy'ne spak'oj, 173
Kto v'neprav'el'onnyji dñi gul'ajit, to
pat'om fpav'el'onnyji pl'ačet, 174
Łuče na mag'ilk'i čem na Važ'ilk'i, 170,
181*

*M'erčf'ic vad'u, 171
M'ordu nakat'ol {кто-л.}, 173
M'ortvaja vad'a, 171
P'ošhičac past'y, 171
Rab'ota pr'i žaml'i {кому-л.}, 174
Tyrat'ura b'esava, 173
V adn'oj krav'ači dva pač'ežy, 173*

Фразеологизмы, проявляющие следы влияния польского языка

*Brać pad wñim'anije, 208, 214, 260
Ž'elać | rab'otać na č'orna, 205, 259
Ž'elać wymysły, 209, 215, 261
Ž'elać z igły widły, 209, 216, 261
Ž'elać za pżyzwoj'itku, 208, 261
Gavar'ic pr'osta z m'ostu, 214, 258
Gv'ost do trumny, 209, 261
Xaż'ic samap'asam, 204, 214, 216, 261
Ić'ic pa trupach do celu, 209, 261
Ić'ic s past'upkaj, 101, 217, 261
Ić'ic s past'upkam'i, 101, 217, 261
Im'eć r'uk'i i n'og'i {что}, 205
Ić'ic pa trupach do celu, 209, 227, 261
Iść z postępem, 101, 217
Kr'asnyj kak bur'ak, 204
L'edva d'yżył {кто-л., что-л.}, 206, 262
L'ub'of'ne kart'oška, ne vyk'iñeš'č'er'ez
ak'oška, 221*

*M'eć fkr'ov'i {что}, 205
Ńe zvar'ačyvać | pavar'ačyvać uv'agi, 214
Padnaś'ic r'uku {на кого}, 206
Pajć'i na udry {с кем-л.}, 215, 262
Pastrad'ać um, 220
Sa śf'ašč'oj n'ada šuk'ać, 219
Sam kak p'al'ec, 207, 263
Spat'ć'omnaj gv'azdy, 208, 263
St'aryj byk, 213, 259
Ść'aščija w nieszczęściu, 224, 259
V grab'u pševruć'ic:a, 99, 219, 262
V'olaz z galav'y'ne sp'añet {кому-л.}, 207
V'olasy st'al'i d'uba, 207, 263
V'yxavać na luz'ej, 207
Złaž'yć pap'ery, 208, 216, 217, 263*

Региональный вариант польского языка

*Gul'anaf futrav'at', 229
Kak pr'id'ut na v'ek'i, ne pam'ogut l'ek'i,
229*

Žyt'na kn'ebel, 229

Фразеология с элементами белорусского происхождения

Ńe fpar'u, to našar'u, 233, 246

*Ńe skaz'al ni našar'u, ni zdr'astujće, 233,
246*

Фразеологизмы, зафиксированные в словаре И. И. Носовича
(т.е. ФЕ неясного происхождения, квалифицированные как белорусские, однако имеющие, вероятно, польское происхождение)

Kto pyt'ajet hé bl'uzít, 234

Š'er'ež'onava i box š'er'eg''ot, 234

Общий фонд польской и белорусской фразеологии
(не зафиксированной в русском языке)

Naš'íc žal'obu, 236, 237

Nos fs'ad'it', 237

Pajć'i f'šf''et, 236, 237

Špit kak zab''ityj {кто-л.}, 236, 237

Фразеология с элементами немецкого языка

Dast'ać xud'oj rozum, 240

Ž'elać fejn {что-л.}, 240

Xv'oryj na dušu, 240

M'ajit f'ugl'a {кто-л.}, 240

Špl''inta brak'ujit {кому-л.}, 211, 240

Фразеология с элементами литовского языка

Nam'azala l'upy kak j'olka, 242

Примеры неясного происхождения

Na'uka v l'es hé iz'ot, 105

Pakaz'ać f''igu, 105

P'omñu kak šev'odñi, 104

St'isn'uć jaz'yk, 106

Приложение 2

Список фразеологических калек и полукалек из польского языка:

Фразеологические кальки

<i>abrasn' uć fp' 'ory</i>	‘стать смелым, уверенным, высокомерным’	польск. <i>obrosnąć w piórka</i>
<i>apx' oźic'a kak s jaje' om</i>	‘быть очень внимательным к кому-л. или чему-л., заботиться о ком-л. или о чем-л.’	польск. <i>obchodzić się jak z jajkiem</i>
<i>at śf' 'itu da n' očy</i>	‘весь день’	польск. <i>od świtu do nocy</i>
• <i>b' 'ityj na fše čat' yr' e kap' yta¹</i>	‘проницательный, хитрый’	польск. <i>bity na cztery kopyta</i>
• <i>być arl' om</i>	‘быть хорошим в чем-л., достигать высоких результатов’	польск. разг. <i>być orłem {w czymś}</i>
• <i>być na x' oźe</i>	‘о человеке или вещи – быть в хорошем состоянии’	польск. разг. <i>być na chodzie</i>
<i>ćag' ac'a za lby</i>	‘даться, применять физическое насилие по отношению к кому-л.’	польск. разг. <i>wziąć się za lby</i>
• <i>dać pr' im' 'er</i>	‘быть примером для подражания’	польск. <i>dać przykład</i>
• <i>da grab' ovaj dask' i</i>	‘до конца жизни, навсегда’	польск. <i>do grobowej deski</i>
<i>dajć' i da šeb' 'a</i>	‘об улучшении здоровья, восстановлении’	польск. <i>dojść do siebie</i>
<i>dajt' 'i pr' avdy (SGS)</i>	‘обнаружить, узнать правду’	польск. <i>dojść prawdy</i>
<i>dast' at' g' ost' i (SGS)</i>	‘иметь гостей’	польск. <i>dostać gości</i>
<i>dastav' ac' b' 'elaj gar' 'ačk' i</i>	‘беситься’	польск. <i>dostawać białej gorączki</i>

¹ Точкой обозначены примеры окказиональных образований – фразеологических калек и полукалек.

• {кому-л.} d'obra iž'ot	‘хорошо что-то выполнять’	польск. {komuś} dobrze idzie
dr'ać m'ordu	‘громко кричать’	польск. разг. drzeć mordę
ž'elać na č'orna	‘работать нелегально, без договора’	польск. robić pracować na czarno
• ž'elać za zdar'ovava	‘иронически о ситуации, в которой кому-л. приходится притворяться здоровым или в которой окружающие преуменьшают значение чьей-л. болезни’	польск. разг. robić za zdrowego
{być} fpar''atku	‘так, как должно быть’	польск. być w porządku
fstr'ojit'r'ib''onka (SGS)	‘оплодотворить женщину’	польск. zrobić {komuś} dziecko
fše kak až'in	‘все без исключения’	польск. wszyscy jak jeden
•Fš'udy d'obra gže nas ňet	‘поговорка, используемая, когда какой-л. человек недоволен своим местом жительства/проживания и считает, что в другом месте гораздо лучше’	польск. Wszędzie dobrze gdzie nas nie ma
{кому-л.} g'atku atń'ala (SGS)	‘онеметь’	польск. mowę odjęło
• gavar''ić pr'osta z m'ostu	‘говорить открыто, честно и прямо, без излишней вежливости’	польск. mówić prosto z mostu
• g'olaje ň'eba	‘открытое пространство, на природе’	польск. gołe niebo
Kak pr'id'ut na v''ek'i, ňe pam'ogut l''ek'i	‘пословица о неизбежности смерти’	польск. Jak przyjdzie na wieki, to i nie pomogą leki
• k'oňskyje zdar'ov'e	‘крепкое, хорошее здоровье’	польск. końskie zdrowie
• m''axkoja ś'erca	‘о добром и сострадательном человеке’	польск. miękkie serce
• nabr'ać vad'y v rot	‘молчать, не желая ничего говорить’	польск. nabrać wody w usta
na st'aryji g'ody	‘о пожилом возрасте’	польск. na stare lata
na zb''ityj lop (SGS)	‘окончательно и бесповоротно’	польск. (wyrzucić kogoś) na zbity łeb
ňe m''eścic:a v galav'y	‘о чем-то непонятном’	польск. {komuś} nie mieści się w głowie

• {кто-л.} {кому-л.} <i>ner'ovnyj</i>	‘о различиях, возникающих в пределах одного вида, рода, вещи и т.д.’	польск. <i>{ktoś} {komuś} nierówny</i>
• <i>ne tud'a dar'oga</i>	‘о неправильном подходе к делу’	польск. <i>nie tędy droga</i>
• <i>ni s k'em ne zažer'aćsa</i>	‘жить в гармонии со всеми, ни с кем не вступать в конфликт’	польск. <i>z nikim nie zadzierać</i>
• <i>nos fi'ykać</i>	‘проявлять чрезмерный интерес к чьей-либо жизни, вмешиваться’	польск. <i>wtykać nos w nie swoje sprawy</i>
<i>pajć'i za xl'ebem</i>	‘выехать с целью заработать больше денег’	польск. <i>pójść za chlebem</i>
• <i>p'ervyj ras na gl'azy v'iž'eć</i>	‘видеть кого-л. или что-л. впервые’	польск. <i>pierwszy raz na oczy widzieć</i>
• <i>pr'ij'atna dla ux'a</i>	‘о приятном звуке, о музыке’	польск. <i>{coś} {jest} przyjemne dla ucha</i>
• <i>priv''azan:yj kak sab'aka</i>	‘о верном, преданном человеке’	польск. <i>przywiązany jak pies</i>
<i>rab'otać na č'orna</i>	‘работать нелегально, без договора’	польск. <i>robić pracować na czarno</i>
<i>r'anše cy pazdn'ej</i>	‘о неизбежности какого-л. события’	польск. <i>prędzej czy później</i>
• <i>(f)saž'ić fšo v m'eš'ok</i>	‘относиться ко всем/ ко всему одинаково, не обращая внимания на различия’	польск. <i>wrzucić do jednego worka</i>
<i>sfaj'ej dar'ogoj</i>	‘кроме того, кстати, в дополнение’	польск. <i>swoją drogą</i>
• <i>s kat'oraj str'onny v'ečer zav''ejit</i>	‘о непостоянном, лицемерном человеке’	польск. <i>z której strony wiatr zawieje</i>
{кому-л.} <i>sp'ekl'ośa</i>	‘не понести заслуженного наказания, избежать последствий’	польск. <i>{komuś} się upiekło</i>
<i>st'aryj byk</i>	‘о взрослом мужчине, который ведет себя неадекватно своему возрасту’	польск. <i>stary byk</i>
• <i>šč'aścija v něšč'aściju</i>	‘о счастливой случайности, произошедшей вместе с каким-л. несчастьем’	польск. <i>szczęście w nieszczęściu</i>
<i>što ras to x'uže</i>	‘о постоянном ухудшении чего-л.’	польск. <i>coraz to gorzej</i>

<i>vd'ac:a {8 кого-л.}</i>	‘быть похожим на кого-л.’	польск. <i>wdać się {w kogoś}</i>
<i>vyž'eŭnać č'udy</i>	‘реализовывать своеобразные и необычные идеи, инициативы’	польск. <i>wyczyniać cuda</i>
<i>vyjć'ić sa šk'ury</i>	‘с трудом выдерживать’	польск. <i>wychodzić wyjść ze skóry; wyjść z siebie</i>
<i>v'yjexać za xl'ebem</i>	‘выехать с целью заработать больше денег’	польск. <i>wyjechać za chlebem</i>
• <i>v'yraśl'i kak gr''iby pa d'ožžu</i>	‘(вы)расти очень быстро’	польск. <i>wyrosnąć jak grzyby po deszczu</i>
• <i>v'zać za rag'i</i>	‘управлять, подчинять себе кого-л. или что-л.’	польск. <i>wziąć (byka) za rogi</i>
<i>zależć'i za šk'uru</i>	‘сильно дразнить кого-л.’	польск. <i>zależeć {komuś} za skórę</i>
<i>załam'at'r'uk'i</i> (SGS)	‘сдаться’	польск. <i>załamać ręce</i>
<i>zamn'ut'm'ordu</i> (SGS)	вульг. ‘прекратить говорить’	польск. разг. <i>zamknąć mordę</i>
• <i>{кто-л.} zav'ern'ul {кому-л.} v gl'ov'e</i>	‘о человеке, который очаровал кого-л., заставил влюбиться’	польск. <i>{ktoś} zawrócił w głowie</i>
• <i>żyć sfaj'im r'ozumem</i>	‘иметь свое мнение в жизни, самостоятельно принимать решения’	польск. <i>żyć swoim rozumem</i>

Фразеологические полукальки

• <i>b'eŭyj m'užyn</i>	‘о человеке тяжело работающем, эксплуатируемом’	польск. <i>biały murzyn</i>
• <i>b'egajit kak šal'onij</i>	‘бежать быстро и хаотично’	польск. <i>{ktoś} biega jak szalony</i>
• <i>br'ać na dołg</i>	‘брать в долг, приобретать что-либо с отсрочкой платежа’	польск. <i>brać na kredyt</i>
<i>brać pad vñim'anije</i>	‘принимать что-л. во внимание’	польск. <i>brać pod uwagę</i>
<i>b'yl'i kak'oj</i>	‘кое-какой, неважно какой’	польск. <i>byle jaki</i>
<i>b'yl'i kak</i>	‘кое-как, неважно как’	польск. <i>byle jak</i>
<i>b'yl'i kto</i>	‘кое-кто, неважно кто’	польск. <i>byle kto</i>
• <i>daž'eržyvać sl'ova</i>	‘выполнить данное обещание’	польск. <i>dotrzymywać słowa</i>
<i>dast'at'xl'opa</i> (SGS)	‘найти себе мужа’	польск. <i>dostać chłopą</i>

<i>dat' r'ady</i> (SGS)	‘справиться с чем-л.’	польск. <i>dać radę</i>
<i>dav'ać pakur' 'ić</i>	‘сильно дразнить кого-л.’	польск. <i>dać {komuś} popalić</i>
• <i>ž'enga – rzecz nab'ytyja</i>	‘деньги – не самое главное в жизни’	польск. <i>Pieniądz – rzecz nabyta</i>)
• <i>žerž'ać r'uku na impulsie</i>	‘держатъ что-л. под контролем’	польск. <i>trzymać rękę na pulsie</i>
• <i>ž'elać wymysły</i>	‘придумывать, гримасничать’	польск. <i>robić wymysły</i>
• <i>ž'elać z igły widły</i>	‘преувеличивать проблему’	польск. <i>robić z igły widły</i>
• <i>ž'elać za pšyzvoj'itku</i>	‘о человеке, сопровождающем влюблённых, следящем за ними и их поведением’	польск. <i>robić za przyzwoitkę</i>
<i>žer' 'evna zab' 'itaja desk'am</i>	‘об отсталой деревне’	польск. <i>wieś zabita deskami</i>
• <i>ž'ura na ž'ury ž'uraj pagaŋ'anaja</i>	‘о выбоинах на дороге, о разрушенном дорожном покрытии’	польск. <i>Dziura na dziurze dziurą poganiana</i>
• <i>gavar' 'ić ŋestfož'onyje rzeczy</i>	‘придумывать, говорить глупости’	польск. <i>mówić opowiadać niestworzone rzeczy</i>
• <i>groš'ovyje spr'avu</i>	‘о чем-то недорогом, не требующем больших затрат’	польск. <i>groszowe sprawy</i>
• <i>gv'ost do trumny</i>	‘событие или вещь, которая в конечном итоге предопределила какую-то неудачу’	польск. <i>gwóźdź do trumny</i>
• <i>xaž'ić samap'asam</i>	‘гулять, оставаться без присмотра’	польск. <i>chodzić samopas</i>
• <i>ić'ić na ust'upstva</i>	‘согласиться на ограничение или частичный отказ от своих требований; уступить’	польск. <i>iść na ustępstwa</i>
• <i>ić'ić pa trupach do celu</i>	‘добиваться цели любыми средствами, несмотря на последствия’	польск. <i>iść po trupach do celu</i>
<i>ić'ić z postępem</i>	‘развиваться, прогрессировать’	польск. <i>iść z postępem</i>
• <i>ić'ić s past'upkaj</i>	‘развиваться, прогрессировать’	польск. <i>iść z postępem</i>
• <i>ić'ić s past'upkam'i</i>	‘развиваться, прогрессировать’	польск. <i>iść z postępem</i>
• <i>(женищина) sfab'odnyx obyč'ajuf</i>	‘о распутной женщине’	польск. <i>kobieta wolnych obyczajów</i>
• <i>l''apkyje r'uk'i</i>	‘о человеке, склонном к воровству’	польск. <i>lepkie ręce</i>

• <i>l'az'ac att'ogam</i>	‘бездельничать’	польск. <i>leżeć odlogiem</i>
• {кмо-л., что-л.} <i>l'edva d'yšyt</i>	‘с трудом выдерживает’	польск. { <i>ktos</i> } <i>ledwo dyszy</i>
• <i>Łagodne ciele dv'e kar'ovy saš'ot, a g'ordyja z'adnyj</i>	‘в жизни больше получает тот, кто следует скромности, чем тот, кто прямо и открыто заявляет о своих взглядах’	польск. <i>Pokorne ciele dwie matki ssie</i>
• <i>Łask'ave ciele dwa cyski ssie a gr'ube ani jednego</i>	‘в жизни больше получает тот, кто следует скромности, чем тот, кто прямо и открыто заявляет о своих взглядах’	польск. <i>Pokorne ciele dwie matki ssie</i>
<i>m'an:a s n'eba</i>	‘неожиданный подарок, полученный без усилий’	польск. <i>manna z nieba</i>
• <i>m'eć dryg</i>	‘иметь талант к чему-л.’	польск. <i>mieć dryg</i>
• <i>m'eć dyspensę</i>	‘иметь разрешение сделать что-л.’	польск. <i>mieć dyspensę</i>
<i>m'eć fax v r'ukax</i>	‘уметь хорошо выполнять свою работу’	польск. <i>mieć fach w rękach</i>
• <i>m'eć guzik {из чего-л.}</i>	‘ничего не иметь’	польск. <i>mieć guzik {z czegoś}</i>
• <i>m'eždy malatk'om a kav'adlam</i>	‘оказаться в безвыходной ситуации’	польск. <i>między młotem a kowadłem</i>
• <i>Ńe xać'el teczki naś'ic, to muśel naśic m'ešk'i</i>	‘следствием небрежного отношения к учебе является необходимость заниматься физическим трудом’	польск. <i>Nie chciało się nosić teczki, to trzeba nosić woreczki</i>
<i>ńe zvar'aćyvać uwagi</i>	‘не беспокоиться о чем-л.’	польск. <i>nie zwracać uwagi {na coś, na kogoś}</i>
• <i>pajć'i na udry</i>	‘поссориться’	польск. <i>pójść na udry</i>
• (praśl'o) <i>kak w mgieniu oka</i>	‘очень быстро’	польск. <i>w mgnieniu oka</i>
• <i>pr'avda vux'ožit na jaw</i>	‘несмотря на попытки скрыть, правда раскрывается’	польск. <i>prawda wychodzi na jaw</i>
• <i>pr'ikan'ac:a na vł'asnaj šk'ur'e</i>	‘испытывать что-л.’	польск. <i>przekonać się na własnej skórze</i>
• {кмо-л.} <i>pševr'ućic:a v grab'u</i>	‘о действиях, которые, по мнению говорящего, вызвали бы негодование определённого умершего человека’	польск. <i>przewracać się w grobie</i>
• <i>puść'ic z torbami</i>	‘лишить кого-л. денег’	польск. <i>puścić z torbami</i>

<i>razabr'ać w dr'obnyj mak</i>	‘разбирать, уничтожать’	польск. <i>rozbić w drobny mak</i>
• <i>{делать}{что-л.} na pot'engu</i>	‘делать что-л. регулярно, часто’	польск. <i>robić {coś} na potęgę</i>
• <i>sam kak p'al'ec</i>	‘совсем один’	польск. <i>sam jak palec</i>
<i>spat'ć omnaj gv'azdy</i>	‘о грубом, плохо ведущем себя человеке’	польск. <i>(typ) spod ciemnej gwiazdy</i>
<i>st'araja p'an:a</i>	‘о взрослой женщине, которая не вышла замуж’	польск. <i>stara panna</i>
<i>st'aryj kaval'er</i>	‘о взрослом мужчине, который не женился’	польск. <i>stary kawaler</i>
• <i>sto got za muž'ynam</i>	‘об отсталости’	польск. <i>sto lat za Murzynami</i>
• <i>sv'az'ać kań'ec s kań'om</i>	‘жить скромно, едва удовлетворяя свои основные потребности’	польск. <i>wiązać koniec z końcem</i> ; ср. русск. <i>сводить концы с концами</i> , <i>свести концы с концами</i> (ФСРЛЯ), пск. <i>концы с концами связать</i> (ДСОС)
• <i>Štop ty uč'yl c'uzyx z'eć'ej</i>	‘работа учителя является очень трудной’	польск. <i>Obyś bodajbyś cudze dzieci uczył!</i>
<i>truć n'ervy</i>	‘раздражать кого-л.’	польск. <i>truć {komuś} nerwy</i>
<i>v'olaz z galav'y ŋe sp'ańet</i>	‘кто-л. в безопасности, ничего с ним не случится’	польск. <i>{komuś} włos z głowy nie spadnie</i>
• <i>v'olasy st'al'i d'uba</i>	‘о сильном страхе’	польск. <i>{komuś} włosy stanęły dęba</i>
• <i>vyp'ic'ć'aru</i>	‘переносить страдания’	польск. <i>wypić kielich goryczy czarę goryczy</i>
<i>vž'ać st'areva wróbla na plewy</i>	‘обмануть кого-л. опытного’	польск. <i>wziąć starego wróbla na plewy</i>
• <i>zaciśn'uć z'uby</i>	‘выдерживать’	польск. <i>zaciśnąć zęby</i>
• <i>za fš'elkuju c'enu</i>	‘добиваться чего-л. любыми средствами, несмотря на последствия’	польск. <i>za wszelką cenę</i>
• <i>{coś} zdaj'ot egzamin</i>	‘что-л. срабатывает’	польск. <i>coś zdaje egzamin</i>
• <i>zd'ol'nyj da fs'ev'o (SGS)</i>	‘о человеке непредсказуемом’	польск. <i>zdolny do wszystkiego</i>
<i>złaż'yc pap'ery</i>	‘подать документы’	польск. <i>złożyć papiery</i>

<i>żź'elać od A do Z(et)</i>	‘делать что-л. полностью, целиком’	польск. <i>zrobić {coś} od A do Z</i>
<i>żyt' na kn'ebel (SGS)</i>	‘жить в неузаконенных отношениях’	польск. диал. <i>żyć na knebel</i> ‘żyć z kimś bez ślubu’
• <i>żyć na k'ociju t'apu</i>	‘жить без брака’	польск. <i>żyć na kocią łapę</i>
<i>żyć na kr'exu</i>	‘жить в кредит’	польск. <i>żyć na krechę</i>

Приложение 3

Правила записи ФЕ и фрагментов диалектных высказываний

В монографии обсуждается современный (собранный методом интервью) и исторический диалектный материал (из работ, опубликованных ранее, т.е. в 50-е и 60-е годы XX в.), не имеющий графической формы. В связи с этим следовало принять адекватный метод записи языкового материала, позволяющий, с одной стороны, отразить особенности произношения исследуемого говора, с другой стороны – унифицировать способ записи фразеологических единиц, зафиксированных в разных источниках. Основным средством записи примеров ФЕ и фрагментов высказываний информантов является упрощенная славистическая фонетическая транскрипция. Это, конечно, решение компромиссное, потому что не позволяет полностью отразить фонетические черты говора, однако основной целью данной монографии является не подробное описание фонетических свойств говора, а документация и семантическое-структурный анализ фразеологического материала.

Чтобы облегчить чтение языковых примеров и фрагментов высказываний, к записи упрощенной славистической транскрипции добавлен также русский транскрипт, правила записи которого разработаны С. Гжибовским (см. Paško-Koneczniak и др., 2016, сс. 26–30).

Принципы записи диалектного материала с использованием упрощенной славистической фонетической транскрипции:

1. Примеры, зафиксированные в ранних печатных источниках, приводились в форме, адаптированной к принципам упрощенной славистической транскрипции.
2. Ударение отмечено вертикальной чертой сверху перед гласным ['], напр. *d'očka*, *'al'i*.
3. Степень редукции гласных не учитывалась, так как детали диалектной фонетики не являются важными с точки зрения анализа фразеологии.
4. Учтено явление уподобления в области звонкости/ глухости в группах согласных и на стыке слов, напр. *tag b'yła, v j'etyd źeń*.
5. Мягкость в случае мягких эквивалентов переднеязычных согласных обозначается двумя способами в зависимости от степени: в старых

источниках (см. напр.: SGS) и в речи некоторых информантов, записанной на рубеже веков, наблюдается палатализованная мягкость [tʲ], [dʲ], [sʲ], [zʲ], [nʲ], соответствующая принципам русской фонетики, в то время как в современном материале уже преобладает палатальная мягкость [tʰ], [dʰ], [sʰ], [zʰ], [nʰ], основанная на польском консонантизме: [ć], [ź], [ś], [ż], [ń] – например, *fs'ad'it* – *fs'aźit*. В случае остальных согласных мягкость обозначена апострофом, напр. [kʰ], [lʰ], [mʰ] [vʰ].

6. Адаптированные заимствования транскрибированы с использованием фонетической транскрипции, а польские вкрапления (слова без признаков адаптации, появляющиеся в результате кодовых переключений) переданы в соответствии с правилами польской орфографии.
7. Значение фразеологизмов дается в одинарных кавычках.
8. Удвоенные согласные обозначены двоеточием.

Основные принципы русского транскрипта, разработанные С. Гжибовским, заключаются в следующем¹:

1. Русские слова и адаптированные заимствования из польского или немецкого языков записываются буквами русского алфавита. Иноязычные вставки записываются латиницей в соответствии с нормами орфографии этого языка.
2. Русский текст разделяется на слова в соответствии с нормами русской орфографии: предлоги, частицы и союзы с ударными словами пишутся отдельно, частицы *не* и *ни* пишутся слитно или отдельно также в соответствии с правилами орфографии, имена собственные пишутся с прописной буквы. Сохраняются, по возможности, также принципы русской пунктуации.
3. Твердость согласных обозначается постановкой после них гласных букв *а, о, ы, э* и отсутствием буквы *ь* в конце слова или перед согласным (напр. *ча́ша, чо́рный, жыл, цэ́лый*).
4. Мягкость согласных обозначается постановкой после них гласных букв *я, е, ё, ю, и* и *ь* в конце слов или перед согласным (напр. *ве́рх, пя́ть, хо́дут*).
5. Буква *л* перед *а, о, у, ы, э*, в конце слов и перед другими согласными может обозначать как зубной согласный [l], свойственный русскому произношению, так и полугласный (глайд – *и*-неслоговой), который появляется под влиянием польского орфофонического воздействия.

¹ Более подробное описание принципов транскрипта см. Paško-Koneczniak и др., 2016, сс. 26–30.

6. Долгие согласные передаются двойными буквами (напр. *сѣдѣланнѣй, даѣѣца*).
7. Редукция безударных гласных представлена в упрощенном виде: после твердых согласных количественные различия у безударного гласного типа [a] не соблюдаются (напр. *малако́, вы́дала, на палави́ны*), после мягких согласных буквой *я* обозначается яканье (напр. *яво́, нясе́т*) (см. Paśko-Koneczniak и др., 2016, сс. 26–30).

Список сокращений

- БРС – *Беларуска-расейскі слоўнік*; Байкоў, М., & Некрашэвіч, С. (1925). *Беларуска-расейскі слоўнік*.
- БРССтан – *Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь*; Станкевич, Я. (1989). *Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь*. Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation.
- БСРНС – *Большой словарь русских народных сравнений*; Мокниенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2008). *Большой словарь русских народных сравнений*. Олма Медиа Групп.
- БСРП – *Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2007). Большой словарь русских поговорок*. Олма Медиа Групп.
- БСРПМок – *Большой словарь русских поговорок*; Мокиенко, В. М. (2010). *Большой словарь русских пословиц*. Олма Медиа Групп.
- БФСРЯ – *Большой фразеологический словарь русского языка*; Телия, В. Н. (2006). *Большой фразеологический словарь русского языка*. АСТ-Пресс.
- ВсРБ – *Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна*; Барадулін, Р. І. (2013). *Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна*. Кнігарня пісьменніка.
- Даль ІІ – *Толковый словарь живого великорусского языка*; Даль, В. И. (1903–1911). *Толковый словарь живого великорусского языка* (И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, ред.). Издательство М. О. Вольф.
- ДСОС – *Диалектный словарь одной семьи*; Королёва, Е. Е. (2013). *Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*. DPU Izdevniecība «Saule».
- ИЛСТ – *Историко-лингвистический словарь трилогии*; Шарифуллин, Б. Я. (2007). *Историко-лингвистический словарь трилогии А. М. Бондаренко «Государева вотчина»*. Изд-во Сибирского федерального ун-та.
- МарРПиП – *Мартыанова, Л. М. (2010). 20000 русских пословиц и поговорок*. Центрполиграф.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru/new/>
- ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными*; Ларин, Б. А., Лебедева, А. И., & Лутовинова, И. С. (1967–2016). *Псковский областной словарь с историческими данными*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- ПпНКВ – *Пословицы, поговорки и крылатые выражения*; Ушакова, О. Д. (2016). *Пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Литера.

- ПРН – *Пословицы русского народа*; Даль, В. И. (1989). *Пословицы русского народа*. Художественная литература.
- РАСПиП – *Русско-английский словарь пословиц и поговорок*. https://proverbs_ru_en.academic.ru/
- РБСС – *Русско-белорусский словарь сравнений*; Володина, Т. В., & Мокиенко, В. М. (2018). *Русско-белорусский словарь сравнений*. Беларуская навука.
- РиКТ – *Религиозная и культовая терминология*; Grek-Pabisowa, I. (1994). *Религиозная и культовая терминология и ее функционирование в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии*. В I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, & R. Morris (Ред.), *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (сс. 301–312). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- РСС – *Русский семантический словарь*; Шведова, Н. Ю. (1998–2007). *Русский семантический словарь* (Т. 1–4). Азбуковник.
- СБНПар – *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*; Валодзіна, Т. В., & Салавей, Л. М. (2011). *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*. Беларуская навука.
- СБНФ – *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі*; Мяцельская, Е. С., & Камароўскі, Я. М. (1972). *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі*. БДУ.
- СБП – *Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ*; Носович, И. И. (1874). *Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ*. Императорская Академія Наукъ.
- СДЯ – *Словарь древнерусского языка*; Аванесов, Р. И. (1988). *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Русский язык.
- СМВ – *Словарь многих выражений*. (2014). https://all_words.academic.ru/
- СМих – Михельсон, М. И. (1896–1912). *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: Т. 1–2. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов*. Типография Академии наук.
- СНарФраз – *Словарь народной фразеологии*; Кузьмич, В. (2000). *Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии*. Зелёный век.
- СНРРТомск – *Словарь народно-разговорной речи г. Томска*; Палагина, В. В., & Захарова, Л. А. (2001). *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII начала XVIII века*. Издательство Томского университета.
- СППиП – *Словарь псковских пословиц и поговорок*; Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2001). *Словарь псковских пословиц и поговорок*. Издательство Норинт.
- СразгВыр – *Живая речь: Словарь разговорных выражений*; Белянин, В. П., & Бутенко, И. А. (1994). *Живая речь: Словарь разговорных выражений*. ПАИМС.
- СРИдиом – *Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой степени*; Кустова, Г. И. (б.г.). *Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой степени*. <http://dict.ruslang.ru/magn.php>

- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*; Филин, Ф. П., & Сороколетов, Ф. П. (1965–2007). *Словарь русских народных говоров*.
- СРСиСВыр – *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*; Абрамов, Н. А. (1999). *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. Русские словари.
- Струд – *Словарь трудностей русского языка*; Еськова, Н. А. (2014). *Словарь трудностей русского языка: Ударение: Грамматические формы*. Языки славянской культуры.
- ТСО – *Толковый словарь русского языка*; Ожегов, С. И. (2016). *Толковый словарь русского языка*. Мир и образование.
- ТСЭф – *Толковый словарь Ефремовой*; Ефремова, Т. Ф. (б. г.). *Толковый словарь русского языка Ефремовой*. <https://www.efremova.info/>
- УФС – *Учебный фразеологический словарь*; Быстрова, Е. А., Окунева, А. П., & Шанский, Н. М. (1997). *Учебный фразеологический словарь*. Просвещение.
- ФСРГовСиб – *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*; Федоров, А. И. (1983). *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Наука: Сибирское отделение.
- ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского литературного языка*; Фёдоров, А. И. (2008). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Астрель.
- ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*; Волкова Т. (2000). *Универсальный фразеологический словарь русского языка*. Вече.
- ФСРЯТих – Тихонов, А. Н., Ломов, А. Г., & Ломова, Л. А. (2008). *Фразеологический словарь русского языка*. Просвещение/Дрофа.
- ЭНМ – *Энциклопедия народной мудрости*; Уваров, Н. В. (2009). *Энциклопедия народной мудрости*. Инфра-Инженерия.
- ЭСКСиВ – *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*; Серов, В. В. (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Локид.
- ЭСпрыказак – *Этымалагічны слоўнік прыказак*; Лепешаў, І. Я. (2014). *Этымалагічны слоўнік прыказак*. Вышэйшая школа.
- GUS – *Główny Urząd Statystyczny*.
- DWGRIMM – *Deutsches Wörterbuch*; Grimm, J., & Grimm, W. (1905). *Deutsches Wörterbuch*. Hirzel.
- NLM – *Novum Lexicon Manuale*; Pomey, F. A. (1777). *Novum Lexicon Manuale Latino-Germanicum Et Germanico-Latinum*. Matthäus Rieger sel. Söhnen.
- NPSF – *Niemiecko-polski słownik frazeologiczny*; Ciechanowicz, J., & Jakubowicz-Turbacz, K. (2009). *Niemiecko-polski słownik frazeologiczny*. Zespół Kolegiów Nauczycielskich.

- PSFJP – *Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego*; Bąba, S., Dziamska, G., & Liberek, J. (1995). *Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego*. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- RGS – *Rosyjska gwara starowierców*; Grek-Pabisowa, I. (1968). *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- SFGŚ – *Słownik frazeologizmów i typowych połączeń wyrazowych w gwarach śląskich*; Przymuszała, L. (2013). *Słownik frazeologizmów i typowych połączeń wyrazowych w gwarach śląskich*. Uniwersytet Opolski.
- SFJPSkor – *Słownik frazeologiczny języka polskiego*; Skorupka, S. (1967–1968). *Słownik frazeologiczny języka polskiego* (T. 1–2). Wiedza Powszechna.
- SFNow – *Słownik frazeologiczny w układzie tematycznym i alfabetycznym*; Nowakowska, A. (Red.). (2005). *Słownik frazeologiczny w układzie tematycznym i alfabetycznym*. Wydawnictwo «Europa».
- SFNP – *Słownik frazeologiczny niemiecko-polski*; Czochralski, J., & Ludwig, K. (2004). *Słownik frazeologiczny niemiecko-polski*. Wiedza Powszechna.
- SGS – *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*; Grek-Pabisowa, I., & Maryniakowa, I. (1980). *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- WSJP – *Wielki słownik języka polskiego*. <https://wsjp.pl>
- ZŠŽ – *Zanavykų šnektos žodynas*; Sakalauskienė, V., & Vosyltė, K. (2004). *Zanavykų šnektos žodynas*. Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Литература

- Аксамітаў, А. С. (1978). *Беларуская фразеалогія*. Вышэйшая школа.
- Амосова, Н. Н. (1963). *Основы английской фразеологии*. Издательство Ленинградского университета.
- Ананьева, Н. (2011). Польские языковые элементы в русской художественной литературе. В С. Гжибовский, В. А. Хорев, & М. Волос (Ред.), *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты* (с. 11–23). Квадрига.
- Бабкин, А. М. (1970). *Русская фразеология, её развитие и источники*. Наука.
- Балли, Ш. (1909/1961). *Французская стилистика*. Издательство иностр. лит.
- Барановский, В., & Потащенко, Г. (2005). *Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь*. Aidai.
- Битый небитого везет*. (б. г.). Планета сказок: Сказки для детей, рассказы, стихи с картинками, читать онлайн: Сказки на ночь. <http://www.planetaskazok.ru/rusnarskz/bity-nebitogo-vezet>
- Бодуэн-де-Куртенэ, И. (1870). Словарь. В И. Бодуэн-де-Куртенэ (Ред.), *О древнепольском языке до четырнадцатого столетия*. Типография Бера и Германа.
- Бодуэн де Куртенэ, И. (1917). *Введение в языковедение* (5. изд.). Петроград.
- Большакова, Н. В. (2017). Исследование южнопсковских говоров в контексте лингво-географических и этнолингвистических проблем. В Н.В. Большакова (Ред.), *Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI вв.: Библиографический указатель* (с. 156–167). Издательство «ЛОГОС».
- Вайнрайх, У. (1968/1972). Одноязычие и многоязычие. В В. Ю. Розенцвейг (Ред.), *Новое в лингвистике: Выпуск 6. Языковые контакты* (с. 25–60). Издательство «Прогресс».
- Вайнрайх, У. (1979). *Языковые контакты*. Издательское объединение «Вища школа».
- Виноградов, В. В. (1946/1977). Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В В. В. Виноградов (Ред.), *Лексикология и лексикография: Избранные труды* (с. 118–139). Наука.
- Виноградов, В. В. (1947/1977). Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В В. В. Виноградов (Ред.), *Лексикология и лексикография: Избранные труды* (с. 140–161). Наука.
- Всем злодеям – соль в глаза и пепел на язык!* (2006, март 30). Дата обращения 20 сентября 2023. <https://www.perm.kp.ru/daily/23682/238687/>

- Вургафт, С. Г., & Ушаков, И. А. (1996). *Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря*. Церковь.
- Гвоздарев, Ю. А. (1977). Лексическое преобразование фразеологических единиц в процессе развития языка. В В. Л. Архангельский (Ред.), *Проблемы русской фразеологии* (с. 38–41). Тулгоспединститут им. Л. Н. Толстого.
- Герд, А. С. (1998). Славянская историческая диалектология и история регионального языка. В Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, & С. М. Толстая (Ред.), *Язык и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого* (Т. 1, с. 78–84). Индрик.
- Гжибовски, С. (2010). Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше. *Studia Rossica Posnaniensia*, 35, 67–76.
- Гжибовский, С. (2011). Русский островной говор в польском языковом окружении. В С. Гжибовский, В. А. Хорев, & М. Волос (Ред.), *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты* (с. 45–59). Квадрига.
- Гжибовский, С., & Глушковский, М. (2008). Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур (Польша). В Л. Л. Касаткин (Ред.), *Русские старообрядцы: Язык, культура, история: Сборник статей к XIV Международному съезду славистов* (с. 200–214). Языки славянских культур.
- Гжибовский, С., & Глушковский, М. (2013). Диглоссия и сферы употребления польского языка и русского говора в общине старообрядцев сувальско-августовского региона (Польша). В Л. Л. Касаткин (Ред.), *Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XV Международному съезду славистов* (с. 379–389). Языки славянских культур.
- Глушковский, М., Група-Долинская, М., & Павлячик, А. (2021). Использование биографического метода в исследованиях двуязычия старообрядцев в Польше. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2(28), 312–328. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2021.2.25>
- Горды, М. (2010). *Соматическая фразеология современных русского и польского языков*. Volumina.
- Група, М. (2017). Основные проблемы изучения фразеологии говора старообрядцев проживающих в Польше. В К. Dembska, & D. Paśko-Konecniak (Ред.), *30 lat toruńskiej rusycystyki* (с. 257–268). Wydawnictwo UMK.
- Домашнев, А. И. (1996). Немецкие поселения на Неве (Из истории развития «островной» диалектологии). *Вопросы языкознания*, 1, 24–32.
- Дубичинский В., Яскульский А., & Мушиньска-Вольны Д. (2021). *Лексикографическая интерпретация русско-польских фразеологических параллелей*. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Дуличенко, А. (1998). Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. В А. Дуличенко (Ред.), *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita L. Tolstoi. Slavica Tartuensia* (Т. 4, с. 26–36). Tartu University Press.
- Заварина, А. А. (2019). *Латгальские староверы: Историко-этнографические очерки разных лет*. Зинатне.

- Зеньковский, С. А. (1995). *Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века*. Церковь.
- Жуков, В. П. (1978). *Семантика фразеологических оборотов*. Просвещение.
- Ивашко, Л. А. (1981). *Очерки русской диалектной фразеологии*. Изд-во Ленинградского университета.
- Искам, А.Н. (2013). О происхождении белорусских фразеологизмов. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы*, 3(1), 66–72.
- Касаткин, Л. Л. (2005). *Русская диалектология*. Академия.
- Колосов, А. В. (2016). *Заговоры, шепотки и молитвы*. Проза.ру. Дата обращения 20 сентября 2023, <https://proza.ru/2016/01/05/1059>
- Корнильцева, И. (2012). *Русские старожилы Польши*. В И. Корнильцева, О. Красецкая, & В. Верницкая, *Русские страницы в истории Польши = Śladami Rosjan w Polsce* (сс. 7–27). Общество «Российский дом». <http://www.russia.internetdsl.pl/statya1.pdf>
- Кунин, А. В. (1964). *Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря* [Диссертация доктора наук]. 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков им. Мориса Тореза.
- Кунин, А. В. (1970). *Английская фразеология*. Высшая школа.
- Лагутина, Т. В. (2012). *Народные частушки, скороговорки, прибаутки, пословицы и загадки*. Рипол-Классик.
- Ланина, А. Н. (2015). Мифологическая природа фразеологизмов с зоосемизмами (на материале русского и немецкого языков). *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*, 16, 194–197.
- Маругина, Н. И. (2009). Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира. *Язык и культура*, 2(6), 11–30.
- Мордвилко, А. П. (1964). *Очерки по русской фразеологии*. Просвещение.
- Мокиенко, В. М. (1975). *В глубь поговорки*. Просвещение.
- Мокиенко, В. М. (1980). *Славянская фразеология*. Высшая школа.
- Молотков, А. И. (1977). *Основы фразеологии русского языка*. Наука.
- Огольцев, В. М. (1978). *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Изд. Стереотип.
- Ожегов, С. И. (1957). О структуре фразеологии. *Лексикографический сборник*, 2, 31–40.
- Орлова, В. Г. (1970). *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*. Наука.
- Павлячик, А. (2017). Как пишут староверы (на примере поэтических произведений староверки старшего поколения августовского региона). В К. Dembska, D. Paško-Konecniak (Ред.), *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami* (сс. 269–279). Wydawnictwo UMK.
- Пасько-Конэчняк, Д. (2013). Функционирование административной и школьной терминологии в русском говоре старообрядцев, проживающих в сувальско-августовском регионе (Польша). В Л. Л. Касаткин (Ред.), *Русские старообрядцы: Язык,*

культура, история: Сборник статей к XV Международному съезду славистов (сс. 390–400). Языки славянских культур.

Поливанов, Е. Д. (1968а). О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. В Е. Д. Поливанов (Ред.), *Статьи по общему языкознанию* (сс. 206–224). Наука.

Поливанов, Е. Д. (1968б). Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. В Е. Д. Поливанов (Ред.), *Статьи по общему языкознанию* (сс. 57–74). Наука.

Поташенко, Г. (2006). *Староверие в Литве: Вторая половина XVII – начало XIX вв.: Исследования, документы и материалы*. Aidai.

Потебня, А. А. (1905). *Из записок по теории словесности. Правда*.

Самойлова, Ю. В. (2007). Лексикон русского островного говора старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США). *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*, 5, 86–98.

Сологуб, В. П. (1986). *Сотвори себя*. Советский писатель. Дата обращения 20 сентября 2023. <https://coollib.com/b/452110-vasiliy-pavlovich-sologub-sotvori-sebya/read>

Хауген, Э. (1957/1972). Языковой контакт. В В. Ю. Розенцвейг (Ред.), *Новое в лингвистике: Выпуск 6. Языковые контакты* (сс. 61–80). Издательство «Прогресс».

Шахматов, А. А. (1925). *Синтаксис русского языка: Выпуск первый. Учение о предложении и словосочетаниях*. Академия наук СССР.

Шанский, Н. М. (1969). *Фразеология современного русского языка*. Высшая школа.

Шельпякова, О. (2019). *Хавронья минижурка: Басня*. Стихи.ру. Дата обращения 20 сентября 2023. <https://stihi.ru/2019/08/03/1397>

Ajdačić, D., & Nepor Ajdačić, L. (2015). *Poredbena srpsko-ukrajinska frazeologia* (Т. 1). Alma.

Arsenteva, E., Safina, R. (2014). Kazan school of phraseology. В Е. Arsenteva (Ред.), *Phraseology in multilingual society* (сс. 2–15). Cambridge Scholars Publishing.

Auer, P. (1984). On the meaning of conversational code-switching. В P. Auer & A. Di Luzio (Ред.), *Interpretive sociolinguistics: Migrants, children, migrant children* (сс. 87–112). Gunter Narr Verlag.

Auxová, D. (2008). Špecifickosť odkazu paremiologického textu. В A. Gálisová & A. Chomová (Ред.), *Varia XV. Zborník materiálov z XV. kolokvia mladých jazykovedcov* (сс. 11–15). Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV; Katedra slovenského jazyka a literatúry FHV UMB v Banskej Bystrici.

Awramiuk, E. (2016). Wariantywność pisowniowa frazeologizmów we współczesnych słownikach jednojęzycznych. *Białostockie Archiwum Językowe*, 16, 29–39. <https://doi.org/10.15290/baj.2016.16.02>

Bally, C. (1905). *Précis de stylistique*. A. Eggimann et cie.

- Basaj, M., & Rytel, D. (1982). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 1). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1985a). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 2). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1985b). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 3). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1988a). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 4). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1988b). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 5). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1994). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 6). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bazyłow, L., & Wiczorkiewicz, P. (2005). *Historia Rosji*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bąba, S. (1985). Struktura normy frazeologicznej. B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 3, cc. 87–105). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bąba, S. (1986). *Twardy orzech do zgryzienia, czyli o poprawności frazeologicznej*. Wydawnictwo Poznańskie.
- Bąba, S. (1989). *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Bąba, S. (2009). *Frazeologia polska: Szkice i studia*. Wydawnictwo «Poznańskie Studia Polonistyczne».
- Bednarska, K. (2010). Rośliny w słoweńskiej, czeskiej i polskiej frazeologii. *Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców*, 17, 205–212.
- Bizior, R. (2024). Przysłowia z komponentami *Ormianin, Grek i Żyd* w kontekście pamięci zbiorowej. *Poradnik Językowy*, 2024(6), 38–51.
- Bogusławski, A. (1989). Uwagi o pracy nad frazeologią. B Z. Saloni (Ред.), *Studia z polskiej leksykografii współczesnej* (T. 3, cc. 13–30). Wydawnictwo Filii Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku.
- Boksański, Z., Piotrowski, A. & Ziółkowski, M. (1977). *Socjologia języka*. Wydawnictwo «Wiedza Powszechna».
- Buttler, D. (1985). Norma, uzus i kodyfikacja w dziedzinie stałych związków wyrazowych. B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 3, cc. 73–86). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Buttler, D. (1994). Przydatność pojęć i terminów słotwórczych w badaniach frazeologicznych. B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 4, cc. 27–32). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Chlebda W. (1987). Pojęcie frazematyki w kręgu zagadnień przekładoznawstwa. B M. Łęsiów (Ред.), *Słownictwo języków słowiańskich w aspekcie porównawczym* (cc. 47–54), Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

- Chlebda, W. (2001). Frazeologia polska minionego wieku. B S. Dubisz & S. Gajda (Ред.), *Polszczyzna XX wieku: Ewolucja i perspektywy rozwoju* (cc. 155–165). Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Chlebda, W. (2002a). Kijem nagany, marchewką nadziei. B S. Gajda, K. Rymut, & U. Żydek-Bednarczuk (Ред.), *Język w przestrzeni społecznej* (cc. 409–419). Uniwersytet Polski.
- Chlebda, W. (2002b). Poszukiwanie idiomatykonu: Szkic informacyjny o najnowszych doświadczeniach frazeologii rosyjskiej. B A. M. Lewicki (Ред.), *Problemy Frazeologii Europejskiej* (T. 5, cc. 9–19). Norbertinum.
- Chlebda, W. (2003). *Elementy frazematyki: Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Chlebda, W. (2020). Reprodukowalność, reprodukcja, reprodukt. B W. Chlebda & J. Tarsa (Ред.), *Frazeologia a reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej: Problemy – metody analizy – opis* (cc. 27–50). Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Czarkowski, L. (1909). *Słowniczek najpospolitszych rusycyzmów*. J. Zawadzki.
- Czarnota, E. (2018). Na tropie związków frazeologicznych o proveniencji mitologicznej w szkolnych słownikach frazeologicznych. B K. Jędrych, D. Krzyżyk, M. Ochwat, & M. Wójcik-Dudek (Ред.), *Przestrzenie spotkania: Tom dedykowany Profesor Ewie Jaskółowej w czterdziestolecie pracy naukowej i dydaktycznej* (cc. 425–444). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. <https://doi.org/10.31261/TPDJP.2018.27.11>
- Czesak, A. (1998). Frazeologia gwarowa – problemy i postulaty. B S. Gala (Ред.), *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii* (cc. 285–293). Łódzkie Towarzystwo Naukowe.
- Čermák, F. (1982). *Idiomatika a frazeologie češtiny*. Univerzitetu Karlova.
- Daszczyńska, I. (1987). *Rosyjsko-polska pozorna ekwiwalencja frazeologiczna*. WSP.
- Doroszkiewicz, M. (1991). *Studia nad wpływami polskimi na rosyjską leksykę gwarową*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Fałowski, A. (2018). Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w języku staropolskim. B Z. Greń (Ред.), *Z polskich studiów slawistycznych: Językoznawstwo* (T. 2, cc. 29–40), Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Fałowski, A. (2023). Ile jest słów pochodzenia ukraińskiego we współczesnej polszczyźnie ogólnej? *LingVaria*, 1(35), 63–72. <https://doi.org/10.12797/LV.18.2023.35.04>
- Ferguson, C. A. (1959). Diglossia. *Word*, 15, 232–251.
- Fishman, J. (1967). Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 23(2), 29–38. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1967.tb00573.x>
- Fishman, J. (1972a). Language maintenance and language shift as a field of inquiry: Revisited. B A. S. Dil (Ред.), *Language in sociocultural change: Essays by Joshua A. Fishman* (cc. 76–134). Stanford University Press.

- Fishman, J. (1972b). The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. B A. S. Dil (Ред.), *Language in sociocultural change: Essays by Joshua A. Fishman* (cc. 1–15). Stanford University Press.
- Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Bibliographisches Institut.
- Główny Urząd Statystyczny [GUS]. (2013). *Wyznania religijne, stowarzyszenia narodowościowe i etniczne w Polsce 2009–2011* (P. Ciecieląg & M. Haponiuk, Ред.). Zakład Wydawnictw Statystycznych. Дата обращения 27 января 2020, <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/inne-opracowania/wyznania-religijne/wyznania-religijne-stowarzyszenia-narodowosciowe-i-etniczne-w-polsce-2009-2011,1,2.html>
- Głuszkowski, M. (2008). Tożsamość kulturowo-językowa staroobrzędowców na tle innych grup mniejszościowych w Polsce: Możliwe płaszczyzny przemilczeń. B J. Goszczyńska & G. Szwat-Gyłybowa (Ред.), *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych* (cc. 422–434). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Głuszkowski, M. (2009). Miejsce religii i sacrum w życiu mieszkańców w Polsce staroobrzędowców. *Literatura Ludowa*, 6, 31–46.
- Głuszkowski, M. (2010a). Typy przełączania kodu w rosyjsko-polskiej dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Slavia Orientalis*, 59(1), 81–98.
- Głuszkowski, M. (2010b). Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia staroobrzędowców regionu augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 34, 157–168. <https://doi.org/10.11649/abs.2010.011>
- Głuszkowski, M. (2011a). Czy gwara staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego jest wciąż rosyjska?. *Zeszyty Łużyckie*, 45(1), 107–117.
- Głuszkowski, M. (2011b). *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Głuszkowski, M., & Grupa, M. (2016). Socjolingwistyczne badania podłużne bilingwizmu staroobrzędowców mieszkających w Polsce. B R. Dębski & W. T. Miodunka (Ред.), *Bilingwizm polsko-obcy dziś: Od teorii i metodologii badań do studiów przypadków* (cc. 33–47). Księgarnia Akademicka.
- Głuszkowski, M., & Pawlaczyk, A. (2017). Religia jako czynnik powstrzymujący zmianę językową w społeczności staroobrzędowców w Polsce. B M. Krajewska, J. Kulwiczka-Kamińska, & A. Szulc (Ред.), *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym: T. 3. Słowiańscy chrześcijanie Wschodu i Zachodu: Język – Dialekt – Piśmiennictwo* (cc. 275–287). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Górniewicz, H. (1975). Frazeologia w gwarach w stosunku do języka literackiego na przykładzie gwar malborskich. B M. Karaś (Ред.), *Słownictwo gwarowe a kultura: Księga referatów. Kraków 26-29 XI 1973 r.* (cc. 79–84). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grelewski, S. (1935). *Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej: Zarys stanu prawnego wyznań religijnych w Polsce*. Diecezjalny Zakład Graficzno-Drukarski w Sandomierzu.
- Grek-Pabisowa, I. (1958/1999). Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkających na terenie Polski. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka,*

- obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 35–51). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1968). *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* [RGS]. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa, I. (1976/1999). Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie (cechy fonetyczne). B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 117–124). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983). *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce: Rozwój i stan dzisiejszy*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa, I. (1983a/1999). Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 69–79). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983b/1999). Zapożyczenia w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. I. Typy zapożyczeń i sposoby przyswajania wyrazów polskich. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 211–227). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983c/1999). Zarys dziejów staroobrzędowców w Polsce. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 53–65). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1994). Религиозная и культовая терминология и ее функционирование в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии [РиКТ]. B I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, & R. Morris (Ред.), *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (cc. 301–312). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1998/1999). Światowe migracje staroobrzędowców (od wieku siedemnastego do czasów współczesnych). B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 13–32). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1999a). Staroobrzędowcy-Rosjanie w kulturowym i językowym krajobrazie Polski. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 281–289). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1999b). Zmiany w tradycyjnej kulturze i obyczajowości staroobrzędowców w Polsce. B I. Grek-Pabisowa (Ред.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (cc. 291–299). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).

- Grek-Pabisowa, I. (2017). Bogactwo leksykalne gwar staroobrzędowców jako wynik kontaktów z nowym otoczeniem etnicznym. *Emigrantologia Słowian*, 3, 7–22.
- Grupa, M. (2016a). Kilka uwag na temat frazeologii sfery religijnej w gwarze staroobrzędowców mieszkających w Polsce. B. M. Krajewska, J. Kulwicka-Kamińska, & A. Szulc (Red.), *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym: prace dedykowane profesorowi Czesławowi Łapiczowi: T. 3. Słowiańscy chrześcijanie Wschodu i Zachodu: Język, dialekt, piśmiennictwo* (cc. 289–298). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Grupa, M. (2016b). Rola tradycji w kulturze staroobrzędowców mieszkających w Polsce na podstawie powiedzeń i przysłów funkcjonujących w ich gwarze. *Zeszyty Łużyckie*, 50, 343–355.
- Grupa, M. (2016c). Wpływ języka polskiego na leksykę medyczną w gwarze staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 40, 167–185. <https://doi.org/10.11649/abs.2016.009>
- Grupa, M. (2017a). Osobliwości idiolektu przedstawiciela średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Emigrantologia Słowian*, 3, 33–39.
- Grupa, M. (2017b). Wpływ polszczyzny na porównania frazeologiczne rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce. B. A. Kołodziej (Red.), *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura* (T. 3, cc. 113–122). Pavel Mervart.
- Grupa, M. (2018a). Frazeologiczne kalki i półkalki w mowie przedstawicieli średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. B. A. Pstyga, T. Kananowicz, & M. Buchowska (Red.), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza: T. 7. Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (cc. 165–172). Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Grupa, M. (2018b). Kilka uwag na temat wspólnego zasobu frazeologii polskiej i białoruskiej w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. *Acta Albaruthenica*, 18, 281–288.
- Grupa-Dolińska, M. (2018). Wpływ polszczyzny na terminologię techniczną w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Slavia Orientalis*, 67(4), 703–720. <https://doi.org/10.24425/slo.2018.125408>
- Grupa-Dolińska, M. (2019). Frazeologiczne kalki, półkalki i hybrydy w mowie dwujęzycznej społeczności staroobrzędowców mieszkających w Polsce. *LingVaria*, 1(27), 249–258. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.16>
- Grupa-Dolińska, M. (2020). Obcojęzyczne elementy we frazeologii rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce B. M. Rak & V. M. Mokijenko (Red.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (T. 2, cc. 109–121). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788381382458.10>
- Grupa-Dolińska, M. (2022). Frazeologia polskiej gwary mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii na początku XXI wieku. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 57, Article 3030. <https://doi.org/10.11649/sfps.3030>
- Gumperz, J. (1977). The sociolinguistic significance of conversational code-switching. *RELC Journal*, 8(2), 1–34. <https://doi.org/10.1177/003368827700800201>

- Hejduk, A. (2002). Obraz głupoty w polskiej, czeskiej i górnołużyckiej frazeologii. *Bohemi-styka*, 4, 239–275.
- Hordy, M. (2020). Język ciała we frazeologii polskiej i rosyjskiej. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 2020(18), 253–271. <https://doi.org/10.14746/pss.2020.18.15>
- Hymes, D. (1980). *Socjolingwistyka i etnografia mówienia* (K. Biskupski, Пер.). B M. Głowiński (Ред.), *Język i społeczeństwo* (cc. 61–65). Czytelnik.
- Iwaniec, E. (1977). *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Jakubowska, A. (2008). O czeskiej i górnołużyckiej frazeologii, czyli ustalone porównania semantycznego pola kłamstwa w dwóch bliskich sobie językach. *Studia Germanica Gedanensia*, 17, 165–176.
- Jankowiak, M. (2019a). Relikty polszczyzny północnokresowej na rubieżach dawnej Rzeczypospolitej (południowe ziemie obwodu pskowskiego). Ч. 1. *LingVaria*, 1(27), 149–164. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.10>
- Jankowiak, M. (2019b). Relikty polszczyzny północnokresowej na rubieżach dawnej Rzeczypospolitej (południowe ziemie obwodu pskowskiego). Ч. 2. *LingVaria*, 2(28), 135–144. <https://journals.akademicka.pl/lv/article/view/634>
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (1994). Ритуальная культура старообрядцев сувальско-сейненского региона в начале девяностых годов XX века. В I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, & R. Morris (Ред.), *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (cc. 191–196). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (1995). *Staroobrzędowcy w Polsce i ich księgi*. Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Jochym-Kuszlukowa, L. (1999). Profesor Wiesław Witkowski. *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Prace Rusycystyczne* 10(199), 173–176.
- Jorroch, A. (2014). Molenna w Wojnowie – tu języki pulsują życiem. *Zeszyty Łużyckie*, 48, 311–327.
- Jorroch, A. (2015). *Die deutsche Sprache der dreisprachigen Altgläubigen in Masuren*. Instytut Germanistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Karpeta, P. (2022). Obrzędowość rodzinna utrwalona we frazematyzacji pogranicza małopolsko-mazowieckiego. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 2022(17), 113–121. <https://doi.org/10.24917/20831765.17.8>
- Klyus, J. (2018). Inwektywy związane z nazwami części ciała we frazeologii polskiej i rosyjskiej. Analiza leksykalno-semantyczna. *Językoznawstwo*, 1(12), 145–170. https://doi.org/10.25312/2391-5137.12/2018_145-17
- Kochman, S. (1967). *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Komorowska, E. (2010a). *Barwa w języku polskim i rosyjskim: rozważania semantyczne*, Szczecin.

- Komorowska, E. (2010b). *Rządzić się jak szara gęś*, czyli o znaczeniach wyrażen z komponentem *szarości* w języku polskim i rosyjskim. *Linguistica Bidgostiana*, 7(20), 121–132.
- Kosek, I. (2011). Wariantywność zwrotów frazeologicznych a granice jednostki leksykalnej. B P. Fliciński (Ред.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Wariantywność we frazeologii* (cc. 9–22). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Kostecka-Sadowa, A. (2015). *Rzeczownikowe zapożyczenia wschodniosłowiańskie w gwarach polskich*. Instytut Języka Polskiego PAN.
- Koziara, S. (2001). *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej.
- Koziara, S. (2010). Biblizmy frazeologiczne w zasobach współczesnej polszczyzny. B S. Bąba, K. Skibski, & M. Szczyszka (Ред.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej* (cc. 99–120). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Krawczyk, A. (1985). Co wiemy o frazeologii gwarowej. B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (cc. 129–138). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (1987). *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (1988). O pewnych cechach odróżniających frazeologię gwarową od frazeologii języka literackiego (na przykładzie związków frazeologicznych z komponentem chodzić). B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 4, cc. 137–145). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (2016). Co wiemy o frazeologii gwarowej w 2015 roku?. B M. Rak & K. Sikora (Ред.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (cc. 31–42). Księgarnia Akademicka.
- Krucka, B. (1996). Związki frazeologiczne z czasownikiem robić i ich ekwiwalenty w języku rosyjskim. *Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców*, 6, 23–34.
- Kubicka, E. (2006). Frazeologizmy w słowniku. *Linguistica Bidgostiana*, 3, 116–126.
- Kusal, K. (2004). Русско-польская межъязыковая омонимия в сфере фразеологии. *Žmogus ir žodis*, 2004(3), 15–20.
- Kusal, K., & Bałaban, K. (2014). Rosyjsko-polska homonimia międzyjęzykowa jako problem leksykograficzny. *Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes*, 2014(4), 53–66.
- Lewicki, A. M. (1976). *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej*. Uniwersytet Śląski.
- Lewicki, A. M. (1982). *Stalość i zmienność związków frazeologicznych*. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.
- Lewicki, A. M. (2003). *Studia z teorii frazeologii*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Lewicki, A. M., & Pajdzińska, A. (2001). Frazeologia. B J. Bartmiński (Ред.), *Współczesny język polski* (cc. 315–334). Wydawnictwo UMCS.

- Liberek, J. (1998). Innowacja a użycie kanoniczne frazeologizmu. *Poznańskie Spotkania Językoznawcze*, 3, 31–53.
- Licharewa, Z. (1938). Dzieje starowierstwa rosyjskiego. *Oriens*, 4, 110–114.
- Maryniakowa, I. (1976). *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców w Polsce*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Maryniakowa, I. (1982). *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i w gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Maryniakowa, I., & R. Morris (Ред.). *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (cc. 301–312). Instytut Slavistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Mayenowa, M. R. (1966). *Stylistyka Bally'ego: Wybór tekstów*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Mecherzyński, K. (1981). Wiadomość o filiponach polskich. *Rocznik Ces. Król. Towarzystwa Naukowego Krakowskiego*, 5(3(28), 58–96.
- Mędelśka, J., & Marszałek, M. (2019). Frazematyka północnokresowa. Problemy opisu tradycyjnego i zarys projektu jego sformalizowania. *Język Polski*, 99(2), 91–102. <https://doi.org/10.31286/Jp.99.2.6>
- Mickiewicz, A. (2007). Ekwiwalencja frazeologiczna w czeskim tłumaczeniu Dziadów cz. III Adama Mickiewicza. *Bohemistyka*, 4, 243–264.
- Mlacek, J. (1971). L'udová frazeológia a spisovný jazyk. *Kultúra Slova*, 5(9), 289–293.
- Mlacek, J. (1975). Z problematiky slovenskej frazeologickej terminológie. *Kultúra slova*, 9(10), 326–333.
- Mlacek, J. (1981). O lexikálnych zmenách v prísloviach a porekadlách. *Kultúra Slova*, 15(4), 110–117.
- Mlacek, J. (1984). *Slovenská frazeológia*. Slovenské Pedagogické Nakladateľstvo.
- Morawski, J. (1937). *Kastor i Polluks. Studium z zakresu frazeologii porównawczej ze szczególnym uwzględnieniem romańskiej*. Polska Akademia Umiejętności.
- Möldner-Nieckowski, P. (2007). *Frazeologia poszerzona: Studium leksykograficzne*. Oficyna Wydawnicza Volumen.
- Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge University Press.
- Mycan, D. (2008). Związki frazeologiczne dotyczące śmierci w polskich i ukraińskich pieśniach ludowych. *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis/ Studia Linguistica*, 51(3), 252–258.
- Myers Scotton, C. (2004). Precision tuning of the Matrix Language Frame (MLF) model of code-switching. *Sociolinguistica*, 2004(18), 106–117. <https://doi.org/10.1515/9783484604650.106>
- Northeast, K. (2018). Kilka uwag o zastosowaniu modelu MLF. Forma rzeczownika w polsko-angielskim przełączaniu kodów. *Polonica*, 38(1), 109–124. <https://doi.org/10.17651/POLON.38.13>
- Obara, J. (1989a). Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej. *Rozprawy Slawistyczne*, 4, 185–210.

- Obara, J. (1989b). *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Orłoś, T. (2005a). Bułgarskie biblizmy z imionami własnymi. B T. Orłoś (Ред.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (cc. 99–102). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orłoś, T. (2005b). Czeskie i polskie biblizmy z imionami własnymi ze Starego Testamentu. B T. Orłoś (Ред.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (cc. 91–98). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orłoś, T. (2005c). *Skrzydlate słowa pochodzenia biblijnego w języku czeskim i polskim*. B T. Orłoś (Ред.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (cc. 87–90). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orłoś, T. (2005d). *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Pajdzińska, A. (1990). Antropocentryzm frazeologii potocznej. *Etnolingwistyka*, 3, 59–68.
- Pajdzińska, A. (2023). Frazeologia w ujęciu Wojciecha Chlebdy. *Linguistica Copernicana*, 20, 15–30. <https://doi.org/10.12775/LinCop.2023.001>
- Pastuszewski, S. (2016). *Przegląd źródeł i opracowań do badań staroprawosławia*. Instytut Wydawniczy Świadekstwo.
- Paško, D. (2008). Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru. B K. Pietrzycka-Bohosiewicz, A. Wawrzyńczak, & B. Gołąbek (Ред.), *Słowianie w Europie: Historia: Kultura: Język* (T. 3, cc. 431–438). Collegium Columbinum.
- Paško, D. (2010). Hybrydy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim. B W. Kuligowski (Ред.), *Nowe języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur* (cc. 95–102). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Paško-Konecniak, D. (2011a). Dynamika zmian w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku suwalsko-augustowskim. *Zeszyty Łużyckie*, 45, 118–126.
- Paško-Konecniak, D. (2011b). *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Paško-Konecniak, D. (2013). Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. B J. Mędelska & E. Titarenko (Ред.), *Dialog kultur: języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi* (cc. 49–57). Wydawnictwo UKW.
- Paško-Konecniak, D. (2014). Białoruskie elementy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców mieszkających w regionie suwalsko-augustowskim. *Acta Baltico-Slavica*, 38, 207–218. <https://doi.org/10.11649/abs.2014.022>
- Paško-Konecniak, D., Ziółkowska-Mówka, M., Grupa, M., Grzybowski, S., Głuszkowski, M., & Jaskólski, A. (2016). *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce: Wybór tekstów*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Piasecka, A. (2018). *Językowe portrety zwierząt hodowlanych w przestrzeni semantyczno-kulturowej polszczyzny i ruszczyzny (na materiale frazeologii)*. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. <https://doi.org/10.18778/8142-194-2>

- Piasecka, A. (2023). Procesy myślowe człowieka odzwierciedlone w polskich i rosyjskich frazeologizmach animalistycznych z zoonimami oznaczającymi wybrane zwierzęta hodowlane (rozważania z antropocentryzmem w tle). *Językoznawstwo*, 2(19), 41–56.
- Piirainen, E. (2012). *Widespread idioms in Europe and Beyond*. Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-0845-7>
- Puda-Blokesz, M. (2010). Frazeologizmy pochodzenia mitologicznego w języku polskim (zasób, stan i perspektywy opisu). B. S. Bąba, K. Skibski, & M. Szczyszka (Red.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej* (cc. 121–142). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Radzik, A. (2000). *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej.
- Rak, M. (2006). Antropocentryzm gwarowej frazeologii zwierzęcej z Gór Świętokrzyskich i Podtatrza. *Język Polski*, 86(5), 36–375.
- Rak, M. (2007a). Frazeologia gwar Podtatrza w kontekście frazeologii słowackiej (z zagadnień frazeologii porównawczej). *LingVaria*, 1(3), 103–113.
- Rak, M. (2007b). *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza*. Księgarnia Akademicka.
- Rak, M. (2016). Czego nadal nie wiemy o frazeologii gwarowej? B. M. Rak & K. Sikora (Red.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (cc. 31–42). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788376387390>
- Rak, M. (2020). Frazematyka ludowa a badania z zakresu socjologii wsi (na materiale podhalańskim). *Науковий вісник Ужгородського університету*, 2(44), 288–293. [https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.\(44\).288-293](https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.(44).288-293)
- Rak, M., & Mokienko, V. M. (2020). *Słowiańska frazeologia* (T. 2). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788381382458>
- Rak, M., & Sikora, K. (2016). *Słowiańska frazeologia gwarowa*. Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788376387390>
- Riasanovsky, N., & Steinberg, M. (2009). *Historia Rosji*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 28 marca 1928 r. o stosunku Państwa do Wschodniego Kościoła Staroobrzędowego, nie posiadającego hierarchii duchownej* (Dz. U. Nr 38, poz. 363 z 1928 r.). (6. r.). gov.pl. Дата обращения 27 июля 2023. <https://www.gov.pl/web/mswia/wykaz-kosciolow-i-zwiazkow-wyznaniowych-dzialajacych-na-podstawie-odrebnych-ustaw>
- Rozumko, A. (2010). *Wielokulturowość krajów anglojęzycznych w przysłowiach i powiedzeniach*. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Rykała, A. (1999). Staroobrzędowcy w Polsce. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica*, 2, 39–52.
- Sitarski, A. (2016). Paradygmat antropocentryczny jako kategoria lingwistyczna w badaniu obiektów językowych. *Studia Rossica Posnaniensia*, 41, 419–425. <https://doi.org/10.14746/strp.2016.41.38>

- Skorupka, S. (1965). Z zagadnień frazeologii porównawczej. *Prace Filologiczne*, 18(4), 119–130.
- Skorupka, S. (1988). Pojmowanie frazeologii w historii leksykografii polskiej. B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 4, cc. 7–14). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Smułkowa, E. (1988a/2002). O polsko-białoruskich związkach językowych w aspekcie czasowym i terytorialnym. B E. Smułkowa (Ред.), *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie* (cc. 293–305). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (1988b/2002). Zagadnienie polsko-białorusko-litewskiej interferencji językowej na ziemiach północno-wschodniej Polski. B E. Smułkowa (Ред.), *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie* (cc. 306–316). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (2000/2002). Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego? B E. Smułkowa (Ред.), *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie* (cc. 414–424). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Snarski, K. (2015). Zespół śpiewaczy „Riabina” z Gabowych Grądów i jego wkład w zachowanie tradycyjnej kultury staroobrzędowców. B K. Dembska & M. Głuszkowski (Ред.), *Rosja w dialogu kultur* (T. 1, cc. 213–224). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Snarski, K. (2017). Medaliony nagrobne na cmentarzach starowierskich na Suwalszczyźnie. B K. Dembska & D. Paśko-Koneczniak (Ред.), *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami* (cc. 293–304). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Snarski, K. (2019). *Staroobrzędowcy: Historia, wiara, tradycja*. Wydawnictwo Paśny Buriat.
- Stowarzyszenie staroobrzędowców w Polsce – wykreślenie*. (б. г.). Rejestr.io. Дата обращения 5 апреля 2024. <https://rejestr.io/krs/105822/stowarzyszenie-starobrzedowcow-w-polsce>
- Straś, E. (2008). *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Sułkowska, M. (2015). Percepcja, rozumienie i przyswajanie związków frazeologicznych *Problemy Frazeologii Europejskiej*, 10, 49–65.
- Sułkowska, M. (2021). O międzyjęzykowej ekwiwalencji w kontekście frazeologii kontrastywnej i frazeotranslacji. *Prace Językoznawcze*, 23(4), 5–21. <https://doi.org/10.31648/pj.7030>
- Szerszunowicz, J. (2009). Quasi-ekwiwalenty związków frazeologicznych w teorii, frazeografii i translatoryce. *Białostockie Archiwum Językowe*, 9, 323–346.
- Treder, J. (1988). Uwagi o chronologii zachodniosłowiańskiej frazeologii dialektalnej (na przykładzie kaszubskim). B M. Basaj & D. Rytel (Ред.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (T. 4, cc. 125–136). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Tyrpa, A. (2019). Wariantywność frazematyki w gwarach polskich. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 14, 246–257. <https://studialinguistica.uken.krakow.pl/article/view/5564>

- Walter, H., Komorowska, E., & Krzanowska, A. (2010). *Niemiecko-polski słownik frazeologii biblijnej z komentarzem historyczno-etymologicznym*. Volumina.
- Weinreich, U. (1953/1968). *Languages in contact: Findings and problems*. Mauton.
- Weinreich, U. (1969). Problems in the analysis of idioms. B J. Puhvel (Ред.), *Substance and structure of language* (cc. 23–81). De Gruyter. <https://doi.org/10.1525/9780520316218-003>
- Witkowski, W. (1992a). Najnowsze zapożyczenia rosyjskie z języka polskiego. B M. Basaj & Z. Zagórski (Ред.), *Munera linguistica Ladislao Kuraszkiewicz dedicata* (cc. 365–368). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Witkowski, W. (1992b). Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego. B B. Galster (Ред.), *Z polskich studiów slawistycznych* (cc. 263–270). Energeia.
- Wójtowicz, M. (2016). Zapożyczenia leksykalne z języka polskiego w gwarach pskowskich i nowogrodzkich. *Studia Rossica Posnaniensia*, 41, 451–460. <https://doi.org/10.14746/strp.2016.41.41>
- Zagórski, Z. (1998). Gwara z punktu widzenia teoretycznego i praktycznego. B S. Gala (Ред.), *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii* (cc. 23–29). Łódzkie Towarzystwo Naukowe.
- Zaręba, A. (1961). Wpływy polszczyzny na słownictwo innych języków słowiańskich. *Język Polski*, 41, 1–19.
- Zdanczewicz, T. (1963). Gwary powiatu sejneńskiego na tle procesów osadniczych: Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej. B J. Antoniewicz (Ред.), *Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej* (cc. 231–266). Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Zdanczewicz, T. (1966). *Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnam*. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk Wydział Filologiczno-Filozoficzny.
- Zielińska, A. (1996). *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Ziółkowska, M. (2010). Epitafia na starowierskich nagrobkach w Polsce. B B. Kodzis & M. Giej (Ред.), *Słowianie Wschodni na emigracji: literatura – kultura – język* (cc. 481–488). Uniwersytet Opolski.
- Ziółkowska-Mówka, M. (2018). *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Pracownia Wydawnicza Eikon.

Словари и корпуса

- Абрамов, Н. А. (1999). *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений* [СРСИСВЫР]. Русские словари.
- Аванесов, Р. И. (1988). *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* [СДЯ]. Русский язык.
- Байкоў, М., & Некрашэвіч, С. (1925). *Беларуска-расейскі слоўнік* [БРС]. <http://by.slovopedia.com/109/53402/920962.html>
- Барадулін, Р. І. (2013). *Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна* [ВсРБ]. Книгарня письменніка.

- Белянин, В. П., & Бутенко, И. А. (1994). *Живая речь: Словарь разговорных выражений* [СразгВыр]. ПАИМС.
- Быстрова, Е. А., Окунева, А. П., & Шанский, Н. М. (1997). *Учебный фразеологический словарь* [УФС]. Просвещение.
- Валодзіна, Т. В., & Салавей, Л. М. (2011). *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў* [СБНПар]. Беларуская навука.
- Волкова, Т. (2000). *Универсальный фразеологический словарь русского языка* [ФСРЯ]. Вече.
- Володина, Т. В., & Мокиенко, В. М. (2018). *Русско-белорусский словарь сравнений* [РБСС]. Беларуская навука.
- Даль, В. И. (1903–1911). *Толковый словарь живого великорусского языка* (И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, ред.) [Даль III]. Издательство М. О. Вольф.
- Даль, В. И. (1989). *Пословицы русского народа* [ПРН]. Художественная литература.
- Даль, В. И. (2015). *Толковый словарь русского языка*. Эксмо.
- Еськова, Н. А. (2014). *Словарь трудностей русского языка: Ударение: Грамматические формы* [Струд]. Языки славянской культуры.
- Ефремова, Т. Ф. (б. г.). *Толковый словарь русского языка Ефремовой* [ТСЭф]. <https://www.efremova.info/>
- Клевцова, А. В., Петрова, Л. Я., & Строгова, В. П. (2010). *Новгородский областной словарь*. Наука.
- Королёва, Е. Е. (2013). *Диалектный словарь одной семьи: Т. 2. Пыталовский район Псковской области* [ДСОС]. DPU Izdevniecība «Saule».
- Королёва, Е. Е. (2017). *Диалектный словарь староверов Латгалии* (Т. 1 (А–В)). Институт Староверия Латвии.
- Кузьмич, В. (2000). *Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии* [СнарФраз]. Зелёный век.
- Кустова, Г. И. *Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой степени* [СРИдиом]. <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
- Ларин, Б. А., Лебедева, А. И., & Лутовинова, И. С. (1967–), *Псковский областной словарь с историческими данными* [ПОС]. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Лепешаў, І. Я. (2004). *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. БелЭн.
- Лепешаў, І. Я. (2014). *Этымалагічны слоўнік прыказак* [Эспрыказак]. Вышэйшая школа.
- Мартыанова, Л. М. (2010). *20000 русских пословиц и поговорок* [МарРПиП]. Центрполиграф.
- Михельсон, М. И. (1896–1912). *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: Т. 1–2. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов* [СМих]. Типография Академии наук.
- Мокиенко, В. М. (2010). *Большой словарь русских пословиц* [БСРПМок]. Олма Медиа Групп.

- Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2007). *Большой словарь русских поговорок* [БСРП]. Олма Медиа Групп.
- Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2001). *Словарь псковских пословиц и поговорок* [СППиП]. Издательство Норинт.
- Мокиенко, В. М., & Никитина, Т. Г. (2008). *Большой словарь русских народных сравнений* [БСРНС]. Олма Медиа Групп.
- Мяцельская, Е. С., & Камароўскі, Я. М. (1972). *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі* [СБНФ]. БДУ.
- Национальный корпус русского языка* [НКРЯ]. (2003–2004). <http://www.ruscorpora.ru/new/>
- Носович, И. И. (1874). *Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ* [СБП]. Императорская Академія Наукъ.
- Ожегов, С. И. (2016). *Толковый словарь русского языка* [ТСО]. Мир и образование.
- Палагина, В. В., & Захарова, Л. А. (2001). *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII начала XVIII века* [СНРПТомск]. Издательство Томского университета.
- Русско-английский словарь пословиц и поговорок* [РАСПиП]. (б. г.). https://proverbs_ru_en.academic.ru/
- Серов, В. В. (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* [ЭСКСиВ]. Локид.
- Словарь многих выражений* [СМВ]. (2014). https://all_words.academic.ru/
- Станкевіч, Я. (1989). *Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь* [БРС-Стан]. Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation.
- Телия, В. Н. (2006). *Большой фразеологический словарь русского языка* [БФСРЯ]. АСТ-Пресс.
- Тихонов, А. Н., Ломов, А. Г., & Ломова, Л. А. (2008). *Фразеологический словарь русского языка* [ФСРЯТих]. Просвещение/Дрофа.
- Тришин, В. Н. (2013). *Словарь синонимов* [Ссин]. <http://trishin.net/>
- Уваров, Н. В. (2009). *Энциклопедия народной мудрости* [ЭНМ]. Инфра-Инженерия.
- Ушакова, О. Д. (2016). *Пословицы, поговорки и крылатые выражения* [ПпиКВ]. Литера.
- Федоров, А. И. (1983). *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* [ФСРГов-Сиб]. Наука: Сибирское отделение.
- Фёдоров, А. И. (2008). *Фразеологический словарь русского литературного языка* [ФСРЛЯ]. Астрель.
- Филин, Ф. П., & Сороколетов, Ф. П. (1965–2007). *Словарь русских народных говоров* [СРНГ]. Наука. <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/>
- Шарифуллин, Б. Я. (2007). *Историко-лингвистический словарь трилогии А.М.Бондаренко «Государева вотчина»* [ИЛСТ]. Изд-во Сибирского федерального ун-та.
- Шведова, Н. Ю. (1998-2007). *Русский семантический словарь* [РСС] (Т. 1–4). Азбуковник.

- Adalberg, S. (1889–1894). *Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Druk Emila Skińskiego.
- Aksamitow, A., & Czurak, M. (2000). *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*. Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Bąba, S., Dziamka, G., & Liberek, J. (1995). *Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego* [PSFJP]. Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ciechanowicz, J., & Jakubowicz-Turbacz, K. (2009). *Niemiecko-polski słownik frazeologiczny* [NPSF]. Zespół Kolegiów Nauczycielskich.
- Czochrański, J., & Ludwig, K. (2004). *Słownik frazeologiczny niemiecko-polski* [SFNP]. Wiedza Powszechna.
- de Vincenz, A., & Hentschel, G. (2010). *Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache*. <http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bisverlag/wdlp/46701.html>
- Dobry słownik języka polskiego*. DobrySłownik. pl. <https://dobrysłownik.pl/slowo/buma-ga/69276/>
- Grek-Pabisowa, I., & Maryniakowa, I. (1980). *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* [SGS]. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grimm, J., & Grimm, W. (1905). *Deutsches Wörterbuch* [DWGRIMM]. Hirzel.
- Nowakowska, A. (Ред.) (2005). *Słownik frazeologiczny w układzie tematycznym i alfabetycznym* [SFNow]. Wydawnictwo «Europa».
- Paśko-Konecniak, D. (2016). *Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Pomey, F. A. (1777). *Novum Lexicon Manuale Latino-Germanicum Et Germanico-Latinum* [NLM]. Matthäus Rieger sel. Söhnen.
- Przymuszała, L. (2013). *Słownik frazeologizmów i typowych połączeń wyrazowych w gwarach śląskich* [SFGŚ]. Uniwersytet Opolski.
- Sakalauskienė, V., & Vosylūtė, K. (2004). *Zanavykų šnektos žodynas* [ZŠŽ]. Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Skorupka, S. (1967). *Słownik frazeologiczny języka polskiego* [SFJPSkor] (T. 1). Wiedza Powszechna.
- Skorupka, S. (1968). *Słownik frazeologiczny języka polskiego* [SFJPSkor] (T. 2). Wiedza Powszechna.
- Słownik Wileński*. (6.r.). Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego. https://eswil.ijp.pan.pl/Wielki_słownik_języka_polskiego [WSJP]. (6. r.). <https://wsjp.pl>
- Witkowski, W. (2006). *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Universitas. «Zdrobnienia». (6. r.) B Karaś, H. *Leksykon terminów i pojęć dialektologicznych*. Дата обращения 20.01.2020, <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php>

Bibliography (Transliteration)

- Ajdačić, D., & Nepop Ajdačić, L. (2015). *Poredbena srpsko-ukrajinska frazeologia* (Vol. 1). Alma.
- Aksamitaŭ, A. S. (1978). *Belaruskaja frazealohiia*. Vyshejšaia shkola.
- Amosova, N. N. (1963). *Osnovy angliŭskoŭ frazeologii*. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Anan'eva, N. (2011). Pol'skie iazykovye èlementy v russkoŭ hudzhestvennoŭ literature. In S. Gzhibovskii, V. A. Horev, & M. Volos (Eds.), *Russko-pol'skie iazykovye, literaturnye i kul'turnye kontakty* (pp. 11–23). Kvadriga.
- Arsenteva, E., Safina, R. (2014). Kazan school of phraseology. In E. Arsenteva (Ed.), *Phraseology in multilingual society* (pp. 2–15). Cambridge Scholars Publishing.
- Auer, P. (1984). On the meaning of conversational code-switching. In P. Auer & A. Di Luzio (Eds.), *Interpretive sociolinguistics: Migrants, children, migrant children* (pp. 87–112). Gunter Narr Verlag.
- Auxová, D. (2008). *Špecifickosť odkazu paremiologického textu*. In A. Gálisová & A. Chomová (Eds.), *Väria XV. Zborník materiálov z XV. kolokvia mladých jazykovedcov* (pp. 11–15). Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, Katedra slovenského jazyka a literatúry FHV UMB v Banskej Bystrici.
- Awramiuk, E. (2016). Wariantywność pisowniowa frazeologizmów we współczesnych słownikach jednojęzycznych. *Białostockie Archiwum Językowe*, 16, 29–39. <https://doi.org/10.15290/baj.2016.16.02>
- Bąba, S. (1985). Struktura normy frazeologicznej. In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 3, pp. 87–105). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bąba, S. (1986). *Twardy orzech do zgryzienia, czyli o poprawności frazeologicznej*. Wydawnictwo Poznańskie.
- Bąba, S. (1989). *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Bąba, S. (2009). *Frazeologia polska: Szkice i studia*. Wydawnictwo “Poznańskie Studia Polonistyczne”.
- Babkin, A. M. (1970). *Russkaia frazeologiia, ee razvitie i istochniki*. Nauka.
- Balli, Sh. (1909/1961). *Frantsuzskaia stilistika*. Izdatel'stvo inostrannaia literatura.
- Bally, C. (1905). *Précis de stylistique*. A. Eggimann et cie.

- Baranovskii, V., & Potashenko, G. (2005). *Staroverie Baltii i Pol'shi: Kratkiĭ istoricheskii i biografičeskii slovar'*. Aidai.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1982). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 1). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1985a). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 2). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1985b). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 3). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1988a). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 4). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1988b). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 5). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Basaj, M., & Rytel, D. (1994). *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 6). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bazyłow, L., & Wiczorkiewicz, P. (2005). *Historia Rosji*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Bednarska, K. (2010). Rośliny w słoweńskiej, czeskiej i polskiej frazeologii. *Acta Universitatis Lodzianensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców*, 17, 205–212.
- Bityĭ nebitogo vezet. (n.d.). Planeta skazok: Skazki dlia detei, rasskazy, stikhi s kartinkami, čitat' onlain: Skazki na noch'. <http://www.planetaskazok.ru/rusnarskz/bity-nebitogo-vezet>
- Bizior, R. (2024). Przysłowia z komponentami *Ormianin, Grek i Żyd* w kontekście pamięci zbiorowej. *Poradnik Językowy*, 2024(6), 38–51.
- Boduën-de-Kurtené, I. (1870). Slovar'. In I. Boduën-de-Kurtené (Ed.), *O drevnepol'skom iazyke do četyrnadsatogo stoletia*. Tipografii Bera i Germana.
- Boduën-de-Kurtené, I. (1917). *Vvedenie v iazykovedenie* (5th ed.). Petrograd.
- Bogusławski, A. (1989). Uwagi o pracy nad frazeologią. In Z. Saloni (Ed.), *Studia z polskiej leksykografii współczesnej* (Vol. 3, ss. 13–30). Wydawnictwo Filii Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku.
- Boksański, Z., Piotrowski, A. & Ziółkowski, M. (1977). *Socjologia języka*. Wydawnictwo "Wiedza Powszechna".
- Bol'shakova, N. V. (2017). Issledovanie iuzhnopskovskikh govorov v kontekste lingvogeograficheskikh i étnolingvističeskikh problem. In N. V. Bol'shakova (Ed.), *Traditsionnyĭ étnokul'turnyĭ i iazykovoĭ landschaft Vitebsko-Pskovskogo pogranich'ia v kontse XIX – nachale XXI vv. Bibliografičeskii ukazatel'* (pp. 156–167). Izdatel'stvo "LOGOS".
- Buttler, D. (1985). Norma, uzus i kodyfikacja w dziedzynie stałych związków wyrazowych. In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 3, pp. 73–86). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

- Buttler, D. (1994). Przydatność pojęć i terminów słowotwórczych w badaniach frazeologicznych. In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 4, pp. 27–32). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Čermák, F. (1982). *Idiomatika a frazeologie češtiny*. Univerzityta Karlova.
- Chlebda W. (1987). Pojęcie frazematyki w kręgu zagadnień przekładoznawstwa. In M. Łęsiów (Ed.), *Słownictwo języków słowiańskich w aspekcie porównawczym* (pp. 47–54), Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Chlebda, W. (2001). Frazeologia polska minionego wieku. In S. Dubisz & S. Gajda (Eds.), *Polszczyzna XX wieku: Ewolucja i perspektywy rozwoju* (pp. 155–165). Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Chlebda, W. (2002a). Kijem nagany, marchewką nadziei. In S. Gajda, K. Rymut, & U. Żydek-Bednarczuk (Eds.), *Język w przestrzeni społecznej* (pp. 409–419). Uniwersytet Opolski.
- Chlebda, W. (2002b). Poszukiwanie idiomatykonu: Szkic informacyjny o najnowszych dociekaniach frazeologii rosyjskiej. In A. M. Lewicki (Ed.), *Problemy Frazeologii Europejskiej* (Vol. 5, pp. 9–19). Norbertinum.
- Chlebda, W. (2003). *Elementy frazematyki: Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Chlebda, W. (2020). Reprodukowalność, reprodukcja, reprodukt. In W. Chlebda & J. Tarsa (Eds.), *Frazeologia a reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej: Problemy – metody analizy – opis* (pp. 27–50). Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Czarkowski, L. (1909). *Słowniczek najpospolitszych rusycyzmów*. J. Zawadzki.
- Czarnota, E. (2018). Na tropie związków frazeologicznych o proveniencji mitologicznej w szkolnych słownikach frazeologicznych. In K. Jędrych, D. Krzyżyk, M. Ochwat, & M. Wójcik-Dudek (Eds.), *Przestrzenie spotkania: tom dedykowany Profesor Ewie Jaskółowej w czterdziestolecie pracy naukowej i dydaktycznej* (pp. 425–444). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. <https://doi.org/10.31261/TPDJP.2018.27.11>
- Czesak, A. (1998). Frazeologia gwarowa – problemy i postulaty. In S. Gala (Ed.), *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii* (pp. 285–293). Łódzkie Towarzystwo Naukowe.
- Daszczyńska, I. (1987). *Rosyjsko-polska pozorna ekwiwalencja frazeologiczna*. WSP.
- Domashnev, A. I. (1996). Nemetskie poseleniia na Neve (Iz istorii razvitiia “ostrovnoi” dialektologii). *Voprosy iazykoznanii*, 1, 24–32.
- Doroszkiewicz, M. (1991). *Studia nad wpływami polskimi na rosyjską leksykę gwarową*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Dubichinskii V., IAskul'skii, A., & Mushin'ska-Vol'ny D. (2021). *Leksikograficheskaiia interpretatsiia russko-pol'skikh frazeologicheskikh parallelei*. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Dulichenko, A. (1998). IAzyki malykh étnicheskikh grupp: Status, razvitie, problemy vyzhivaniia. In A. Dulichenko (Ed.), *IAzyki malye i bol'shie... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Slavica Tartuensia* (Vol. 4, pp. 26–36). Tartu University Press.

- Fałowski, A. (2018). Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w języku staropolskim. In Z. Greń (Ed.), *Z polskich studiów slawistycznych: Językoznawstwo* (Vol. 2, pp. 29–40). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Fałowski, A. (2023). Ile jest słów pochodzenia ukraińskiego we współczesnej polszczyźnie ogólnej? *LingVaria*, 1(35), 63–72. <https://doi.org/10.12797/LV.18.2023.35.04>
- Ferguson, C. A. (1959). Diglossia. *Word*, 15, 232–251.
- Fishman, J. (1967). Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 23(2), 29–38.
- Fishman, J. (1972a). Language maintenance and language shift as a field of inquiry: Revisited. In A. S. Dil (Ed.), *Language in sociocultural change: Essays by Joshua A. Fishman* (pp. 76–134). Stanford University Press.
- Fishman, J. (1972b). The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. In A. S. Dil (Ed.), *Language in sociocultural change: Essays by Joshua A. Fishman* (pp. 1–15). Stanford University Press. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1967.tb00573.x>
- Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Bibliographisches Institut.
- Gerd, A. S. (1998). Slavianskaia istoricheskaia dialektologii i istoriia regional'nogo iazyka. In T. A. Agapkina, A. F. Zhuravlev, & S. M. Tolstaia (Eds.), *Iazyk i kul'tura: Pamiaty Nikity Il'icha Tolstogo* (Vol. 1, pp. 78–84). Indrik.
- Główny Urząd Statystyczny [GUS]. (2013). *Wyznania religijne, stowarzyszenia narodowościowe i etniczne w Polsce 2009–2011* (P. Ciecieląg & M. Haponiuk, Eds.). Zakład Wydawnictw Statystycznych. Retrieved January 27, 2020, from <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/inne-opracowania/wyznania-religijne/wyznania-religijne-stowarzyszenia-narodowosciowe-i-etniczne-w-polsce-2009-2011,1,2.html>
- Glushkovskii, M., Grupa-Dolin'skaia, M., & Pavliachik, A. (2021). Ispol'zovanie biograficheskogo metoda v issledovaniakh dvuiazychiia staroobriadtsev v Pol'she. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 2(28), 312–328. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2021.2.25>
- Głuszkowski, M. (2008). Tożsamość kulturowo-językowa staroobrzędowców na tle innych grup mniejszościowych w Polsce: Możliwe płaszczyzny przemilczeń. In J. Goszczyńska & G. Szwat-Gylybowa (Eds.), *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych* (pp. 422–434). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Głuszkowski, M. (2009). Miejsce religii i sacrum w życiu mieszkających w Polsce staroobrzędowców. *Literatura Ludowa*, 6, 31–46.
- Głuszkowski, M. (2010a). Typy przełączania kodu w rosyjsko-polskiej dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Slavia Orientalis*, 59(1), 81–98.
- Głuszkowski, M. (2010b). Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia staroobrzędowców regionu augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 34, 157–168. <https://doi.org/10.11649/abs.2010.011>

- Głuszkowski, M. (2011a). Czy gwara staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego jest wciąż rosyjska? *Zeszyty Łużyckie*, 45(1), 107–117.
- Głuszkowski, M. (2011b). *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Głuszkowski, M., & Grupa, M. (2016). Socjolingwistyczne badania podłużne bilingwizmu staroobrzędowców mieszkających w Polsce. In R. Dębski & W. T. Miodunka (Eds.), *Bilingwizm polsko-obcy dziś: Od teorii i metodologii badań do studiów przypadków* (pp. 33–47). Księgarnia Akademicka.
- Głuszkowski, M., & Pawlaczyk, A. (2017). Religia jako czynnik powstrzymujący zmianę językową w społeczności staroobrzędowców w Polsce. In M. Krajewska, J. Kulwiczka-Kamińska, & A. Szulc (Eds.), *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym: Vol. 3. Słowiańscy chrześcijanie Wschodu i Zachodu: Język – Dialekt – Piśmiennictwo* (pp. 275–287). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Gordy, M. (2010). *Somatičeskaia frazeologija sovremennykh russkogo i pol'skogo iazykov*. Volumina.
- Górniewicz, H. (1975). Frazeologia w gwarach w stosunku do języka literackiego na przykładzie gwar malborskich. In M. Karaś (Ed.), *Słownictwo gwarowe a kultura: Księga referatów. Kraków 26-29 XI 1973 r.* (pp. 79–84). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa, I. (1968). *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* [RGS]. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa, I. (1958/1999). Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkałych na terenie Polski. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 35–51). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1976/1999). Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie (cechy fonetyczne). In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 117–124). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983). *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce: Rozwój i stan dzisiejszy*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa, I. (1983a/1999). Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 69–79). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983b/1999). Zapożyczenia w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. I. Typy zapożyczeń i sposoby przyswajania wyrazów polskich. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 211–227). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1983c/1999). Zarys dziejów staroobrzędowców w Polsce. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac*

- z okazji 45-lecia pracy naukowej (pp. 53–65). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1994). Religioznaia i kul'tovaia terminologiiia i ee funktsionirovanie v govore staroobriadtssev v Pol'she i Bolgarii [RiKT]. In I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, & R. Morris (Eds.), *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (pp. 301–312). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1998/1999). Światowe migracje staroobrzędowców (od wieku siedemnastego do czasów współczesnych). In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 13–32). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1999a). Staroobrzędowcy-Rosjanie w kulturowym i językowym krajobrazie Polski. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy: Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 281–289). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (1999b). Zmiany w tradycyjnej kulturze i obyczajowości staroobrzędowców w Polsce. In I. Grek-Pabisowa (Ed.), *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów: Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej* (pp. 291–299). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Grek-Pabisowa, I. (2017). Bogactwo leksykalne gwar staroobrzędowców jako wynik kontaktów z nowym otoczeniem etnicznym. *Emigrantologia Słowian*, 3, 7–22.
- Grelewski, S. (1935). *Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej: Zarys stanu prawnego wyznań religijnych w Polsce*. Diecezjalny Zakład Graficzno-Drukarski w Sandomierzu.
- Grupa, M. (2016a). Kilka uwag na temat frazeologii sfery religijnej w gwarze staroobrzędowców mieszkających w Polsce. In M. Krajewska, J. Kulwicka-Kamińska, & A. Szulc (Eds.), *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym: prace dedykowane profesorowi Czesławowi Łapiczowi: Vol. 3. Słowiańscy chrześcijanie Wschodu i Zachodu: Język, dialekt, piśmiennictwo* (pp. 289–298). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Grupa, M. (2016b). Rola tradycji w kulturze staroobrzędowców mieszkających w Polsce na podstawie powiedzeń i przysłów funkcjonujących w ich gwarze. *Zeszyty Łużyckie*, 50, 343–355.
- Grupa, M. (2016c). Wpływ języka polskiego na leksykę medyczną w gwarze staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 40, 167–185. <https://doi.org/10.11649/abs.2016.009>
- Grupa, M. (2017). Osnovnye problemy izucheniia frazeologii govora staroobriadtssev, prozhivaiushchikh v Pol'she. In K. Dembska & D. Paško-Konecniak (Eds.), *30 lat torun'skiej rusytsystyki* (pp. 257–268). Wydawnictwo UMK.
- Grupa, M. (2017a). Osobliwości idiolektu przedstawiciela średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Emigrantologia Słowian*, 3, 33–39.

- Grupa, M. (2017b). Wpływ polszczyzny na porównania frazeologiczne rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce. In A. Kołodziej (Ed.), *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura* (Vol. 3, pp. 113–122). Pavel Mervart.
- Grupa, M. (2018a). Frazeologiczne kalki i półkalki w mowie przedstawicieli średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. In A. Pstyga, T. Kananowicz, & M. Buchowska (Eds.), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza: Vol. 7. Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (pp. 165–172). Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Grupa, M. (2018b). Kilka uwag na temat wspólnego zasobu frazeologii polskiej i białoruskiej w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce. *Acta Albaruthenica*, 18, 281–288.
- Grupa-Dolińska, M. (2018). Wpływ polszczyzny na terminologię techniczną w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. *Slavia Orientalis*, 67(4), 703–720. <https://doi.org/10.24425/slo.2018.125408>
- Grupa-Dolińska, M. (2019). Frazeologiczne kalki, półkalki i hybrydy w mowie dwujęzycznej społeczności staroobrzędowców mieszkających w Polsce. *LingVaria*, 1(27), 249–258. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.16>
- Grupa-Dolińska, M. (2020). Obcojęzyczne elementy we frazeologii rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce. In M. Rak & V.M. Mokijenko (Eds.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (Vol. 2, pp. 109–121). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788381382458.10>
- Grupa-Dolińska, M. (2022). Frazeologia polskiej gwary mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii na początku XXI wieku. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 57, Article 3030. <https://doi.org/10.11649/sfps.3030>
- Gumperz, J. (1977). The sociolinguistic significance of conversational code-switching. *RELJ Journal*, 8(2), 1–34. <https://doi.org/10.1177/003368827700800201>
- Gvozdev, I.U.A. (1977). Leksicheskoe preobrazovanie frazeologicheskikh edinit v protsesse razvitiia iazyka. In V.L. Arhangel'skiĭ (Ed.), *Problemy russkoĭ frazeologii* (pp. 38–41). Tulgospedinstitut im. L.N. Tolstogo.
- Gzhibovskii, S. (2010). Gibridizatsiia russkogo staroobriadcheskogo govora v Pol'she. *Studia Rossica Posnaniensia*, 35, 67–76.
- Gzhibovskii, S. (2011). Russkiiĭ ostrovnŏiĭ govor v pol'skom iazykovom okruzenii. In S. Gzhibovskii, V. A. Horev, & M. Volos (Eds.), *Russko-pol'skie iazykovye, literaturnye i kul'turnye kontakty* (pp. 45–59). Kvadriga.
- Gzhibovskii, S., & Glushkovskii, M. (2008). Sotsiolingvističeskaia situatsiia staroobriadtsev v derevniakh Gabove Grondy i Bur (Pol'sha). In L. L. Kasatkin (Ed.), *Russkie staroobriadtsy: Iazyk, kul'tura, istoriia: Sbornik stateĭ k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* (pp. 200–214). Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Gzhibovskii, S., & Glushkovskii, M. (2013). Diglossiia i sfery upotrebleniia pol'skogo iazyka i russkogo govora v obshchine staroobriadtsev suval'sko-avgustovskogo regiona (Pol'sha). In L. L. Kasatkin (Ed.), *Russkie staroobriadtsy: Iazyk, kul'tura, istoriia*.

- Sbornik stateĭ k XV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* (pp. 379–389). IAzyki slavianskikh kul'tur.
- Haugen, È. (1957/1972). IAzykovoĭ kontakt. In V. IU. Rozentsveĭg (Ed.), *Novoe v lingvistike: Vypusk 6. IAzykovye kontakty* (pp. 61–80). Izdatel'stvo "Progress".
- Hejduk, A. (2002). Obraz głupoty w polskiej, czeskiej i górnołużyckiej frazeologii. *Bohemiastyka*, 4, 239–275.
- Hordy, M. (2020). Język ciała we frazeologii polskiej i rosyjskiej. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 2020(18), 253–271. <https://doi.org/10.14746/pss.2020.18.15>
- Hymes, D. (1980). Socjolingwistyka i etnografia mówienia (K. Biskupski, Trans.). In M. Głowiński (Ed.), *Język i społeczeństwo* (pp. 61–65). Czytelnik.
- Iskam, A. N. (2013). O proiskhozhdenii belorusskikh frazeologizmov. *Vesnik Hrodzenskaha dziazhaŭnaha universiteta imia IA. Kupaly*, 3(1), 66–72.
- Ivashko, L. A. (1981). *Ocherki russkoĭ dialektnoĭ frazeologii*. Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Iwaniec, E. (1977). *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Jakubowska, A. (2008). O czeskiej i górnołużyckiej frazeologii, czyli ustalone porównania semantycznego pola kłamstwa w dwóch bliskich sobie językach. *Studia Germanica Gedanensia*, 17, 165–176.
- Jankowiak, M. (2019a). Relikty polszczyzny północnokresowej na rubieżach dawnej Rzeczypospolitej (południowe ziemie obwodu pskowskiego). Cz. I. *LingVaria*, 1(27), 149–164. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.10>
- Jankowiak, M. (2019b). Relikty polszczyzny północnokresowej na rubieżach dawnej Rzeczypospolitej (południowe ziemie obwodu pskowskiego). Cz. II. *LingVaria*, 2(28), 135–144. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.28.09>
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (1994). Ritual'naiia kul'tura staroobriadsev suval'sko-seĭnenskogo regiona v nachale devianostykh godov XX veka. In I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, & R. Morris (Eds.), *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (pp. 191–196). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (1995). *Staroobrzędowcy w Polsce i ich księgi*. Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Jochym-Kuszlíkowa, L. (1999). Profesor Wiesław Witkowski. *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Prace Rusycystyczne*, 10(199), 173–176.
- Jorroch, A. (2014). Molenna w Wojnowie – tu języki pulsują życiem. *Zeszyty Łużyckie*, 48, 311–327.
- Jorroch, A. (2015). *Die deutsche Sprache der dreisprachigen Altgläubigen in Masuren*. Instytut Germanistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Karpeta, P. (2022). Obrzędowość rodzinna utrwalona we frazematyzacji pogranicza małopolsko-mazowieckiego. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 2022(17), 113–121. <https://doi.org/10.24917/20831765.17.8>

- Kasatkin, L. L. (2005). *Ruskaia dialektologii*. Akademia.
- Klyus, J. (2018). Inwektywy związane z nazwami części ciała we frazeologii polskiej i rosyjskiej. Analiza leksykalno-semantyczna. *Językoznawstwo*, 1(12), 145–170. https://doi.org/10.25312/2391-5137.12/2018_145-17
- Kochan, S. (1967). *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Kolosov, A. V. (2016). *Zagovory, shepotki i molitvy*. Proza.ru. Retrieved September 20, 2023, from <https://proza.ru/2016/01/05/1059>
- Komorowska, E. (2010a). *Barwa w języku polskim i rosyjskim: rozważania semantyczne*, Szczecin.
- Komorowska, E. (2010b). *Rządzić się jak szara gęś*, czyli o znaczeniach wyrażen z komponentem *szarości* w języku polskim i rosyjskim. *Linguistica Bidgostiana*, 7(20), 121–132.
- Kornil'tseva, I. (2012). Russkie starozhily Pol'shi. In I. Kornil'tseva, O. Krasetskaia, & V. Verbitskaia, *Russkie stranitsy v istorii Pol'shi = Śladami Rosjan w Polsce* (pp. 7–27). Obshchestvo "Rossiiskii dom". <http://www.russia.internetdsl.pl/statya1.pdf>
- Kosek, I. (2011). Wariantywność zwrotów frazeologicznych a granice jednostki leksykalnej. In P. Fliciński (Ed.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej: Wariantywność we frazeologii* (pp. 9–22). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Kostecka-Sadowa, A. (2015). *Rzeczownikowe zapożyczenia wschodniosłowiańskie w gwarach polskich*. Instytut Języka Polskiego PAN.
- Koziara, S. (2001). *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej.
- Koziara, S. (2010). Biblizmy frazeologiczne w zasobach współczesnej polszczyzny. In S. Bąba, K. Skibski, & M. Szczyszka (Eds.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej* (pp. 99–120). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Krawczyk, A. (1985). Co wiemy o frazeologii gwarowej. In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (pp. 129–138). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (1987). *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (1988). O pewnych cechach odróżniających frazeologię gwarową od frazeologii języka literackiego (na przykładzie związków frazeologicznych z komponentem chodzić). In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 4, pp. 137–145). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Krawczyk-Tyrpa, A. (2016). Co wiemy o frazeologii gwarowej w 2015 roku? In M. Rak & K. Sikora (Eds.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (pp. 31–42). Księgarnia Akademicka.
- Krucka, B. (1996). Związki frazeologiczne z czasownikiem robić i ich ekwiwalenty w języku rosyjskim. *Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców*, 6, 23–34.

- Kubicka, E. (2006). Frazeologizmy w słowniku. *Linguistica Bidgostiana*, 3, 116–126.
- Kunin, A. V. (1964). *Osnovnye poniatia frazeologii kak lingvisticheskoj distsipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovaria* [Post-doctoral dissertation]. 1-i Mosk. gos. ped. in-t inostr. iazykov im. Morisa Toreza.
- Kunin, A. V. (1970). *Anglijskaia frazeologija*. Vysshaia shkola.
- Kusal, K. (2004). Russko-pol'skaia mezh"iazykovaia omonimiia v sfere frazeologii. *Žmogus ir žodis*, 2004(3), 15–20.
- Kusal, K., & Bałaban, K. (2014). Rosyjsko-polska homonimia międzyjęzykowa jako problem leksykograficzny. *Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes*, 2014(4), 53–66.
- Lagutina, T. V. (2012). *Narodnye chastushki, skorogovorki, pribautki, poslovicy i zagadki*. Ripol-Klassik.
- Łanina, A. N. (2015). Mifologičeskaia priroda frazeologizmov s zoosemizmami (na materiale russkogo i nemeckogo iazykov). *Naukovyi visnyk mizhnarodnoho humanitarnoho universitetu*, 16, 194–197.
- Lewicki, A. M. (1976). *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej*. Uniwersytet Śląski.
- Lewicki, A. M. (1982). *Stalość i zmienność związków frazeologicznych*. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.
- Lewicki, A. M. (2003). *Studia z teorii frazeologii*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Lewicki, A. M., & Pajdzińska, A. (2001). Frazeologia. In J. Bartmiński (Ed.), *Współczesny język polski* (pp. 315–334). Wydawnictwo UMCS.
- Liberek, J. (1998). Innowacja a użycie kanoniczne frazeologizmu. *Poznańskie Spotkania Językoznawcze*, 3, 31–53.
- Licharewa, Z. (1938). Dzieje starowierstwa rosyjskiego. *Oriens*, 4, 110–114.
- Marugina, N. I. (2009). Kontsept "sobaka" kak element russkoj iazykovoj kartiny mira. *IAzyk i kul'tura*, 2(6), 11–30.
- Maryniakowa, I. (1976). *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców w Polsce*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Maryniakowa, I. (1982). *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i w gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Maryniakowa, I., & Morris, R. (Eds.). *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie* (pp. 301–312). Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Mayenowa, M. R. (1966). *Stylistyka Bally'ego: Wybór tekstów*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Mecherzyński, K. (1981). Wiadomość o filiponach polskich. *Rocznik Ces. Król. Towarzystwa Naukowego Krakowskiego*, 5(3(28), 58–96.
- Mędelśka, J., & Marszałek, M. (2019). Frazematyka północnokresowa. Problemy opisu tradycyjnego i zarys projektu jego sformalizowania. *Język Polski*, 99(2), 91–102. <https://doi.org/10.31286/Jp.99.2.6>

- Mickiewicz, A. (2007). Ekwiwalencja frazeologiczna w czeskim tłumaczeniu Dziadów cz. III Adama Mickiewicza. *Bohemistyka*, 4, 243–264.
- Mlacek, J. (1971). L'udová frazeológia a spisovný jazyk. *Kultúra Slova*, 5(9), 289–293.
- Mlacek, J. (1975). Z problematiky slovenskej frazeologickej terminológie. *Kultúra slova*, 9(10), 326–333.
- Mlacek, J. (1981). O lexikálnych zmenách v prísloviach a porekadiach. *Kultúra Slova*, 15(4), 110–117.
- Mlacek, J. (1984). *Slovenská frazeológia*. Slovenské Pedagogické Nakladateľstvo.
- Mokienko, V. M. (1975). *V glub' pogovorki*. Prosveshchenie.
- Mokienko, V. M. (1980). *Slavianskaia frazeologiya*. Vysshiaia shkola.
- Molotov, A. I. (1977). *Osnovy frazeologii russkogo iazyka*. Nauka.
- Morawski, J. (1937). *Kastor i Polluks. Studium z zakresu frazeologii porównawczej ze szczególnym uwzględnieniem romańskiej*. Polska Akademia Umiejętności.
- Mordvilko, A. P. (1964). *Ocherki po russkoj frazeologii*. Prosveshchenie.
- Müldner-Nieckowski, P. (2007). *Frazeologia poszerzona: Studium leksykograficzne*. Oficyna Wydawnicza Volumen.
- Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge University Press.
- Mycań, D. (2008). Związki frazeologiczne dotyczące śmierci w polskich i ukraińskich pieśniach ludowych. *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis/ Studia Linguistica*, 51(3), 252–258.
- Myers Scotton, C. (2004). Precision tuning of the Matrix Language Frame (MLF) model of codeswitching. *Sociolinguistica*, 2004(18), 106–117. <https://doi.org/10.1515/9783484604650.106>
- Northeast, K. (2018). Kilka uwag o zastosowaniu modelu MLF. Forma rzeczownika w polsko-angielskim przełączaniu kodów. *Polonica*, 38(1), 109–124. <https://doi.org/10.17651/POLON.38.13>
- Obara, J. (1989a). Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej. *Rozprawy Slawistyczne*, 4, 185–210.
- Obara, J. (1989b). *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Ogol'tseva, V. M. (1978). *Ustoichivye sravneniia v sisteme russkoj frazeologii*. Izd. Stereotip.
- Orłoś, T. (2005a). Bułgarskie biblizmy z imionami własnymi. In T. Orłoś (Ed.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (pp. 99–102). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orłoś, T. (2005b). Czeskie i polskie biblizmy z imionami własnymi ze Starego Testamentu. In T. Orłoś (Ed.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (pp. 91–98). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orłoś, T. (2005c). *Skrzydlate słowa pochodzenia biblijnego w języku czeskim i polskim*. In T. Orłoś (Ed.), *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej* (pp. 87–90). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

- Orłoś, T. (2005d). *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Orlova, V. G. (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov*. Nauka.
- Ozhegov, S. I. (1957). O strukturze frazeologii. *Leksikograficheskii sbornik*, 2, 31–40.
- Pajdzińska, A. (1990). Antropocentryzm frazeologii potocznej. *Etnolingwistyka*, 3, 59–68.
- Pajdzińska, A. (2023). Frazeologia w ujęciu Wojciecha Chlebdy. *Linguistica Copernicana*, 20, 15–30. <https://doi.org/10.12775/LinCop.2023.001>
- Paśko, D. (2008). Kilka uwag o wpływie języka polskiego na składnię rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru. In K. Pietrzycka-Bohosiewicz, A. Wawrzyńczak, & B. Gołąbek (Eds.), *Słowianie w Europie: Historia: Kultura: Język* (Vol. 3, pp. 431–438). Collegium Columbinum.
- Paśko, D. (2010). Hybrydy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim. In W. Kuligowski (Ed.), *Nowe języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur* (pp. 95–102). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Paśko-Konecniak, D. (2011a). Dynamika zmian w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku suwalsko-augustowskim. *Zeszyty Łużyckie*, 45, 118–126.
- Paśko-Konecniak, D. (2011b). *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Pas'ko-Konecniak, D. (2013). Funktsionirovanie administrativnoi i shkol'noi terminologii v russkom govore staroobriadtssev, prozhivaiushchikh v suval'sko-avgustovskom regione (Pol'sha). In L. L. Kasatkin (Ed.), *Russkie staroobriadtsy: Iazyk, kul'tura, istoriia: Sbornik statei k XV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* (pp. 390–400). Iazyki slavian-skikh kul'tur.
- Paśko-Konecniak, D. (2013). Wpływ języka polskiego na idiomatykę rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. In J. Mędelska & E. Titarenko (Eds.), *Dialog kultur: języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi* (pp. 49–57). Wydawnictwo UKW.
- Paśko-Konecniak, D. (2014). Białoruskie elementy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców mieszkających w regionie suwalsko-augustowskim. *Acta Baltico-Slavica*, 38, 207–218. <https://doi.org/10.11649/abs.2014.022>
- Paśko-Konecniak, D., Ziółkowska-Mówka, M., Grupa, M., Grzybowski, S., Głuszkowski, M., & Jaskólski, A. (2016). *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce: Wybór tekstów*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Pastuszewski, S. (2016). *Przegląd źródeł i opracowań do badań staroprawosławia*. Instytut Wydawniczy Świadectwo.
- Pavliachik, A. (2017). Kak pishut starovery (na primere poeticheskikh proizvedenii staroverki starshego pokoleniia avgustovskogo regiona). In K. Dembska, D. Pas'ko-Konecniak (Eds.), *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami* (pp. 269–279). Wydawnictwo UMK.

- Piasecka, A. (2018). *Językowe portrety zwierząt hodowlanych w przestrzeni semantyczno-kulturowej polszczyzny i ruszczyzny (na materiale frazeologii)*. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. <https://doi.org/10.25312/j.6327>
- Piasecka, A. (2023). Procesy myślowe człowieka odzwierciedlone w polskich i rosyjskich frazeologizmach animalistycznych z zoonimami oznaczającymi wybrane zwierzęta hodowlane (rozważania z antropocentryzmem w tle). *Językoznawstwo*, 2(19), 41–56.
- Piirainen, E. (2012). *Widespread idioms in Europe and beyond*. Peter Lang. <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-0845-7>
- Polivanov, E. D. (1968a). O foneticheskikh priznakakh sotsial'no-gruppovykh dialektov i, v chastnosti, russkogo standartnogo iazyka. In E. D. Polivanov (Ed.), *Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu* (pp. 206–224). Nauka.
- Polivanov, E. D. (1968b). Faktory foneticheskoi évoliutsii iazyka kak trudovogo processa. In E. D. Polivanov (Ed.), *Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu* (pp. 57–74). Nauka.
- Potashenko, G. (2006). *Staroverie v Litve: Vtoraia polovina XVII – nachalo XIX vv.: Issledovaniia, dokumenty i materialy*. Aidai.
- Potebnia, A. A. (1905). *Iz zapisok po teorii slovesnosti*. Pravda.
- Puda-Blokesz, M. (2010). Frazeologizmy pochodzenia mitologicznego w języku polskim (zasób, stan i perspektywy opisu). In S. Bąba, K. Skibski, & M. Szczyszka (Eds.), *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej* (pp. 121–142). Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Radzik, A. (2000). *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej.
- Rak, M. (2006). Antropocentryzm gwarowej frazeologii zwierzęcej z Gór Świętokrzyskich i Podtatrza. *Język Polski*, 86(5), 36–375.
- Rak, M. (2007a). Frazeologia gwar Podtatrza w kontekście frazeologii słowackiej (z zagadnień frazeologii porównawczej). *LingVaria*, 1(3), 103–113.
- Rak, M. (2007b). *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza*. Księgarnia Akademicka.
- Rak, M. (2016). Czego nadal nie wiemy o frazeologii gwarowej? In M. Rak & K. Sikora (Eds.), *Słowiańska frazeologia gwarowa* (pp. 31–42). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788376387390>
- Rak, M. (2020). Frazematyka ludowa a badania z zakresu socjologii wsi (na materiale podhalańskim). *Naukovyi visnyk Uzhhorods'koho universytetu*, 2(44), 288–293. [https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.\(44\).288-293](https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.(44).288-293)
- Rak, M., & Mokienko, V. M. (2020). *Słowiańska frazeologia* (Vol. 2). Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788381382458>
- Rak, M., & Sikora, K. (2016). *Słowiańska frazeologia gwarowa*. Księgarnia Akademicka. <https://doi.org/10.12797/9788376387390>
- Riasanovsky, N., & Steinberg, M. (2009). *Historia Rosji*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

- Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 28 marca 1928 r. o stosunku Państwa do Wschodniego Kościoła Staroobrzędowego, nie posiadającego hierarchji duchownej* (Dz. U. Nr 38, poz. 363 z 1928 r.). (n.d.). gov.pl. Retrieved July 27, 2023, from <https://www.gov.pl/web/mswia/wykaz-kościolow-i-związkow-wyznaniowychdziałających-na-podstawie-odrebnych-ustaw>
- Rozumko, A. (2010). *Wielokulturowość krajów anglojęzycznych w przysłowiach i powiedzeniach*. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Rykała, A. (1999). Staroobrzędowcy w Polsce. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica*, 2, 39–52.
- Samoilova, IU. V. (2007). Leksikon russkogo ostrovnogo govora staroobriadtssev sela Nikolaevsk (shtat Aliaska, SShA). *Slovo. Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 5, 86–98.
- Shakhmatov, A. A. (1925). *Sintaksis russkogo iazyka: Vypusk pervyi. Uchenie o predlozhenii i slovosochetaniakh*. Akademiia nauk SSSR.
- Shanskiĭ, N. M. (1969). *Frazeologiiia sovremennogo russkogo iazyka*. Vysshiaia shkola.
- Shel'piakova, O. (2019). *Khavron'ia minizhirka: Basnia*. Stikhi.ru. Retrieved September 20, 2023, from <https://stikhi.ru/2019/08/03/1397>
- Sitariski, A. (2016). Paradygmat antropocentryczny jako kategoria lingwistyczna w badaniu obiektów językowych. *Studia Rossica Posnaniensia*, 41, 419–425. <https://doi.org/10.14746/strp.2016.41.38>
- Skorupka, S. (1965). Z zagadnień frazeologii porównawczej. *Prace Filologiczne*, 18(4), 119–130.
- Skorupka, S. (1988). Pojmowanie frazeologii w historii leksykografii polskiej. In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 4, pp. 7–14). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Smułkowa, E. (1988a/2002). O polsko-białoruskich związkach językowych w aspekcie czasowym i terytorialnym. In E. Smułkowa (Ed.), *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie* (pp. 293–305). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (1988b/2002). Zagadnienie polsko-białorusko-litewskiej interferencji językowej na ziemiach północno-wschodniej Polski. In E. Smułkowa (Ed.), *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie* (pp. 306–316). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (2000/2002). Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego? In E. Smułkowa (Ed.), *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie* (pp. 414–424). Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Snarski, K. (2015). Zespół śpiewaczy „Riabina” z Gabowych Grądów i jego wkład w zachowanie tradycyjnej kultury staroobrzędowców. In K. Dembska & M. Głuszkowski (Eds.), *Rosja w dialogu kultur* (Vol. 1, pp. 213–224). Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Snarski, K. (2017). Medaliony nagrobne na cmentarzach starowierskich na Suwalszczyźnie. In K. Dembska & D. Paśko-Konecniak (Eds.), *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami* (pp. 293–304). Wydawnictwo Naukowe UMK.

- Snarski, K. (2019). *Staroobrzędowcy: Historia, wiara, tradycja*. Wydawnictwo Paśny Buriat.
- Sologub, V. P. (1986). *Sotvori sebja*. Sovetskii pisatel'. Retrieved September 20, 2023, from <https://coollib.com/b/452110-vasilii-pavlovich-sologub-sotvori-sebja/read>
- Stowarzyszenie staroobrzędowców w Polsce – wykreślenie*. (n.d.). Rejestr.io. Retrieved April 5, 2024, <https://rejestr.io/krs/105822/stowarzyszenie-staroobrzędowcow-w-polsce>
- Straś, E. (2008). *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Sułkowska, M. (2015). Percepcja, rozumienie i przyswajanie związków frazeologicznych *Problemy Frazeologii Europejskiej*, 10, 49–65.
- Sułkowska, M. (2021). O międzyjęzykowej ekwiwalencji w kontekście frazeologii kontrastywnej i frazeotranslacji. *Prace Językoznawcze*, 23(4), 5–21. <https://doi.org/10.31648/pj.7030>
- Szerszunowicz, J. (2009). Quasi-ekwiwalenty związków frazeologicznych w teorii, frazeologii i translatoryce. *Białostockie Archiwum Językowe*, 9, 323–346.
- Tyrpa, A. (2019). Wariantywność frazematyki w gwarach polskich. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 14, 246–257. <https://doi.org/10.24917/20831765.14.20>
- Treder, J. (1988). Uwagi o chronologii zachodniosłowiańskiej frazeologii dialektalnej (na przykładzie kaszubskim). In M. Basaj & D. Rytel (Eds.), *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* (Vol. 4, pp. 125–136). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Vaïnrāikh, U. (1968/1972). Odnioiazychie i mnogoiazychie. In V.IU. Rozentsveïg (Ed.), *Novoe v lingvistike: Vypusk 6. Iazykovye kontakty* (pp. 25–60). Izdatel'stvo "Progress".
- Vinogradov, V. V. (1946/1977). Osnovnye poniatia russkoï frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Leksikologija i leksikografija: Izbrannye trudy* (pp. 118–139). Nauka.
- Vinogradov, V. V. (1947/1977). Ob osnovnyh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom iazyke. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Leksikologija i leksikografija: Izbrannye trudy* (pp. 140–161). Nauka.
- Vsem zlodeiam – sol' v glaza i pepel*. (2006, March, 20). Retrieved September 20, 2023, from <https://www.perm.kp.ru/daily/23682/238687/>
- Vurgaft S. G., & Ushakov, I. A. (1996). *Staroobriadchestvo: Litsa, predmety, sobytia i simvoly*: Opyt èntsiklopedicheskogo slovaria. Cerkov'.
- Walter, H., Komorowska, E., & Krzanowska, A. (2010). *Niemiecko-polski słownik frazeologii biblijnej z komentarzem historyczno-etymologicznym*. Volumina.
- Weinreich, U. (1953/1968). *Languages in contact: Findings and problems*. De Gruyter.
- Weinreich, U. (1969). Problems in the analysis of idioms. In J. Puhvel (Ed.), *Substance and structure of language* (pp. 23–81). De Gruyter. <https://doi.org/10.1525/9780520316218-003>
- Witkowski, W. (1992a). Najnowsze zapożyczenia rosyjskie z języka polskiego. In M. Basaj & Z. Zagórski (Eds.), *Munera linguistica Ladislao Kuraszkievicz dedicata* (pp. 365–368). Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

- Witkowski, W. (1992b). Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego. In B. Galster (Ed.), *Z polskich studiów slawistycznych* (pp. 263–270). Energeia.
- Wójtowicz, M. (2016). Zapożyczenia leksykalne z języka polskiego w gwarach pszkowskich i nowogrodzkich. *Studia Rossica Posnaniensia*, 41, 451–460. <https://doi.org/10.14746/strp.2016.41.41>
- Zagórski, Z. (1998). Gwara z punktu widzenia teoretycznego i praktycznego. In S. Gala (Ed.), *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii* (pp. 23–29). Łódzkie Towarzystwo Naukowe.
- Zaręba, A. (1961). Wpływy polszczyzny na słownictwo innych języków słowiańskich. *Język Polski*, 41, 1–19.
- Zavarina, A. A. (2019). *Latgal'skie starovery: Istoriko-étnograficheskie ocherki raznykh let*. Zinatne.
- Zdanczewicz, T. (1963). Gwary powiatu sejneńskiego na tle procesów osadniczych. Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej. In J. Antoniewicz (Ed.), *Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej* (pp. 231–266). Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Zdanczewicz, T. (1966). *Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnam*. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk Wydział Filologiczno-Filozoficzny.
- Zen'kovskii, S. A. (1995). *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia semnadsatogo veka*. Cerkov'.
- Zhukov, V. P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov*. Prosveshchenie.
- Zielińska, A. (1996). *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Ziółkowska, M. (2010). Epitafia na starowierskich nagrobkach w Polsce. In B. Kodzis & M. Giej (Eds.), *Słowianie Wschodni na emigracji: literatura – kultura – język* (pp. 481–488). Uniwersytet Opolski.
- Ziółkowska-Mówka, M. (2018). *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Pracownia Wydawnicza Eikon.

Dictionaries and corpora (Transliteration)

- Abramov, N. A. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [SR-SiSVyr]. Russkie slovari.
- Adalberg, S. (1889–1894). *Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Druk Emila Skińskiego.
- Aksamitow, A., & Czurak, M. (2000). *Słownik frazeologiczny białorusko-polski*. Instytut Slawistyki PAN (Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy).
- Avanesov, R. I. (1988). *Slovar' drevnerusskogo iazyka XI-XIV vv.* [SDIA]. Russkii iazyk.
- Bąba, S., Dziamka, G., & Liberek, J. (1995). *Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego* [PSFJP]. Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Baikoŭ, M., & Nekrashëvich, S. (1925). *Belaruska-raseïski sloŭnik* [BRS]. by.slovopedia.com/109/53402/920962.html
- Baradulin, R. I. (2013). *Vushatski slovazbor Ryhora Baradulina* [VsRB]. Kniharnia pis'menika.
- Belianin, V. P., & Butenko, I. A. (1994). *Zhivaia rech': Slovar' razgovornykh vyrazheniï* [SrazgVyr]. PAIMS.
- Bystrova, E. A., Okuneva, A. P., & Shanskii, N. M. (1997). *Uchebnyi frazeologicheskii slovar'* [UFS]. Prosveshchenie.
- Ciechanowicz, J., & Jakubowicz-Turbacz, K. (2009). *Niemiecko-polski słownik frazeologiczny* [NPSF]. Zespół Kolegiów Nauczycielskich.
- Czochralski, J., & Ludwig, K. (2004). *Słownik frazeologiczny niemiecko-polski* [SFNP]. Wiedza Powszechna.
- Dal', V. I. (1903–1911). *Tolkovyï slovar' zhivogo velikoruskago iazyka* (I. A. Boduën-de-Kurtenë, Ed.) [Dal' III]. Izdatel'stvo M. O. Vol'f.
- Dal', V. I. (1989). *Poslovitsy russkogo naroda* [PRN]. Hudozhestvennaia literatura.
- Dal', V. I. (2015). *Tolkovyï slovar' russkogo iazyka*. Ėksmo.
- de Vincenz, A., & Hentschel, G. (2010). *Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache*. <http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bisverlag/wdlp/46701.html>
- Dobry słownik języka polskiego*. Dobrysłownik. pl. <https://dobrysłownik.pl/slowo/bumaga/69276/>
- Efremova, T. F. (n.d.). *Tolkovyï slovar' russkogo iazyka Efremovoï* [TSĖF]. <https://www.efremova.info/>
- Es'kova, N. A. (2014). *Slovar' trudnostei russkogo iazyka: Udarenie: Grammaticheskie formy* [Strud]. Iazyki slavianskoï kul'tury.
- Fedorov, A. I. (1983). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [FSRGovSib]. Nauka: Sibirskoe otdelenie.
- Filin, F. P., & Sorokoletov, F. P. (1965–2007). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [SRNG]. <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/>
- Fiodorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [FSRLIA]. Astrel'.
- Grek-Pabisowa, I., & Maryniakowa, I. (1980). *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce* [SGS]. Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grimm, J., & Grimm, W. (1905). *Deutsches Wörterbuch* [DWGRIMM]. Hirzel.
- Klevtsova, A. V., Petrova, L. IA., & Strogova, V. P. (2010). *Novgorodskii oblastnoi slovar'*. Nauka.
- Korolëva, E. E. (2013). *Dialektnyi slovar' odnoi sem'i: Vol. 2. Pytalovskii rajon Pskovskoi oblasti* [DSOS]. DPU Izdevniecība "Saule".
- Korolëva, E. E. (2017). *Dialektnyi slovar' staroverov Latgalii* (Vol. 1 ((A-V). Institut Staroveriia Latvii.

- Kustova, G. I. (n.d.). *Slovar' rusскоj idiomatiki: Sochetaniia slov so znacheniem vysokoj stepeni* [SRIDIOM]. <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
- Kuz'mich, V. (2000). *Zhguchii glagol: Slovar' narodnoj frazeologii* [SnarFraz]. Zeliony vek.
- Larin, B. A., Lebedeva, A. I., & Lutovinova, I. S. (1967–2016). *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [POS]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Lepeshaŭ, I. IA. (2004). *Ėtymalagichny sloŭnik frazealagizmaŭ*. BelĖn.
- Lepeshaŭ, I. IA. (2014). *Ėtymalahichny sloŭnik prykazak* [Ėsprykazak]. Vysheŭshaia shkola.
- Mart'ianova, L. M. (2010). *20000 russkikh poslovits i pogovorok* [MarRPiP]. Centrpoligraf.
- Miatseľ'skaia, E. S., & Kamaroŭski, IA. M. (1972). *Sloŭnik belaruskaj narodnaj frazealohii* [SBNF]. BDU.
- Mikheľ'son, M. I. (1896–1912). *Ruskaia mysl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opyt ruskoj frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanij. Vols. 1–2. Khodiachie i metkie slova: Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazhenij i otdeľnykh slov* [Smikh]. Tipografia Akademii nauk.
- Mokienko, V. M. (2010). *Bol'shoj slovar' russkikh poslovits* [BSRPMok]. Olma Media Grupp.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [BSRP]. Olma Media Grupp.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2001). *Slovar' pskovskikh posloviys i pogovorok* [SP-PiP]. Izdatel'stvo Norint.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoj slovar' russkikh narodnykh sravnenij* [BSRNS]. Olma Media Grupp.
- Natsional'nyj korpus russkogo iazyka* [NKRIA]. (2003–2004). <http://www.ruscorpora.ru/new/>
- Nosovich, I. I. (1874). *Sbornik bėlorusskikh" poslovits" [SBP]. Imperatorskaia Akademiia Nauk.*
- Nowakowska, A. (Ed.) (2005). *Słownik frazeologiczny w ukladzie tematycznym i alfabetycznym* [SFNow]. Wydawnictwo "Europa".
- Ozhegov, S. I. (2016). *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka* [TSO]. Mir i obrazovanie.
- Palagina, V. V., & Zakharova, L. A. (2001). *Slovar' narodno-razgovornoj rechi g. Tomska XVII nachala XVIII veka* [SNRRTomsk]. Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Paśko-Konecniak, D. (2016). *Słownik zapoŹyżeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzėdowców z regionu suwalsko-augustowskiego*. Wydawnictwo Naukowe UMK.
- Pomey, F. A. (1777). *Novum Lexicon Manuale Latino-Germanicum Et Germanico-Latinum* [NLM]. Matthäus Rieger sel. Söhnen.
- Przymuszała, L. (2013). *Słownik frazeologizmów i typowych połążeń wyrazowych w gwarach śląskich* [SFGŚ]. Uniwersytet Opolski.
- Rusko-anglijskij slovar' poslovits i pogovorok* [RASPiP]. https://proverbs_ru_en.academic.ru/

- Sakalauskienė, V., & Vosylytė, K. (2004). *Zanavykų šnektos žodynas* [ZŠŽ]. Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Serov, V. V. (2003). *Ėntsiklopedicheskiĭ slovar' krylatykh slov i vyrazheniĭ* [ĖKSIV]. Lokid.
- Sharifullin, B. IA. (2007). *Istoriko-lingvisticheskiĭ slovar' trilogii A.M.Bondarenko "Gosudarstva voichina"* [ILST]. Izd-vo Sibirskogo federal'nogo un-ta.
- Shvedova N. IU. (1998–2007). *Russkiĭ semanticheskiĭ slovar'* (Vols. 1–4). [RSS]. Azbukovnik.
- Skorupka, S. (1967). *Słownik frazeologiczny języka polskiego* [SFJPSkor] (Vol. 1). Wiedza Powszechna.
- Skorupka, S. (1968). *Słownik frazeologiczny języka polskiego* [SFJPSkor] (Vol. 2). Wiedza Powszechna.
- Slovar' mnogikh vyrazheniĭ* [SMV]. (2014). https://all_words.academic.ru/
- Słownik Wileński*. (n.d.). Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego. <https://eswil.ijp.pan.pl/>
- Stankevich, IA. (1989). *Belorussko-russkiĭ (Velikolitovsko-russkiĭ) slovar'* [BRSStan]. Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation.
- Teliia, V. N. (2006). *Bol'shoĭ frazeologicheskiĭ slovar' russkogo iazyka* [BFSRIA]. AST-Press.
- Tikhonov, A. N., Lomov, A. G., & Lomova, L. A. (2008). *Frazeologicheskiĭ slovar' russkogo iazyka* [FSRIATikh]. Prosveshchenie/Drofa.
- Trishin, V. N. (2013). *Slovar' sinonimov* [Ssin]. rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm
- Ushakova, O. D. (2016). *Poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniia* [PpiKV]. Litera.
- Uvarov, N. V. (2009). *Ėntsiklopediia narodnoĭ mudrosti* [ĖNM]. Infra-Inzheneriia.
- Valodzina, T. V., & Salaveĭ, L. M. (2011). *Sloŭnik belaruskikh narodnyh paraŭnanniaŭ* [SB-NPar]. Belarускаia navuka.
- Volkova, T. (2000). *Universal'nyi frazeologicheskiĭ slovar' russkogo iazyka* [FSRIA]. Veche.
- Volodina, T. V., & Mokienko, V. M. (2018). *Russko-belorusskiĭ slovar' sravneniĭ* [RBSS]. Belarускаia navuka.
- Wielki słownik języka polskiego* [WSJP]. (n. d.). <https://wsjp.pl>
- Witkowski, W. (2006). *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Universitas.
- “Zdrobnienia”. (n.d.). In H. Karaś. *Leksykon terminów i pojęć dialektologicznych*. Retrieved January 20, 2020, from <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php>

Tom 155 serii „Prace Slawistyczne. Slavica”

Frazeologia rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce

Autorka tomu:

dr Magdalena Grupa-Dolińska
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń, Polska
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3285-1451>
e-mail: mgdolinska@umk.pl

Autorka deklaruje brak konfliktu interesów.

Abstrakt

Celem książki jest analiza wielojęzycznego materiału frazeologicznego odnotowanego w mowie staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Głównie zadanie, jakie sobie postawiła autorka, to ustalenie możliwego pochodzenia poszczególnych jednostek frazeologicznych, tj. wskazanie, z którego języka zostały z największym prawdopodobieństwem zaczerpnięte: rosyjskiego, polskiego, białoruskiego, niemieckiego czy litewskiego. Zgromadzone jednostki zostały również przeanalizowane pod kątem ich semantyki i struktury. Wyniki badań wskazują, że gwara staroobrzędowców, mimo obecności elementów obcych, zachowała stosunkowo bogaty zasób rodzimej frazeologii rosyjskiej, choć jednostki te funkcjonują głównie w mowie przedstawicieli starszego pokolenia. Analiza zmian, jakie zachodzą w ostatnich latach, pozwala wnioskować, że język polski stopniowo zastępuje rosyjską gwarę praktycznie w każdej sferze komunikacji (dotyczy to zwłaszcza zasobów leksykalnych i frazeologicznych).

Słowa kluczowe: staroobrzędowcy w Polsce; frazeologia; gwara rosyjska; frazeologiczna kalka; frazeologiczna półkalka

Volume 156 of the series *Prace Slawistyczne. Slavica*
[Monographs in Slavic Studies. Slavica]

Phraseology of the Russian Dialect of the Old Believers Living in Poland

Author of the volume:

Dr Magdalena Grupa-Dolińska
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń, Polska
[Nicolaus Copernicus University in Toruń, Toruń, Poland]
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3285-1451>
Correspondence: mgdolinska@umk.pl

Competing interests: The author declares that she has no competing interests.

Abstract

The aim of this book is to analyse the multilingual phraseological material recorded in the speech of the Old Believers living in Poland. The main task set by the author is to determine the possible origin of individual phraseological units, i.e. to identify which language the units were most likely taken from: Russian, Polish, Belarusian, German or Lithuanian. The units recorded were also analysed in terms of their semantics and structure. The results of the study indicate that the dialect of the Old Believers, despite the presence of foreign elements, has preserved a relatively rich stock of native Russian phraseology, but the units in question function mainly in the speech of representatives of the older generation. An analysis of the changes that have been taking place in recent years makes it possible to conclude that the Polish language is gradually replacing the Russian dialect in practically every sphere of communication (this applies particularly to lexical and phraseological resources).

Keywords: Old Believers in Poland; phraseology; Russian dialect; phraseological calque; phraseological half-calque

156 том серии «Prace Slawistyczne. Slavica»
[Труды по славяноведению. Slavica]

Фразеология русского говора старообрядцев в Польше

Автор тома:

Д-р Магдалена Група-Долиньская
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń, Polska
[Университет Николая Коперника, Торунь, Польша]
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3285-1451>
Электронная почта: mgdolinska@umk.pl

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Резюме

Целью монографии является анализ разноязычного фразеологического материала, зафиксированного в речи старообрядцев, проживающих в Польше. Основная задача, которую ставит перед собой автор – определить вероятное происхождение отдельных фразеологических единиц, т.е. проверить, из какого языка они, скорее всего, были заимствованы: русского, польского, белорусского, немецкого или литовского. Собранные единицы были также проанализированы с точки зрения их семантики и структуры. Согласно результатам анализа в говоре старообрядцев, несмотря на присутствие иноязычных элементов, сохранился относительно богатый запас исконно русской фразеологии, но функционирует он в основном в речи представителей старшего поколения. Анализ изменений, происходящих в последние годы, позволяет констатировать, что польский язык постепенно вытесняет русский говор практически во всех сферах общения (особенно это касается лексических и фразеологических ресурсов).

Ключевые слова: старообрядцы в Польше; фразеология; русский говор; фразеологическая калька; фразеологическая полукалька